Васильева О. Ю. Кнышевский П. Н.

КРАСНЫЕ конкистадоры

МОСКВА
«СОРАТНИК»
1994

ББК 63.3(2)71
В 19

Издание выпущено в свет при содействии Церковного филиала Коммерческого банка «Петровский» и Церковного благотворительного фонда г. Санкт-Петербурга.

В $\frac{0503020000}{6Т8(03) — 94}$ Без объявл.

© Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н., 1994 г.

ISBN 5-87883-008-6

К ЧИТАТЕЛЮ

Неразгаданные тайны истории всегда порождают самые невероятные домыслы и легенды и всегда привлекают романтикой поиска истины. Истина же оказывается подчас более прозаичной, чем легенда, или наоборот — поразительнее и страшнее, чем самый дерзкий и кошмарный вымысел. И если вы наслышаны о загадочной судьбе императорских сокровищ, золотой российской казны, исторических реликвий, художественных и культурных ценностей Отечества, то на страницах книги вам предстоит новое знакомство с разноликой истиной, поскольку она соткана без каких-то прикрас и без всякой пощады на подлинных документальных материалах из разряда бывших государственных тайн и запретных тем. На фоне последних исторических версий многие факты из нашего повествования без прозаичной и в некоторой степени известной канвы событий могли бы составить захватывающий ряд сенсационных сообщений и неожиданных открытий, в том числе в биографиях известных имен. Такой подход был бы менее трудоемким и, пожалуй, более эффектным. Однако в работе над книгой мы выбрали другой путь — путь кропотливого и объемного архивного поиска, сбора осколков достоверных свидетельств и соединения всего многоцветья исследования в единую документальную историческую картину, а не показа ее избранных фрагментов. Ибо свою задачу видели не в возбуждении эмоциональных чувств у читателя, а в совместном с ним целостном осмыслении трагической судьбы национального достояния России и в выявлении подводных течений угрюм-реки нашей истории за первые два десятилетия Советской власти. Насколько удалось задуманное — судить читателю.

И еще. Когда мозаичный материал книги был собран воедино, то нам он показался удивительно схожим по сюжету и внутрен-

ней идее с событиями многовековой давности. Невольно пришли на память деяния «великого инквизитора» папы римского Иоанна XXII, отправившего на костер более десяти тысяч неугодных еретиков и конфисковавшего у них почти 50 миллионов золотых флоринов. Вспомнились и походы лихих испанских конкистадоров Альварадо, Кортеса и Писарро, нещадно переплавлявших сокровища инков и ацтеков в безликие слитки «желтого дьявола» и выжигавших огнем и мечом культуру американской цивилизации.

От рук алчных авантюристов гибли лучшие представители индейских наций и их государственные деятели. За коварным пленением Кортесом императора ацтеков Монтесумы и его загадочным убийством последовало не менее коварное пленение Писарро Великого Инки Атауальпу. Обманутый, он был приговорен марионеточным судом конкистадоров к сожжению на костре и лишь принудительное согласие наследника престола принять христианскую веру смягчило наказание: огонь заменили на виселицу. Смерть Атауальпы повергла в хаос империю инков, а покоривший ее Писарро стал обладателем сказочных богатств. Спустя столетия нечто похожее произошло в России, когда новые авантюристы, «красные конкистадоры» в жертву идее «мировой революции» принесли царскую семью, миллионы своих сограждан и национальное достояние великого государства. И вот тогда в название книги был положен замысел отображения исторической преемственности. Насколько прочны связи с прошлым — тоже судить читателю.

Авторы выражают сердечную признательность за помощь в работе над книгой бескорыстным сотрудникам архивов, библиотек, коллекционерам и большим искренним друзьям — историку Евгению Петровичу Васикову и Елене Витальевне Симоновой.

ВЕЛИКАЯ

РЕКВИЗИЦИЯ

*...Как известно, одним из наиболее громких и горячо принятых к сердцу лозунгов нашей самобытной революции явился лозунг: «Грабь награбленное!» Грабят — изумительно, артистически; нет сомнения, что об этом процессе самоограбления Руси история будет рассказывать с величайшим пафосом. Грабят и продают церкви, военные музеи, — продают пушки и винтовки, разворовывают интендантские запасы, — грабят дворцы бывших великих князей, расхищают все, что можно расхитить, продается все, что можно продать...**

А. М. Горький

НАШЕСТВИЕ

6 января 1925 года, в канун православного Рождества (по новому стилю), в числе прочих известий из Советской России, но далеко не ради пустого злословия, берлинская газета «Дни» сообщила следующее:

«В предместье Вологды, в железнодорожной слободке, в доме Майзель, где помещался раньше отдел транспортной чеки**, новыми вселенными квартирантами в одном из подвалов обнаружен ящик с золотыми вещами и драгоценными камнями, вывезенными из петербургских дворцов и Эрмитажа. Стоимость найденного определяется в два миллиона рублей. На ящике имеется надпись, что последний препровождается в распоряжение Пластининой (помощницы Кедрова)[1]***.

Почти загадочное на первый взгляд сообщение газеты не вызвало в среде русских эмигрантов даже легкого удивления. Всякого рода новости о «великой реквизиции» в голодные для России годы, когда в закрома новой власти ссыпались сотни пудов обезличенного художественного серебра, золота и бриллиантов, были не в диковинку. Время от времени появлялись на страницах печати и пикантные подробности о торговых сделках большевиков.

Там, на западе, в стороне от фантастических прожектов и въедливых кумачовых лозунгов, экономические потуги советского правительства оценивались трезво и расчетливо. Никто из купцов не называл убогость экономического и культурного мышления революционных вождей «вынужденным партийным компромиссом». Никто не строил из себя благодетеля, откровенно пользуясь этой

---

* Цит. по: Горький М. Несвоевременные мысли. М., «Советский писатель», 1990, с. 170.

** Так в тексте, имеется в виду ЧК.

*** Примечания, обозначенные цифрой, см. в конце книги.

убогостью. Однако сделки партнеров протекали чинно, без взаимного ущемления интересов и чувства «классового» достоинства. Одни с маниакальным упорством крепили диктатуру власти и мечтали о мировой революции, другие с упоением множили собственное состояние.

Широкий размах торгового предприятия для эмиграции был очевиден. На ее глазах известные ювелирные и антикварные магазины Европы день ото дня полнились отечественными сокровищами, правда, без указания поставщиков и бывших владельцев, как неким экзотическим колониальным товаром. Тем не менее причастность к поставкам Внешторга легко распознавалась по тщательно подогнанной комплектности изделий и сортировке партий с учетом художественной классификации.

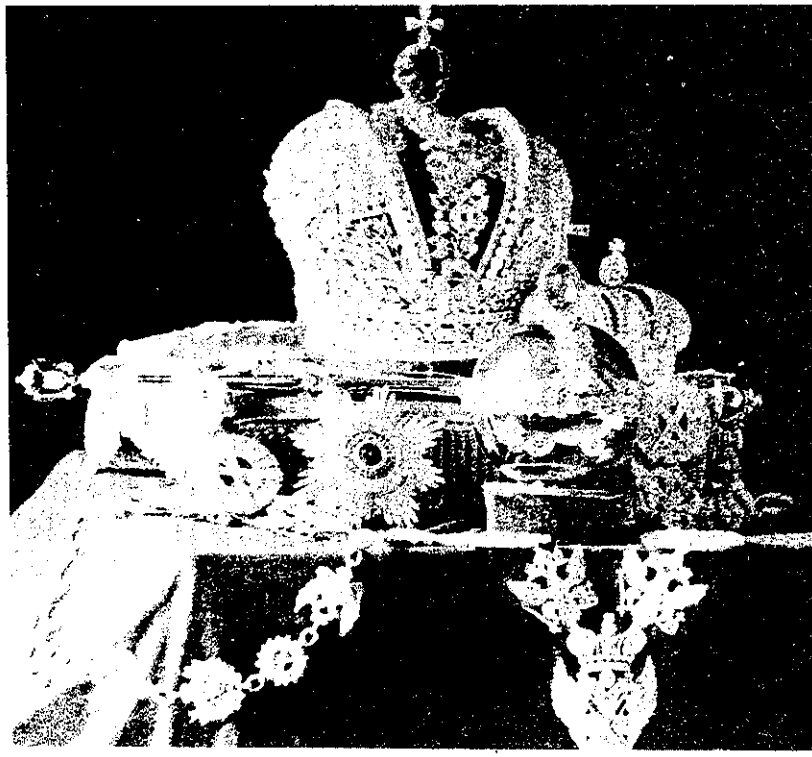
Без сомнения для эмигрантов, и вологодский «клад» недоброй памяти чекистов ждали западные прилавки, что также не исключало возможности безымянной встречи с ним. Негодуя про себя, беженцы из России посещали ювелирные и антикварные магазины лишь в случаях крайней нужды. В день перед Рождеством многие из них, продав тем же купцам кое-что из фамильных вещиц, спешили к праздничному столу, под трепетные огни свечей и лампад, чтобы рюмкой-другой водки вприкуску с воспоминаниями о добром былом согреть свои затравленные души.

В России в 1925 году если кто и справлял Рождество, то утайкой, при плотно зашторенных окнах и надежно запертых дверях. На улицах, площадях, в рабочих клубах и школах бушевали представления кружковцев из Общества друзей газеты «Безбожник»[2], более напоминавшие языческие оргии или фанатические припадки инквизиторов, чем радостный карнавал свободной от предрассудков совести и новой культуры. Во тьме собственного невежества и в ожидании лучезарного фейерверка «лампочек Ильича» крушилось все, что по большевистским меркам так или иначе имело отношение к узам мракобесия и самодержавия.

Не придавая значения «издержкам» революционного процесса, Советская Россия то и дело корчила гримасы культурного благополучия всему цивилизованному миру.

В 1924 году, к изумлению столичной и заграничной публики, в Колонном зале Дома союзов выставили драгоценности бывшей императорской фамилии. Конечно, лишь малую толику от «ликвидированного», но, как ни есть, глядите — целы.

В том же году для доказательства преемственности лучших традиций в советской науке в Петрограде был отпразднован 200-летний юбилей Российской Академии наук. И все бы ничего, но в жертву помпезности была принесена ломоносовская «Полтавская баталия» — подлинный шедевр отечественного мозаичного искусства. Расколов на девять частей, мозаику перенесли в вестибюль здания Академии наук, там и смонтировали. Следом провели «реставрацию»:



Государственные императорские регалии. Зимний дворец. Санкт-Петербург. Открытка. Фотограф К. Фишер. До 1903 г. Издание общества св. Евгении. Из коллекции Г. Н. Глезера.

густо зияющие пустоты кое-где «подновили» осыпавшейся смальтой, а остальное замазали гипсом и закрасили.

Торжества, по мнению устроителей, удались на славу, но вскоре возмущенные почитатели творчества Ломоносова потребовали созвать комиссию и провести экспертизу картины. После ее осмотра и изучения заведующий мозаичной мастерской Академии художеств, действительный член оной, художник и реставратор А. Т. Федотов заключил следующее:

«Полтавская баталия» искажена до неузнаваемости. Пропала группа второго плана, другие группы неправильно реставрированы, лицам, вновь набранным, придано бессмысленное выражение»*.

Увы, послесловие к содеянному осталось всего лишь констатацией факта — первозданность мозаики была безвозвратно утеряна. Тогда над этим особо не задумывались, и любые потери из наследия прошлого организаторами Великого переустройства переживались с легкостью и жарким убеждением, что победа мировой революции

* «Возрождение». Париж, № 375, 23 апреля 1926 г.

окупит все сторицей. И верили им. Да и как не верить, если в руках настоящий серебряный рубль с чеканным на аверсе восходящим солнцем будущего. Не ведали, что рубль тот украден из общей копилки того самого будущего. Будущего детей, внуков, правнуков...

Не знали граждане Республики и того, что было ведомо их соотечественникам на чужбине.

Когда и как началось это невиданное самоограбление российского достояния? Есть ли в этой трагической истории грешники, и, если есть, то кто они? Есть ли в ней святые? Во имя чего совершалось это чудовищное государственное преступление, определение которому не найти ни в одном уголовном кодексе, ибо здравому гражданину и здравой власти никогда и в голову не придет срывать и продавать торжественные покровы матери-родины?

Долгие десятилетия тема нашего разговора была под запретом. Да и кто еще совсем недавно мог усомниться в непревзойденности уровня советской культуры, богатстве и научной «селекции» ее наследия; предположить, что сегодняшний, в действительности скудный, урожай культурных достижений чудом взошел на выхолощенной варварством почве. Но пришла пора раскрыть и эту страницу истории Отечества. Принимать ее можно по-разному: и как уроки прошлого с зеркальным отображением эпизодов нынешнего бытия, и как причинную связь с современным нравственным кризисом, и просто как горькую и неприглядную повесть. Может быть, кто-то из читателей упрекнет авторов в некоторой пристрастности изложения — впервые переживаемое, пожалуй, всегда излишне эмоционально, — но рассказ о событиях будет строго документален.

* * *

Без сомнения, любая ломка привычных жизненных устоев в государстве вызывает социальное беспокойство и экономическую неуверенность. Поэтому неудивительно, что после известных событий в феврале семнадцатого года многие представители имущего сословия старались понадежнее схоронить хотя бы какую-то часть своего состояния, но вполне доступным и законным путем. В заграничных банках резко подскочили счета российских вкладчиков и увеличился приток всевозможных ценностей из Петрограда, Москвы, Киева и других крупных экономических и культурных центров бывшей империи. Менее осторожные собственники не гнушались услугами и отечественных банков. Их сейфы также стали пополняться фамильными драгоценностями и коллекциями различных художественных изделий. Впрочем, поначалу радетели старины, страстные собиратели произведений искусства и владельцы родового исторически и культурно значимого движимого и недвижимого имущества не проявляли чрезмерного беспокойства. Уже в марте 1917 года защиту интересов этой группы лиц и охрану всего нацио-

Рекламная открытка Первой Всероссийской выставки монастырских работ и церковной утвари. Художник К. Изенберг. Начало XX века. Из коллекции Г. Н. Глезера.

нального достояния государства взял на себя Совет по делам искусств при комиссаре Временного правительства над бывшим министерством двора[3]. Программа его работы и законоположения охранной деятельности были разработаны с участием известных подвижников искусствоведения А. Н. Бенуа[4] и И. Э. Грабаря[5]. При Петроградском и Московском Советах действовали образованные местной властью Художественно-просветительные комиссии[6], а также всевозможные общественные организации, вроде Союза деятелей московских художественных хранилищ[7]. Повсеместно владельцам исторически и художественно ценного имущества выдавались охранные грамоты.

С началом и в ходе политической лихорадки все также продолжали действовать Общество любителей духовного просвещения[8] с Церковно-археологическим отделом[9], Русское историческое общество[10], Комиссия по изучению старой Москвы[11], петроградский «Мир искусства»[12] и многие другие профессиональные объединения, первейшей задачей которых являлось сбережение культурного достояния, его научное изучение и духовное просвещение. Именно в этот период особенно активно шла реставрация в Московском Кремле под наблюдением знатока старины А. И. Успенского[13].

Поэтому всякие досужие рассуждения сторонников «гуманного социализма» о том, что, начиная с февральской революции, в России развернулось стихийное движение по ликвидации различных памятников или символов самодержавия и крепостничества, которое было официально поддержано новой властью, совершенно беспочвенны.

Другое дело, что по мере углубления социально-политического кризиса на теле Республики стали чаще проступать нравственные язвы — явление само по себе закономерное и не требующее толкования. Всего хватало — начиная от грязного блуда и заканчивая отпетым разбоем. Но если говорить по совести, то преобладали в этой многоликой скверне воровство и святотатство, свойственные любой русской смуте.

От отчаянности и озлобленности грабили и богохульничали порой дерзко и вызывающе, невзирая на социальные статусы выбранных жертв: будь то торговая лавка, усадьба, памятник, храм или святые мощи, как, например, в случае в Успенском соборе Московского Кремля. По рассказу протопресвитера[14] Н. А. Любимова, в одну из октябрьских суббот во время малой вечерни двое неизвестных, одетых в солдатские шинели, бесцеремонно стали срывать покровы с золоченой раки святителя Ермогена[15]. С криком: «Безумцы, остановитесь!», священнослужители бросились к ним и силой оттащили от святых мощей нечестивцев, по догадкам, «может быть, в не совсем трезвом виде, но твердо стоявших на ногах»*.

Не будем судить о степени трезвости означенных безумцев, но заметим, что к середине октября романтический аромат свободы

* По материалам ЦГАОР, ф. Р-3431, оп. 1, д. 615, л. 4.

ОБЩЕСТВО
ЗАЩИТЫ И СОХРАНЕНІЯ ВЪ РОССІИ ПАМЯТНИКОВЪ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

Общество Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины, начиная свою дѣятельность, считаетъ долгомъ обратиться къ Вашему просвѣщенному содѣйствію.

Цѣль нашего общества: препятствовать разрушенію, поддерживать и способствовать сохраненію въ Россіи всѣхъ памятниковъ, имѣющихъ художественную или историческую цѣнность, независимо отъ эпохи созданія ихъ. Архитектурныя постройки, памятники кладбищъ, картины, бронза, фарфоръ, скульптура, гравюры, предметы художественной промышленности — все это, составляющее культурное достояніе Россіи, подлежитъ сохраненію и защитѣ. Съ этой цѣлью Общество имѣетъ въ виду самую широкую пропаганду для развитія въ массахъ уваженія и любви къ предметамъ старины и искусства. Обществомъ будутъ издаваться брошюры и художественныя изданія, читаться лекціи и устраиваться выставки. Въ случаѣ, если какимъ либо памятникамъ искусства и старины грозитъ гибель, Общество будетъ вступаться въ защиту ихъ, какъ ходатайствомъ передъ соотвѣтственными вѣдомствами и учрежденіями, такъ и путемъ воззваній къ публикѣ въ газетахъ и журналахъ.

Наконецъ, общество займется регистраціей памятниковъ и художественныхъ собраній, находящихся въ Россіи.

Въ виду вышеизложеннаго, Общество Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины, желая объединенія со всѣми лицами, работающими на этомъ поприщѣ, надѣется, что Вы не откажете въ своемъ содѣйствіи и нравственной поддержкѣ. Если Вамъ угодно будетъ примкнуть къ дѣятельности Общества, то благоволите за всѣми справками обращаться къ секретарю барону Николаю Николаевичу Врангелю, С.-Петербургъ, Бассейная, 27. Членскій взносъ 5 рублей въ годъ.

СОВѢТЪ ОБЩЕСТВА:

Предсѣдатель: *Его ИМПЕРАТОРСКОЕ Высочество Великій Князь НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.*

Товарищи Предсѣдателя: *Александръ Н. Бенуа* и *Е. Н. Волковъ.*

Секретарь: *Баронъ Н. Н. Врангель.*

Казначей: *Кн. С. В. Оболенскій.*

Члены Совѣта: *П. П. Веннеръ, В. А. Верещагинъ, В. А. Волкова, С. К. Маковскій, А. Ф. Милютина, А. В. Муравьевъ, Гр. В. В. Мусина-Пушкина, Кн. О. А. Оболенская, Кн. А. В. Оболенскій, Н. А. Фоминъ, А. В. Щусевъ.*

Обращение совета Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины к деятелям культуры и искусства.

был уже достаточно пронизан смрадом винокурен и иные «классовые выступления» походили на обыкновенные пьяные куражи. Буйные головы, ослепленные замешенной на дурмане и агитации ненавистью, пытались разыскать своих мнимых или явных обидчиков, а не найдя таковых, прикладывали руки к «вроде бы похожим». Уйти от возмездия за содеянное, даже не прибегая к классовому «алиби», зачастую не составляло особого труда, ибо в азарте политической междуусобицы и власть имущим, и претендентам на власть заботиться по-настоящему о гражданском благоденствии было недосуг. Ну а если кого удавалось схватить за руку на месте преступления, то судили и карали «со всей строгостью революционных законов».

Не избежали такой участи и осквернители святых мощей Ермогена, на что протопресвитер Любимов, доставивший виновников к блюстителям «революционного» порядка, с искренним сожалением заключил:

«С христианской точки зрения мы можем только сказать: «Отче, отпусти им, не видят бо, что творят!»*

Не знал, не думал великодушный пастырь, что евангельские слова его отзовутся вскоре тысячекратным эхом по всей России, что поклонение святым мученикам и праведникам по указке властей отнесут к нетерпимым пережиткам самодержавно-буржуазного прошлого. Ну а тогда, до объявления «войны дворцам», пороки нравственности пока еще носили, если так можно назвать, неофициальный, частный характер. Обыватель же или, как принято говорить, основная масса народа переживала все тяготы и лишения новоявленного бытия с присущей ей терпеливостью. Потоки горожан в поисках пропитания растекались по близлежащим деревням. Жизнь в городах бурлила в основном на «толкучках» и рынках. Везде и всюду властвовал всемогущий товарообмен.

Своеобразным барометром экономического благополучия населения был Александровский рынок[16] в Петрограде. В начале революционных событий туда, как и прежде, сносили нехитрый хозяйский товар, но дальше — чем туже затягивались пояса, тем больше появлялось торговцев ненужным мелочным хламом и продавцов великолепного антиквариата и всевозможных драгоценностей — своих или краденых, сказать трудно. Последнее было явным признаком грядущего всеобщего обнищания и сулило темным дельцам скорую легкую добычу. Словно воронье в ожидании свежатины, полетели в стольные российские города западные мастаки «культурного» бизнеса. По этому случаю надо отдать должное известному писателю Максиму Горькому. Обладая завидным природным чутьем, «буревестник революции» нашел в себе смелость громогласно высказать на страницах им же выпестованной «Новой жизни» очередное пророчество:

«На страницах «Нового Времени»[17] печатается объявление о

* По материалам ЦГАОР, ф. Р-3431, оп. 1, д. 615, л. 4.

том, что анонимное американское общество ассигновало 20 миллионов долларов для скупки в России старинных художественных вещей из золота и серебра, а также картин, бронзы, фарфора и вообще предметов искусства.

20 миллионов долларов — это, кажется, более 75 миллионов рублей; как видите, дело поставлено «по-американски» широко. Организаторы этого начинания, видимо, учли смысл таких явлений, как разгром ворами дворца герцога Лейхтенбергского[18], возможность погромов крестьянством старинных дворянских усадеб и все прочее в этом духе.

Учли они также и общую некультурность всех слоев населения страны, общую всем нам низкую оценку значения искусства, и дешевизну русских денег, и всю силу тех трагических условий, в которых мы живем.

Лавина американских денег, несомненно, вызовет великие соблазны не только у темных людей Александровского рынка, но и у людей более грамотных, более культурных. Не будет ничего удивительного в том, если разные авантюристы сорганизуют шайки воров специально для разгрома частных и государственных коллекций художественных предметов...

Американское предприятие — его, конечно, поведут с американской энергией — это предприятие грозит нашей стране великим опустошением, оно выкосит из России массу прекрасных вещей, историческая и художественная ценность которых выше всяких миллионов.

Оно вызовет к жизни темный инстинкт жадности, и, возможно, мы будем свидетелями историй, перед которыми потускнеет фантастическая история похищения из Лувра бессмертной картины Леонардо да Винчи[19]»*.

Но не будем предвосхищать события и петь оды провидческому дару писателя, потому как присутствие столь крупного персонажа на страницах книги далеко не случайно. Увы, в той самой «шайке воров» суждено будет волею судьбы оказаться и Горькому. И упаси Бог судить о творчестве писателя, как и о творчестве других величин, имеющих касательство к теме нашего разговора. Все, о чем будет сказано несколько позже, относится лишь к их гражданским позициям.

Да, беда пришла. Залп «Авроры», известивший о «войне дворцам», дал полную волю разнузданным страстям. Что называется, «низы уже не могли».

Первый день Советской власти, которым так долго гордились большевики, на деле был омрачен неслыханным ограблением Зимнего дворца. Сумму разграбленного и уничтоженного имущества оценивали по-разному. «Воля народа»[20], например, назвала 500 миллионов рублей. Возможно, это преувеличение. Большевики, как

---

* Цит. по: Горький М. Американские миллионы // «Новая жизнь» № 43, 8 июня 1917 г.

ни выкручивались, но тоже признали факт разграбления дворцового имущества, правда, всего лишь на сумму в 50 тысяч золотых рублей, да и то с отнесением доли греха на счет батальонов охраны Временного правительства. Но вот парадокс: как в считанные дни возможно вообще было определить ущерб, если описи дворца содержали миллионы наименований, а для их сличения требовался не один месяц, а может быть, и год. Более того, как ни странно, в течение нескольких дней Зимний дворец оставался открытым для свободных посещений, и все так же вольготно было в нем несунам. За свидетельствами далеко ходить не надо, обратимся к другому известному писателю и журналисту, очевидцу событий американцу Джону Риду. В своих знаменитых «Десяти днях, которые потрясли мир» он ометил следующее:

«...Те, кому на протяжении последних нескольких дней разрешалось беспрепятственно бродить по его (Зимнего дворца. — *Авт.*) комнатам, крали и уносили с собою столовое серебро, часы, постельные принадлежности, зеркала, фарфоровые вазы и камни средней величины»*.

Неудивительно, что влюбленный в «красный» Октябрь Джон Рид общую сумму расхищенного имущества также «определяет» в 50 тысяч рублей. И далее утверждает, что «около половины пропавших вещей удалось разыскать, причем кое-что было обнаружено в багаже иностранцев, уезжавших из России». Очевидно, все эти сведения почерпнуты из вполне определенных газет и бесед с народными комиссарами нового правительства. Документальных свидетельств расследования, как и самого расследования по фактам ограбления Зимнего дворца, не было и нет. Однако дыма без огня не бывает. Художественно-историческое и прочее имущество Зимнего дворца было расхищено, и расхищено по вине его новых «хозяев». Настоящая сумма ущерба за «давностью лет» и по особым, но вполне понятным соображениям не установлена. Но этого мало. Остановимся еще на двух положениях из книги американского писателя. В одном из них он сообщает, что «Эрмитаж и все прочие картинные галереи были эвакуированы в Москву» из Петрограда в сентябре и октябре, то есть до переворота. Тогда позволительно спросить, почему проявили столь трогательную заботу большевики из Военно-революционного комитета накануне штурма Зимнего дворца, направив для охраны Эрмитажа вооруженный отряд под командованием М. А. Дмитриева[21], и почему князь И. Д. Ратиев[22], чьи симпатии были явно не на стороне большевиков, с покорной любезностью впустил отряд в Эрмитаж?

И следующее. Джон Рид пишет:

«Важнейшие произведения искусства, хранившиеся во дворце, — картины, статуи, ковры и гобелены, редкий фарфор, старинное

---

* Здесь и ниже цит. по: Рид Джон. Десять дней, которые потрясли мир. Библиотека всемирной литературы. М., «Художественная литература», 1968, с. 279, 548, 549.

оружие — были вывезены в Москву еще в сентябре месяце, и через десять дней после занятия Кремля большевиками я лично видел их там, в подвале Большого Кремлевского дворца. Могу засвидетельствовать, что все это было в полном порядке и сохранности...»

В самом деле Джон Рид посетил подвалы Кремлевского дворца, имея на то соответствующие мандаты народных комиссаров. И вправду, подвалы оказались заполненными целехонькими сокровищами из Зимнего дворца. Однако относительно «поставщиков» из двора Его Величества следует кое-что уточнить и пояснить.

Итак, в последних числах октября семнадцатого года (здесь и далее все даты по старому стилю) по решению нового правительства была создана особая комиссия по охране музеев и художественных ценностей с привлечением ряда специалистов. Уже 1 ноября комиссия выпустила два обращения за подписями Г. Ятманова[23] и Б. Мандельбаума[24]. Первое — к гражданам Петрограда:

«Мы убедительно просим всех граждан приложить все усилия к разысканию по возможности всех предметов, похищенных из Зимнего дворца в ночь с 25 на 26 октября, и к возвращению их коменданту Зимнего дворца.

Скупщики краденых вещей, а также антиквари, у которых будут найдены похищенные предметы, будут привлечены к законной ответственности и понесут строгое наказание».

И второе — ко всем полковым и флотским комитетам:

«В ночь с 25 на 26 октября из Зимнего дворца, представляющего собою неотъемлемое достояние русского народа, был похищен ряд ценных предметов искусства.

Настойчиво призываем всех приложить все усилия к возвращению похищенных вещей в Зимний дворец».

Воззвания вышли, но имущество дворца так и продолжали попрежнему расхищать. И только в конце дня 3 ноября А. В. Луначарский[25] соизволил подписать приказ с объявлением Зимнего дворца «закрытым для всякого рода частных посещений впредь до окончания работ художественно-исторической комиссии, занятой описью и приемкой находящихся во дворце предметов»*. Заметим, в этот день Московский Кремль был взят большевиками. На события в Кремле Луначарский также отреагировал, но весьма лукаво:

«Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве.

Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется...

Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилен. Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя. Вот почему я выхожу в отставку из Совета Народных Комиссаров. Я сознаю всю тяжесть этого решения. Но я не могу больше»**.

---

* Цит. по: Жуков Ю. Н. Сохраненные революцией. М., 1985, с. 41.

** Там же, с. 42.

Заявление наркома шумно распространили все петроградские газеты, однако «отставной» козырь, столь модный и у нынешних политиков, оказался дешевым фарсом. В тот же день заявление об отставке Луначарский забрал обратно. И, видимо, был доволен тем, что выполнил двуединую задачу: умиротворил общественность болезненным радением за национальное (читай — народное) достояние и дал понять, что главные сокровища столицы уже (или давно) находятся в Москве.

Тем временем художественно-историческая комиссия по-настоящему и спешно заработала в Зимнем и пригородных дворцах. Здесь заметим, Временное правительство в самом деле летом 1917 года не на шутку было обеспокоено угрозой немецких войск Петрограду и распорядилось о подготовке к эвакуации из города промышленного оборудования и наиболее ценного имущества, в том числе произведений искусства и исторических реликвий (это ли не доказательство заботы «временных» об их судьбе?). В первую очередь готовили к вывозу дворцовые и музейные атрибуты. Что-то к осени действительно сумели доставить в Москву, но большей частью подготовленный груз так и остался в ящиках по месту принадлежности. Тем самым Временное правительство невольно оказало большевикам услугу. Комиссиям комиссаров оставалось только старательно перепроверить наличие наиболее ценных художественных предметов, кое-что доупаковать и партиями вывозить на Николаевский вокзал. Оттуда — в Москву, в «освобожденный» Кремль. Вагон за вагоном.

Одновременно с предметами искусства и старины по частям вывозилось золото, серебро и ценные бумаги российской государственной казны. Вместе с ними — банковское золото Румынии[26]. И все — туда же, в Москву. Руководил операцией по сосредоточению ценностей и прочего хозяйского имущества из дворцов Петрограда в Кремле П. П. Малиновский[27], по характеристике сослуживцев, человек железной хватки, наделенный кипучей энергией и пролетарским чутьем, несмотря на свое происхождение.

Стараниями Малиновского, его начальства и коллег в Петрограде к середине ноября в Кремлевском дворце и окрест собралось достаточно много всевозможного императорского и великокняжеского имущества. На этот счет есть один любопытный документ, отправленный из Петрограда в Москву 11 декабря 1917 года на имя Полномочного комиссара ведомства дворцов и музеев Республики по городу Москве и округе*:

«Во время эвакуации вместе с художественными предметами и вещами из драгоценных металлов, как нам известно, было вывезено

---

* Здесь и далее все тексты архивных документов приводятся с сохранением их стилистики, а в иных случаях и порядка оформления по подлиннику. Редкое исключение составляют документы с частичной утратой текста, который по смыслу восстановлен авторами или опущен (дается оговорка), что существенно не влияет на общее и принципиальное содержание документального источника и не снижает его археографическую ценность. Все даты, в том числе и исполнения документов, до 31 декабря 1917 года приводятся по старому стилю, а с 1 января 1918 года — по новому.

в Москву из Зимнего Дворца большое количество хозяйственной утвари.

Зимний Дворец, по нашему предписанию, снабдил столовую Учредительного Собрания[28] кухонной и столовой посудой, но при этом выяснилось, что мельхиоровые приборы (вилки, ножи, ложки) вывезены в Москву.

Покорнейше прошу Вас, товарищ Малиновский, распорядиться о разыскании этих предметов и выдавать их счетом под расписку Уполномоченному Комиссара при Учредительном Собрании тов. Твердышеву.

Народный Комиссар А. В. Луначарский»*.

Не то чтобы угодить «учредиловке» посудой с императорскими вензелями и клеймами старался Анатолий Васильевич, скорее для того, чтобы избежать излишних пересудов о масштабах «эвакуации» и подозрительности со стороны пока еще уважаемых политических мужей.

Петроградским имуществом оказались забиты не только подвалы Кремлевского дворца, но и его покои. Повсюду высились груды дорогостоящей коллекционной мебели, некогда строго подобранной под определенные залы и комнаты Зимнего дворца и Эрмитажа. Наиболее ценную художественно-историческую мебель вначале разместят в Детской половине и Фрейлинском коридоре, в последующем, когда оба помещения займут правительственные учреждения, часть этой мебели, как и другой, менее ценной, разнесут по кабинетам и квартирам народных комиссаров и их многочисленной челяди, другая часть канет в неизвестности**.

В целом первый этап изъятия и вывоза ценностей из Петрограда был проведен с поразительной мошеннической ловкостью. Так что, если теперь иной почитатель искусства и старины, попадя в Эрмитаж, не найдет предмета своего воздыхания, ответ будет прост: извините, его-то как раз и украли, или: он пока в Москве, но в целости и сохранности, так сказать, в надежном месте. А подвалы в Кремле широкой публике не показывались. Джон Рид был одним из немногих, кому посчастливилось увидеть несметную груду сокровищ из «запасников» Совета Народных Комиссаров. Да и то неспроста. Правительство желало не только «потрясти мир», но и успокоить его. Джон Рид оказался как нельзя кстати, и комиссары не скрывали своих намерений. Так, в пропуске журналиста, выданном комиссаром Главного Управления домов заключения за № 213 от 6 ноября, говорилось, что он допускается «во все места заключения гг. Петрограда и Кронштадта для общего ознакомления с положением заключенных и широкого общественного осведомления в целях прекращения газетной травли против демократии»***. Показы-

---

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 5.

** См. материалы ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 11, лл. 61—69.

*** Рид Джон. Указ. соч., с. 398.

вать в то время, конечно, умели, и не хуже, чем в нынешние времена. Джон Рид, естественно, постарался.

Вполне оправданно возникает вопрос: откуда у советского правительства столь жгучий интерес к сокровищам и зачем понадобилась их «эвакуация» из Петрограда в Москву? Ответ одновременно и прост, и сложен. Исходя из конечных заключений, все упиралось в перенос столицы. Многочисленные документальные свидетельства однозначно говорят о том, что его замысел был разработан большевиками загодя, возможно, еще до штурма Зимнего, и исходил в первую очередь из политических и экономических соображений, суть которых будет понятна читателю из последующего повествования. Сюда же, но не в числе первых, следует отнести соображения военные. Однако именно они оказались для правительства наиболее удобным мотивом переезда. Для весомости обоснования своего стратегического решения В. И. Ленин показным образом попросил «совета» у бывшего генштаба генерала М. Д. Бонч-Бруевича[29]. Тот, разумеется, оценил выбор по достоинству. Но наивно полагать, что переезд правительства был осуществлен одним только куцым поездом. Планируя перенос резиденции, помимо прочего, народные комиссары не хотели и не могли расстаться с «национальным достоянием» — дорогостоящими сокровищами дворцов, всевозможной ценной утварью, имуществом и банковским благородным металлом. Ибо все это, кроме частного благоустройства правительственного кабинета, давало реальные деньги. А деньги, бесспорно, это власть, которую руководство РКП(б) стремилось удержать и закрепить во что бы то ни стало. Вопрос финансового обеспечения революционных замыслов был главным в манипуляции правительства с сосредоточением и рассредоточением «залежей» петроградских ценностей.

Другая задача «эвакуации» состояла в погашении блеска великолепия столицы бывшей империи, придании ее дворцам, особнякам, музеям и державным учреждениям «народной» простоты и доступности, так сказать, для полноты ощущения всевластия пролетариата и никчемности свергнутых имущих «душегубов». Словом, «переодеть» город и его окрестности так, чтобы не давил памятью о былом могуществе дома Романовых, российского дворянства и капитала.

Империю и временных — в тартарары, туда же и их столицу!

В свою очередь, за счет петроградских «излишеств» предполагалось поднять на недосягаемую высоту культурный престиж будущей лучезарной столицы пролетарского государства. Обязывал к этому и долг вынужденной реабилитации за ноябрьские события в Москве.

Как известно, осуществить захват власти, скажем по-ленински, в «сердце России» большевикам сразу не удалось. В течение двухдневных боев войска Комитета общественной безопасности оставили позиции на Пресне и в Замоскворечье, Провиантские склады и почтамт, но не сдались. В руках юнкеров оставались десятка полтора зданий в центре города и Кремль. Для подавления «осиного гнезда

контрреволюции» 30 октября ударила артиллерия Военно-революционного комитета. Ее последние снаряды легли в Кремле только утром 3 ноября, уже после принятия юнкерами перемирия накануне вечером.

После затишья перед глазами напуганных москвичей предстали обезглавленная Беклемишевская башня и изуродованные Никольские ворота Кремля, израненный купол храма Василия Блаженного и побитые Никитские ворота, вывернутые наизнанку здания Суда, Городской Думы, Малого театра...

В самом Кремле зияли пробоинами стены Чудова монастыря и собора Двенадцати Апостолов. Серьезные повреждения имели Архангельский и Рождественский соборы, Малый Николаевский дворец и главный барабан Большого Успенского собора. Разграбленным оказался Николаевский собор. В ужасающем виде предстала Патриаршая ризница[30]. Драгоценные поручи, митры, шитые золотом и серебром церковные облачения и священная утварь были выброшены из хранилищ и втоптаны в дворовую грязь. Часть уникального старинного имущества ризницы была похищена. И всюду следы крови. Об этом жителям Москвы стало известно по сообщениям Братства охранения святынь Кремля[31], так как лицезреть следы погрома дозволено было не каждому. 4 ноября у наглухо закрытых кремлевских ворот выставили караулы, и на вход в Кремль требовалось особое разрешение Военно-революционного комитета, а для успокоения возмущенного народа в тот же день газета «Известия» опубликовала правительственное заключение:

«Любители старины очень боялись за Кремль, который пришлось подвергнуть форменной бомбардировке из орудий всякого калибра. Можем их успокоить: Кремль в целом как исторический памятник сохранился. Ни одно здание, имеющее археологическую ценность, не разрушено до основания или хотя бы частью. ...Повреждения кажутся чисто внешними».

Но как ни изворачивались власти, а правда в народ просачивалась, будоражила умы и вызывала гнев честнейших людей России. Один из них — художник Мстислав Добужинский[32] выплеснул боль переживаний и мысли о грядущем в статье «Расстрелянное искусство»:

«...Наши внуки, — если они еще и не увидят «небо в алмазах», быть может, будут счастливы иметь возможность более спокойно и широко мыслить, — проклянут или благословят наше время, осудят или простят нашу слепоту и бессилие; и как отнесутся они к тому, что в дни революции мог произойти и мог быть допущен тот ужасающий факт, что во время политической борьбы за власть и во имя утверждения насилием «социальной» программы одной партии поднялась жестокая рука на пощаженный столетиями мировой памятник искусства и национальной истории — Кремль...

В далекие эпохи и варваров удерживал иногда от разрушения воздвигнутого человеческим трудом некий бессознательный мистический страх перед величием и красотой созданного, удерживал и

страх Бога (недаром преступник искал спасения в храмах). Людей же, живущих в культуре, должно останавливать одно уважение к истории и искусству. И вот когда нет стихии и не видно блага, которое оправдало хотя бы равноценностью своей то, что принесено в жертву, — берет ужас от страшного предостережения перед будущим, которое грозит встать перед нами»*.

Статья Добужинского увидела свет 21 ноября 1917 года, день знаменательный для русского народа интронизацией патриарха Московского и всея России святейшего Тихона[33]. Волей-неволей городской совдеп дал разрешение на проведение торжеств в Большом Успенском соборе. Разумели, откажи в вековом месте святого таинства — не миновать бунта верующих, а их — почти вся Москва. Вот тогда и увидел народ страшные раны Кремля. Но большевики успокаивали: «В Питере знают. Питер поможет». И вправду, возможно, помогут, а иначе зачем столько стражи в Кремле? Не зря так строго уцелевшее берегут. Выправят, обновят, разыщут краденое, и повалят в Кремль, как прежде, паломники.

И Питер «помогал». С утра до ночи сновали по городу грузовики и тянулись вереницы подвод с вооруженной охраной. От особняков в бывшие соляные и скобяные склады, от полковых музеев и казарм к Кронверку, от дворца к дворцу, от ведомственных церквей к банку и Эрмитажу, от складов и банка на Николаевский вокзал... Туда-сюда. Национализация. Конфискация. Реквизиция.

Очищение Петрограда осуществлялось последовательно и по-хозяйски, без лишней суеты и сутяжничества. Слово — дело. Печать на дверь, печать на сейф... Учет. Дележ. Вывоз. Внакладе никто не был: ни трудовые коммуны, ни детские колонии, ни заграничные дельцы, ни Совнарком.

В первые месяцы Советской власти особые правительственные заказы выполнялись с наименьшей гласностью и даже конспиративно. Дележом и отправкой спецгрузов в Петрограде руководили нарком имуществ Республики В. А. Карелин[34] и комиссар Ю. Флаксерман[35], конечный распорядитель — тот же Малиновский, к тому времени комиссар Московского дворцового управления. В конце февраля, после принятия Советом Народных Комиссаров воззвания «Социалистическое Отечество в опасности!»[36], «эвакуация» ценностей в Москву и другие укромные места Республики приняла открытый характер.

В первых числах марта восемнадцатого года Малиновский получил по Бодо[37] последние указания из Петрограда**:

«У аппарата Флаксерман. Здравствуйте. Содействие фирме Асса[38] мною оказано. Военному ведомству послана бумага. Подвойский[39], наверное, разрешит вывезти. Инженер Линду у меня был. Вы распорядились продавать экипажи и все имущество бывшей придворной конюшенной части. В Москву было эвакуировано много

---

* «Русские ведомости», 21 ноября 1917 г., № 255, с. 7.

** К сожалению, архивная запись плохо сохранилась и дается выборочно.

ценных музейных экипажей. Нас волнует этот вопрос. Прошу приостановить всякую продажу экипажей. Они могут оказаться нужными. В Москве будем около 10-го числа. [...] Ценности из Петрограда эвакуируются вместе с государственным банком. Из [Петрограда], по всей вероятности, будем вместе. [...] Отдать в приказе об упразднении должностей начальника Московского дворцового управления, его помощника и уволить их от службы. Дайте знать, с какого числа. Живут ли в Кремле Новиков и секретарь Лященко[40]? Если живут, выселите. Дайте ответ. Приготовьте помещение для ведомства[41] и, кроме меня и Луначарского, для Карелина. [...] Относительно приготовления ценностей согласен[42]. Чем энергичнее, тем лучше. Мы свои [ценности][43] [готовим к отправке] в Нижний [Новгород]. Есть ли какие-нибудь вопросы?

Сколько Вы получили из 400 тысяч, ассигнованных на ремонт Кремля[44]? Читали ли Вы постановление духовенства[45]? Духовенство дворцовое упраздняется. Охрана церквей[46] как художественных ценностей возлагается на комиссаров. Нет ли у Вас каких-нибудь вопросов? Помещение для меня, Луначарского и ведомства приготовьте. Не забудьте, пожалуйства, и Карелина. Есть ли вопросы? Если вопросов нет, я ухожу. До свидания. Деньги привезу сам»*.

Начальство Малиновский понимал с полуслова, а потому не было у него вопросов к Флаксерману. Все ясно, как божий день. И нам ясно, что часть дворцового имущества не залеживалась и время от времени товарищ Малиновский занимался реализацией «товара» через иностранные фирмы, ибо ему нужны были деньги, но это только робкие цветочки пролетарского предпринимательства.

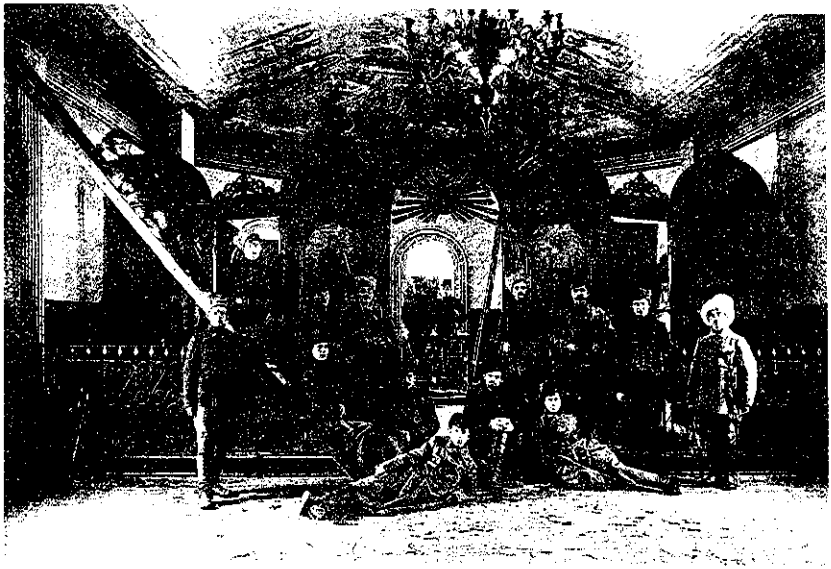
Относительно приготовления правительственных кабинетов тоже ясно, Малиновский и другие ответственные товарищи постарались. Не только изгнали из Кремля неугодных бывших дворцовых служащих и дворцовое духовенство, но и выбросили из Чудова и Вознесенского монастырей монахов. Несколько позже, ввиду «правительственных нужд и потребностей трудовых классов», уже стараниями ВЧК и Наркомюста погонят насельников и насельниц и из Богоявленского, Сретенского, Скорбященского, Заиконоспасского и других монастырей.

Но вот, как будто обнадеживающе, в распоряжениях комиссара упоминаются ассигнования на ремонт Кремля. Однако не будем упреждать события. Это отдельный сказ в нашем повествовании.

После смены резиденции Советского правительства отток всевозможных ценностей и имущества из Петрограда не прекратился. Наоборот, по распоряжениям центра, мотивирующего то «целесообразностью концентрации», то военной угрозой, «эвакуация» набирала силу. Везли из Петрограда все, что нужно было на потребу затей Совнаркома и для устройства новой столицы. От царского гардероба до старинных литых пушек. По свидетельству бывшего

---

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, лл. 59, 60.



Бойцы запасной кавалерийской дивизии 7-й армии переоборудуют церковь под клуб. Местечко Поровичи, 1918 г. ЦГА КФФД Санкт-Петербурга.

члена художественно-исторической комиссии Г. К. Лукомского[47] из личного императорского имущества весной 1918 года в Александровском дворце осталось только несколько ящиков с подарками эмира Бухарского, хана Хивинского и разных депутаций, по словам ценителя, «неописуемые предметы безвкусия»*.

И еще об одном. По тем же политическим соображениям не всякие художественные и исторические ценности, вывезенные из Петрограда, имели право на дальнейшую жизнь. Так, когда-то и кому-то из комиссаров, эсеров ли, или большевиков — ведь до поры до времени те и другие любовно сотрудничали — пришло в голову вывозить из столицы военные музеи. Начали с Артиллерийского, откуда в числе прочих экспонатов эвакуировали свыше полусотни ящиков со старыми русскими и трофейными знаменами. Несмотря на последующие слезные просьбы военных историков к наркомам вернуть экспонаты на места свои, заказной груз странным образом застрял в Ярославле, где и было, помимо других потерь, сожжено более полутора тысяч музейных знамен** во время офицерского мятежа[48]. Наверняка злоумышленно и наверняка большевиками, потому как и представить невозможно лютую ненависть к боевым реликвиям русской армии русских же офицеров.

---

* Лукомский Г. К. Художник и революция. Записки художественного деятеля. 1917—1922. Берлин, 1923, с. 49.

** По материалам: ЦГВИА, ф. 16180, оп. 1, д. 292, л. 3.

В отношении материально ценных вещей их новые хозяева были более предусмотрительны. Например, в Череповцах Новгородской губернии, где волею судьбы оказался музей бывшего гвардейского Литовского полка, «тамошний Совдеп задумал перелить все музейные предметы из драгоценных металлов в слитки»*.

Правда, сокровища военного происхождения доставались большевикам не так-то просто. В передаче петроградским властям своих музеев наотрез отказали Николаевское кавалерийское училище, рота дворцовых гренадеров и Офицерская кавалерийская школа, а в Измайловском и Кексгольмском полках «группы пьяных и озверелых солдат, не желая оставить музейные ценности полков (кстати, очень обширные), угрожали самосудом и расправой**. Так что уполномоченным приходилось изрядно потеть, увещевая армейскую братию и размахивая не только мандатами, но и револьверами, а в иной раз и кое-чем посерьезнее. Был у этого действа и обратный эффект. В августе 1918 года, после шести месяцев изнурительной работы в петроградском гарнизоне, комиссар по организации перенесения полковых музеев В. Е. Гущик[49] жаловался начальству, что «неоднократно имели место случаи, когда подстрекаемые контрреволюционными элементами отдельные группы солдат пытались захватить в свои руки музейные ценности с целью дележа и продажи его»***, и что «подстрекательством злонамеренных лиц отдельные банды солдат предались грабежу полковых имуществ и в своем неудержимом хаотическом порыве частью уничтожали, частью делили его, не останавливаясь и перед историческими реликвиями полков»****. Да и как тому не быть, если вчера объявленное властью народной собственностью сегодня представителями той же власти насильственно отбирается?

Мы намеренно не упоминаем здесь о самостийных налетах многочисленных представителей «трудового класса» и уголовных элементов на петроградские, да и по всей России, особняки, склады и всякого рода бывшие госучреждения — явлении после ноября семнадцатого года довольно распространенном. С помощью прокламаций и горланов-агитаторов синдром всеобщего хозяйничества охватил даже окопы. По воспоминаниям военного врача Эскадры воздушных кораблей К. Н. Финне, в начале 1918 года на Западном фронте «пулемет можно было купить за 25 рублей, а батарею с орудиями, зарядными ящиками, лошадьми рублей за 800, не проданное имущество бросалось, и не только немцы, но и поляки и румыны сделали на этом русском имуществе хорошие дела»*****.

Известных фактов повального грабежа достаточно, хотя приправлены они зачастую «красным» соусом. Но что говорить, если

---

* АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 91.

** АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 55, л. 21.

*** АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 3, л. 237.

**** АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, д. 55, л. 21.

***** Финне К. Н. Русские воздушные богатыри И. И. Сикорского. Белград, 1929, с. 133.

само руководство совдепов не всегда удерживалось от соблазнов. Стоило, например, председателю Моссовета Л. Б. Каменеву вступить в должность, как руки его потянулись к дворцовому имуществу. О привязанности к роскоши Льва Борисовича и его жены Ольги Давыдовны тоже сказ особый, а пока, справедливости ради, отметим, что поначалу злоупотреблениям Каменева пытался помешать Малиновский. Правда, вступить в открытое единоборство с предсовета главный страж Московского Кремля не решился и доложил о самоуправстве (читай, воровстве) в Петроград Флаксерману. Тот, понимая, куда дует ветер, резюмировал: «Относительно Каменева нужны подробные материалы. Не имею никаких юридических данных в руках, чтобы привлечь его к суду, хотя, кажется прямо, хищение дворцового имущества налицо»*. Знал, добыть «юридические данные» Малиновский не сумеет и не посмеет.

Выходило так, что и член ВЦИК, и беглый солдат в помыслах и делах выступали на равных, как по писанному на революционных лозунгах.

Масштабность нравственного кризиса ничуть не пугала партийно-государственное руководство, и смотрело оно на все спустя рукава, как на естественные издержки революционного переустройства и неизбежное проявление классового антагонизма. Теоретически оправданно, а добра хватит. Пусть подержат, будто собственное. Главное, чтобы массы прониклись сознанием: всякая эспроприация — процесс закономерный и справедливый; важно, чтобы всякая национализация, конфискация и реквизиция обрели «народный» характер и стали близки сердцам трудящихся. Если мужику тащить дозволено и он тащит сколько сможет, то Советской власти сам бог велел распоряжаться всем достоянием Республики по своему разумению, ведь не для себя старается — соберет, сохранит, наделит всех поровну. А коли так, то этой власти и карты в руки.

«БУБНЫ» — КОЗЫРИ

Прежде чем приступить к разгадыванию замысловатого расклада большевистского пасьянса вокруг национального достояния, оговоримся. Всякая власть, какой бы она ни была, в силу понятных обстоятельств вынуждена заботиться о своей репутации. Не секрет, что к числу обязательных государственных приличий относят законность правления или правление по законам, а для придания правлению большей справедливости и, стало быть, для вызова симпатии и уважения к нему всякое правительство должно стараться как можно чаще отдавать законодательную инициативу «вниз» либо обладать чуткой общественной прозорливостью и в любом случае соизмерять свою деятельность с конституционными положениями или государственными интересами народа. Советская власть не ста-

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 60.

ла утруждать себя долгосрочными утомительными процедурами и изначально утверждала свою «законную» деятельность через принятие собственных законов, исходя, конечно, якобы из той самой прозорливости. За год с небольшим правительственный кабинет комиссаров окружил себя дремучим лесом декретов, постановлений, распоряжений и циркуляров на все случаи жизни. Технология «лесоводства» не отличалась особой сложностью. На первых порах из сдобренной лозунгами почвы прорастал скороспелый шумный декрет, убаюкивающий обывателя полупустыми подачками, а затем от него отпочковывались нужные только власти колкие дополнения и распоряжения к нему, или наоборот — первыми высаживались умиляющие поросли частных постановлений и циркуляров, и уж потом на глазах у изумленной публики, раздвигая робкие побеги, прорастал чуть похожий на них декрет-крепыш. Пока народ рядил-судачил, глядишь, власти дело сделали, бумажную листву опушили и новую высадку затевают. Но декреты и постановления были, так сказать, всего лишь вершками политической игры, а ее главный расклад незаметно петлял в тенистом подножии. За долгие годы этот иезуитски вычурный рисунок изрядно истерся и вдобавок густо порос бурьяном политической пропаганды. Однако, возвращаясь к теме повествования, мы все-таки попытаемся отыскать уцелевшие архивные зерна-метки и восстановить его хотя бы частично.

Даже беглое изучение декретов и постановлений первых лет Советской власти позволяет сказать, что линии судьбы культурного достояния России вначале расходились по двум направлениям — государственно-идеологическому и монопольного сосредоточения, а дальше соединялись и шли в одном — материального использования на благо решения партийно-правительственных задач. Первое направление было наиболее сложным по начертанию и требовало определенной искусности от проходчиков и проводников. Оно не только создавало иллюзию прозорливости комиссаров, способствовало престижу власти и оправдывало ее действия, но и являлось своеобразной тактикой внутренней политической борьбы. С него и начнем.

Уже 26 октября 1917 года, на второй день переворота, декретом II Всероссийского съезда Советов было утверждено создание Народного комиссариата просвещения Республики. Ему и вменялось общее руководство образованием, культурным строительством, охраной и использованием исторического наследия. Вроде бы честь по чести. Но, учитывая особые виды правительства на последнее, с подбором полнокровного аппарата Наркомпроса не спешили. И только 9 ноября ВЦИК и СНК удосужились подписать декрет о созыве Государственной комиссии по просвещению во главе с Луначарским, который был возведен в ранг наркома на II съезде Советов. С этого дня начался длительный подбор надежных кадров для комиссариата. Однако к тому времени под крылом Луначарского уже вовсю суетились клюнувшие на приманку большевиков и руководимые комиссарами Ятмановым и Мандельбаумом упомянутые выше

художественно-исторические комиссии Зимнего дворца, Гатчины и Царского Села[50]. Оценив первую добычу и прикинув масштаб возможного предпринимательства, Совнарком удвоил энергию. Декретом от 9 декабря 1917 года создается еще один ведомственный орган с похожими функциями — Наркомат государственных имуществ. Чтобы устранить недоразумение в определении кто есть кто и отвести подозрение в посягательстве на художественно-историческое достояние нового аппарата, оба наркома — Луначарский и Карелин — подписывают и публикуют совместное постановление. Дословно: «Имея в виду неразрывную связь, соединяющую учреждения ведомства народного просвещения и бывшего мин[истерст]ва двора, а ныне ведомства имуществ Республики [как, например, театры, музеи, Академия художеств, исторические дворцы], лишь в силу исторических условий не относящиеся к ведом[ству] просвещения, — Народные Комиссары этих ведомств, с ведома и согласия Совета Народных Комиссаров, постановили управлять всеми смежными учреждениями по соглашению»*.

В чем же заключалось это соглашение? По газетному заявлению Наркомимуществ в том, что «все дела, связанные с вопросами, имеющими художественное или историческое значение, не могут решаться без согласования с решениями художественной комиссии»** из Наркомпроса. Действительно, на первый взгляд такое разделение и взаимосвязь функций охраны и использования культурных ценностей между разными правительственными учреждениями как будто повышало гарантии наиболее полного сбережения национальных сокровищ. Но на деле художественные комиссии были лишены возможности осуществлять контроль за их использованием и представляли собой всего лишь консультативные органы по оценке историко-художественного наследия. Попросту, видит око, да зуб неймет. Распределением — что в закрома власти, а что на нужды образования, воспитания и социального обеспечения — ведал Наркомат имуществ. Луначарский оказался в роли покладистого исполнителя и помощника. И так на протяжении семи месяцев, до тех пор, пока не окреп институт «красных просветителей», а отдельные операции Наркомата имуществ не стали откровенно вызывающими. Однако нельзя представлять деятельность последнего чересчур упрощенно. Ведь, кроме государственных комиссий, существовали многочисленные общества подлинных попечителей российского историко-художественного наследия. Не замечать их или противостоять им не имело смысла. Наоборот, для обоих комиссариатов было важным как можно больше привлечь к сотрудничеству деятелей культуры и искусства и подчинить их своим интересам. Дело тонкое, и решилось оно не вдруг, хотя знатоки истории советской культуры утверждают, что, как только возникла мысль о переезде правительства в Москву, Луначарский направил к Грабарю Ятманова и уполномо-

* «Известия ВЦИК», 17 декабря 1917 г.
** «Известия ВЦИК», 23 декабря 1917 г.

ченного Наркомимуществ Кюммеля с предложением организовать Музейный отдел в Москве, и далее все пошло как по маслу. Внесем поправки.

Упомянутые погромы в Кремле и на улицах Москвы вызвали вполне естественное возмущение многих представителей творческой интеллигенции. Не колеблясь, служители московских музеев, художники, искусствоведы и архивисты провели экстренное собрание, где было решено взять под общественную охрану историко-художественное достояние города и всеми силами противостоять любому варварству в области культуры независимо от политических целей и задач противоборствующих сторон. Участники собрания постановили создать Объединенный комитет по охране собраний и памятников искусства и старины, организовав для правления его Бюро[51].

Не дремала и новая власть. В ответ на действия московской общественности и для умиротворения возмущенной публики по указанию Совнаркома Военно-революционный комитет Москвы создает собственный орган по охране памятников старины и искусства под водительством комиссара художника-футуриста К. С. Малевича[52], действующего вкупе с Малиновским. Официальный пост Малевич принял 12 ноября 1917 года. Выбор власти на модного в революционной среде художника пал не случайно. В творческих кругах Малевич был скандально известен еще с 1915 года после нашумевшей выставки «Ноль-десять». Тогда новоявленный искатель искусства будущего определил свое творческое кредо следующим: «Мы... собираемся все свести к нулю... Сами же после перейдем за нуль»*. Непонятно? Немного терпения.

В том же ноябре один из восторженных поклонников «космического миропонимания» Малевича молодой художник-фантаст П. Фатеев разжевал суть идей супрематиста в стиле уличных событий и духе большевизма: «Зарождается Новая Религия в тех же недрах, которые явятся синтезом всех знаний и чувств Нового человека в Новом мире, начало созидания которого положила Великая Русская Революция и которое продолжит и завершит Революция Мировая»**. Малевич оказался для большевиков своим. Конечно, властям больше импонировало не столько само творчество художника, сколько его творческая философия. Назначением Малевича комиссаром по охране памятников старины и искусства был брошен первый идеологический камень в столп старой художественной мысли России. Впрочем, нельзя отрицать выполнение Малевичем прямых комиссарских обязанностей. Были выезды и в имение Каштановых близ Серпухова, и в подмосковные Остафьево, Михайловское и особняк Шереметевых на Воздвиженке, организация их охраны, вывоз ценностей из музея в Поречье... Но это не больше, чем сопутствующие

---

* Малевич К. С. Письмо к М. В. Матюшину от 29 мая 1915 г. — Цит. по: «Российский ежегодник». М., «Советская Россия», 1990, вып. 2, с. 200.

** Фатеев П. П. О супрематизме К. Малевича. — Цит. по: «Российский ежегодник». М., «Советская Россия», 1990, вып. 2, с. 195.

детали деятельности правительственного комиссара. Главным для властей было его идеологическое использование. В 1921 году, войдя во вкус революционного преобразования российской культуры, в своей работе «К вопросу изобразительного искусства» — менее искусствоведческой и философской, чем политической, — Малевич провозгласит: «Церковь должна быть немедленно закрыта как частная торговля... Нужно разбить семью, ибо всякий, родившийся в коммунистическом обществе, уже принадлежит обществу и его воспитанию. Таким образом мы придем к беспредметному миру, очищенному от всякой старой формы, и выйдем к супрематии новой формы предметного мира. ...Да здравствуют красные вожди современной жизни и красное творчество искусств нового».

Кто сказал, что «Черный квадрат» Малевича не был признан Советами? Был, да еще как! По ходу строительства моста в «светлое будущее» духовный мир былой России разверзнется черным «нулевым» квадратом общей погребальной ямы. Затравленные. Расстрелянные. Изгои. Это ли не признание футуристами от политики собрата от творчества?!

А что же ревнители культурного достояния? Неужели не видели, не помышляли, откуда идет беда? Видели. Знали. И поначалу думали, что произошло какое-то недоразумение или чудовищная ошибка в подборе государственных кадров на такое ответственное для Республики дело. Да и зачем плодить параллельные охранительные органы, ведь крупнейшие специалисты уже сорганизованы?

10 января 1918 года по инициативе Грабаря Бюро Объединенного Комитета по охране собраний и памятников искусства и старины направило в президиум Московского совдепа альтернативное предложение. Причем не просто так, а в ответ на «приглашение» комиссии Малевича — Малиновского к сотрудничеству, глубоко продумав его возможные перспективы. Учитывая историческую уникальность письма, приведем его полностью:

«После перехода власти в руки рабоче-крестьянского правительства в ноябре 1917 года образовались почти одновременно в Москве две организации, поставившие своей ближайшей задачей охрану собраний и памятников искусства и старины. Это была Комиссия по охране памятников и художественных сокровищ при С. Р. и С. Д., с одной стороны, и Объединенный Комитет по охране собраний и памятников искусства и старины — с другой. В последний вошли все профессиональные художественные Союзы г. Москвы, ученые Общества, музеи, архивы и иные хранилища художественных ценностей, поставившие в учредительном собрании своем организовать демократический научно-художественный аполитический коллектив (здесь и ниже разрядка наша. — *Авт.*) для защиты предметов науки и искусства от возможных покушений на их целость со стороны некультурных элементов.

Дабы работа двух упомянутых организаций шла наиболее успешно, с первых же дней возникновения их были ведены переговоры между Бюро Объединенного Комитета и Комиссией по охране па-

мятников и художественных сокровищ при С. Р. и С. Д. Во время этих переговоров, на заседании 6 декабря, Комиссия предложила Объединенному Комитету создать на паритетных началах третий исполнительный орган, но непременным условием его существования постановила председательствование на нем одного из Комиссаров из дворцового ведомства[53]. Последнее требование, как явно недемократическое, не могло быть принято Объединенным Комитетом, о чем последний и довел до сведения Комиссии. Но, не желая вызвать нарекания со стороны организованной демократии за возможные неблагоприятные последствия для дела охраны, Объединенный Комитет, стремясь всемирно содействовать охране памятников искусства в России, обратился с референдумом ко всем входящим в состав его учреждениям и организациям по вопросу о возможности подчинения таковой комиссии не выбранному из ее среды, а назначенному председателю и желательности создания паритетной комиссии. Ныне полученные ответы на референдуме, отражающие мнение всей художественной Москвы, подавляющим большинством высказываются за допустимость паритетности, но вместе с тем настаивают на выборности председателя, как непременного следствия образования исполнительной комиссии по демократическому принципу, при соблюдении коего только и может продуктивно развиваться работа комиссии.

Доводя вышеизложенное до сведения Президиума М. С. Р. С. и К. Д. и желая вместе с тем всемерно использовать свой научно-художественный авторитет в деле охраны памятников искусства и старины, Объединенный Комитет просит дать ему в ближайший срок ответ, согласен ли Президиум на образование комиссии по охране памятников искусства и старины на предлагаемых Объединенным Комитетом условиях, которые отражают мнение всей демократически организованной Москвы, и если да, то какое количество представителей он считает желательным избрать с той и другой стороны для участия в работе названной комиссии»*.

Обоснованно, интеллигентно, выдержанно, уважительно. И без единого намека на лидерство — к чему? А что же президиум совдепа? О чем речь, «революционная ситуация», а тут вдруг какая-то аполитичность. Нет, нет и нет.

Однако отдадим должное большевистской настойчивости. Кивая на Питер — там согласились, и все вроде бы нормально, ложными компромиссами, посулами и заверениями комиссарам все же удалось заманить на службу многих видных деятелей российской культуры. Да и те понимали: откажись, выкосят художественную ниву до последнего колоска, а здесь хоть как-то, хоть чем-то. Творческий «авангард» и сочувствующие Пролеткульту пришли сами. Состав участников государственно-культурной кампании сам собой обозначится ниже.

---

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 2.

Сказать, что «спецы» сразу попали под политическое давление большевиков, тоже нельзя. Впрочем, время летело. Незаметно скоротечный период наивных мечтаний при жаловании и пайке (выжить и жить действительно было трудно) вскоре сменил не более продолжительный период всеобщих дискуссий за казенным сукном о месте революции в искусстве и искусства в революции. И вот, когда «спецы» вдоволь наспорились и стало ясно, кто каких взглядов и кто чем уязвим, комиссары, расставив персональные силки, занялись «воспитанием».

После переезда советского правительства в Москву активный прессинг на художественную мысль принял открытый характер. Творческая элита раскалывалась. Одни — незначительное меньшинство — по-прежнему с присущей корректностью пытались приостановить губительную заразу политизации искусства и сохранить «доброе и вечное». Другие, поняв, что идеологический маховик нового государства остановить уже невозможно, поглощали и понуро отрабатывали наркомовские пайки. Третьи, особо чтимые большевиками, по непроходящей наивности, в силу тщеславия или духовной скаредности, а авангардисты и прогрессисты от радости — на все лады пели хвалы Советской власти и будущему Пролеткульта. Момент оказался удобным для комиссаров, чтобы, кроме деятельной работы по охране, а точнее, по свозу и учету художественных ценностей, окончательно перейти к политизации творческой и культурной жизни, всецело подчинив ее государственным интересам через специальные управленческие структуры. Важно было это сделать руками самих же «спецов», конечно, идейно верных, а менее угодных подальше отвести от правительственного двора или получить возможность вовремя затыкать им рот. Замысел удался.

11 апреля 1918 года, после предварительной проработки отдельных будущих участников и серии собраний-летучек на тему «Государство и искусство», под зорким оком Луначарского в Москве состоялось «Совещание по делам изобразительных искусств». Присутствовали на нем, хотя и избранные (по приглашению), но вполне авторитетные художники и скульпторы — со стажем и молодые таланты, главным образом москвичи, кое-кто из искусствоведов, а также несколько гостей из Петрограда и, безусловно, высокопоставленные чиновники из госаппарата.

Вначале председательствующий совещания художник Д. П. Штеренберг[54] (писавший в то время, видимо от призрачных мечтаний, свой знаменитый натюрморт с наркомпросовского пайка — «Селедку») определил главную задачу совещания: решение вопроса о создании и координации работы «руководящих центров» художественной жизни «двух столиц» — Петрограда и Москвы, а затем многозначительно напомнил, что «из двух способов организации — выборов профессиональными союзами и назначением — Петроград выбрал второе и создал персональную коллегию, которая и взяла всю полноту власти в деле организации всей художествен-

ной жизни»*. Наступила тишина, но ненадолго. Один за другим потянулись к трибуне ораторы. Послушаем, что говорилось и как что решилось.

Щусев А. В.[55]: «Приветствую идею создания Высшего Художественного Совета области и России, Совета, который был всегда мечтою художников, по крайней мере москвичей».

Кузнецов П. В.[56]: «Указываю собранию, что коллегия художников, работавшая по охране памятников, сделала огромную работу, надо выразить этой коллегии, в особенности Отделу Пластических искусств, глубокую благодарность, но те задачи, что только намечались Комиссией по охране памятников в области живого искусства, должны осуществляться другой коллегией, облеченной широкими полномочиями по системе Петроградской коллегии. И, невзирая на различные течения в искусстве, должна быть создана мощная, прекрасно стоящая на высоте своих задач Коллегия Художников; свободная, правомочная Коллегия Художников, которая создаст для искусства возможность полного и широкого развития. Создать Коллегию можно только без выборов (здесь и ниже выделено нами. — *Авт.*), а по назначению и как в Петрограде, и тогда художники Москвы и Петрограда сольют свои силы и создадут для искусства неисчислимые возможности широкого и мощного развития».

Почти одновременно, перебивая друг друга, заговорили с мест Штеренберг и Н. И. Альтман[57], называя дружной и гармоничной работу Петроградской коллегии, «которая, не обращая внимания на нападки со всех сторон, делает свое дело, осуществляя заветные чаяния художников». Присутствовавший в зале Малиновский, тогда уже врид наркома имуществ Республики, должно быть, пребывал в полном удовлетворении — идея уверенно прорезалась и не очень навязчиво. Но вдруг сценарий совещания чуть было не замутил по незнанию дела Щусев, который предложил пригласить для работы в будущей Коллегии по делам искусств всех желающих. Однако «ошибку» вовремя исправили.

Орановский Е. В.[58] (категорически протестуя против предложения Щусева): «Нельзя дело государственного строительства ставить в зависимость от случайных людей, нельзя превращать государственную Коллегию по делам искусства в проходной двор, нельзя и тяжелую ответственную работу строительства художественной жизни Республики ставить в зависимость от случайного волеизъявления лиц. Коллегия должна иметь все права государственного органа, но и нести всю полноту ответственности за руководство художественной жизнью страны, что возможно только при условии устойчивой структуры и персональной ответственности членов Коллегии. Петроград, Москва, Болонья и Флоренция могут по-разному создать свои руководящие органы, но Московская Коллегия по делам искусств должна быть достойна того значения,

---

* Здесь и ниже по стенограмме совещания. См.: ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 9, лл. 1, 2.

какое имела и какое особенно будет иметь теперь Московская столица Федеративной Советской Республики — душа и сердце мировой социальной революции, где так горячо бьется пульс художественной жизни и куда обращены с надеждой взоры всех, кому дорого искусство».

Пунин Н. Н.[59] (горячо поддерживая идею создания в Москве коллегии по типу петроградской): «Только таким путем искусство не будет лишено прочного и целеустремленного руководящего органа. Все коллегии Петрограда[60] были созданы иначе. Они умерли от многословия и бездеятельности и только с момента революции, когда Коллегия, дружно работавшая с Анатолием Васильевичем Луначарским, взялась за работу в деле строительства художественной жизни, дело пошло правильно и планомерно».

Далее разгоряченный Пунин предложил собранию без последующей волокиты конкретно решить: создавать или не создавать государственную Коллегию. Собрание решило — создавать. Дело было сделано. Оставалось напутственное слово наркома.

Малиновский П. П.: «Задачи новой Коллегии выходят из рамок буржуазной организации по искусствам. Задачи три: 1) ликвидация; 2) концентрация; 3) творчество. Но прежде чем осуществить эти задачи, придется много поработать. Расхождение точек зрения буржуазных деятелей искусства и стоящих на советской платформе художников, работающих в Комиссии по охране памятников, огромно».

Закончив выступление почти по-скалозубовски, врид наркома тем не менее вполне отчетливо обозначил гвоздь государственно-партийной программы. Что ни говори о будущем «живого» искусства, а все одно — творчество — задача третья, и оно должно быть подчинено первым двум — ликвидации, и не только физической и внешней, но и моральной, старого художественного наследия и его сосредоточению в государственных закромах.

Все же ради приличия по предложению Штеренберга и Орановского на голосование совещания вынесли два вопроса. Первый — признает ли собрание в принципе необходимость выборного начала. Второй — находит ли собрание возможным применить в данное время при данных условиях выборность.

В порядке постановки вопросов за первый проголосовали единогласно и так же единогласно признали выборность неприемлемой, а уже после перерыва безропотно был принят и утвержден заготовленный заранее список членов Коллегии по делам изобразительных искусств[61]. Ее восемнадцатым членом, последним, разумеется, не по «весу», значился Малиновский, как было дополнено в протоколе — по должности.

Но странное дело, вместе с отдельными нейтралами и тихонями в Коллегию не попали и «активисты» — Штеренберг и Альтман. Впрочем, и здесь ничего удивительного. Ведь совещание однозначно признало, что не каждый достоин занять место в государственном

органе. Стало быть, одним предстояло отрабатывать оказанное доверие, другим — его завоевать, а третьим — доказывать, что тоже не лыком шиты. И, надо же, старались! Щусев, например, в поте лица выстроит не только мавзолей великого вождя мировой революции и известное здание на Лубянке с его зловещими подвалами, но и расчистит и расширит улицы и площади столицы, перекроит ее бульвары и скверы в строгом исполнении правительственного заказа. А Штеренберг, возглавив со временем Общество художников-станковистов[62], вступит в творческо-идеологическую борьбу с самим Малевичем и вернет его из «производственного искусства» в понятный народу и властям жанр «простого» советского искусства. И тоже по заказу.

Так же споро по образу и подобию первой была соткана еще одна коллегия — по делам музеев и охране памятников искусства и старины, а за ней — коллегиальные структуры в управлении театрами и кинематографией. Завершилось сие строительство созданием при двух известных наркоматах так называемых Больших Коллегий. Государственный аппарат крепчал в централизации. Но и тогда еще находились поборники демократии и искатели справедливости, если не полной, то хотя бы принципиальной в деталях. Один из них — Н. Ф. Преображенский[63] — подал 20 апреля 1918 года докладную записку Луначарскому:

«Во время Вашего пребывания в Москве в первых числах апреля с. г. Вами была предложена программа и план организации Народного Комиссариата по Просвещению. Особенное внимание тогда обращало взаимоотношение «ИСКУССТВА» и «ГОСУДАРСТВА». К сожалению, обсуждение этого происходило на нескольких случайных частных совещаниях, довольно неопределенных по своему составу и потому неправомочных решать этот вопрос. Считая вопросы организации государственного управления основными вопросами государственного строительства, я, как председатель проходивших частных совещаний совместно с Вами, позволю себе резюмировать результат обсуждения этого вопроса. Исходя из того положения, что искусство должно быть совершенно свободно от всякого влияния или направления как со стороны государственной власти, так и от субъективного вкуса отдельного руководителя, и что было бы поэтому ошибочным создание особого комиссариата искусства (поговаривали уже и о таком. — *Авт.*), объединяющего все виды его, — мы все пришли к одному выводу. Народный Комиссариат по Просвещению разделяется на несколько самостоятельных Отделов центрального значения[64]...

Такая коллегиальная работа при сохранении полной автономии каждого отдела и под руководством утверждаемых Вами руководителей [помощников Народного Комиссара] при условии, что руководство отделом значит направление работой отдела, сохраняя индивидуальное творчество каждого члена коллегии, а не подбор себе подходящих по взгляду и вкусу работников. Только такая постановка может гарантировать свободу искусства и прояв-

ление его истинного творчества, независимо от «государственного вкуса»...*

Луначарский согласился:

«Подтверждаю совершенную точность формулировки взаимоотношений отдельных элементов Комиссариата Просвещения, как они были установлены по соглашению со мной, представителями Государственной Комиссии по Просвещению, Комиссариата Имуществ Республики и отделов Театрального и Изобразительных Искусств»**.

Да и как было не согласиться с авторитетным мнением? Кстати, прекрасная возможность показать себя либералом в культурном строительстве, тем более, что как ни переставляй коллегии, отделы и комиссии, все равно они под властью двух наркомов, а те — под Совнаркомом. Начала одни. Вот и вся недолга.

Комиссарский каблук ждать себя не заставил. Уже вскоре под его давлением никто и не помышлял о подлинной коллегиальности или какой-то демократизации в культурном строительстве. Только стоило открыть рот в защиту интересов ревнителей национального достояния не из политических, а чисто из искусствоведческих соображений, либо указать власти на неразумность ее решений, как сразу появлялась затычка. Вот одна из них в исполнении наркомовской комиссии:

«Ознакомившись с Журналами заседаний двух коллегий поодиночке и совместно, от 20 мая 1918 г., Комиссия считает долгом заявить, что отвечать по существу на выпады кучки «специалистов» или как-либо иначе реагировать на претензии последних она лишена возможности, — настолько несовместима, по ее мнению, как Советского органа, вся эта форма борьбы за личные влияния, борьбы, происходящей около общегосударственного дела, — настолько это не вяжется с принципами революционной демократии и минимума человеческой порядочности***.

Ни больше, ни меньше. И каков подбор слов из «классовой» терминологии! После них желающих «побороться» с властью или противостоять «государственному делу» не оказывалось. Что толку, все равно, что с дубом бодаться, да и занятие далеко не безопасное.

Вместе с тем Совнарком, преуспевая в государственном творчестве, все-таки осторожничал. Понятно, что не из-за боязни кары господней, а так, ради того самого приличия. Думающие головы правительственного масштаба стали понимать: Наркомат имуществ с его главными задачами — бельмо на глазу у всей художественной общественности, как левой, так и правой. Грубовато. Демаскируют партийную линию. Нехорошо. Поэтому к лету 1918 года было окончательно решено ведомство Малиновского ликвидировать, но не функционально, а чисто внешне — упрятать ядро Наркомимуществ

---

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 9, л. 22.

** Там же.

*** Там же, л. 10.

вместе со «спецами» под видом отдела в недра окрепшего Наркомпроса, конечно, с учетом пожелания руководства имущественного органа. Как-никак опыт и приоритет государственных задач. А пожелания были следующими:

«Большая Коллегия Комиссариата Имуществ Республики[65]..., обсудив вопрос об объединении функций Комиссариата Имуществ Республики и Комиссариата по Просвещению в связи с высказанным т. Луначарским на Междуведомственном совещании от 10-го июля взглядом как на ликвидацию не самого дела, а обособленности комиссариатов, пришла к единогласному заключению, что Коллегия сможет продолжать свою работу и принять на себя ответственность за сохранение такого сложного аппарата, каким является Комиссариат Имуществ Республики по массе находящихся в его ведении многомиллиардных народных ценностей и своеобразности преемственно сложившейся его конструкции (в связи с поступлением имуществ и их ликвидации), — только при следующих непременных условиях:

1) Организации коллегии, стоящей во главе вновь образуемого Особого Отдела при Наркомате по Просвещению, из социалистов, как ответственных политических руководителей, причем специалисты при этой Коллегии образуют лишь консультативный аппарат и пользуются правом решающего голоса только при решении вопросов, не выходящих за пределы их специальности.

2) Новый Отдел образуется в составе:

а) Коллегия Комиссариата Имуществ в целом с Управлением делами и Заведующего (социалист) Музейным Отделом Комиссариата по Просвещению;

б) Отдела материальной охраны памятников искусства и старины Комиссариата Имуществ Республики (включая и секцию церковных имуществ)»*.

Так и сделали. Даже больше. Политически укрепили и отдел, и всю систему Наркомпроса. Художественная жизнь России, настоящая и будущая, полностью оказалась в руках маститых «социалистов». Один за другим сдавали последние позиции сторонники «свободного» творчества, предпочитая духовной и физической смерти государственную кабалу — хоть в оковах и в пределах разрешенного, но какая-то жизнь. Многих из них трясина партийной пропаганды засосет напрочь.

Это из истории только организационных проработок наркомовцев. Была еще и практическая сторона дела.

Первой пробой внедрения идеологии «новой» культуры стало проведение через сеть художественных коллегий, комиссий и отделов совдепов Декрета о памятниках Республики от 12 апреля 1918 года. Заметим, подписанного предсовнаркома В. И. Ульяновым-Лениным на следующий день после проведения «Совещания по делам

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 11, л. 35.

изобразительных искусств» и месяц спустя после переезда правительства в Москву.

Совнарком постановил: комиссии под председательством двух наркомов — по просвещению и имуществ — и по соглашению с художественными коллегиями Москвы и Петрограда определить, какие памятники, воздвигнутые в честь «царей и их слуг» и не представляющие исторической и художественной ценности (не выясняя, есть ли такие вообще!), подлежат снятию с площадей и улиц, а также организовать конкурс по разработке проектов революционных памятников, произвести замену старых («реакционных») названий улиц на революционные и тому подобное. Первые смотрины намечались на 1 Мая текущего года.

Спустя десять дней, 22 апреля (день рождения вождя революции), в Москве были определены начальные жертвы государственного вандализма. Разумеется, по решению Коллегии по делам изобразительных искусств. В тот день из восемнадцати ее членов на заседание прибыли одиннадцать: П. П. Малиновский, В. Е. Татлин[66], А. Шевченко[67], Н. А. Удальцова[68], С. Т. Коненков[69], Е. В. Орановский, В. А. Веснин[70], А. И. Иванов[71], С. В. Ноаковский[72], П. П. Кончаловский[73] и В. А. Ватагин[74]. Из подлинного протокола Коллегии:

«Ввиду неотложности решения вопросов о памятниках и о конкурсе на памятник жертвам пролетарской революции все вопросы откладываются.

По вопросу о памятниках постановлено:

1) Памятники Александру III[75] и Скобелеву[76], как несоответствующие элементарным художественным требованиям, подлежат уничтожению.

2) Памятник-Крест Сергею Романову[77] и памятник Александру II подлежат удалению с занимаемых ими мест.

3) Подходя к этим памятникам с точки зрения археологической, Коллегия считает необходимым все названные в §§ 1 и 2 памятники удалить, откладывая более детальное обсуждение вопроса о способах удаления на следующие собрания Коллегии.

4) Относительно памятника Скобелеву постановлено: ввиду того, что имя Скобелева внесено в ряду других чтимых имен в летописи военной истории, Коллегия полагает целесообразным, убрав его с площади Совета, передать его в Военно-Исторический музей.

5) Ввиду краткости срока до 1-го Мая Коллегия считает необходимым разработку этого вопроса обсудить детально впоследствии, памятники Александру II и III закрыть пока чехлами, а самое снятие поручить специалистам»*.

Решение Коллегии высочайше одобрили. А теперь вкратце о критериях исторической и художественной ценности выбора.

Бронзовые фигуры памятника генералу Скобелеву имели конкретные исторические прототипы героев Плевны и Шипки и отлича-

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 9, л. 9.

лись подлинностью передачи образов, как и сама фигура полководца. После этого говорить о художественных достоинствах памятника просто бессмысленно.

Автором памятника Александру III и проекта памятника Александру II[78] был выдающийся скульптор того времени академик А. М. Опекушин[79]. Вряд ли ваятеля можно обвинить в халтуре, если его уцелевшие произведения и сегодня вызывают восхищение непревзойденной внутренней одухотворенностью. Скажем, памятник А. С. Пушкину в Москве или М. Ю. Лермонтову в Пятигорске.

Что же касается памятника великому князю Сергею Романову, зададимся вопросом — что может быть антихудожественного в кресте, тем паче, если автор его не менее известный и признанный художник-монументалист В. М. Васнецов? Большевики тоже смутились. Правая рука Малиновского — Н. Д. Виноградов[80] — по совмещению секретарь комиссии по снятию памятников в Москве — был вынужден публично признать, что «решение о снятии памятника Сергею Александровичу в Кремле имеет политический характер: памятник поставлен черносотенцами на месте убийства бывшего князя»*. Известно, черносотенцами большевики крестили кого ни попадя. На сей раз — солдат и офицеров Киевского гренадерского полка, на чьи средства и был поставлен памятник.

Итак, политическое решение состоялось, но со снятием «реакционных» памятников почему-то замешкались. Тогда на свет появились еще две бумаги, которые в совокупности с Декретом о памятниках партийные историки гордо нарекли (упоминая о последних бумагах лишь вскользь) «ленинским планом монументальной пропаганды». Ссылки на этот план буквально наводнили многочисленные учебники, специальную и популярную литературу по советской культуре, эстетике и тому подобное. Чтобы подробно его постичь (а сделать это необходимо — раз и навсегда), времени много не надо.

Документ официальный. Подписан Лениным, но составлен и отредактирован Л. А. Фотиевой[81] 15 июня 1918 года за № 4033. Адресат — комиссариат имуществ Республики:

«Предлагается Вам незамедлительно представить сведения о том, что именно сделано для выполнения декрета от 13/IV 1918 года[82], особенно

1) по снятию старых памятников,

2) по замене их хотя бы временно новыми, и

3) по замене старых надписей на общественных зданиях новыми (§ 5 декрета).

Двухмесячная проволочка в исполнении декрета — резко важного и с точки зрения пропаганды и с точки зрения занятия безработных — непростительна»**.

Документ неофициальный, первородный. От начала и до конца раздраженный автограф Ленина. Без правок — так, как есть:

---

* «Известия ВЦИК», 8 августа 1918 г.

** ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 12. (Выделено нами. — *Авт.*)

«Почему, вопреки постановлению С. Н. К. и несмотря на безработицу (и несмотря на I.V)

Не начаты в Москве работы

1) по хорошему закрытию царских памятников?

2) по снятию царских орлов?

3) по подготовке сотен надписей (революц. и социалистических) на всех общественных зданиях?

4) по подготовке бюстов (хоть временных) разных великих революционеров?»*

Вот и весь ленинский «план» монументальной пропаганды. Подчеркнем: оказывается, не только в силу политических соображений утверждалось «законное» варварство, но и для занятия безработных — словом, от нечего делать.

Получив взбучку управления делами Совнаркома, комиссия по снятию и постановке памятников[83] зашевелилась. На выполнение ленинских затей в столице президиум Московского совдепа немедленно выделил две тысячи рублей золотом**. Ломать не строить. Далее все пошло по-писаному.

В сентябре двадцатого года в письме к закадычному другу К. П. Ершову — художнику — Виноградов сокровенно поделится:

«...Хотя с декабря 1919 г. я ведаю всей изобразительной частью плюс охраной, но первое меня мало устраивает, и я все жду преемника, чтобы от нее отказаться. А преемника-то все нет как нет. Приятели мои по училищу разбежались от меня, т. к. жрать нечего, условия труда собачьи... Итог моей работы выражается в организации 15 музеев по Москве, в которых сосредоточено громадное количество произведений искусства. От монет греков и римлян до русских икон включительно: фарфор, живопись, скульптура, восточные вещи, библиотеки по искусству, прочее и прочее. Под моей охраной художественное имущество Москвы, а с июля и Московской губернии. Кроме того, я был злым гением разрушения. Я уничтожил памятник Скобелеву, Александру III, снял и поместил в Музей изящных искусств фигуру Александра II из Кремля, бюсты Екатерины II, 6 шт. и пр. и пр. За это меня костят порядочно»***.

Вслед за Москвой стал «обновляться» и Петроград. По усмотрению художественной комиссии к концу 1918 года в городе снесли памятник и бюст великих князей Николая Николаевича[84] и Николая Александровича[85], бронзовый бюст перед фасадом Лицея его основателя — императора Александра I[86], у Александровской и гомеопатической больниц бюсты Александра II[87] — основателя и попечителя обоих заведений. Та же участь постигла памятник «Питомцам Академии Генерального штаба»[88] перед ее зданием.

В начале девятнадцатого года на берегах Невы открыли «охоту» на «антихудожественные» изваяния Петра I. В считанные месяцы

---

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 13. (Выделено нами. — *Авт.*).

** ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 14.

*** Из архива Н. Д. Виноградова. Краеведы Москвы. М., «Моск. рабочий», 1991, с. 203.

петроградская комиссия без особых колебаний «ликвидировала» четыре памятника великому государю. Первый — у Адмиралтейства с изображением эпизода спасения Петром I лахтинских рыбаков, во время которого царь простудился и заболел смертельно[89]. Второй — «Царь-плотник» — тоже возле Адмиралтейства с фигурой молодого Петра во время обучения корабельному делу[90]. Кстати, такой же памятник с 1911 года по сей день красуется на главной площади голландского города Заандама. Третий — бюст царя на Охте — в плотницкой корабельной слободе[91]. Четвертый — у Нового арсенала с изображением Петра I в полный рост и опирающегося на ствол пушки[92].

Ни к чему такая народность при новой власти.

Со временем перечень жертв «царской охоты» большевиков, не считая всякой всячины, оказался настолько велик, что было бы проще назвать уцелевшие изваяния представителей дома Романовых и их верноподданных, и не в одних стольных городах. Но жестокая суть государственного вандализма была не только в уничтожении духовных традиций и исторической памяти через предметное разрушительство или, говоря языком Малевича, через «предметный нуль». Ведь от «художественного» отрицания самодержавной культуры до кровавых расправ оставалось полшага. И он был сделан. Лето 1918 года ознаменовалось из ряда вон мрачным событием — злодейским убийством низложенного Императора Николая II, членов царской семьи и даже слуг. Так просто, как нечего делать. Колесо террора покатилось. Это ли не прямое переложение «красного просветительства»?

А между тем оно все ширилось и углублялось, прочно входило в общую истерию гражданской войны и вживалось в «новый» быт. За жалкие гроши, а то и за талоны на миску похлебки в коммуновской столовой орды безработных неистово набрасывались на старые таблички и вывески, раздирая их в клочья. Тут же по парадному фасаду домов выцарапывали или выводили несмываемой краской: вместо Кадетской линии — «Съездовская», вместо Большого Сампсониевского проспекта — «имени Карла Маркса», вместо Петергофского шоссе — «Стачек», вместо Знаменской площади — «Восстания», вместо Большой Конюшенной улицы — «имени Желябова». Нескончаемые «советские», «октябрьские» и «революционные» переулки. Разины. Радищевы. Спартаки. Робеспьеры. Гарибальди. Энгельсы... И независимо от того, были ли они хоть раз, хоть в мечтательных снах, на тех самых улицах, да и вообще в России. Меняли название Офицерской — и топили баржами офицеров, затирали Дворянскую — и расстреливали дворян. И тоже — как нечего делать...

Площадей и улиц вместе с переулками, политыми кровью, оказалось маловато для пролетарской выдумки. В ход пошли целые деревни, села и города. Белоцарск — в Кызыл, Князь-Иваново — в Маевку, Екатеринодар — в Краснодар, Царское Село — в Пушкин. Начало, можно сказать, безобидное. Но на подходе были зловещие

троцки, свердлово-новые, зиновьевски, буденновски и прочие «вски», «ино» и «грады» с партийно-псевдонимными корнями.

Но это не все. Для более полного представления о политической сущности пролеткульта обратимся еще к двум ленинским «планам».

Первый — о так называемом строительстве музейного дела. Как и в других начинаниях — циркуляры, постановления и декреты. Лозунг: музеи — народу. Однако в первые годы советской власти музейная работа главным образом заключалась в приспособлении бывших смотровых залов в запасники или обычные склады «общегосударственного фонда» художественно и исторически ценных имуществ, а вот в полупустых дворцах действительно устраивались экскурсии и в дворцовых парках — пролетарские «пикники». Что же касается вопроса об открытии новых музеев, то он был сведен к минимуму задач: созданию музея или музеев Революции. Где быть и каким быть? В недолгих дискуссиях «красных музейщиков» решилось, что «центральный музей Революции России должен быть основан в Москве, но, кроме него, в России должны быть основаны музеи местного характера»*. Пока горячо — всеми силами за сбор экспонатов.

Поначалу, правда, поговаривали и о создании Народного военно-исторического музея последней войны. Наркомвоендел даже созвал комиссию по его организации и устройству. Но и здесь следует отдать пальму первенства царской власти, а затем помянуть «временных». Уже тогда замысел по увековечению памяти героев и жертв войны получил практическое воплощение, взять хотя бы строительство музейного дворца георгиевских кавалеров в Царском Селе. При советской же власти идею создания музея войны вскоре принародно скомпрометировали. Например, некий комиссар А. Буцевич в «Известиях Наркомвоена» заявил: «...не перепечатка ли это (приказ наркомвоена о создании музея. — *Авт.*) из какой-либо белогвардейской газеты... Авантюра с «героями» и «всероссийским воинством» должна быть скорее ликвидирована»**. А вот комиссар более высокого ранга — Московского военного округа — Е. М. Ярославский задал в «Правде» вопрос: нужно ли тратить народные деньги (по его же признанию, небольшие) и человеческие силы на сбор музейных экспонатов. Сам его и разрешил: «Мы прямо отвечаем: рабочему классу не нужно»***.

В конце концов попытку создания Народного военно-исторического музея под давлением «трудящихся масс» признали политической ошибкой. Ну а если последняя война не война, а бойня, то чем другие лучше? И коли так, значит, старые военные музеи тоже ни к чему. Посему — долой. Скажем, музей Интендантский[93]. Или военный памятник. Пусть все видят: большевики п р о т и в в о й н ы, но за мировую революцию.

---

* Из журнала заседания Музейно-архивно-библиотечного отдела Наркомимуществ от 12 апреля 1918 г.: ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 9, л. 3.

** «Известия Наркомвоена», 9 мая 1919 г., № 96, с. 2, 3.

*** «Правда», 21 апреля 1919 г., № 86.

Другой «план» не менее известен. Говорят, что его всецело определил ленинский декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 года. Лозунг тот же: архивы — народу. Теперь позвольте очередной раз уточнить.

Вся деловитая суета вокруг названного декрета преследовала одну главную цель: скорейшее создание архивов Революции, гражданской войны и ее детища — Красной Армии. Собрать материал и сберечь как зеницу оку. Все остальное на волю судьбы. А судьба распоряжалась жестоко. Минимум горьких фактов, и только из жизни военных архивов.

В 1918—1919 годах, в пору буйного цветения советского архивоведения, якобы за неимением транспортных средств и денег для вывоза ценного архивного груза в Петроград, были полностью утрачены фонды воинских частей бывших Царскосельского, Петергофского и Гатчинского гарнизонов, в том числе собственного его императорского величества полка. В архив лейб-гвардии Драгунского полка пустили «красного петуха». А зимой двадцатого года фонды документов лейб-гвардии Измайловского полка были расхищены на топливо в самом Петрограде*. Но это, так сказать, «естественная» убыль.

В октябре 1918 года по указанию СНК архивы военного ведомства в порядке соблюдения принципа централизации передали в руки Наркомпроса. Всеросглавштаб, в лице «спецов» Н. И. Раттэля[94] и С. И. Кузнецова[95], пытался протестовать, но бесполезно. Принимали дела от комиссии наркомвоена и учитывали их по-простому — в пудах. А спустя почти год, 12 сентября 1919 года, на свет появился циркуляр Главархива с постановлением коллегии о выявлении подлежащих уничтожению архивных фондов ввиду кризиса в Бумпроме. В течение последующих трех месяцев в одном только Лефортовском архиве в Москве было сдано в макулатуру свыше 20 тысяч пудов архивных дел. Как принимали, так и сдавали. Вот этот неполный перечень «макулатуры»:

именные списки генералов и старших офицеров с 1880 года по 1913 год — 2000 пудов;

месячные донесения войсковых частей начиная с 1793 года — 4000 пудов;

дела Комиссариатского и Провиантского департаментов с 1811 года по 1865 год — 2000 пудов;

формулярные списки офицеров русской армии с 1849 года по 1900 год — 4500 пудов;

дела русско-турецкой войны 1877—1878 годов — 2500 пудов;

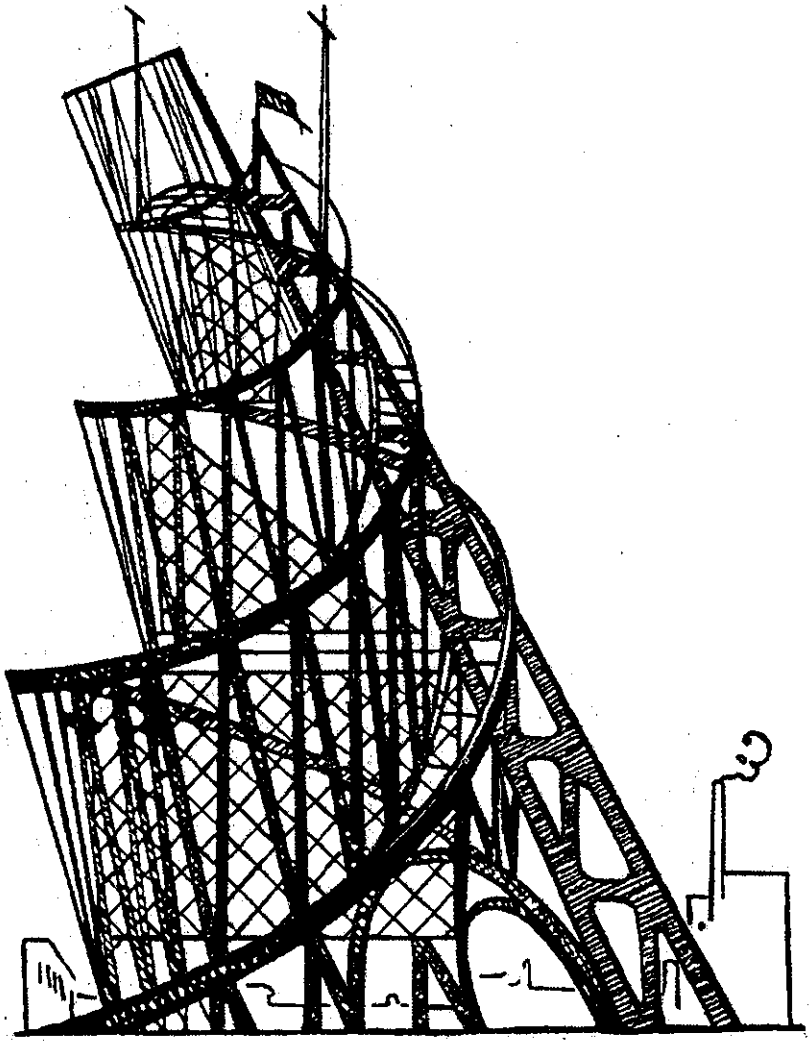
дела русско-японской войны 1904—1905 годов — 2000 пудов;

дела по рекрутским наборам с 1828 года по 1865 год — 1500 пудов;

дела штаба Отдельного корпуса внутренней стражи с 1816 года по 1865 год — 800 пудов;

---

* По материалам ЦГВИА: ф. 796, оп. 1, д. 192, л. 19; ф. 800, оп. 1, д. 654, л. 45.



«Планетарная архитектура» В. Е. Татлина. Проект памятника III Интернационалу в Москве. Механически вращаемое здание-календарь. 1919—1920 гг.

дела Отдельного гренадерского корпуса с 1816 года по 1865 год — 400 пудов...*[96].

С каждым годом кривая добычи бумажного «сырья» из архивохранилищ разных бывших ведомств поднималась все выше и выше. Где уж ныне сравниться дореволюционным архивным фондам с

* По материалам ЦГВИА: ф. 800, оп. 1, д. 1000.

советскими. Одно слово — бескультурье. Вот и вся история старой России.

Пролеткульт тем временем не только рушил, но и созидал. Взамен снесенных памятников, как грибы после дождя, росли новые. Радищева — к Зимнему, Лассаля — к городской Думе, Маркса — к Смольному, Иуду Искариота — в центр Тамбова, Софью Перовскую — на Московский вокзал, скульптурную доску с магической надписью «Кто не работает, тот не ест» — на фасад здания «Известий»... Увы, гипс не прочен. Разрушились. По новой. Глядишь, опять разрушились.

В начале двадцатых годов стали переводить массовые пластические творения в «вечный» материал путем приспособления и переплавки монументального «сырья». Царскую голову — в голову Маркса, посох — в молот, на великокняжеский пьедестал — безымянного красногвардейца.

А что же «авангард» из бывшего «Ослиного хвоста» и «Бубнового валета»[97]? Те большей частью философствовали, как В. В. Кандинский[98], или прожектировали, как В. Е. Татлин. Первого потянуло на развитие теории строительства в России «всемирного здания утопии». Второй выдал «космический» проект памятника III Интернационалу. Тоже здание, да такое, что дух захватывало. По высоте 400 метров — одна стотысячная длины земного меридиана, — с наклоном (что там Пизанская башня) в 60 градусов (!) — параллельно оси вращения матушки-Земли. Впустую? Отнюдь. Глядя на сотоварищей, пролетарский поэт Демьян Бедный взахлеб заговорил о «межпланетной революции». А тут, гляди, и первые ее «космонавты» появились. Г. Е. Зиновьев[99], будто собираясь в межпланетный рейс, заявил на 7-й Петроградской конференции партийцев: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить»*. Большевики аплодировали.

Психоз головокружительного творчества очень скоро заразил и политический «авангард». Его видные представители за идеей в карман не лезли. Тот же председатель Петросовета Г. Е. Зиновьев, например, решил вознести на вершину Александрийского столпа посреди бывшей Дворцовой, тогда площади имени Урицкого, статую Ленина вместо ангела-хранителя с крестом. Искусствоведы, кто потрезвее, не выдержали — и к Луначарскому. Нажали. С ума сошли, ангел в редком стиле «ампир» и вроде бы не «политический», да и Ленина в бронзе так просто не поднять. Уронят, разобьют — разве можно? Луначарский письмо в губисполком — остановите Зиновьева. Тот, видимо, задрал еще раз голову кверху. Прикинул. Действительно, высоко, и резюмировал на письме наркома: «Ну их к черту».

Подобных счастливых случаев, равно как и непокоренных идеологически, теоретически или практически вершин пролеткульта,

---

* «Северная коммуна», 1918, 19 сентября.

«Пролетарский фарфор». Тарелка. Автор М. Адамович. Государственный фарфоровый завод. Петроград, 1921 г.

было мало. Большевики — народ упрямый. Не мытьем, так катаньем. Во все концы России двинулись со «жгучим» словом партийной пропаганды и революционным лубком агитпоезда, пароходы и «красные повозки». Сколько разговоров кругом об убожестве и уродстве старой культуры, об извращениях мещанского быта. В агитвагонах вовсю крутят фильм Преображенского по басне Бедного — «О попе Панкрате, тетке Домне и явленной иконе в Коломне». Туда ее, Церковь, со всей движимостью и недвижимостью. Одно слово — «искремас» (искусство революции в массы).

Пролеткультовский шабаш продолжался еще долго, но вернемся к теме творчества и творческой личности.

В завершение ближайших планов партийно-правительственного аппарата художник оказался слугой двух господ: искусства и государства. Художник-служащий. Поэт-служащий. Многого

от них власть не требовала. Самую малость — любым творчеством наглядно и ярко утверждать героику революции, святость революционных устремлений, и ничего из «реакционного» художества, самодержавной истории и никакой мещанской и культовой роскоши пролетарскому государству не нужно. Не жалей, откажись — шагай к новому! Можно не поверить комиссару в кожанке с маузером, но то же говорит и товарищ в блузе с кистью или пером в руках — разборчивый «спец», а это, брат, точно. Сторонись «дурного вкуса»! Да здравствует пролетарское искусство! Искусство на службе у государства. Впрочем, искусство ли?

«Коммунистическое устроение жизни и то, что мы называем искусством, — понятия несовместимые. Живопись должна погибнуть, если осуществится Третий Интернационал. Называйте как угодно цивилизацию христианских веков, хотя бы и «клерикальной», — дело не в названии, — но, если она не вечная, если человечеству предстоит «великая эра» безбожного коллективизма после неудавшейся христианской культуры личности, то нет основания считать вечной и живопись... Современный демократический ее упадок всюду вопиет в Европе, а современное «социалистическое» ее умирание в Советской России, надо сознаться, плохое, очень плохое предзнаменование.

...Или предстоит еще Европе новое Возрождение, новые победы национального гения, новые боговдохновенные подвиги живописи? Это уже область социологических догадок и пророчеств. Но если предстоит — тогда с каким воодушевлением должны мы бороться, не скрывая от себя опасности, с заразой большевиствующего антиискусства и эстетического дикарства, которой охвачена ныне живопись и от которой живопись погибает на наших глазах»*.

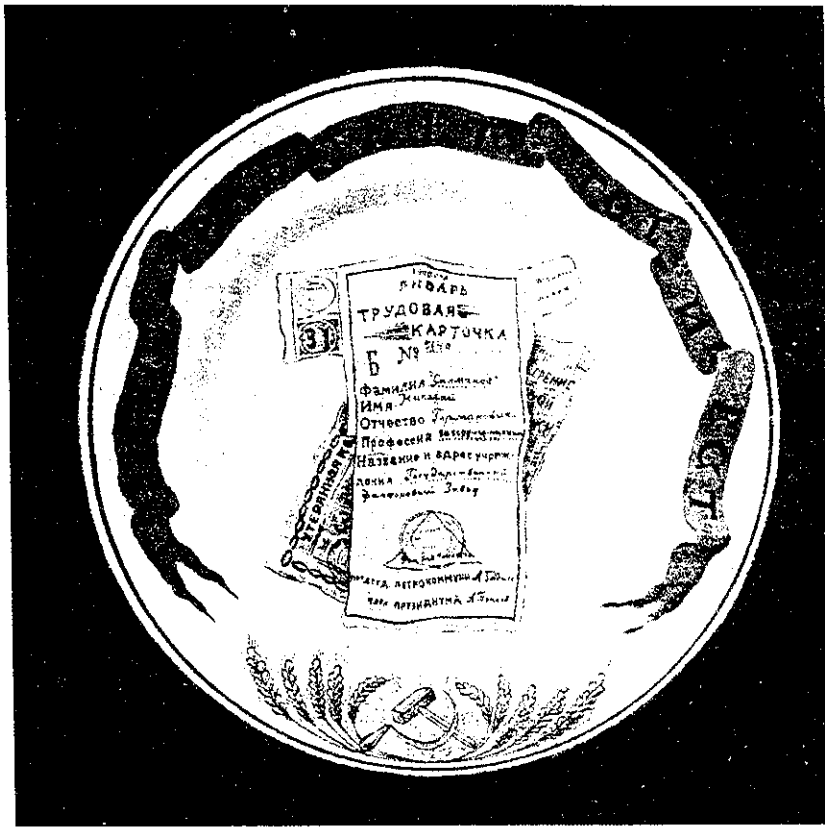
Это строки из работы потомственного художника, искусствоведа и публициста С. Маковского, чей творческий потенциал оказался ненужным советской власти. Он был очевидцем взрыва пролеткульта и его последствий. Взрывная волна, как следует из заключения художника, пошатнула и творческие устои Европы. Но если на Западе «демократизация» искусства стала временным капризом или прихотью избранных, то в Советской Республике его государственный статус определял в художественной жизни единую и всеобщую жесткую политическую концепцию. Ее тоталитарные принципы, в свою очередь, давали право на жизнь или выносили приговор к гибели как старого, так и нового творчества. Его плоды требовали обязательных политических доказательств или оправданий перед властью.

О периоде государственного закабаления творческой интеллигенции, отбиваясь в Берлине от нападок эмигрантской публики, бывший «спец» Лукомский напишет следующее:

«Итак, помог ли русской революции, если не рождению, то ея закреплению — русский художник? Да.

---

* Маковский С. Последние итоги живописи. Берлин, 1922, с. 165, 166.



«Пролетарский фарфор». Тарелка. Автор В. Тимофеев. Государственный фарфоровый завод. Петроград, 1920 г.

...Он откликнулся на призывы власти — и Бенуа, Зубовы, Миллеры, Ильины, Вейнеры и Шмидты заслуживают себе почет в воспоминаниях потомков, а в умах всех русских эмигрантов должны вызывать уважение, и уж у элементов — бездельничавших и ничего для России и ея истории не спасавших — преклонение. Эти люди были подвижниками. Каких, каких только лишений они не испытали и как стойко все перенесли! Немало и борьбы пришлось им выдержать»*.

Можно согласиться с Лукомским. Однако сочувствующих ему в среде эмиграции оказалось мало. Как ни старались оправдать свою государственную службу «звезды» творческой интеллигенции, какие бы доводы ни приводили в оправдание, но многие из тех, кто не перешел рубеж творческого убеждения или, перейдя, одумался и

* Лукомский Г. К. Художник и революция. Записки художественного деятеля. 1917—1922. Берлин, 1923, с. 10.

вернулся обратно, в том числе даже бывшие друзья, не могли примириться с государственным подвижничеством плеяды разномастных «мастеровых». Подать кому-либо из них руку считалось преступлением. Бог судья и тем, и другим.

Конечно, борьба, о которой говорит Лукомский, была относительной в буквальном значении этого слова. Найти в ней моменты какого-то обострения или периоды активности невозможно, ибо характер ее в целом статичен, а пик сводился к упомянутым выше унизительным доказательствам. Любой острый выпад мог вызвать мощное политическое противодействие, вплоть до общественной изоляции или, того хуже, физического уничтожения. Не стоит забывать один из главных лозунгов тоталитарной диктатуры периода становления советской государственности: «Кто не с нами, тот против нас!» Третьего не было дано. Так же и в «чистом» художестве. Если кто-то пытался выбраться из государственных пут и предпочитал службе индивидуальное творчество без всякой политики, тот должен был влачить жалкое существование или умереть. Краюха хлеба и скудная снедь по строгим нормам и мудреным категориям были доступны только советским служащим. Вольному воля — выбирай. И когда в начале двадцатых годов экономические вожжи чуть спустили, то не забыли одновременно с нэпманами обложить подоходно-имущественным налогом и «свободную» творческую интеллигенцию.

10 мая 1923 года отчаявшиеся московские художники[100] выразили письменный протест ВЦИКу по совместному с Совнаркомом постановлению[101] о налогообложении искусства. Приводим его частично:

«Прежде всего само положение определенно трактует художника в противоположность рабочему и советскому служащему как нэпмана, имеющего постоянный и неограниченный источник дохода. Художник по самой своей природе всегда был и будет пролетарием, причем его положение значительно тяжелее положения служащего и рабочего Советской России, имеющих определенную заработную плату. У художника определенного заработка нет: в один месяц он может кое-что заработать, а потом месяцами не найти сбыта своему творчеству. Кроме того, при обложении налогом он не может, подобно производственнику или промышленнику, переложить бремя этого налога на потребителя, потому что искусство не предмет первой необходимости и за высокую цену художественное произведение не найдет себе покупателя.

Что, в сущности, облагается налогом, когда речь идет о произведении художника? Материальная ценность этого произведения? Конечно, нет, ибо ценность эта в Советской России столь ничтожна, как никогда раньше и нигде больше. Между тем расходы на краски, холст, мрамор, бронзу и даже гипс и бумагу так велики, что они не всегда полностью окупаются скудной выручкой от продажи самого произведения. Что же в таком случае является непосредственным объектом обложения? Ответ ясен: само творчество художника, т. е.

то высшее проявление духа и культуры, которое, казалось бы, надлежало бы всячески оберегать и поощрять, отнюдь не создавая условия, его ухудшающие»*.

ВЦИК и Совнарком, как и следовало ожидать, остались безучастными к прошению художников о снятии налога с искусства и предоставлении незначительных социальных льгот. Итог закономерен. Кто вынужденно принял советское верноподданничество, а кто покинул со слезами на глазах Россию, не считая безвременно почивших в родной земле.

Можно и дальше излагать бесчисленные детали государственно-идеологического замысла и постигать тонкости его воплощения в жизнь, но будем надеяться, что подлинная сущность этого замысла уже достаточно понятна читателю, и перейдем к вопросам монопольного сосредоточения художественных, исторических и прочих ценностей в руках высших органов Советской власти и партийного руководства.

Итак, направление второе.

Вскоре после октябрьского переворота один за другим стали появляться декреты Совнаркома о ликвидации или упразднении бывших министерств, управлений и ведомств. Бывших служащих, кто помоложе и проворнее, брали на работу в новые комиссариаты, а тех, кто постарше, отправляли на покой и даже с назначением пенсиона. Неважно, что вопрос возможности его выплаты, пусть символической, в правительстве никто не поднимал, главное — соблюдены законные начала. Между тем организационно-штатная деятельность так называемых ликвидационных комиссий не была единственной. Как бы сам собой возник и решался имущественный вопрос. Бывшие министерства двора, военное, внутренних дел, торговли и прочие имели подведомственные учреждения, в частности, домовые церкви — встроенные или специально выделенные для богослужений помещения, храмы, библиотеки, оздоровительные дачи, убежища или приюты для престарелых и детей, а военное министерство и сеть музеев. Поскольку упразднялось само ведомство, автоматически ликвидировались и его социально-бытовые подразделения, а имущество переходило в собственность государства.

Особенный интерес для новой власти представляли культовые учреждения, точнее, их убранство и утварь. В первые месяцы после октябрьских событий многие ведомственные церкви были обследованы уполномоченными ликвидационных комиссий, при этом наиболее броское по материальной ценности имущество тут же постарались вывезти, остальное тщательно переписали и взяли «под охрану государства». Организация охраны заключалась в получении одного экземпляра описи имущества и грамоты на охрану назначенным властью смотрителем церкви из числа ее бывшего персонала, то есть священнослужитель или иной служащий прихода по совести верующего налагал на себя обязательства государственного

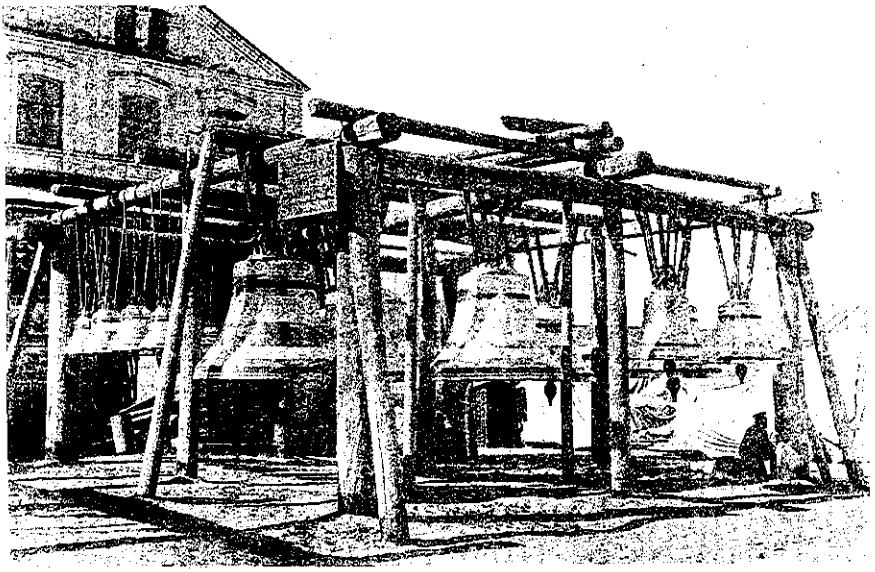
* ЦГА РФ, ф. 2307, оп. 3, д. 167, л. 201.

церковного сторожа и был уголовно ответствен за сохранность имущества перед властями. В свою очередь, власти обещали сторожу поддержку и даже какое-то жалование или продовольственное содержание. Последние обещания оказались большевистским блефом. 20 января 1918 года декретом Совнаркома объявили об отмене каких бы то ни было государственных субсидий и дотаций церкви и духовенству. Таким образом церковные смотрители «законно» перешли в разряд бесплатных сторожей. Следом, в тот же день, был подписан известный Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах[102], который, помимо запретов и «свобод», провозгласил полную национализацию движимого и недвижимого имущества Русской православной церкви. Гордость советского законотворчества. С этого момента комиссии Наркомпроса, уполномоченные церковного отдела Наркомимуществ и органы ВЧК заметно активизировались, но, правда, пока по части переписи, выкупа и аренды имущества приходами, ибо в случае немедленной и открытой реквизиции и без того жаркий накал государственно-церковных страстей после выхода декретов мог зажечь массовые бунты и восстания верующих. Поэтому власти поначалу не решались не только касаться имущества, но и описывать его в главных святынях церкви. Вместе с тем упускать что-либо из своих рук или откладывать церковную инвентаризацию в долгий ящик никому из наркомовских аппаратчиков не хотелось. Тем более, бухгалтерии СНК не терпелось подбить хотя бы общий имущественный и финансовый баланс достояния власти. И на сей счет нашлась своя политика. Обратимся к ряду событий.

12 февраля 1918 года хранитель Патриаршей ризницы архимандрит Арсений, он же член Комиссии по охране памятников искусства и старины при Моссовете (какая предусмотрительность власти!), принес Малиновскому ошеломляющую весть — второй раз после взятия большевиками Кремля, но еще более безжалостно, ограблена ризница — святая святых церкви.

Милицейские протоколы зафиксировали проникновение воров через окна, решетки которых оказались спиленными. Заметим, это на третьем этаже колокольни Ивана Великого, и это в строго охраняемом красногвардейскими караулами Кремле. Часть патриаршего имущества была похищена, другая изувечена: выломаны из окладов иконы, вырваны из гнезд церковных сосудов, домашней утвари и сканных переплетов священных книг бриллианты, рубины, изумруды и прочие драгоценные камни. Все похищенные из ризницы предметы, исключая иконы, были из золота и серебра. Зашумели газеты. Милиция начала поиск грабителей, посулив добровольным помощникам миллион рублей за отыскание пропажи.

Тем временем архимандрита Арсения, вместе с ним и церковь, не забыли серьезно упрекнуть в неспособности обеспечить надлежащую охрану ценнейшего государственного достояния, а фактически собственности Московской патриархии, и передали попечительство над имуществом ризницы Оружейной палате в лице ее



Колольный ряд на Нижегородской ярмарке. 26 июля 1903 г. Фотограф Н. М. Щапов. ЦГА КФД Москвы.

хранителя В. К. Трутовского, тоже члена комиссии под управлением Малиновского. А через неделю-другую в Саратове и Подмосковье уже отыскалась значительная часть пропажи. Разумеется, вместо прежнего места она попала в Оружейную палату, куда поспешили перенести и уцелевшее после грабежа имущество. Газетный скандал и оперативная надежность правительственного ВЧК сделали свое дело. Оспаривать какие-то притязания на владение священными патриаршими реликвиями церковь уже не могла. Кстати, 20 мая 1918 года совместное заседание Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины и Коллегии по делам изобразительных искусств под общим председательством К. К. Романова[103] пришло к выводу, что вина за ограбление ризницы все-таки на счету государственных имущественных органов[104]. Но об этом газеты не сообщили. Другие подробности дела об ограблении ризницы, в том числе персоналии его организаторов и исполнителей, навсегда остались за кадрами истории.

По свежим следам происшествия, 28 февраля 1918 года, с соблюдением секретности, но не без ведома Совнаркома, за стенами Кремля состоялось экстренное заседание московской Комиссии по приему и охране бывшего дворцового имущества под руководством Малиновского. Присутствовали только избранные ее члены. Всего восемь человек. «Сомнительных» лиц, как-то: Грабаря и Р. И. Клейна[105], не пригласили. Вполне естественно, так как на повестке дня заседания рассматривался правительственный вопрос особой важности — порядок эвакуации материальных ценностей из Москвы.

Тон на заседании задал уже известный Трутовский, тремя днями ранее назначенный вместо архимандрита Арсения председателем музейно-бытовой комиссии и, видимо, польщенный доверием городского совдепа и Совнаркома. Он предложил подготовить к эвакуации в первую очередь Румынскую казну и Золотую кладовую государственного банка, что в общем-то не вызывало сомнения ни у кого из присутствовавших*. Но тут в разговор вступил И. П. Петряков — комендант Кремля, испытанный большевик и доверенное лицо Бюро ЦК партии: «Довожу до сведения Комиссии, что заботу о Румынской казне народный комиссар Троцкий[106] поручил мне». Безусловно, это означало, что все вопросы, связанные с подготовкой к эвакуации румынского золота, находятся только в компетенции коменданта Кремля и его указания подлежат безоговорочному выполнению, а члены Комиссии имеют лишь право совещательного голоса. Как выяснилось, персональная ответственность за Золотую кладовую, тоже по особому поручению, лежала на Малиновском. И тот и другой похвалили своих невольных помощников за «понимание важности момента».

Среди приглашенных членов Комиссии далеко не случайно оказался и «виновник» недавних событий — архимандрит Арсений, тоже, видимо, польщенный оказанным доверием. Помня о грехе, бывший хранитель предложил включить в первую очередь эвакуации и наиболее ценное церковное имущество двух ризниц — Патриаршей и Чудова монастыря. На просьбу Арсения с пониманием откликнулся Трутовский, но прежде, чем принять решение об очередности эвакуации, он предложил — обратите внимание — выяснить, какие ценности хранятся в ризницах всех соборов и монастырей Кремля, для чего разослать официальные запросы от имени Комиссии по охране памятников, ссылаясь на распоряжение Луначарского.

Здесь вполне уместно сделать небольшое отступление и прокомментировать вопрос, без сомнения, возникший у читателя, — о какой, собственно, эвакуации идет речь? Ее мотивом являлось угрожающее военное положение на фронте. И в этом вся нелогичность. Стратегическое положение Петрограда и Москвы разительно отличалось. Отсюда явно видимый парадокс: правительство готовит переезд в безопасную Москву, а из безопасной Москвы эвакуируют ценности!

Прямой документальный ответ на вопрос о подлинном замысле партийно-правительственных кругов еще не найден. Однако, на наш взгляд, пока вполне достаточно вспомнить один забытый документ.

За два дня до кремлевского совещания Малиновского, 26 февраля 1918 года, состоялось закрытое заседание Совета Народных Комиссаров. На нем был принят проект постановления, составленный

---

* Здесь и далее по материалам ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 22.

лично Ульяновым-Лениным, о переезде правительства в Москву. В его последних пунктах говорилось:

«3) Во что бы то ни стало и немедленно вывезти Государственный банк, золото и Экспедицию заготовления государственных бумаг.

4) Начать разгрузку ценностей Москвы»*.

Пункт третий, понятно, касался Петрограда и пояснений не требует. А вот в четвертом, заметим, предсовнаркома употребляет слово «разгрузка», а не «эвакуация». Именно разгрузка Москвы от неимоверного сосредоточения ценностей и была необходима правительству. Тогда зачем? Таким путем, конечно, под мотивировкой эвакуации из-за военного положения (пойди, разбери, как там действительно обстоят дела на фронте!), можно было провести быструю и квалифицированную инвентаризацию ценностей и распределить их по разрядам, которые соответствовали бы установленной очередности вывоза. Далее под зорким оком ВЧК предстояло только рассредоточивать ценности по укромным местам и в последующем по мере необходимости, но уже без лишних отчетов и подстраховки, реализовать их на нужды власти с учетом стоимостного разряда. При этом часть ценностей могла являться рассредоточенным государственным резервом. Немаловажным одновременно представлялось так называемое размагничивание будущей столицы, так как высокая концентрация ценностей вызывала повышенный интерес к Москве политических противников большевиков и уголовного мира.

А теперь можно вернуться к тайному совещанию в Кремле.

После детального обсуждения организационных вопросов доверенное собрание постановило немедленно разослать запросы с требованием присылки описей всех кремлевских монастырей и соборов, а при получении их поручить Трутовскому составить общий список эвакогруза, включая имущество Оружейной палаты и Сервизной кладовой. Было также решено приступить к срочной упаковке первоочередных партий ценностей, в основном предметов из золота и драгоценных камней. Для инвентаризации иногороднего имущества назначили специальную комиссию[107].

В конце заседания его председательствующий Орановский обратился к присутствующим за соображениями о возможном месте эвакуации, на что поступило единственное предложение — от архимандрита Арсения. Комиссия согласилась с ним и постановила, что «самым удобным пунктом хранения может быть избран город Вологда, Архиерейский дом, представляющий из себя крепостные сооружения, куда имущество может быть перевезено под надлежащей охраной людей, связанных с Кремлевскими учреждениями и хорошо известных Комиссару Имуществ Республики».

Вспомним место обнаружения забытого чекистами ценного груза по сообщению эмигрантской газеты, о котором мы говорили в

---

* См.: Мячин И. Москва. Путеводитель. М., «Московский рабочий», 1973, с. 8.

начале книги. Стало быть, в отсутствии признания помощи архимандрита власть не упрекнешь.

Через несколько дней от духовенства Кремля, напуганного «неметчиной» и ночными погромами анархистов, в комиссию действительно поступили описи ценного имущества соборов и монастырей, после чего с вручением охранных грамот их настоятели именем Республики были обращены в государственных сторожей, а для верности (вспомним указания Флаксермана Малиновскому) к ним приставили комиссаров.

Непокоренной оставалась еще одна главная святыня церкви — Троице-Сергиева лавра. Ссылаясь на обострение криминогенной обстановки и неспособность церкви противостоять разгулу грабителей, Совнарком дал указание совдепу Сергиева Посада о создании собственной комиссии по охране памятников искусства и старины, куда вошли пролетарии С. С. Гусев и В. И. Ковалев, бывший солдат Г. Я. Яковлев и учитель А. Е. Захаров. Все — члены местного совдепа. Но это в начале и, так сказать, для отвода глаз. Со временем комиссия стала обрастать «спецами». Первым Сергиев Посад и его окрестности посетил малоразговорчивый гость из Москвы в конце апреля 1918 года. На стол предсовдепа легла официальная бумага:

«Комиссия по охране памятников и художественных сокровищ при Московском Совете Рабочих и Крестьянских Депутатов настоящим удостоверяет, что предъявителю сего Члену Комиссии Дмитрию Капитоновичу Треневу поручено принять меры к учреждению в Сергиевом Посаде местной Комиссии по охране памятников и художественных сокровищ, компетенция которой распространялась бы на все памятники, находящиеся в Посаде и его окрестностях, в том числе и в Хотьковом монастыре, на основании директив, данных тов. Треневу лично в Комиссии по охране памятников Москвы и всей области»*.

Для вящей убедительности документ скрепляла подпись уполномоченного народного комиссара имуществ Республики. Отсюда следовало, что предыдущий состав местной комиссии, назначенный 19 февраля, действительно имел формальное значение.

Появление Тренева в лавре было встречено с пониманием. Сработал его прошлый авторитет пытливого искусствоведа и бывшего члена Общества любителей иконописи, достаточно известного в церковных кругах. Однако по части описных дел Треневу пришлось туго. Троицкий и Успенский соборы, церкви Иоанна Предтечи, Духовская и Смоленская, Больничные палаты, Казначейский корпус, Митрополичьи покои, Чертоги, Хотьков и Вифаниевский монастыри... Везде бесценная старина, что ни возьми: от отделки помещений до мелкой утвари. Блеск великолепия. Писать не переписать. С осени пришлось привлечь к работе специалистов Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 3.

искусствоведов Ю. А. Олсуфьева — знатока тульской старины и И. Е. Бондаренко, а для успокоения церковной общественности — известного деятеля духовной культуры отца Павла Флоренского[108]. Год работала комиссия в действующей лавре. Осторожничали. А тем временем в местах более отдаленных отрабатывалась тактика «активной реквизиции».

В октябре 1918 года первой атаке подвергся Александро-Свирский монастырь вблизи Лодейного Поля Петроградской губернии. По распоряжению губисполкома и ЧК там были расстреляны священнослужители и прихожане — члены так называемого «Союза охраны церквей и часовен при Александро-Свирском монастыре», как «враги коммунистических идей и социалистической мысли». Что произошло после расправы, рассказывается в письме епархиального архиерея патриарху Тихону:

«...В монастырь приехали с красноармейцами люди, назвавшие себя комиссарами. Среди приехавших, как сообщает братия монастыря, оказались лица, жившие ранее в монастыре послушниками и рабочими, которые хорошо знали положение имущества монастыря. Приехавшие отобрали в монастыре все, что можно, они взяли все ценные вещи, многие очень важные в историческом отношении, содрали ризы с икон, отняли одежду и белье у монашествующих, захватили у них чай, сахар, съестные припасы, мало того, они заставили открыть соборный храм монастыря и начали распоряжаться в нем, как у себя дома; без всякого стеснения, с полным надругательством над религиозными чувствами православного русского народа они обращались с находившимися в храме мощами, самовольно вынули их из раки, а затем, вероятно, в оправдание своих возмутительных действий выдумали басню, будто бы вместо останков тела святого Александра Свирского они нашли лежащую восковую куклу... В самом священном месте храма — алтаре, где они, не снимая шапок, разбирали престол, хватали священные предметы, кресты, евангелия и священные сосуды. Наконец, они выпили церковное вино... напились допьяна»*. «Тактическая линия» принялась.

И вот, когда красный террор среди духовенства набрал силу, а сергиевопосадские соборы, церкви и монастыри признали в правительстве поистине неисчерпаемым кладезем материальных ценностей, Совнарком отважился принять постановление о закрытии лавры. Случилось это в ноябре 1919 года. Просьбы и протесты высшего духовенства оказались тщетными. В отчаянии патриарх Тихон запросил аудиенции у Ленина, но получил отказ. А 20 апреля 1920 года по проекту Наркомпроса СНК принял декрет «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой Лавры». Последние пункты законоположения определяли следующее:

«4. Для передачи художественно-исторических зданий и ценностей в ведение Народного Комиссариата Просвещения составляется

* ЦГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 381, лл. 59—61.

комиссия из представителей Народного Комиссариата Просвещения (два), Народного Комиссариата Юстиции (один) и Губернского Исполнительного Комитета (один) с правом вызова экспертов.

5. Поручить этой Комиссии в месячный срок выделить для передачи в ведение Народного Комиссариата Просвещения все ценные в художественном и археологическом отношении имущество и здания, выработать правила по охране их и составить инвентарную опись всего ценного в художественном и археологическом отношении имущества, а также всего имущества Лавры вообще»*.

Советская власть окончательно обрела права полного хозяина Троице-Сергиевой лавры.

По части «национализации» церковных ценностей этого пока достаточно, но прежде, чем на время оставить церковь, вернемся еще раз к святыням Кремля.

1 марта 1918 года Комиссия по приему и охране бывшего дворцового имущества, но уже в расширенном составе, обсуждала вопрос о реставрационных и ремонтных работах в Московском Кремле. Докладывал Орановский. Собственно, весь доклад заключался в оглашении решения Комиссии по охране памятников о прекращении деятельности реставрационной комиссии Успенского собора под руководством архитектора И. П. Машкова, за исключением ограниченных работ по закреплению штукатурки на отдельных фресках по соседству с уже отреставрированными. Возражений, естественно, не поступило. В постановлении собрания дословно было заявлено следующее:

«Ввиду выяснившегося ненормального положения (ремонт прекращен, а Комиссия по реставрации существует) письменно сообщить Комиссии по реставрации Успенского собора о том, что ее деятельность с 1-го января прекращена и никаких новых выдач на содержание всех учреждений Комиссии по реставрации, за исключением средств по поддержанию штукатурки и оплаты работ, произведенных до 1-го января 1918 г., выдано не будет.

Все дела Комиссия по реставрации Успенского собора должна немедленно сдать Комиссии, состоящей из следующих лиц: Р. М. Юшкин, Н. В. Марковников, М. Н. Яковлев»**[109].

Вот ведь как бывает: о том, что реставрация не субсидируется с 1 января, объявляют только 1 марта. И вправду, остается подивиться упорству и энтузиазму реставраторов, которые начиная с ноября 1917 года без денежного содержания и каких-либо государственных дотаций изыскивали ничтожные средства и вели хоть какие-то работы, а не разбежались в поисках пропитания. Ждали от новой власти разумных решений и, как видно, наконец-то дождались. Но, может быть, Малиновский поспешил с решением, может быть, еще не знал, что правительством выделено свыше 400 тысяч рублей на

---

* См: Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917—1924 гг. — 1920 г., № 27, с. 133.

** ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 23.

ремонт Кремля? Оказывается, знал, но деньги те были не про честь Машкова с товарищами, а для устройства правительственных зданий и кабинетов и, как принято ныне говорить, для косметического ремонта прочих приметных построек Кремля.

Однако и по части государственных субсидий для Кремля необходимо внести ясность. Из выделенной Совнаркомом суммы в конце января 1918 года Малиновский получил только 100 тысяч рублей, остальное обещали перевести позже. Минул февраль, а обещанное не поступило.

...В полдень 12 марта 1918 года в Кремль въехал В. И. Ленин, прибывший накануне в Москву. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича[110], сопровождавшего предсовнаркома, тот внимательно осматривал Кремль и расспрашивал служащих, удалось ли сберечь ценности дворцов, Грановитой и Оружейной палат, о сохранности Патриаршей ризницы. Видать, сам до последнего сомневался не только в известиях Джона Рида, но и в сообщениях своих приближенных. Конечно, знал, что кое в чем привирают (на пользу революции), и не без его участия, но в какой степени?

После визита Ленина в Кремль хлопот у Малиновского прибавилось. В срочном порядке была пересмотрена смета на ремонт и реставрацию правительственной резиденции. Получилась кругленькая сумма — 15 миллионов рублей. Малиновский направил в Совнарком официальный запрос, а оттуда получил постановление от 1 апреля за № 1013, заверенное Фотиевой:

«Совет Народных Комиссаров в заседании от 30-го марта с. г., обсудив вопрос о выдаче в распоряжение Комиссариата Имуществ Российской Республики в Москве и Округе аванса на расходы по приспособлению кремлевских зданий к размещению в них эвакуированных из Петрограда Государственных Учреждений в размере пятнадцати миллионов рублей, постановил:

Ассигнование отклонить и разъяснить Комиссариату Имуществ Российской Республики в городе Москве и Округе, что кредит должен быть испрошен по смете Народного Комиссариата Имуществ Республики»*.

Что значит «по смете Народного Комиссариата Имуществ Республики»? А то, что выдача аванса и вообще выделение денег на эти цели должны производиться за счет средств наркомата, точнее, за счет получения наличности от реализации имущества бывшего дворцового ведомства. Вот так.

Далее Совнарком, уже не вникая в финансовые проблемы, спускал кремлевским службам указания, именуемые в анналах истории трогательной заботой партии и Советского правительства. Ленина, видимо, раздражал обшарпанный вид Владимирских ворот, через кои ему часто доводилось ходить, а может быть, к тому же и название их льстило Ильичу. И вот указание от 17 мая 1918 года:

«Товарищу коменданту Кремля. Предлагаю в срочном порядке

---

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 1.

произвести реставрацию Владимирских ворот (Кремлевская башня, выходящая к Историческому музею), поручив кому-либо из архитекторов, по указанию П. П. Малиновского, представить смету и наблюсти за исполнением работ»*.

Со временем у каждого хозяина Кремля появлялись свои причуды. При Сталине, например, потребовалось переустройство Сенатской башни. Н. Д. Виноградов, бывший тогда «придворным» архитектором, вспоминал: «Мне с этой башней пришлось, как говорится, повозиться, т. к. в торжественные дни, когда проходили на Красной площади парады и демонстрации, то правительство через Спасскую башню выходило на Мавзолей. Это создавало известные трудности в смысле охраны и т. д. Мне было предложено сделать проход через Сенатскую башню... Я сделал внутри этой башни лестницу, пробил отверстие для выхода, спроектировал дверь, которая запиралась на обычное время». И еще: «...при пробивке этой двери мне пришлось пройти толщу крепостной стены толщиной в два метра. Когда ее пробивали, то я заметил, что внутри этого массива известь еще не схватилась, она была в состоянии, подобном сливочному маслу...»**.

В заказные правительственные отдушины потянуло иссушающим сквозняком. «Живой» раствор Сенатской башни застыл. Те же сквозняки развеют прах многих древнейших построек святого Кремля. К этому мы еще вернемся, а пока продолжим сказ об имущественных комбинациях Советской власти.

Что касается полковых и других военного ведомства музеев, будем надеяться, читателю все понятно. Остается только добавить: в середине мая 1918 года попечитель военных музеев в Петрограде комиссар Гущик был вызван «по экстренной надобности» в Москву к Троцкому. Нарком остался доволен работой и докладом подопечного. 29 войсковых музеев с ценными экспонатами уже были прибраны к рукам (всего Гущик «национализирует» более 40 полковых собраний исторических реликвий). Предметы из золота и серебра комиссар предусмотрительно упаковал отдельно в опечатанные и зашитые гвоздями ящики с наложением красных ярлыков, помеченных литерами «ц. м.»***.

Пришел черед рассказать и об имущественном притязании Советской власти к Романовым. 13 июля 1918 года, за четыре дня до расстрела в Екатеринбурге Николая II и его семьи, предсовнаркома Ульянов-Ленин, управляющий делами СНК Бонч-Бруевич и секретарь Совета Н. П. Горбунов[111] подписали декрет «О конфискации имущества низложенного российского императора и членов императорского дома». Приводим его полностью:

«1. Всякое имущество, принадлежащее низложенному революцией российскому императору Николаю Александровичу Романо-

---

* «Ленинский сборник», XXXV, с. 21, 22.

** Из архива Н. Д. Виноградова. // Краеведы Москвы. — М.; «Моск. рабочий», 1991, с. 210.

*** По материалам АВИМАИВ и ВС, ф. 52, оп. 110/2, дд. 3, 8, 30.

ву, бывшим императрицам Александре и Марии Федоровнам Романовым и всем членам бывшего российского императорского дома, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, не исключая и вкладов в кредитных учреждениях как в России, так и за границей, объявляется достоянием Российской Социалистической Советской Федеративной Республики.

2. Все лица и учреждения, знающие о месте нахождения имущества, указанного в статье 1-й настоящего декрета, обязаны в двухнедельный срок со дня опубликования настоящего декрета представить соответствующие сведения в Народный комиссариат внутренних дел. За умышленное несообщение указанных в настоящей статье сведений виновные подлежат ответственности, как за присвоение государственного достояния.

3. Уполномоченные Российской Социалистической Советской Федеративной Республики за границей обязаны немедленно по опубликовании настоящего декрета приложить все старания к получению сведений о месте нахождения имущества лиц, указанных в 1-й статье декрета. Находящиеся за границей российские граждане обязаны представить известные им сведения о местонахождении имущества, указанного в статье 1-й декрета, соответственным уполномоченным Российской Социалистической Советской Федеративной Республики.

4. Указанные в статье 1-й имущества, находящиеся в пределах Российской Социалистической Советской Республики, кроме денежных ценностей, поступают в ведение Комиссариата внутренних дел. Денежные ценности сдаются в доход казны — в казначейства или учреждения Народного банка, находящиеся за пределами Республики, в том числе и в заграничных банках, поступают в ведение соответственных уполномоченных Российской Социалистической Советской Республики»*.

Глядя на декрет, можно предположить, что речь идет о розыске действительно несметных богатств Романовых, столетиями бессовестно грабивших Россию. Что же оказалось на деле?

Домашняя резиденция последней царской семьи — Александровский дворец в Царском Селе — оказалась под надзором новой власти сразу же после отречения Николая II. Летом 1917 года шефство над дворцом приняла художественно-историческая комиссия. Личное имущество Романовых оставалось в неприкосновенности.

Но вот с осени по распоряжениям комиссаров из кладовых дворца стали вывозить серебряные художественные изделия и дорогостоящее имущество Камеральной части.

В первых числах марта 1918 года по указанию Флаксермана из апартаментов Николая II в Зимний дворец доставили все ценные металлические вещи. Несколько позже по распоряжению Ятманова комиссаром В. С. Шаусе, эконом-комендантом Александровского дворца Телепневым и председателем художественной комиссии

* Декреты Советской власти, т. 2. М., Политиздат, 1959, с. 95, 96.

С. М. Коровиным[112] туда же свезли ящики со «всякой рухлядью»: настольные золотые, серебряные и камнерезные украшения, пасхальные яйца, в том числе изготовленные по императорскому заказу ювелирной фирмой Фаберже[113], слитки серебра, отлитые по семейной традиции Романовых из старых погон, и прочие «безделушки». В последующем все изделия из ценного металла с соблюдением отчетных формальностей были сданы на переплавку в Народный банк.

Надо признать, по части соблюдения собственной законности большевики были на высоте. Выполняя требования декрета, накануне убийства у Николая II и членов его семьи отобрали все драгоценные вещи и семейные реликвии, в том числе иконки, нательные кресты, медальоны, часы и цепочки. И так же безжалостно все было пущено на переплавку.

Еще позже, вероятно, под магическим действием того же декрета «глава Красного Питера» Зиновьев прикажет выпотрошить великокняжескую усыпальницу в Петропавловском соборе, а останки Романовых спустить под лед Невы.

На удивление, до осени 1918 года в Александровском дворце сохранилась большая часть гардероба царской семьи, включая военную и статскую одежду Николая II. Впрочем, сказать, что гардероб остался вне поля зрения новых хозяев, нельзя. Наоборот, видимо, было немало желающих владеть царской одеждой.

Первым претендентом на пользование Александровским дворцом стала А. А. Луначарская — жена наркома и председатель Комитета по детским колониям при Петроградском совдепе. В жарких спорах при поддержке Телепнева ей удалось отвоевать у художественной комиссии часть нижнего этажа, где с 1916 года размещался лазарет Ее Императорского Величества. Но Луначарской, якобы для детей, нужен был весь дворец. Однако к осени эта идея оказалась напрочь забытой. В антресолях дворца поселилась сама Луначарская, а рядом с ней — Телепнев со своим многочисленным семейством. По этому случаю бывший председатель царскосельской художественной комиссии Г. К. Лукомский высказал следующее соображение:

«Получалось впечатление, что размещение детской колонии было просто нужно как повод для разгрома имущества бывшего наследника и великих княжон, чтобы стереть с лица земли доказательства исторической, фактической неопровержимости скромной жизни семьи Николая II, а может быть, дело было проще: все было затеяно Телепневым, чтобы при переносках вещей воспользоваться предметами обихода, носильным платьем и т. д.

Во всяком случае, попытки использовать такое (практическое) имущество были огромные. Особенно трудно было отстаивать книги — учебники. Но при содействии Книжной палаты это удалось все же вполне. По просьбе ее я не отдал ни единого учебника с автографом бывшего наследника и т. п. или с автографами «подносителей»*.

---

* Лукомский Г. К. Художник и революция. Записки художественного деятеля. 1917—1922. Берлин, 1923, с. 45.

В конце ноября 1918 года Лукомский покинул Царское Село, а затем и Петроград. Царский гардероб бесследно исчез, исчезла и значительная часть императорской библиотеки.

Что же касается «национализации» главных сокровищ Романовых — коронационных регалий, державных атрибутов, брачных корон, различных диадем и прочих торжественных украшений с обилием золота, платины и бриллиантов, то следует уяснить: они не были собственностью царской семьи, а принадлежали Российскому государству. Это положение было закреплено еще Петром I специальным указом. Он определял, что сии регалии «имеют в царской рентерии (казне) в большом сундуке за тремя замками в сохранении быть, к чему камор-президенту, одному камор-советнику и царскому рентмейстеру каждому по одному ключу иметь надлежит и когда торжественное какое действие случится, то президенту вместе с двумя камор-советниками идти в рентерею и оный сундук отпереть и подлежащие такие к государству вещи вынять и через двух каморных советников к царскому двору отсылать. А после бывшего торжества взять велеть оные паки в рентереи сохранить»*.

Никто из царской династии не посмел отменить указ своего достопочтимого предка.

Относительно личных вкладов и фамильных реликвий Романовых в заграничных сейфах остается констатировать наличие банковской тайны (если она вообще существовала) по сегодняшний день. Туда «национализаторы» пробраться не смогли.

И последнее. По ходу розыска царских богатств власти, похоже, отнесли к имущественной категории Романовых (добыча-то была ничтожной) и их портретную живопись, кому бы та ни принадлежала. Общее количество собранных портретов и картин определить невозможно, так как строгому учету они не подлежали. По всей вероятности, немало. Во всяком случае, в середине января 1919 года Наркомпрос принял специальное постановление о сборе и использовании в Государственных художественных свободных мастерских холстов с изображениями бывших императоров и членов их семей, находившихся в правительственных и общественных учреждениях и у частных лиц**. Но вскоре чиновников от просвещения озарила мысль: ведь царские портреты, как правило, писали незаурядные живописцы, стало быть, и «реакционные» по содержанию произведения могут стоить приличных денег, а они, как известно, не пахнут. Поэтому 2 февраля в «Известиях» появилось разъяснение к указанному постановлению о том, что холсты до использования подлежат предварительному осмотру особой комиссией с участием представителя Коллегии по делам музеев и охране памятников старины для выяснения их художественно-исторической ценности.

Вполне естественно, с полотнами великокняжеской и царской

---

* Сокровища Алмазного фонда СССР. М., «Изобразительное искусство», 1975, с. 6.

** «Известия», 1919, 16 января.

тематики в Петрограде вышел перебор, и чтобы не ломать головы с использованием холстов, Исполком Петросовета в том же месяце объявил конкурс на лучший портрет героев времени — Володарского, Урицкого, Либкнехта, Люксембург, Ленина, Троцкого, Зиновьева и других*. Как говорится, свято место пусто не бывает. Примечательно, в состав жюри конкурса вошли и персоны из партийного сонма — Зиновьев и Луначарский.

Не меньший интерес советская власть проявляла к представителям имущего сословия и более низких рангов. Как известно, среди них были многочисленные владельцы дорогостоящих художественно-бытовых изделий, уникальных культурных памятников и страстные собиратели старины. И если в Петрограде в первые месяцы пролетарской диктатуры имущественный вопрос большинства крупных владельцев ценной движимости и недвижимости был разрешен сразу, исходя из их политической принадлежности, то в Москве дело пошло по-иному. Особых видимых претензий к собственникам власть не имела. Вместе с тем почти каждый день газеты атаковали жителей Москвы сообщениями о грабежах и бандитских налетах на особняки и богатые квартиры. Газетные сообщения обрастали еще более жуткой молвой. Имущие горожане цепенели от страха.

С переездом правительства в Москву волнений прибавилось. День ото дня центральный аппарат власти разрастался всевозможными «подсобками». Отделы, подотделы, коллегии, комиссии, комитеты, советы... Москва стала тесной. Начались «уплотнения», переселения и реквизиции жилого фонда, что обещало собственникам скорую потерю не только всякой недвижимости, но и крыши над головой. Положение бывших хозяев казалось безысходным. Вот тут-то Московский совдеп совершенно неожиданно протягивает собственникам руку «помощи» — объявляет о приеме под государственную охрану имущества владельцев наиболее ценной движимости, в том числе художественных собраний и иных памятников искусства и старины. Разумеется, добровольно, «по заявлению». В случае подтверждения специалистами из Коллегий Наркомимуществ и Наркомпроса значительного количества действительно ценных произведений искусства и культуры их бывшие владельцы, перейдя в разряд государственных хранителей, могли получить право на пользование несколькими комнатами-хранилищами, а то и целым этажом. В совдеп посыпались заявления с подробным описанием частных сокровищ и семейных реликвий.

В числе первых на милость власти сдались известнейшие российские коллекционеры А. В. Морозов[114], И. С. Остроухов[115], И. А. Морозов[116], С. И. Щукин[117], А. А. Бахрушин[118], его брат С. А. Бахрушин и прямые наследники Л. К. Зубалова[119]. Все они пожелали, чтобы их собрания вместе с особняками перешли в дар Республики, а сами они были назначены пожизненными храните-

* По материалам РО ГПБ, ф. 322, ед. хр. 63, л. 29.

Михаил Петрович Боткин, живописец, искусствовед и владелец крупнейшей в России уникальной коллекции произведений прикладного искусства. 1910 г.

лями. Власть отнеслась к коллекционерам «с пониманием». Отдельные особняки не только получили статус музеев, но даже имена их бывших владельцев.

Одно из таких посвящений засвидетельствовано со слов Луначарского на страницах июньского номера «Огонька» за 1929 год. Музей А. А. Бахрушина попал под ведение политической шансонетки и покровительницы всех российских театров О. Д. Каменевой. Та высочайше похлопотала перед наркомом о присвоении театральному музею имени его создателя. Луначарский не посмел взять на себя «политическую» ответственность — и к Ленину. Выслушав Луначарского, предсовнаркома спросил: «А как вы думаете, в один прекрасный день он от нас не убежит и не затешется в какую-нибудь контрреволюционную компанию?»

Нарком заверил, что Бахрушин никогда не уйдет от своего детища.

«Тогда, — сказал Ленин, — назначайте его пожизненным директором музея и оставьте за музеем его имя»*.

Но то были собиратели с мировой известностью. Сошки поменьше, по количественному наличию и уровню ценности предметов искусства и старины, были приняты властью во «вторую категорию» охраны, то есть с обязательным «уплотнением» жилья. Решение выносилось уполномоченным «спецом» в порядке очередности списка просителей. Были случаи, когда владелец домашнего скарба имел всего лишь одну-две уникальные вещи, тогда его шансы сохранить за собой хотя бы ничтожную часть насиженного гнезда сводились к нулю. Вещь, как правило, забиралась на экспертизу в художественную комиссию и обратно не возвращалась.

Всем владельцам зарегистрированных собраний, вероятно, чтобы те не теряли чувства принадлежности добра, кроме обязанностей государственных сторожей, вменялась просветительская повинность. Бывшие хозяева коллекций по субботним, воскресным или другим установленным дням недели должны были любезно и терпеливо принимать любопытных пролетариев и просто зевак, прово-

* См.: «Огонек», 1929, 24 июня.

дить разъяснительные экскурсии с точки зрения революционной культуры.

Но период коммунального благоденствия был недолог, в том числе и у именитых коллекционеров. Вскоре в первом этаже особняка И. А. Морозова разместилось общежитие Московского военного округа, а затем его сменили подразделения Наркомпроса. Сами Морозовы съехали. То же и в другом особняке — А. В. Морозова, с той лишь разницей, что постояльцы представляли другие ведомства. Бывшего владельца перевели в помощники к вновь назначенному главному хранителю коллекции скульптору С. З. Моргунову. Также в роли второго хранителя оказался «по возрасту лет» С. И. Щукин. Брату А. А. Бахрушина — Сергею Александровичу, обладателю в прошлом крупнейшей коллекции гравюр и великолепного антиквариата, — предоставили одну комнату, потом сжалились — дали две. Сам Алексей Александрович, как ни стучал в сердца ленинцев, не мог добиться элементарного гражданского равноправия. Ввиду классового происхождения «пожизненный директор» был лишен избирательного права. Так и умер в двадцать девятом году в полном бесправии создатель первого театрального музея России.

Вдобавок, для полной ясности, в ноябре 1918 года Совнарком издал декрет о национализации коллекции С. И. Щукина, а в декабре — о национализации художественных собраний И. А. Морозова, И. С. Остроухова и А. В. Морозова.

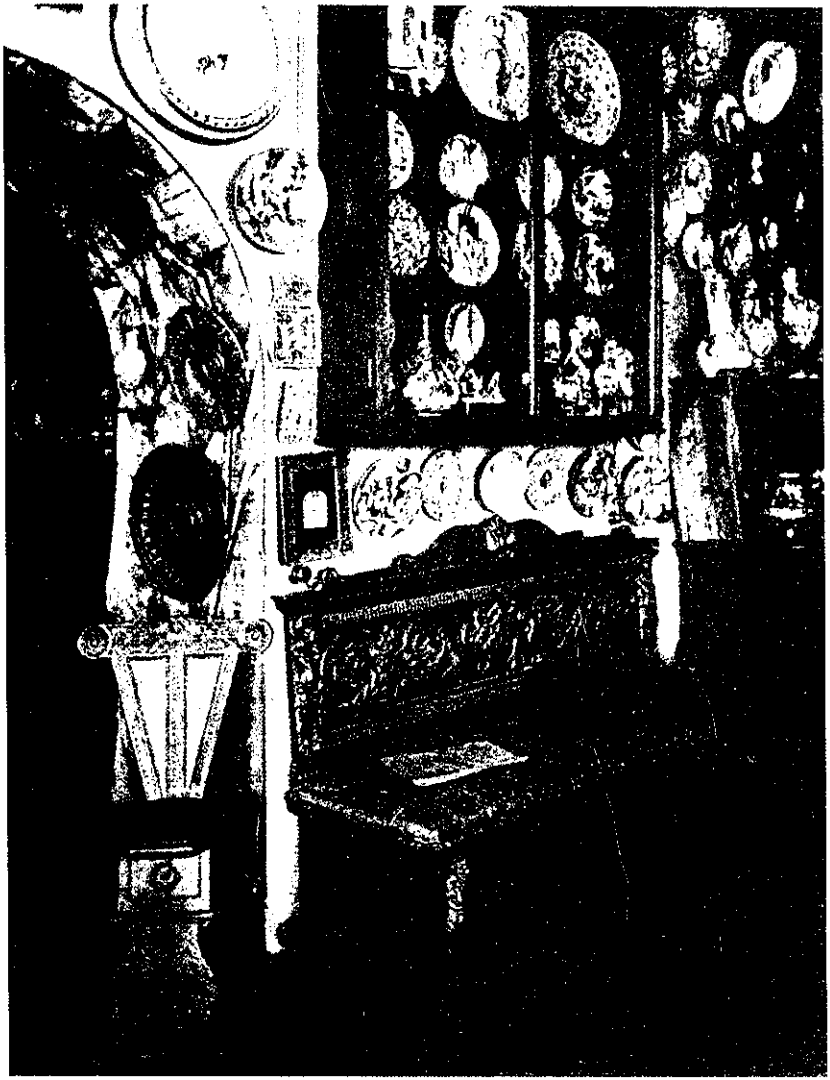
Проще решилась судьба сокровищ, чьи бывшие владельцы хранили свои собрания в банковских сейфах. Их сгрузили и вывезли без каких-либо объяснений. Декрет о национализации банков — слыхали? Так, например, была «ликвидирована» уникальная коллекция византийских эмалей выдающегося собирателя старины и живописи М. П. Боткина[120], не единственная потеря его наследников.

А позже, в приснопамятном двадцать третьем году, уже известное читателю «Положение о государственном подоходно-поимущественном налоге» напрочь отбило всякую охоту к собирательству у любителей искусства и старины. Здравомыслящие художники попытались доказать высшей власти, что «частное коллекционерство всегда было и должно быть основой государственного, которое вообще без частного немыслимо, поэтому всякие усиленные налоги на предмет искусства, в особенности на части, касающиеся искусства современного, мы считаем не только несправедливыми, но и глубоко вредными»*. Все тщетно.

...Решение имущественного вопроса бывших дворянских и помещичьих усадеб началось, можно сказать, с первых дней Советской власти. Принятый на «ура» Декрет о земле тут же развязал руки безземельным крестьянам, и те кинулись делить не только угодья, но и хозяйское добро. Сотнями гибли имения — своеобразные и многоликие памятники русского сельского быта, зодчества и культуры.

---

* ЦГА РФ, ф. 2307, оп. 3, д. 167, л. 202.



Коллекция итальянской майолики в доме М. П. Боткина, 1910 г. Национализирована и продана за границу советской властью.

В феврале 1918 года первую попытку остановить повальный дележ барского имущества в деревнях предпринял Грабарь и его единомышленники Н. А. Алексеев[121] и В. А. Мамуровский[122]. В Московскую комиссию по охране памятников на имя Малиновского они представили проект циркуляра всем земельным комитетам и местным совдепам по Московской губернии:

«На основании декрета Совета Народных Комиссаров о передаче

помещичьих имений земельным комитетам обстановка помещичьих усадеб никоим образом не подлежит разделу. Между тем бывают случаи, что обстановки помещичьих домов подвергаются разделу вместе с хозяйственным инвентарем, хотя никакого отношения к сельскому хозяйству не имеют. При таких разделах погибает множество предметов, имеющих художественную и научную ценность, — как библиотеки, картины, статуи, фарфор, художественная мебель и тому подобные вещи, являющиеся уже не собственностью той или другой деревни, а общенародным достоянием...»*

Но увы, только почти полгода спустя, в июле, Малиновский, будучи в чине наркома, отважился подписать похожий циркуляр, правда, по должности всероссийского масштаба и более конкретный в значении государственных дел:

«В разъяснение постановления Комиссариата Земледелия, Комиссариат Имуществ Республики предписывает всем Совдепам, Земкомитетам и Комитетам Крестьянской Бедноты наблюдать за тем, чтобы имущество художественно-исторического и научного значения, находящееся в имениях и усадьбах, как, например: картины, люстры, мебель, старинные костюмы, портреты, гравюры, книги, библиотеки, разные архивные дела, рукописи, письма и тому подобное без ведома и разрешения Комиссариата Имуществ Республики или его органов не продавалось и не отчуждалось. Это имущество должно оставаться на местах впредь до принятия его на учет Комиссариатом. О местонахождении такого имущества Комиссариат предлагает немедленно сообщить по адресу: Москва, Большая Дмитровка д. 8...»**.

Казалось бы, после наказа наркома уничтожение усадеб прекратится, но не тут-то было. Наркомат Имуществ сам словно спрут опутал своими щупальцами помещичье добро и продолжил его дележ, исходя уже из строгой государственной целесообразности, то бишь разряда ценности имущества. Что в галереи и музеи, что в государственные амбары, а что советам и комитетам. Главное — не упустить. Вот одно из постановлений заседания Коллегии Наркомимуществ от 25 июля 1918 года:

«Передать Пошехонскому Совдепу выдать хранящееся в имении «Сосновец» имущество художественно-исторического значения в распоряжение Комиссариата Имуществ Республики как имеющее общенациональное значение.

Библиотеку, состоящую из 5000 с лишком томов, издания 18—19 веков, преимущественно иностранных, по вопросам правовым, военным, историческим и пр. передать Социалистической Академии Общественных наук.

Назначение ковров, фарфора, старинного оружия и пр. определить по соглашению с губернским Совдепом»***.

---

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 16.
** Там же, л. 4.
*** Там же, д. 11, л. 61.

Уничтожение имений продолжалось государством. Трагедия завершилась тем, что на сегодняшний день нет ни одной полноценной русской усадьбы на российской земле. Нет тех сказок и поэм сельского быта — остались старые книжные картинки. Кто-то, возможно, возразит: а как же знаменитые шереметевские Остафьево и Михайловское, щербатовское Братцево, юсуповское Архангельское, голицынские Дубровицы, гагаринское Богословское-на-Могильцах и прочие дивные места? Как и другие усадьбы, их тоже изрядно выпотрошили. Взять хотя бы живописные полотна Тропинина, Рокотова, Кипренского, Брюллова, отправленные в запасники музеев. Проследить путь их поступлений невозможно. Собирали валом. Мы не говорим уже об архитектурных коллизиях усадеб, приусадебных строений и потертых парках. Почти все знаменитые в прошлом усадьбы и ныне существующие от них постройки — всего-навсего пародии на былое с претензией на оригинальность. Многие из них заняты пансионатами, исследовательскими институтами и другими ведомственными учреждениями. А это, согласитесь, по отношению к имению не одно и то же. Ведь усадьба — это не только дом с имуществом. Это, если хотите, неповторимый уклад сельской жизни России.

В начале 20-х годов со стороны молодого и, по свидетельству современников, талантливого искусствоведа-исследователя В. В. Згуры[123], сына бывшего губернского предводителя оренбургского дворянства, были попытки по горячим следам воссоздать первоначальный облик и вернуть первозданную самобытность ряду усадеб. Основанное им общество так и называлось — изучения русской усадьбы. К несчастью, осенью 1927 года Згура утонул в Феодосии во время купания, а многие его сподвижники и последователи в 30-х годах оказались в лагерях, ссылках и безымянных могилах.

...Однако не каждый имущий житель России, коллекционер или обладатель всевозможных сокровищ, спешил на поклон в Советы. Были те, кто с нажитым добром все-таки связывал свое будущее благосостояние, кто просто не хотел ничего отдавать, и те, кто видел в действиях властей угрозу существованию исторических реликвий. Например, начальник отдела Главного военно-хозяйственного управления «военспец» А. А. Завадский спас и тайно хранил на московской квартире 127 знамен русской армии из фондов бывшего Интендантского музея. Были собиратели и иного толка, те, что скупали и копили сокровища в собственных запасниках с целью последующей перепродажи. Были многочисленные антикварные магазины и бескрайний «черный» рынок.

Для власти не было смысла делить эту массу на категории и подыскивать ключи к каждому ларцу. Время требовало всеобщего аврального подхода, а потому апофеозом первой волны «великой советской реквизиции» стали декреты СНК от 19 сентября 1918 года «О запрещении вывоза и продажи за границей предметов особого художественного и исторического значения» и от 5 октября того же года «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников ис-

КОМИТЕТЪ
ПО ОХРАНѢ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ СОКРОВИЩЪ
ПРИ
СОВѢТѢ ВСЕРОССІЙСКИХЪ
КООПЕРАТИВНЫХЪ СЪѢЗДОВЪ

КООПЕРАЦІЯ
И
ИСКУССТВО.

Сборник статей: Игоря Грабаря, Н. Романова, Абрама Эфроса, Н. Эттингера, и А. Чаянова.

МОСКВА
1919.

Обложка брошюры «Кооперация и искусство», 1919 г.

кусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Но прежде немного предыстории.

С самого начала службы в Советах Грабарь и его близкие товарищи почувствовали со стороны комиссаров и их помощников некоторую отчужденность. Круг инициативной деятельности «спецов» сужался. В конце февраля 1918 года Грабаря вместе с Клейном исключили из состава Комиссии по приему и охране бывшего дворцового имущества, а в марте фактически отстранили от руководства Третьяковской галереей. Последнее было связано с решением подопечных Малиновского о замене прежних дирекций музеев на так называемые художественные советы с привлечением младших музейных служащих по утверждению совдеповского отдела пластических искусств и подотчетных Совету районных дум. Будущее Третьяковской галереи представлялось новаторам двояко. Татлин и Удальцова считали, что она «должна открыть двери молодому искусству, связать прошлое с настоящим», Орановский — что «период русского искусства, так полно выраженный галереей, закончился. Из живой галереи она стала музеем. Хранение музея должно быть вручено в большей мере эпигонам отошедшей в истории эпохи...»*. О завещании самого П. М. Третьякова[124] никто не вспомнил. До него ли? Но как бы ни было, получалось так, что из всероссийской и даже мировой жемчужины искусствоведения галерея превращалась в районный музей или выставочный зал.

Конфликт разрастался, и Грабарь в знак протеста покинул комиссию по охране памятников искусства и старины. Но далеко не ушел. В том же марте он принял участие во Всероссийском кооперативном съезде. Вроде бы далекие от искусства кооператоры оказались людьми сговорчивыми. По решению съезда был создан общественный Комитет по охране художественных сокровищ. Возглавил его Грабарь при участии хранителя Румянцевского музея Н. И. Романова и искусствоведов А. М. Эфроса и П. П. Муратова.

Казалось, Грабарь обиженно дерзил власти, однако сферы деятельности советских чиновников и общественного комитета не пересекались. Грабарь по уши погрузился в «черный» рынок, до того времени еще не охваченный Наркоматом Имуществ и органами ВЧК. В распространенном заявлении комитетчики вещали о своей преданности государственной власти. Их вторым документом стало обращение к населению за помощью в получении «сведений о всех произведениях искусства и старины, которым грозит опасность путем перепродажи уйти навсегда из России».

Началась деятельная работа. На средства кооператоров и общественных организаций комиссия приобретений из состава комитета скупала наиболее ценные произведения искусства и исторические реликвии. За короткий срок в ее руках оказались знаменитый, но уже потрепанный торговцами «Альбом Елисаветы Николаевны Ушаковой» с рисунками и автографами А. С. Пушкина, альбом

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 9, л. 6.

рисунков О. А. Кипренского, полотна А. Г. Венецианова и крупных итальянских мастеров. Все это было сдано в государственные хранилища.

А в мае 1918 года Грабарь донес властям свои подозрения о возможной продаже княгиней Е. П. Мещерской, обладательницей не прошедшей совдеповской регистрации фамильной коллекции живописи, тондо XV века кисти Сандро Боттичелли «Мадонны с младенцем»[125]. И не кому-нибудь, а известному германскому послу графу Мирбаху, поскольку его машина не однажды останавливалась в Староконюшенном переулке у дома княгини. К Мещерской нагрянули чекисты. На Лубянку было доставлено 16 холстов, но тондо среди них не оказалось. Давать какие-либо показания на сей счет княгиня отказывалась.

И вот тогда состоялась первая проба пера в законотворчестве частной национализации по соображениям территориального закрепления достояния Республики. 30 мая 1918 года в Совнаркоме подписали декрет «О запрещении вывоза за границу картины Боттичелли (тондо)». После чего на Лубянку и лично к Ф. Э. Дзержинскому доставили уже саму княгиню. Поднаторевшие в политическом шантаже и угрозах расправ чекисты вытрясли из Мещерской тондо, а заодно и нужные сведения о графе Мирбахе и кое-что по части «антибольшевистских происков». Первая проба завершилась удачей.

Старания Грабаря власть оценила. К лету тот оказался в официальной должности под крылом новой заведующей Отделом по делам музеев и охраны памятников в Наркомпросе Н. И. Троцкой[126] — жены «демона революции». А некоторое время спустя, после выхода декрета СНК «О национализации Третьяковской галереи» от 3 июня 1918 года, Грабарь вернулся в родные «пенаты». Однако возвращение стоило ему потери многих друзей. Весть о доносе Грабаря на Мещерскую мгновенно облетела и творческую Москву, и Петроград.

«...Я не могу поверить, что ты принял активное участие в отобрании у княгини Мещерской ее Боттичелли. Или и тебя заразил общий психоз, выросший на развалах войны и полной сумятицы?»*

Это строки из письма к Грабарю одного из близких, но уже бывших его друзей. Невероятное стало очевидным для многих.

Но страшная угроза массовой потери редчайшего антиквариата, художественных и исторических сокровищ для России действительно существовала. Об этом не переставал твердить М. Горький, и коль скоро мы приближаемся к раскрытию его подлинного гражданского облика, приведем с незначительными сокращениями размышления писателя в «Новой жизни» за 23 мая 1918 года:

«Человек, недавно приехавший из-за границы, рассказывает:

«В Стокгольме открыто до шестидесяти антикварных магазинов, торгующих картинами, фарфором, бронзой, серебром, коврами и

---

* См.: ГРМ, Отдел рукописей, ф. 137, д. 390, л. 4.

вообще предметами искусств, вывезенными из России. В Христиании таких магазинов я насчитал двенадцать, их очень много в Гетеборге и других городах Швеции, Норвегии, Дании. На некоторых магазинах надписи: «Антикварные и художественные вещи из России», «Русские древности». В газетах часто встречаются объявления: «Предлагают ковры и другие вещи из русских императорских дворцов».

Нет сомнения, что этот рассказ — печальная истина, печальная в такой же степени, как и позорная для нас. Чтобы убедиться в этой истине, стоит только посвятить два-три дня на обзор того, что творится в галереях Александровского рынка, в антикварных лавках Петрограда и бесчисленных комиссионных конторах, открытых на всех улицах города. Всюду неутомимо ходят хорошо выбритые, но плохо говорящие по-русски люди американской складки — и без конца покупают, покупают все, что имеет хотя бы ничтожное художественное значение. Особенно усердно и успешно охотятся за восточными вещами — китайским и японским фарфором, бронзой, старинным лаком, вышивками по шелку, рисунками, финифтью, клуазоннэ[127] и т. д.

...Знатоки дела, изучавшие историю восточного искусства, и коллекционеры утверждают, что у нас можно найти в чудесном изобилии такие редкие и древние вещи Востока, каких нет уже ни в Китае, ни в Японии. Очень многие иностранцы удивляются, что, несмотря на такое богатство художественными сокровищами Востока, несмотря на духовную связь русского искусства с восточным, у нас нет музея восточных древностей и восточного искусства.

Конечно — это удивление наивных людей, разуму которых совершенно недоступно понимание нашей русской оригинальности, нашей самобытности. Эти люди, видимо, не знают, что у нас — лучший в мире балет и — самая отвратительная постановка книгоиздательского дела, несмотря на то, что Русь — обширнейший в мире книжный рынок. Им неизвестно, что газеты Сибири, изобилующей лесами, печатаются на бумаге, привозимой из Финляндии, и что мы возим хлопок из Туркестана в Москву для того, чтобы, обработав оный, отвезти обратно из Москвы в Туркестан.

Вообще иностранцы народ наивный и невежественный, и Русь для них — загадка. Для некоторых русских она тоже является загадкой, и притом весьма глупой, но эти русские — просто люди, лишенные чувства любви к родине, патриотизма и прочего, это — еретики, а по мнению людей, обладающих волчьим патриотизмом, это — Хамы, не щадящие наготы отца своего, будто бы потому, что нагота отвратительна, когда она уродлива и грязна.

Но — шутки прочь. Дело в том, что Россию грабят не только сами русские, а иностранцы, что гораздо хуже, ибо русский грабитель остается на родине вместе с награбленным, а чужой — улепетывает к себе, где и пополняет, за счет русского ротозейства, свои музеи, свои коллекции, т. е. — увеличивает количество культурных сокровищ своей страны, сокровищ, ценность которых — неизмерима, так

же как неизмеримо их эстетическое и практическое значение...

Мы и тут поплетемся сзади других, а мудрецы наши будут охать, высказывая запоздалые и бессмысленные сожаления:

«Ведь сколько было у нас, в России, прекрасных вещей величайшего значения, и художественного, и научного, а вот — все исчезло! Так жаль, что не догадались своевременно собрать их, устроить музей — как бы хорошо было это!»

Поохают — и успокоятся».

Вполне осознанно, убедительно и в меру мудрено. Но это писатель. А вот документ официальный из экономической секции Управления военного контроля Республики в Петрограде от 3 июня 1918 года за № 3314:

«Весьма срочно, весьма нужно

В Совет Народных Комиссаров

Ввиду вхождения в число функций Военного Контроля досмотра на пограничных пунктах багажа лиц, следующих за границу, а также дачников в Финляндию, названному Контролю приходится за последнее время ежедневно сталкиваться с вывозом из России предметов, к экспорту безусловно не подлежащих, но везомых под видом якобы предметов домашнего обихода и личного пользования.

К числу таковых предметов относятся в первую очередь изделия из металла, как-то: медные самовары, такая же посуда, а также несшитые ткани, драгоценные ковры, носильное платье, шубы, пальто, белье. Подлежат выделению в особую рубрику предметы и изделия из старинной бронзы, севра и сакса[128], брюссельские кружева (валансин), за частью, быть может, вывезенные из дворцов и представляющие собой такую высокую художественную ценность, что владельцы их на вопросы происхождения вещей и [их] нахождения именно у них в данный момент не находят другого и лучшего объяснения, как маловероятную ссылку на приобретение их на Александровском рынке или у кого-то, где-то, когда-то на улице.

Сопоставляя изложенное с имевшими место в периодической печати сообщениями о том, что, главным образом, в Скандинавских странах наблюдается массовое появление магазинов с плакатами: «Драгоценности, вывезенные из русских дворцов»... Управление Особого контроля ввиду злободневности и остроты затрагиваемого вопроса ходатайствует о выработке подобного законоположения в возможно срочном порядке»*.

Отдадим должное Совнаркому, там уже об этом знали давно. И пока через пограничные бреши и на глазах малоопытных сотрудников Военного контроля российское добро уплывало за границу, в государственных органах в потугах рожали соответствующее законодательство. Казалось бы, какие тут могут быть сложности: несколько строк приказного порядка — и декрет готов. Но сложности, оказывается, были.

Совнарком поручил подготовить проекты декрета двум ведомст-

---

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 33.

вам: Наркомату просвещения с его Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины и Наркомату имуществ с Коллегией по делам изобразительных искусств. У каждого свой вариант.

Проект Наркомимуществ был более симпатичен правительству, однако против него буйствовал Наркомпрос. Варианты возможных законодательств отправили на рецензии специалистам Госконтроля и Наркомюста. Начались пересуды и бумажная волокита. И так до сентября.

Чем же не устраивал Наркомпрос вариант законоположений аппаратчиков Малиновского? За ответом обратимся к объяснительной записке подчиненных Луначарского:

«...Коллегия по делам Музеев считает своим долгом представить Совету Народных Комиссаров свои соображения, касающиеся декрета Комиссариата Имуществ Республики.

В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров от 30-го сего мая, возлагающим на Народный Комиссариат по Просвещению разработку декрета о воспрещении вывоза из пределов Российской Федеративной Советской Республики художественно-исторических ценностей, Коллегия представила декрет, касающийся исключительно вопроса о НЕВЫВОЗЕ, декрет же Комиссариата Имуществ Республики, помимо этого вопроса, включает еще два других момента, момент об УЧЕТЕ и момент о НАЦИОНАЛИЗАЦИИ предметов искусства и старины. Таким образом, здесь смещены в одном декрете элементы целых трех декретов, по существу, совершенно разнородных и в некоторых частях даже друг другу противоречащих, что, не говоря уже о чисто юридической несостоятельности такого смешения, неизбежно повлекло бы за собой ряд неустранимых неудобств и непоправимых ошибок при проведении его в жизнь.

Не возражая по существу против издания подобных трех декретов, Коллегия по делам Музеев и охране памятников искусства и старины считает своим долгом указать:

1) на то, что соединять их в один документ крайне нецелесообразно;

2) на то, что, если будет признано необходимым издать, помимо декрета о невывозе, еще два других декрета — об учете и о национализации, то эти последние никоим образом не должны быть издаваемы, хотя бы и отдельно, но все же одновременно с первым;

3) на то, что при издании этих трех декретов должна быть соблюдена логическая и практическая последовательность»*.

Как видно, Малиновский знал свое дело, чем и был приятен правительству. В отличие от наркомпросовцев хват-концентратор решил без церемоний и одним махом выполнить многосложную задачу, сделав упор на главном — прибрать к рукам все художественные и исторические ценности независимо от категории владель-

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 2, л. 30.

цев, а не ограничиваться вначале полумерным пограничным заслоном. Однако ради приличия в законотворчестве проект пришлось все-таки разделить, но не на три, а на два самостоятельных декрета с исключением открытого положения о национализации, ибо ее прямая постановка могла спугнуть обывателя и заставить его закапывать клады.

Первый из двух декретов не только воспрещал вывоз и продажу за границу предметов искусства и старины без разрешений на то органов Наркомпроса. Все магазины, комиссионные конторы и частные лица, занимающиеся торговлей этими вещами, торговые посредники и приватные эксперты в течение трех дней со дня опубликования закона были обязаны зарегистрироваться в Коллегии по охране памятников искусства и старины или в отделах по народному просвещению губернских совдепов. За нарушение — ответственность «по всей строгости революционных законов».

Декрет «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» с нетерпением выдержали под сукном лишь две недели. И тоже в дело. Время — деньги. Но более интересен не сам декрет, вроде бы направленный на защиту интересов отдельных имущественных граждан и национального достояния Республики, а механизм организации учета и охраны. Согласно дополнительному циркуляру, все владельцы художественно-исторических ценностей были обязаны в ближайшие дни с момента опубликования декрета подать в уездные и городские совдепы соответствующие заявления, а спустя не более двух недель направить туда же подробные описи ценного имущества в четырех экземплярах для их регистрации. Один экземпляр со штампом совдепа оставался у владельца, второй — в местном регистрационном органе, третий — отправлялся в Коллегию или губернскую комиссию по охране памятников искусства и старины, четвертый — в руки Отдела имуществ Наркомпроса, причем с обязательной пометкой наиболее ценных предметов. Уполномоченным на местах и чекистам предписывалось в кратчайший срок провести фактическую проверку описей, а также «подозрительных» лиц на возможное укрывательство. Все «физические и юридические» владельцы предметов искусства и старины были обязаны принять на себя их надлежащую охрану. Любые нарушения положений декрета или инструкции, в том числе купля-продажа зарегистрированной «собственности» и неспособность организовать ее сохранность, влекли за собой не только конфискацию ценностей, но и уголовную ответственность их бывших или настоящих владельцев.

Таким образом подавляющее большинство собственников художественно и исторически ценных имуществ оказались на государственном крючке, а вместе с ними — и профессиональные торговцы антиквариатом и произведениями искусства. По одной лишь Москве было зарегистрировано 64 антиквара, 4 крупных искусствоведа-оценщика, 25 магазинов по продаже художественных вещей и 255,

а в последующие неполные два года еще 93, различных частных собраний. Провести в любое время конфискацию нужных власти сокровищ не стоило теперь большого труда. За год «антикварной комиссией» в государственные запасники из московских комиссионных магазинов было доставлено более 22 тысяч предметов «первой категории». Картины, художественная бронза, фарфор, старинное оружие, ковры... Комиссия по регистрации и приемке церковного имущества за тот же срок вывезла из московских церквей и соборов около 15 тысяч произведений церковного искусства.

Стараниями домовых комитетов, чекистов и злопыхателей-доносчиков достояние власти множилось с каждым днем. Немалый доход приносили и вошедшие в «моду» массовые рыночные погромы. По этому случаю заглянем в пронизанные горькой иронией черные дневники З. Н. Гиппиус[129]:

«...На рынках вечные облавы, разгоны, стрельба, избиения.

Сегодня избивали на Мальцевском. Убили 12-летнюю девочку. (Сами даже, говорят, смутились.)

Чем объяснить эти облавы? Разве любовью к искусству, главным образом. Через час после избиений те же люди на тех же местах снова торгуют тем же. Да и как иначе? Кто бы остался в живых, если бы не торговали они — вопреки избиениям?»*

Усердие государственных погромщиков объяснимо. Мало кто из них оставался внакладе после подобных вылазок. Козыряя жестокостью и мандатами, ухари-реквизиторы присваивали часть рыночной добычи, нередко заведомо краденной, или получали от торговцев откупные. Вот такая получалась круговерть: для одних жизненно безысходная, для других благодатная.

Гиппиус очень точно охарактеризовала первый итог внутреннего устремления и законотворчества Советской власти:

«К весне 19-го года общее положение было такое: в силу бесчисленных (иногда противоречивых и спутанных, но всегда угрожающих) декретов приблизительно все было «национализировано» — «большевизировано». Все считалось принадлежащим «государству» (большевикам)»**.

* * *

Говоря о «большевизации» национального достояния, стоит упомянуть о некоторых коллизиях судьбы и достояния экс-национального.

Бывшая Российская империя пошла вразнос с первых дней Советской власти. Бурные аплодисменты в адрес народных комиссаров по случаю предоставления политических свобод и государственных прав дотоле зависимым территориям завершились овацией разномастных демократов и даже части консерваторов, как своих, отече-

---

* Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914—1919. Нью-Йорк —Москва, 1990, с. 262, 263.

** Там же, с. 236.

ственных, так и зарубежных. 29 ноября 1917 года советское правительство приняло постановление о передаче художественно-исторических реликвий украинскому народу, а 25 января следующего года — о передаче предметов старины и искусства, библиотек, архивов и прочих ценностей народу польскому. Жест широкий и, если верить партийному слову, искренний. Так ли?

За голым вначале сомнением всплыли документальные факты. Новые, но, увы, неудивительные.

«Передача» художественно-исторических ценностей «народу» на Украине, точнее в Киеве, Харькове и ряде других мест, зеркально копировала события в Петрограде и Москве, с той лишь разницей, что национализация там после падения Центральной рады разделилась на два периода с временным перерывом в связи с переходом власти в руки белой гвардии.

...По окончании междуусобных кровопролитий зимой 1918 года Киев, как и Москва, даже в большей степени, был изранен и покалечен. Сильнее других архитектурных сооружений города пострадал старейший и высокочтимый российским воинством Никольский Военный собор... Но, в отличие от первопрестольной, новая власть, несмотря на обещания, на восстановление киевских святынь до начала 20-х годов не выделила ни гроша.

В первый период советовластия — с февраля 1919 года — украинские национализаторы успели «пощипать» соборные ризницы и «омузеить» выдающееся частное художественное собрание Б. И. и В. Н. Ханенко[130], Митрополичий дом да несколько особняков. Первым хранителем уже государственной коллекции Ханенко стал примелькавшийся читателю Г. К. Лукомский. К его удивлению (по его же признанию), представители Добровольческой армии А. И. Деникина с захватом Киева не проявили никакого интереса к большевистскому музею. Более того, собрание Ханенко было «денационализировано» и передано обратно владелице. Годы спустя Лукомский возмущался равнодушной позицией к «музейному» делу во время белогвардейского правления Комитета по охране старины всей Украины при ее Академии наук, а затем при Университете Святого Владимира. Что же тут возмутительного, если есть хозяева и в чужое никто не лезет?

После очередного возвращения власти к большевикам еще раз провели «национализацию» музея Ханенко и, наверстывая упущенное, основательно вычистили брошенные квартиры, особняки, ризницы соборов и епархиальные древнехранилища. В дальнейшем всеукраинское достояние ждал широкий общесоюзный карман.

Передача польского достояния польскому народу носила иной характер, и здесь шла речь о действительном возвращении художественно-исторических ценностей на родину. Дело в том, что после осложнения военной обстановки на русско-германском фронте в 1915 и 1916 годах из владений Варшавского и Беловежского дворцовых управлений, а также из многих городов Царства Польского, Белоруссии и Литвы в российскую глубинку было эвакуировано

великое множество различных предметов искусства и старины. Отказ большевиков от политических и экономических притязаний к Польше обязывал новую власть дать временные гарантии по сохранности этого имущества или без промедления вернуть его подлинным хозяевам. Проще было последнее.

...Вскоре после выхода декрета Совнаркома Наркомат имуществ без какой-либо волокиты допустил для осмотра залов и хранилищ Кремлевского и Александровского дворцов, Оружейной палаты и Нескучного сада представителей ликвидационной комиссии Польского комиссариата[131]. Никто не чинил препятствий польским «товарищам» и в посещении переполненных складов, музейных хранилищ и антикварных свалок любых укромных мест всея России. Но ни Наркомат имуществ, ни Наркомат просвещения не дали Польскому комиссариату никакой информации о возможном нахождении эвакуированного художественно-исторического имущества. До того ли? Ищи-свищи.

Почти месяц поиска существенных результатов не дал. Работа комиссии зашла в тупик. И вот тогда на Луначарского показным образом возымели действие просьбы бывшего учителя из Лодзи, в недавнем прошлом правительственного комиссара по охране музеев и художественных ценностей в Петрограде Бернгарда Мандельбаума. Нарком просвещения с благословения Совнаркома 6 апреля 1918 года подписал постановление о содействии в возвращении Польше ее культурного, научного, художественного и исторического достояния. Была ли в этом скрытая политическая корысть? Возможно. В конечном счете заведующий Отделом культуры и просвещения Мандельбаум стал одной из ключевых фигур в Польском комиссариате.

В свою очередь, постановление Наркомпроса под угрозой «преследования по всей строгости Революционного Закона» предписывало всем государственным учреждениям, местным властям и частным лицам немедленно заявить в Польский комиссариат о нахождении соответствующего имущества с приложением его подробных списков и описей. Казалось бы, после этого дело пойдет без проволочек. Но вослед постановлению за подписью Луначарского и Малиновского во все музеи, дворцы, библиотеки и художественные хранилища Республики через совдепы поспешил циркуляр. Согласно его требованиям в местах нахождения предметов искусства и старины польского происхождения надлежало формировать так называемые смешанные подкомиссии из членов ликвидационной комиссии и работников хранилищ. Задача подкомиссии заключалась в «составлении подробной описи находящихся в данном хранилище объектов, происходящих из Польши, с указанием истории приобретения их данным хранилищем, причем важно определить, путем ли захвата или же купли-продажи, от кого и при каких обстоятельствах эти предметы попали из Польши в Россию»*. И не больше. Стало

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 17, л. 35.

быть, отдавать сразу и слишком много советская власть не собиралась.

Тем не менее в Хлебный переулок Москвы стали стекаться кое-какие сведения. Первой удачей для Польского комиссариата было майское известие о нахождении эвакуированного имущества в Саратове, в том числе вывезенных в последнее время из Курска и поступивших в ведение местного совнархоза свыше 5 тысяч польских колоколов.

Однако в ответ на запрос комиссариата президиум Саратовского исполкома ограничился следующим распоряжением совнархозу:

«Президиум Исполнительного Комитета предлагает вам отделить колокола, принадлежащие Польскому Народу, от других и оставить означенные колокола, помеченные буквами П. К. В. и М. или числами от 1 до 5123 в вашем ведении, предоставив Польскому комиссариату право регистрации»*.

В вывозе колоколов и в представлении местными учреждениями подробных сведений об эвакогрузах из Польши президиум отказал, но, правда, позволил беспрепятственно разыскивать имущество заинтересованным лицам.

Началась переписка между Польским комиссариатом, Наркоматом имуществ и губсовдепом. В Саратов срочным порядком был направлен комиссар по охране предметов польской старины и искусства по Саратовской губернии А. К. Фукс, а 18 июня 1918 года ликвидационной комиссии удалось выбить разрешение Малиновского на выдачу колоколов законным владельцам. К великому сожалению, распоряжение опоздало. Значительная часть польских колоколов вместе с другими колоколами, ранее вывезенными из разных мест прифронтовой полосы, была использована совнархозом в «промышленных целях».

...В десятых числах августа 1918 года в Польском комиссариате стало известно о прибытии в Осташков по железной дороге ценного груза бывшего Варшавского дворцового управления. Наученный горьким опытом комиссар по охране художественных сокровищ сразу же направился в Наркомат имуществ. В Осташков отбили телеграмму, а через четыре дня оттуда поступило сообщение о подготовке торгов. Инициатор не указывался.

17 августа Малиновский был вынужден направить официальный запрос за № 1735 комиссару железнодорожной станции Осташков:

«До сведения моего дошло, что на ст. Осташков прибыло два вагона польских художественных сокровищ, которые выгружены в пакгаузе и будут продаваться с аукциона. Сим в дополнение к телеграмме, высланной 12 сего августа, прошу Вас, тов. Комиссар, взять под свою защиту поименованный груз и таковой передать уполномоченному мною и Польским Комиссариатом лицу для перевозки в Москву, где хранятся остальные вещи»**.

---

* ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 17, л. 8.
** Там же, л. 28.

Тем временем в Осташкове уже шли торги. Повторная телеграмма в местный совдеп с просьбой приостановления продажи за подписью Виноградова ничего уже, по сути, не решала. Наиболее ценное имущество было разобрано неизвестно откуда нахлынувшими заграничными «фирмачами», скупщиками, отечественными «старьевщиками» и коммуновцами. Уполномоченные Польского Комиссариата опоздали.

17 августа нарком имуществ подписал удостоверение на разрешение вывоза в Польшу по одной картине работ Воруш-Ковальского, Бакалевича, Выгуликовского, Яна Бота, Вагнера, Фаллата, Верне, пастель Севрена, на безымянный английский портрет XVII века, «женский сюжет», «головку мальчика», четыре акварели, двадцать три миниатюры, два ящика разных книг, на «старинную японскую шапку» и «старинные золотые французские часы с боем»*. Включая выстраданные в Саратове колокола и «остатки» из Осташкова, это, пожалуй, все, что удалось собрать из польского достояния за лето 1918 года, если не считать еще картины Коссака «Наполеон» и древних актов из частного собрания Г. С. Комаровского, вывезенных на родину самим хозяином.

С разгаром гражданской войны поиск польских сокровищ пришлось приостановить, а весной 1920 года был открыт новый фронт — советско-польский.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ЗОЛОТОЙ КАЗНЫ

Отсюда начинается знакомство читателя с конкретикой финансовой политики партийного руководства и правительства большевиков, многими ее тайнами и причинами идеологических и политических настроений советской власти, предопределивших судьбу народа и его культурного достояния.

Для более яркого представления о партийно-правительственных деяниях стоит ненадолго остановиться на положении дел в финансовом хозяйстве Российской империи за последние два десятилетия самодержавного управления.

Пожалуй, во все времена царскому казначейству попадало по первое число. В чем только его не обвиняли: и в умственной убогости, и в слепой скаредности, и в казнокрадстве... А уж после октября семнадцатого года не оставили в экономической истории России ни единого светлого пятна. И то плохо, и это нехорошо. Так ли?

Действительно, на протяжении нескольких столетий в проведении прогрессивных экономических реформ и преобразований Россия отставала от большинства западноевропейских стран, да и жизненным уровнем не очень блистала среди соперниц. Не всякая реформа была по плечу, не всякая удачна. То войны, то недород, то иные напасти. Впрочем, и тугодумов в департаментах хватало.

---

* По материалам ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 17, л. 27.

Граф Сергей Юльевич Витте (1849—1915), министр финансов России. Петербург, 1898 г. Фото из семейного альбома Витте. ЦГА КФФД Санкт-Петербурга.

Но вот во второй половине XIX века в поисках путей к лучшей жизни российские финансисты пришли к мысли о проведении глубокой денежной реформы, которая обернула бы экономическую стратегию правительства на пользу всего государства и народа. Идея была проста и заключалась в отказе от серебряных денег, коих, как и самого серебра, хронически не хватало, старых кредитных билетов и введении собственной золотой валюты. Ведь было такое время, когда Россия по добыче золота, до его обнаружения в Южной Америке, Австралии и Калифорнии, занимала первое место в мире.

Золотая валюта могла быстро укрепить пошатнувшийся кредит, разместить российские займы за границей и массово привлечь в империю иностранный капитал. Что это значит, нынешнему читателю вполне понятно. Не каждое государство в прошлом и сейчас могло и может позволить себе такое.

Первым на путь накопления золотого запаса стал назначенный в 1881 году министром финансов Н. Х. Бунге[132], известный профессор-экономист из Харьковского университета. За шестилетнее управление министерством он сумел создать значительный запас банковского золота. Помогли вначале внешние займы и сокращение ввоза в Россию промышленных изделий с одновременным увеличением вывоза избыточных сельскохозяйственных продуктов. Кое-что перепало и от повышения косвенных винно-монопольных налогов. Но золота для обмена кредитных билетов на монету пока еще не хватало.

В 1887 году дело продолжил новый министр финансов — И. А. Вышнеградский[133]. Тоже крупный ученый, специалист по теории машин и автоматического регулирования. И он увеличил золотую казну. Однако 600 миллионов рублей для выкупа золотыми монетами старых кредитных билетов все еще не было.

В 1893 году преемником Вышнеградского стал С. Ю. Витте[134]. Природный и непревзойденный предприниматель, сметливый хозяин и дальновидный экономический политик. За четыре с небольшим года Витте не только довел золотой запас до нужного объема и создал его дополнительные накопления, но и точно, по-аптекарски, рас-

считал сложнейшие финансовые операции по вводу золотой валюты. В 1897 году денежная реформа состоялась. При ее проведении решили не заботиться о восстановлении упавшего курса кредитного рубля по отношению к серебряному, а выкупить кредитные билеты золотой монетой по фактически существовавшему курсу. Выкуп кредитных билетов произвели на основе равенства золотого рубля 17,424 долей[135] чистого золота.

Для удобства населения в хождение были пущены сначала четыре золотые монеты достоинством в 15, 10, 5 рублей и 7 рублей с полтиной, а затем только две — в 10 и 5 рублей. Одновременно в ход пошли новые кредитные билеты, которые свободно обменивались по номиналу на золотую валюту. Серебряные и медные деньги оставались в обращении и служили разменной монетой при золотом рубле. К 1900 году старые кредитные билеты были окончательно заменены новой валютой.

На удивление денежная реформа в России была проведена без всякого, обычно неминуемого в подобных операциях, расстройства денежного обращения и конфузов. Русские финансы оздоровились и набрали силу. Отечественные и западноевропейские экономисты и политики с восхищением рукоплескали невиданному успеху российских реформаторов. Значит, не было дураков среди последнего поколения высшего царского казначейства. К слову заметим, никто из перечисленных министров не двигал время вперед, не прибегал к пустословию, не думал о славе и тем более не помышлял о халтуре или обмане.

Денежная система стояла твердо до начала войны 1914 года. Не будем предрешать оценку событий и предоставим слово очередному министру финансов императорского двора Н. К. Бунге. Его речь на заседании Государственной Думы 26 июля 1914 года, где раскрываются ключевые направления в финансовой политике царского правительства на военное время, приводится с небольшими сокращениями:

«Для ведения войны государству приходится наряду с военной мобилизацией произвести также мобилизацию финансовую, и на министерстве финансов лежит обязанность прежде всего озаботиться кассовыми средствами, которые могут быть предоставлены как на военные нужды, так и на поддержание торговли и промышленности при одновременном сохранении золотых запасов (здесь и ниже выделено нами. — *Авт.*).

С этой целью немедленно после объявления войны нам Германией было внесено представление в комитет финансов о том, чтобы Государственный банк приостановил размен кредитных билетов на золото и чтобы банку было предоставлено более широкое право дальнейшего выпуска кредитных билетов и, кроме того, чтобы ему было предоставлено право учитывать краткосрочные обязательства государственного казначейства.

Представление это, по одобрении комитетом финансов, было внесено в совет министров, было там подвергнуто обсуждению и

также им одобрено. Положение совета министров удостоилось 23 сего июля Высочайшего утверждения.

Приостановление размена требовалось безотлагательно, так как каждый день промедления вел бы к сокращению золотого запаса. Сохранение же золота является вернейшим залогом для скорейшего восстановления металлического обращения, когда военное время минует.

Независимо от мер, принятых в этом направлении, на министерстве финансов лежит обязанность изыскивать источники средств на ведение войны. Прежде всего на военные нужды представлена часть свободной наличности, которая к началу войны составляла полмиллиарда рублей. Наряду с этим правительство признало необходимым пересмотреть сметы всех ведомств, произвести в них возможные сокращения и всю экономию обратить в военный фонд. На этот предмет правительство испрашивает ваших полномочий.

Сметные сокращения могут дать не менее 250 миллионов рублей. Таким образом, на первое же время войны у нас имеется свободных средств 500 миллионов рублей наличности и 250 миллионов экономии — итого 750 миллионов рублей.

Само собой разумеется, что придется прибегнуть и к кредитным операциям, но реализация займов зависит от условий денежного рынка...

Наконец, не следует забывать также о необходимости повышения налогов.

Правительство считало себя обязанным представить на ваше одобрение повышение цен на вино и табак, ввиду того что вино и табак не являются предметами первой необходимости.

Увеличение же цен на вино может косвенно привести и к сокращению потребления вина, а эта первостепенной важности для хозяйственной жизни страны задача не должна быть упускаема из виду, в особенности в тяжелую годину военных испытаний, когда всячески необходимо укрепить народную энергию, трудоспособность и выносливость...

Ожидаемое поступление от повышений, только что мною предложенных, исчисляется примерно в 200 миллионов рублей в год.

Позвольте мне еще сообщить о тех последовательных мерах, которые приняло министерство начиная с 11 июля, т. е. с того дня, когда стал известен ультиматум Австрии, предъявленный Сербии. Этот ультиматум стал известен утром 11 июля. Вечером того же дня чиновники министерства финансов выехали в Берлин для того, чтобы оттуда взять большое количество процентных бумаг, находившихся в берлинских конторах.

Таких бумаг было на сумму около 20 000 000, и они были привезены в Петербург. Кроме того, был сделан приказ немедленно переводить суммы Государственного казначейства и Государственного банка, которые находились в Берлине, в Россию, Англию и Францию.

Все эти суммы были переведены, за исключением небольшого

остатка Государственного банка, необходимого для платежей по текущим аккредитивам.

Таким образом, когда была открыта война с Германией, сумм казны не было в Берлине»*.

Свою речь, неоднократно прерываемую аплодисментами и криками «Браво!», министр закончил докладом о правительственных мерах по обеспечению семей военнослужащих действующей армии.

Безусловно, война безжалостно внесла коррективы в финансовое положение государства. Из обращения в 1914—1916 годах удалось изъять только около 58 миллионов рублей золотой монетой. Почти 436 миллионов рублей оставалось на руках у населения. Постепенно из денежного оборота исчезла серебряная и медная монета. Начиная с 1916 года финансовые операции, в том числе любая внутренняя купля-продажа, полностью обслуживались бумажными денежными знаками. Их ценность понижалась. Однако никто не посмел посягнуть на государственный золотой запас России.

После февраля семнадцатого года на вершине государственной власти оказались голые политики и воинствующие политиканы. Бездарная попытка Временного правительства приостановить начало денежного кризиса привела к захламлению страны опереточными «керенками».

А что же большевики?

Конфискация. Реквизиция. Национализация.

В руках советского правительства оказался почти весь золотой запас Государственного банка, румынской казны и нескольких частных банков. Сколько? Об этом чуть позже.

О первом этапе сбора банковских ценностей и манипуляции ими мы уже рассказали. В мае 1918 года по тайному решению Совнаркома из Москвы, Самары, Тамбова и Нижнего Новгорода запасы золота, серебра, платины и ценных бумаг, вывезенные ранее из Петрограда, были доставлены в пустующий казанский банк. Там вроде бы надежнее.

Покажется странным, но за два с лишним месяца после сосредоточения ценностей в Казани их хранители не составили никакой учетной документации, а в августе в ходе мятежа Чехословацкого корпуса[136] и наступления белогвардейских войск золотой запас оказался в руках Комуча[137]. Сначала его перевезли в Самару, затем в Уфу, а оттуда — в Омск, где должна была состояться передача запаса Временному всероссийскому правительству[138]. Однако 18 ноября 1918 года в результате переворота в Омске у власти встал адмирал А. В. Колчак[139].

Утверждение о том, что «омский правитель» сразу же прибрал к рукам золотой запас, в корне неверно. По свидетельству бывшего члена Временного всероссийского правительства эсера В. М. Зензи-

---

* Цит. по: Великая война России за свободу и объединение славян. — Сб. статей под ред. Д. И. Тихомирова. М., 1914.

нова, кстати, арестованного и высланного правительством Колчака за границу, прежний кабинет министров, частью перешедший после переворота в новый, никакого давления на представителей Комуча не оказывал, а те сочли ненужным предоставлять право на распоряжение запасом адмиралу и 28 ноября приняли следующее постановление:

«Ввиду того, что формальная передача означенного золота и серебряного запаса Комитета членов Учредительного Собрания Всероссийскому Временному Правительству по не зависящим от Комитета причинам не состоялась, а Совет Управляющих Ведомствами[140] не имеет возможности в настоящее время охранять этот запас — поручить члену Совета Ф. П. Рудко обратиться к чехо-словацкому Национальному Совету[141] с просьбой о том, чтобы он принял весь эвакуированный из гор. Самары в Сибирь золотой и серебряный запас под свою охрану для передачи, как общероссийского достояния, Всероссийскому Учредительному Собранию или Всероссийскому Правительству, которое может явиться результатом общего соглашения и потому будет пользоваться общим признанием»*.

В тот же день в Екатеринбург Чехословацкому национальному совету была послана телеграмма:

«При взятии чехо-словаками и войсками Народной Армии[142] в августе месяце Казани захвачены были находившиеся в Государственном Банке золото, платина и серебро, к вывозу которых в Москву большевики приступили за два дня до падения Казани, но успели захватить с собой только несколько пудов золота. Всего в Казани взято было 40 000 пудов золота и платины в слитках и монете, т. е. большая часть всего запаса золота, принадлежащего Российскому государству, и 30 000 пудов серебра. Чтобы сохранить эти ценности от возможного обратного захвата их большевиками, Комитет членов Учредительного Собрания распорядился перевезти их в Самару, а затем в Сибирь, с тем, чтобы передать их потом, как всенародное достояние, Временному Всероссийскому Правительству. Однако эта передача не успела состояться, и с падением Всероссийского Правительства возникает опасность, что захваченные от большевиков ценности попадут в руки тех, которые используют их во вред России.

Поэтому Совет Управляющих ведомствами в заседании 28 сего ноября постановил: вверить указанные выше ценности чешскому народу в лице чехосовета для охраны и затем передачи Учредительному Собранию или общенациональному правительству с тем, чтобы до этой передачи никто этими ценностями распоряжаться не мог. Официальный текст постановления совета Управляющих ведомствами о передаче будет прислан дополнительно»**.

Надо сказать, учредиловцы приняли постановление уже после

---

* Цит. по: Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сб. документов. Собрание и издание В. Зензинова. Париж, 1919, с. 44.

** «Новости жизни». Харбин, 21 декабря 1918 г.

освобождения их из-под колчаковского ареста по требованию Чехословацкого национального комитета. Нет сомнения, недоверие к Колчаку было вызвано его политической позицией — позицией диктатора.

Чехосовет взял золотой запас под свою охрану. Адмирал перечить не стал. Чем надежнее, тем лучше. Распорядителем запаса по-прежнему оставался Совет управляющих ведомствами. Но 3 декабря 1918 года по распоряжению Омского правительства члены Совета были арестованы В. О. Каппелем[143] вновь и в конце месяца по приговору суда некоторые из них расстреляны. Акт расправы был совершен не из мести за недоверие, а за пропаганду идей социал-демократического устройства власти. Комуч прекратил существование. Исходя из политической ситуации в Сибири, формальным «наследником» золотого запаса должен был стать Колчак, и он принял на себя обязанности государственного попечителя.

До весны 1919 года банковские ценности пребывали в неприкосновенности. С осложнением военно-политической обстановки в мае верховный правитель и главнокомандующий впервые распорядился о полной инвентаризации золотого запаса. В наличии оказалось 651 532 117 рублей 86 копеек*. Почти столько, сколько было добыто за неполные шестнадцать лет стараниями трех российских министров финансов для обеспечения денежной реформы.

...В середине ноября вместе с «золотым эшелоном» Колчак отходил на Иркутск. После восстания гарнизона в Нижнеудинске в конце декабря 1919 года горстка чинов Омского правительства и ценности Государственного банка перешли под полное покровительство Чехословацкого корпуса. С политической развязкой в январе 1920 года, не исключая предательства союзников, Колчак и его окружение попали в руки Политического центра[144], а затем — Иркутского ВРК, золото — к чехам. По соглашению с Сибревкомом и реввоенсоветом на станции Куйтун 7 февраля 1920 года в обмен на гарантии содействия выходу эшелонов чехословацких войск во Владивосток советской власти были переданы 18 вагонов «золотого эшелона». При подсчете оказалось 5143 ящика и 1678 мешков с золотом и другими ценностями номинальной стоимостью в 409 625 870 рублей 86 копеек**. По сравнению с первоначальной суммой наличия, согласно подсчетам Омского правительства, разница составила 241 906 247 рублей, или около 11,5 тысячи пудов золота, то есть более трети запаса в денежном выражении. В официальных партийно-политических изданиях эта разница «списана» на закупку Колчаком оружия и военного снаряжения во Франции, США, Великобритании и Японии, а также на содержание «чиновничьего и репрессивного аппарата». Вот тут-то появляется больше вопросов, чем желанных ответов, связанных с расходом золотого запаса.

---

* См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Экциклопедия. М., «Советская экциклопедия», 1983, с. 222.

** См.: там же, с. 223.

Во-первых, существуют и другие данные о расходах Колчака. Например, М. И. Губельман, бывший в 1919—1920 годах председателем Дальневосточного и Приморского обкомов РКП(б), исчисляет траты Омского правительства в 240 ящиков или выплатой золотом в натуральном выражении: англичанам — 2883 пуда, французам — 1225 пудов, японцам — 2672 пуда*, что в сумме никак не составляет искомые 11,5 тысячи пудов. Откуда черпал сведения Губельман, к сожалению, неизвестно. Кто же прав?

Обратимся к документам государственного происхождения, арифметике которых следует доверять больше, чем другим источникам.

Когда к концу 1921 года в Совнаркоме серьезно задумались над положением в финансовом вопросе, по личному указанию Ленина была назначена специальная комиссия Совета Труда и Обороны по золотому фонду. От нее требовался подробный отчет о движении ценностей Государственного банка с начала Октябрьской революции и по текущее время. Объединенными усилиями означенной комиссии, Наркомфина и причастных к делу других ведомств был составлен документ особой государственной важности. Назывался он «Отчетом по золотому фонду». К нему мы не раз еще будем обращаться по ходу повествования. Состоял отчет из трех разделов с дополнением и с течением времени обрастал множеством справок и ведомостей. Все эти документы после изучения предсовнаркомом прошли через секретариаты Сталина и частично Троцкого, а затем осели за семью печатями на долгих семьдесят лет в личном архиве Ленина.

В отчете против пункта с пометкой «было захвачено и израсходовано Колчаком» фигурирует сумма в 235 500 000 рублей**, то есть почти на шесть с половиной миллионов золотых рублей меньше, чем значится в официальных изданиях. Будем считать, что по прибытии золотого запаса обратно в Казань большевики действительно недосчитались этой суммы. Но значит ли, что ее израсходовал Колчак?

С приходом к власти Омское правительство, как и их предшественники из Уфимской директории, оказалось без денег — это факт. По собранным финансовым ведомством Колчака сведениям, покидая летом 1918 года города Сибири, большевики вывезли с собой свыше 917 миллионов рублей различными ассигнациями, 167 пудов золота и 500 пудов серебра***. Местные банки были пусты, источники создания денежного бюджета крайне ограниченны. Тем временем ежедневная потребность только на содержание войск армии Колчака составляла около 6—7 миллионов рублей по курсу кредитных билетов.

---

* Губельман М. И. Борьба за советский Дальний Восток. 1918—1922 гг. М., Воениздат, 1955, с. 100.

** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 28.

*** Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент истории. 1918—1920 гг., т. 2. Пекин, 1921, с. 118.

Вот как рисует финансовую ситуацию в Омском правительстве ее бывший член Г. К. Гинс:

«Решено было развить продажу казенного вина, ввести сахарную монополию. С большой неохотой соглашался адмирал на казенную продажу водки...

В распоряжении правительства находилось 43 тысячи пудов золота[145] и 30 тысяч пудов серебра — запасы, вывезенные из Казани. Этими запасами можно было обеспечить новую эмиссию, унифицировать денежное обращение. Но правительство не считало себя вправе это делать ввиду временности своих полномочий. Оно вынуждено было выпускать деньги без обеспечения, так называемые «сибирские обязательства».

У правительства оставалась, однако, надежда на «американские банкноты». Еще при Керенском в Америке было заказано денежных знаков на сумму около 4 миллиардов рублей. Деньги эти не были доставлены в Россию ввиду большевистского переворота. Сибирское правительство запросило о них Вашингтон, и в ноябре, когда Директория уже вступила во власть, получено было известие, что деньги грузятся и отправляются в Россию.

...Но деньги шли и не доходили. То получалось известие, что пароход с деньгами потерпел аварию близ берегов Японии, то о том, что другой пароход с деньгами, не доходя до Владивостока, переменил рейс и отправился в Манилу. Новые деньги не получались, а сибирских не хватало»*.

Похоже, что союзники специально подталкивали адмирала в финансовый тупик, чтобы заставить его раскошелиться золотом. А тут еще прибавили хлопот потерявшие голову большевики. Стараясь покрыть дефицит бюджета, те наращивали и наращивали бумажную денежную эмиссию. В ход пошли свежевыпеченные образцы николаевских рублей, «керенок», «ленинок», «ценных» бумаг... К апрелю 1919 года в министерстве финансов Омского правительства стало известно, что Советской властью к тому времени напечатано уже 90 миллиардов номинальных рублей, из них 80 миллиардов — керенками. Пытаясь обезопасить свое финансовое положение, кабинет министров Колчака созвал так называемое Государственное Экономическое Совещание и начал поиск путей нейтрализации «керенок», подделка которых, к тому же, по словам министра финансов Л. В. Гойера, стала столь же легкой, как и печатание этикеток. Совещание видело выход только в денежной реформе. Суть ее заключалась в полном изъятии из хождения на подопечной территории «керенок» и замене их «сибирскими обязательствами». В конце июня 1919 года реформа началась. О ее последствиях Гинс отзывается так:

«Прошло немного времени, и со всех концов стали раздаваться вопли. ...Жаловались держатели керенок, потому что в кассах не

---

* Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент истории. 1918—1920 гг., т. 2. Пекин, 1921, с. 118, 119.

хватало сибирских для обмена на керенки, и лица, вносившие казенные платежи или сбережения керенками, чтобы сбыть их, получали обратно опять керенки.

...Реформа действительно оказалась гибельною, но все же надо помнить, что гибельность ея окончательно определило только ухудшение военных дел»*.

Гинс не лукавит, говоря об ухудшении только военных дел. Область деятельности Омского правительства была довольно обширной: начиная от вопросов аграрной политики и заканчивая вопросами социального обеспечения и образования. Здесь Колчак был в долгах, как в шелках. Но не более. Армия же требовала реальных денег.

Уже тогда, жарким летом 1919 года, как и подобает хорошим хозяевам, в правительстве Колчака задумались о зиме. В первую очередь нужны были шинели, зимнее обмундирование и теплое белье для армии. Экономическое Совещание после долгих дебатов пришло к выводу, что выручить могут только союзники и золотые рубли.

«Результаты Совещания были доложены Верховному Правителю, — рассказывает Гинс. — Адмирал приказал мне передать Сукину[146], чтобы он немедленно поставил в известность союзников о грозящем армии вещевом голоде, а Михайлову[147] о необходимости расходования золотого запаса. В этот момент начинается расходование небольшими, впрочем, партиями золота, которое все время бережно хранилось Омским Правительством как неприкосновенное достояние народа»**.

По свидетельствам других членов правительства, офицеров и генералов штаба колчаковской армии, затраты на закупку вещевого имущества действительно были не столь велики, а к осени 1919 года прекратились, так как министр финансов Гойер питал твердые надежды выпустить к октябрю «американки» и путем обмена существующих денег на новые банкноты по рыночному курсу выправить денежное положение. И последнее. Израсходовать 235 с половиной миллионов золотых рублей на обмундирование, по нашим подсчетам, в лучшем случае стотысячной армии Колчак не мог просто фактически. Этих денег вполне хватило бы на полное обмундирование и даже вооружение как минимум полуторамиллионной армии. Так, может быть, ближе к истине все-таки Губельман? Тогда где же остальная сумма расхода?

Пока существуют только версии.

Первая связана с Чехословацким корпусом. Как известно, лютой сибирской зимой 1920 года его измотанные и полуразложившиеся части стремились побыстрее вырваться из опостылевшей России. За это они, казалось, могли отдать что угодно, лишь бы целыми и

---

* Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент истории. 1918—1920 гг., т. 2. Пекин, 1921, с. 163.

** Там же, с. 221.

невредимыми добраться до родного порога. Но вот странный факт. Куйтунское соглашение, если не считать нескольких незначительных инцидентов, действовало на всем пути продвижения чехословацких войск, и во владивостокский порт благополучно прибыло около 2000 вагонов*. Для перевозки частей корпуса чересчур многовато. И действительно, по свидетельству очевидцев, чехословацкие эшелоны везли из России «золото и товары, правдами и неправдами захваченные ими на Волге, Урале и в Сибири»**. Тот же Гинс утверждал, что вагоны белочехов были забиты стильной мебелью, колясками-экипажами, большими моторными лодками и катерами, медью, железом, станками и «другими ценностями и достоянием русского народа»***. Значит, помимо отчаянной ностальгии, чехословаками двигали и солидные шкурные интересы. А коли так, то нет гарантии, что в руки Политического центра был передан весь остаток золотого запаса. Какой резон? Тем более принимающая сторона в отсутствие подлинных приходно-расходных документов никак не могла проверить полноту наличия банковских ценностей за минусом трат Колчака.

Еще одна деталь. Адмирал Колчак и председатель совета министров Омского правительства В. Н. Пепеляев были расстреляны 7 февраля 1920 года, а фактическая передача золотого запаса состоялась лишь 1 марта, то есть когда были убраны главные действующие лица в решении судьбы российского золота на Востоке. В этой связи не исключены тайные соглашения между революционными властями Сибири и командованием Чехословацкого корпуса, в том числе на получение компенсации за добровольную передачу запаса и денежной выплаты «твердыми» рублями за голову верховного правителя и Пепеляева. Отчетливо понимая значение политической фигуры Колчака, сдать его просто так чехи не могли. Сама ситуация, связанная с ведением переговоров, выдачей Колчака и передачей золотого запаса в различных советских источниках выглядит весьма сомнительно. Много здесь событийной путаницы и хронологических несовпадений.

В пользу этой версии говорит и факт существования в Праге вплоть до начала второй мировой войны так называемого «инвалидного фонда» по обеспечению малоимущих и ограниченно или совсем недееспособных белоэмигрантов из России, большей частью бывших солдат и офицеров. По утверждениям некоторых западных историков, основу фонда составляли банковские ценности из российского золотого запаса, вывезенные Чехословацким корпусом. Все или только «откупные» — неизвестно.

По другой версии, не исключающей первой, руки к золотому запасу приложил атаман Г. М. Семенов[148]. По его распоряжению

---

* Витольдова-Лютык С. На Восток... Воспоминания времен колчаковской эпопеи в Сибири в 1919/20 гг. Рига, с. 1.

** Там же.

*** Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент истории. 1918—1920 гг., т. 2. Пекин, 1921, с. 503.

эшелон с ценностями во время следования на восток был задержан на подходе к одной из станций на несколько часов. Несмотря на грозные требования Колчака, штаб атамана так и не представил объяснений задержки. Подозрения адмирала в нечистоплотности Семенова поддерживают и советские печатные источники, где он обвиняется в похищении 711 ящиков с золотом на сумму 70—90 миллионов рублей. Насколько это соответствует истине, сказать трудно, но в эмиграции семеновцы чувствовали себя довольно безбедно. Правда, почему-то краденное Семеновым в тех же источниках относят на счет Колчака.

Наличие «белых пятен» в судьбе казанско-сибирского золотого запаса дает право и на существование ныне «жареной» версии о баснословном «кладе Колчака», хотя, принимая во внимание открытый и прямолинейный, можно сказать, рыцарский характер адмирала, нам это кажется досужей выдумкой. Время покажет, а пока вновь вернемся к большевикам.

Мы намеренно назвали банковские ценности в 651 с половиной миллиона рублей Казанско-сибирским запасом, ибо его энциклопедический громкий титул — «Золотой запас РСФСР» — звучит, мягко говоря, некорректно. Чтобы раз и навсегда покончить с политическим вывертом большевиков, стоит заглянуть в «Отчет по золотому фонду». Читаем: «По имеющимся в Наркомфине данным, в свое время докладывавшим [ся] Политбюро, наличность к моменту октябрьской революции золота, в монете и слитках, находившегося в Государственном Банке, равнялась — 1 064 300 000 золотых рублей; кроме того, имелось румынского золота приблизительно на 117 000 000 рублей; обоего — 1 181 300 000 рублей...»*.

Подчеркнем, только золота. А были еще и серебро, и платина. Как следует из документа, сумма наличности в Государственном банке с размахом «триумфального шествия» Советской власти возрастала. Набирала силу национализация, конфискация и реквизиция. Но пока остановимся на цифрах «первоначального капитала» большевиков. С потерей банковских ценностей в Казани он сократился на добрую половину.

Между тем в правительстве уже вовсю шли подсчеты денежного расчета с Германией по Брест-Литовскому договору[149]. Политическая подоплека акта и его последствия до сих пор имеют множество тайн и нуждаются в целевом скрупулезном исследовании. Хотя факты политико-финансового сотрудничества большевиков и кайзеровского правительства налицо, неясны его причины и не найдены идеологические истоки. Конечно, не случайно «тактика» Брестского мира вызвала столько разногласий в партийном стане и множество недоумений у большинства современников, даже далеких от политики. Не проигравшую войну Россию невиданным образом пытались раздеть и поставить на колени. Тем не менее договор удалось «протащить», а 27 августа 1918 года подписать в Берлине оконча-

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 27.

тельное финансовое соглашение о выплате Германии контрибуции в 6 миллиардов марок. Гениальность, похожая на глупость? Вряд ли.

Если верить серьезной и уважаемой прессе, австрийской писательнице Элизабет Хереш удалось собрать уникальные подлинные документы из германского министерства иностранных дел в Бонне о финансировании кайзеровским правительством политической пропаганды в поддержку большевиков. В частности, приводятся юридически заверенные факты о запросах и утверждении выплат на эти цели: в апреле 1917 года — 5 миллионов марок, в ноябре того же года — 10 миллионов марок, в июне 1918 года — 40 миллионов марок. Таких документов насчитывается пока около четырехсот, и они фиксируют общую сумму около миллиарда марок*.

Мог ли размер контрибуции соответствовать сумме германского кредита большевикам? Или к долгам приплюсовали и «авторский гонорар»? Возможно. Не исключена, разумеется, и иная идеология расчета контрибуции.

О самом платеже на протяжении семидесяти с лишним лет вспоминать было непринято. Будто бы в ноябре 1918 года, с падением власти Вильгельма II, Брестский договор аннулировали, и все быльем поросло. Вроде бы как и не было никакого платежа. Отнюдь. Заглянем в «Отчет по золотому фонду»:

«...в 1918 году единственный расход 124 835 000 рублей на платеж по Брестскому договору»**.

Чуть позже сумму уточнили — 124 835 549 рублей 50 копеек золотом***. Других сведений о платеже в отчете нет. На этом можно было бы поставить точку. Но вот сообщение со ссылкой на официальный источник берлинской газеты русской эмиграции «Накануне» от 11 июня 1922 года:

«Сенатор Боден Виллен обратился к министру финансов (Франции. — *Авт.*) с письменным запросом относительно 400 миллионов рублей золотом, которые русскими были уплачены Германии на основании Брест-Литовского договора. Сенатор желает знать, что случилось с этой суммой. Находится ли эта сумма все еще в банке Франции? Не было ли допустимым употребить эту сумму на уплату части процентов, следуемых французским держателям русских займов?»

По части вопросов сенатора мы не можем дать никаких комментариев. Что касается указанной суммы, то она, вероятно, завышена. А может быть, и здесь какие-то тайны. Однако в самом факте нахождения российского золота во французском банке и в источнике его поступления вряд ли сенатор мог ошибиться. Значит, побежденная Германия согласно Версальскому мирному договору[150] оплачивала репарации[151] Франции золотом из Советской России. Как говорится, и волки сыты, и овцы целы. Увы, к России это не относится.

---

* «Аргументы и факты», № 29—30, 1992.
** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 28.
*** Там же, л. 45.

Согласно отчетным данным выплата платежей «на мировую» прочно входила в практику советского правительства. Из золотого запаса в 1920 году по мирным договорам будет выплачено 22 миллиона рублей, из них 15 миллионов — Эстонии, 4 миллиона — Латвии, 3 миллиона — Литве. В том же году без расшифровки расхода Наркомат иностранных дел проглотит 6 052 000 золотых рублей. В 1921 году по мирному договору с Польшей заплатят 5 010 900 рублей золотом*. И это не все... Не здесь ли разгадка успеха советской дипломатии на заре ее юности?

После выплаты контрибуции Германии, включая утрату в Казани, золотой фонд Советской власти сократился более чем на две трети от первоначального состояния. Правительство зашатало.

Все его попытки стабилизировать внутреннее финансовое положение терпели крах. Замысел Совнаркома на проведение в 1918 году денежной реформы с учетом «классовых» различий (Ленин предлагал произвести обмен старых денег на новые следующим образом: первые 10 тысяч рублей обменивались бы полностью, последующие 10 тысяч — на 5 тысяч рублей и т. д.) захлебнулся. В 1919 году, не прекращая эмиссии, Совнарком трижды принимался за выпуск собственных расчетных знаков и кредитных билетов. Нули на них прибавлялись, а проку не было. Репутация ленинок в народе была не выше керенок: «Чего на эти ленинки купишь? Тыща тоже называется! Куча...» — следует непечатное слово»**. Это З. Н. Гиппиус под впечатлением общения с народом в Питере.

В места, более отдаленные от российских центров, «ленинки» и «керенки» доходили с трудом. Из-за отсутствия денежных знаков и перебоев с их доставкой местные отделения Госбанка наладили выпуск суррогатов: бонов, чеков и временных обязательств под залог победы в «мировой революции». Это для народа, а советской власти был нужен «твердый» капитал, и немалый.

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 28.

** Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914—1919. Нью-Йорк — Москва, 1990, с. 244.

ЧРЕВО

ВЛАСТИ

БИЗНЕС ПО-ПРОЛЕТАРСКИ

С ноября 1917 года по декабрь 1920 года советская власть пустила в народ купюры на общую номинальную сумму в 2338,3 миллиарда рублей*. Все начинания правительства комиссаров во внутренней денежной политике за этот период не поддаются сколько-нибудь разумному оправданию с точки зрения Тлюбых финансово-экономических теорий, разве что только с позиций теории революционной.

Как и следовало ожидать, эмиссия обесцененных денег вконец подорвала денежные отношения в Республике. Безысходность ситуации первым почувствовал госаппарат. Уже в январе 1919 года Совнарком принял декрет о безденежных расчетах путем перечисления мнимых сумм с одних счетов на другие между советскими ведомствами, учреждениями и предприятиями. Год спустя тем же органам установили условную плату за коммунальные услуги, а правительственные подразделения в Москве освободили от нее вовсе. В сентябре разрешили бесплатную перевозку по железной дороге государственных грузов и пассажиров из числа советской категории. А в декабре Совнарком расщедрился на целую обойму декретов: «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов», «О бесплатном отпуске населению предметов широкого потребления», «Об отмене платы за всякого рода топлива», «Об отмене денежных расчетов за пользование почтой, телеграфом, телефоном и радиотелеграфом». Через месяц еще один — «Об отмене взимания платы за жилые помещения с рабочих и служащих и за пользование водопроводом, канализацией и очисткой, газом и электричеством и общественными банями».

---

* См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., «Советская энциклопедия», 1983, с. 397.

Бесплатная нормированная, на вес, выдача дров в жилкоммуне, 1920 г. ЦГА КФД РФ.

Теоретики «мировой революции» ударили в набат. Будто бы «научный» термин большевизма — «отмирание денег» — уже прочно входит в практику и вот-вот «призрак коммунизма» обретет плоть и встанет во весь свой непобедимый рост. Промахнулись. Невдомек было, что катастрофическое падение ценности денег и наркомовские выдумки ведут к натурализации всех хозяйственных отношений и тащат Россию не вперед, а назад.

Известно, скудные пайки и прочие коммунальные привилегии, как, например, выдача нескольких поленьев для обогрева, полагались только советским «трудовым элементам». Кто не работает на власть — тот не ест. Ну а те, кто работает, есть должны не больше, чем установлено «сеткой» или «разрядом». Это — плата за труд. А чтобы крестьяне не требовали промышленные товары взамен на сельхозпродукты — «что на эти ленинки купишь?» — ударили по деревням «продовольственной диктатурой». Сей прием теоретики «онаучили» классически. О его уникальности в истории достижений советской экономической мысли написаны сотни трудов. Больших и малых. Но вот что написала об этой самой диктатуре простая женщина-крестьянка в письме к Г. Е. Зиновьеву от 1 ноября 1920 года:

«...Пишут газеты, шляхты да банды обижают крестьян и рабочих, якобы все увозят с собой, садят в тюрьмы, есть не дают, бьют. Но, как мы видим, Совет мерит на свой аршин. У нас Красная Армия, нельзя лучше назвать, как опричники Иоанна Грозного, а Правительство поступает в точности, как Иоанн Грозный. Советую

всем привязать седло, собачью голову и метелку. Теперь у нас идет настоящая грабиловка, все отбирают. Например: масло, яйца, хлеб, картошку. Весной дали 2 пуда, осенью взяли четыре. Вот как крестьянская власть помогает крестьянам. Теперь пойдет разверстка мяса, веди им коров. Если это так будет дальше продолжаться, то мы, крестьяне, все как один, мужчины и женщины, пойдем против тех элементов, которые так грабят нас, садят в тюрьму, морят с голоду.

Газета «Деревенская Коммуна» 17-го октября пишет, что Врангель ведет с собой жандармов-урядников, виселицу, тюрьму, расстрел, ведут нас в кабалу и будут драть мужика, как сидорову козу. Нет, этого не будет честному трудящему крестьянину и рабочему, это все страшно коммунистам, которые делают и делали вред всему народу, в особенности тем, которые в настоящее время грабят крестьян. Не думайте, что это так останется, это все отомстится Правительству. Я, бедная, хожу полуголодная и готова пойти с топором на эту проклятую власть. Теперь у нас настоящая кабала. Находимся под прессом и под игом большевиков. Они хуже поступают, чем прежние полицейские и жандармы. Советская власть выучила четыре слова: конфисковать, реквизировать, арестовать, расстрелять. Сколько невинных людей в советских тюрьмах с голоду сдохли и сейчас сдыхают. Почему Вы чужим державам про свои проделки не пишете? Вот так крестьянское правительство обращается со всеми честными людьми. Это правительство не крестьянское, хамское. Разбойничья банда.

Мы не имеем лишней коровы, ни свиньи, ни овцы, ни мяса. Одним словом, не жизнь, а гибель. Все устроили. Теперь осталось выпустить такого рода декрет, чтоб была живая могила для всего народа. Зачем так мучить людей, высасывать последнюю кровь. Помните навсегда, будет этому грабежу конец и будет на крестьянской улице праздник. Написала бедная крестьянка, у меня нет ни коровы, ни овцы, даже кошки, не думайте, что я буржуйка.

31-го октября в Петергофе на съезде высказали, что когда пойдут клеймить коров, то надо пойти с милицией и осмотреть все крестьянские помещения, нет ли мяса. Это значит, надо ограбить. Крестьянин расти и работай, а мясо не ешь, но коммунист сидит, перо в руках держит, он вправе мясо жрать...»*

Подобных нечитаных писем к одному только Зиновьеву томится в архивной глуши не менее тысячи. Большие и в несколько строк.

Когда туман «призрака» начал рассеиваться и стали проступать очертания умерших от голодной смерти, финансово-экономический абсурд власти представили в виде «тактической линии» на «классовой» основе. Якобы маскарад инфляции нужен был для того, чтобы обесценить капитал бывших эксплуататоров и подорвать их экономические устои, якобы на пользу материального и физического вырождения буржуазии.

---

* ЦГАОР СПб., ф. 1000, оп. 4, д. 125, л. 196.

Тем временем практики большевизма, из тех, кто потрезвее, делали свое дело. Никто из них не отрицал власти подлинных денег, даже наоборот — питали к ней симпатии и возлагали на нее большие надежды, а поскольку в правительственной мошне золота и серебра было маловато, гневно трясли декретами, мандатами, револьверами и вышибали «народное добро» из кулацких и буржуйских карманов.

В октябре 1918 года по городской и сельской буржуазии грохнули десятимиллиардным «единовременным чрезвычайным революционным налогом». В преамбуле декрета ВЦИК пояснил:

«Международное положение, сложившееся в связи с последними событиями на театре всемирной империалистической войны и создающимся единым международным фронтом пролетарской армии, заставляет напрячь все силы в борьбе на защиту не только русской, но и всемирной революции, и Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика создает мощную Красную Армию.

Для организации, снаряжения и содержания этой армии нужны колоссальные денежные средства, которые не могут дать обыкновенные государственные доходы»*.

Хотя налог исчислялся десятью миллиардами в совзнаках, замах был сделан на запасы старой валюты (помните, 436 миллионов золотых рублей, осевших у населения с началом войны 1914 года) и драгоценностей. Начисление подати производилось исходя из наличия у владельцев «твердого» капитала, но для отвода глаз в переводе на керенки и ленинки. Отсюда и сказочные миллиарды.

Собранную потом и кровью дань присовокупили к ранее изъятым из национализированных источников ценностям. Затем царскую валюту объявили вне закона. Имущественная ответственность за ее сокрытие сочеталась с ответственностью уголовной. В свою очередь, добровольная сдача населением золотых десяти- и пятирублевиков в обмен на совзнаки любезно поощрялась.

Из «Отчета по золотому фонду»:

«...поступило на приход за время (с октября 1917 года) по 1 февраля 1922 года монеты, слитков бывших частных банков, слитков и монеты из сейфов, золота от Главзолота и т. д. — 84 356 234 рубля 95 копеек»**.

Краткое «и т. д.» в отчете подразумевало и многочисленные поступления от конфискации и реквизиции личных драгоценностей в изделиях, в том числе от «профилактического» изъятия по закону о запрещении вывоза за границу художественных и исторических сокровищ. Одна из таких крупнейших акций была проведена летом 1919 года в Петрограде по наводке местной «чрезвычайки» специальной группой в составе заместителя председателя ВЧК Я. Х. Петерса[152], М. С. Кедрова, его помощника Павлуновского, работников особого отдела ВЧК Фельдмана, Тубала и сына Кедрова — Бонифатия. «Накрыли» иностранные посольства и миссии.

---

* Декреты Советской власти, т. 3. М., Политиздат, 1959, с. 465.

** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 27.

18 июня в «Известиях ВЦИК» Российское телеграфное агентство о результатах операции распространило следующее сообщение:

«Произведенные на днях обыски в иностранных посольствах и консульствах дали в некоторых случаях любопытные результаты.

В одном из шкафов для бумаг за полками секретно запрятана бронированная дверь потайной спальной комнаты. Таких комнат две. В одной хранился весь секретный политический архив, в другой — ящики, сундуки, чемоданы с золотом, драгоценностями и просто бумагами. На ярлыках и наклейках мелькают всем так знакомые фамилии князей, графов, маркизов и прочей придворной и великосветской челяди. Даже один из Владимировичей, бывший великий князь, спрятал в ящик свои драгоценности. Одних золотых портсигаров здесь 73 штуки, целая коллекция драгоценных безделушек, всего, по приблизительному и скромному подсчету, миллионов на 120.

Целая серия стальных ящиков с 13 млн. руб., которые крупные русские акционерные общества собирались, но не успели переправить в Париж. Все это тут же запечатывается и отправляется под охраной для сдачи в народный банк.

Большинство лиц, живущих в помещении, — русские и никакого отношения к иностранным державам не имеющие...»

Похожие сообщения с детективным привкусом появлялись в газетах регулярно. «Обезвредили», «напали на след», «взяли с поличным», «провели обыск»... Деньги, ценности, банковские бумаги. Но вот что непонятно. Если бы все изъятые драгоценные изделия, только указанные в газетных сообщениях, поступали в Государственный банк и проходили там «обезличку», то есть переплавлялись в слитки, то банковский приходный счет по золоту мог бы удвоиться, а может быть, и утроиться. Если бы...

К весне 1918 года всякие товарные отношения в Республике были, по сути, ликвидированы. Но странное дело, в системе центральных органов Советской власти здравствовал и процветал Наркомат торговли и промышленности. Что касается промышленности, здесь все ясно — функции по ее управлению перешли к высшему Совнархозу еще в декабре 1917 года. Но откуда торговля? Оказывается, от власти.

22 апреля 1918 года Совнарком ввел монополию на внешнюю торговлю и бразды правления ею передал Наркомторгу. Торговый козырь значил для правительства не меньше, чем революционные теории Маркса и вооруженная сила в «классовой» борьбе. В условиях экономической и финансовой разрухи внешняя торговля была, пожалуй, единственным надежным источником получения реальных денег в иностранной валюте и необходимой продукции для подпитки хилого хозяйственного организма Советской власти и ее масштабной политической деятельности.

Первым путь экспорта указал Ленин. И как плотно ни сжималось «огненное кольцо» врагов вокруг Республики, торговые бреши

существовали и расширялись на протяжении всей гражданской войны.

Что могла тогда экспортировать Советская Россия? Разве что выборочно промышленное сырье и кое-что из технических сельхозпродуктов — остальное съедалось. Но то и другое требовало заготовительных средств и времени. Вот тут-то и дал о себе знать провидческий «дар» государственно-партийного руководства.

В первую очередь в статьи экспорта вписали собранные и сконцентрированные по укромным углам, но отвергнутые «народом» по «идеологическим» соображениям бывшее дворцовое имущество, художественно-исторические ценности и предметы «барской» роскоши. Их сбыт особого труда не составлял, благо заграничного коммерческого «воронья» в пределах России было достаточно.

До февраля 1918 года отпуском «товара» за границу ведали отдельные и особо доверенные Совнаркому лица, затем к работе подключили специально созданную Комиссию по внешней торговле при высшем Совнархозе, в апреле в права вступил Наркомторг. Однако поначалу торговля шла ни шатко ни валко. «Красные коробейники» все больше приглядывались и приценивались. Но когда в правительстве вкусили мед легкой наживы и захмелели, «дело» поставили на широкую ногу.

Первым и главным поставщиком художественно-исторических предметов экспорта стала опальная столица. С июня 1919 года в ней и ее окрестностях развернула кипучую деятельность так называемая Экспертная комиссия при Петроградском отделении Наркомата торговли. Кроме «национализированных» дворцов, особняков и мест складирования «барской роскоши», в объекты внимания комиссии попали и квартиры имущественных жильцов, включая квартиры, оставленные без присмотра, в том чисе те, чьи хозяева, пусть даже временно, как говорится, «до выяснения обстоятельств», находились в подвалах Петроградской Чека на Гороховой или в именитой тюрьме — «Крестах». В задачи комиссионщиков входили не только сбор и не столько «научная экспертиза» художественно-исторических ценностей, сколько оценка их материальной стоимости, сортировка и подготовка к экспорту, то есть наведение на «товар» ликвидного лоска для умиления щепетильных покупателей. Через год с небольшим, 31 августа 1920 года, Экспертная комиссия представила сводку за № 3943 о проделанной работе на имя комиссара Петроградского отделения Наркомата внешней торговли Ф. Э. Криммера.

Из документа:

«Все вещи, подлежащие ведению Комиссии, отбираются сотрудниками на складах, которых в общем в Петрограде имеется до 33-х. В настоящее время работы производятся согласно распоряжению Чрезвычайной Тройки по учету имущества на 6 складах, на каждом из которых имеется по 3 сотрудника, которые и производят отбор вещей и составляют описи. Кроме того, часть сотрудников-специалистов командируется в различные жилые помещения, разгру-

ж а е м ы е (выделено нами. — *Авт.*) по указанию Петрокоммуны.

Всем отбираемым на складах и в квартирах предметам сотрудниками Комиссии составляются описи, затем вещи упаковываются под их наблюдением в ящики и доставляются в Комиссию, где вскрытие ящиков и приемка вещей производится согласно описям в присутствии представителя Рабоче-Крестьянской Инспекции.

Все вещи заносятся в общую инвентарную книгу, а затем по отдельным, указанным ниже счетам, с точным описанием предметов и их оценкой»*.

Все ладно, можно сказать, по-государственному. Знакомая «разгрузка», учет, дележ. Что для реализации зарубежным толстосумам, что в наркомовские запасники. Если только не считать «разгрузку» жилья государственным мародерством.

Однако со сводкой Экспертной комиссии следует ознакомиться более подробно, в частности, с упоминаемыми в ней приходными счетами. Таковых оказалось семнадцать.

Первый — счет картин и живописных произведений. Включая полотна известных старых итальянских, голландских, фламандских и французских мастеров, в том числе несколько произведений Брейгеля-старшего[153] и Корреджо[154], а также ценную живопись современных иностранных художников. Разумеется, значительное место в «амбарной» книге занимали высокохудожественные холсты русской школы, от раннего до последнего периодов. Всего в местах добычи было отобрано и доставлено на склад 990 картин, рисунков, акварелей и миниатюр на общую сумму, подсчитанную комиссионщиками, в 11 038 493 рубля**.

Второй — счет эстампов. Здесь «экспертам» и «тройкам» явно не повезло. Из 542 отобранных ценнейших гравюр, литографий, фототипий и других произведений графики большая часть имела механические повреждения и потертости, но тем не менее приходный счет был оценен в 598 350 рублей***.

Третий — счет керамических изделий. Как следует из сводки, создание керамического экспортного фонда комиссия поставила себе в особую заслугу, так как почти все доставленные на склад 4830 изделий были вырваны из рук учреждений Наркомата социального обеспечения. Что же предназначалось для выдачи в повседневное пользование приютов, лазаретов, коммун и прочих заведений? В описях значатся именные, парадные и памятные фарфоровые сервизы и высокохудожественные поделки бывших императорских заводов и частных заводов Попова, Гарднера, Миклашевского и Батенина — гордость национальной художественной промышленности, заветная мечта коллекционеров и музейщиков. В тех же описях многочисленные изделия из фарфора и фаянса Мейсенской, Венской и Севрской фабрик, Берлинской Королевской мануфактуры и

---

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 2.
** ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, лл. 2, 3.
*** Там же, лл. 2, 3.

Веджвуда... Для детского приюта предназначалось и случайно обнаруженное на одном из складов Наркомсобеса уникальное собрание итальянской майолики XIV — XV веков, похоже, из коллекции М. П. Боткина, так как другого, равного ему по древности и представительности изделий, в Петрограде не было. Общая сумма счета — 3 029 755 рублей*.

Четвертый — счет мебели. Обстановка из красного дерева, карельской березы и из всякой диковинной всячины эпохи Возрождения, времен Петра I и Елизаветы, в стиле ампир и барокко, а также мебель начала века, но весьма ценная, с украшениями художественной бронзой, затейливой резьбой и инкрустацией. Всего 332 предмета стоимостью в 3 234 750 рублей**.

Пятый — счет хрусталя и стекла. Сам по себе сравнительно небольшой — 528 предметов, но поражает изысканностью подбора. Большинство изделий выпестовано на бывшем Императорском заводе, на знаменитых и известных миру заводах Бахметьева, Мальцова и Орлова. Искрящиеся грани, изящные рисунки золотом, разноцветной эмалью, выполненные чернью орнаменты. Игра солнца, цвета и блеска. В русской традиции и на «аглицкий манер». Изделия, когда-то признанные российской мануфактур-коллегией «наилутши против иностранных». Здесь же другая часть изделий, как сказано в сводке, «из новых предметов роскоши, отличного гранения и значительной стоимости, частью оправленные в серебро и другие металлы и могущие представить собой значительный интерес с валютной точки зрения». Общая сумма — 564 260 рублей***.

Шестой — счет бронзы, меди и металлических изделий. Обилие напольных и настольных часов в бронзе, в том числе французских мастеров XVI и XVII веков, множество бюстов иконографической и бытовой ценности, осветительных приборов из золоченой бронзы в стиле ампир и времен Екатерины II, несколько бронзовых предметов работы старых итальянских мастеров, барельефы и художественные медали... Всего 1387 предметов на сумму 3 906 235 рублей****.

Седьмой — счет ювелирных изделий. Золотые и серебряные украшения, ордена, знаки отличия, медали и монеты из драгоценных металлов, ювелирные изделия с камнями и различная бытовая мелочь. Всего 5730 единиц общей стоимостью 5 605 103 рубля. Ювелирные изделия комиссия поделила на две категории: «вещи старинные и имеющие художественное значение» и «вещи обыденные». Изделия первой категории тщательно «просеяли». Наиболее крупные и особо драгоценные вещи поместили в «особый сейф» Экспертной комиссии в отделении Народного банка. Вещи второй категории были без промедления переданы на «общем основании» в государственный фонд Народного банка, то есть на переплавку*****.

---

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, лл. 2, 3, 4.
** Там же, лл. 2, 4.
*** Там же.
**** Там же.
***** Там же.

Восьмой — счет кружев и тканей. Тут «эксперты» определенно дали маху. Вначале было как-то не с руки копаться в женском белье и одеяниях, а когда прозрели, то отпуск старинных и художественных кружев и вычурных тканей в швейные мастерские и артели по ордерам Петрокоммуны шел полным ходом. Успели перехватить только 440 изделий. Правда, среди них оказались ценнейшие кружева французских, итальянских, бельгийских, ирландских и русских умельцев, уникальные вышивки, старинные платья, парча и искусные шали. Стоимость изделий определили в 664 930 рублей*.

Девятый — счет оружия и воинских доспехов. Средневековые образцы холодного и огнестрельного оружия в исполнении западноевропейских мастеров. Доспехи и личное оружие всех времен русской армии — свидетели боевой славы воинства и признания таланта российских оружейников. Всего 383 образца при стоимости в 1 083 285 рублей**.

Десятый — счет книг и рукописей. Здесь дано следующее дословное пояснение: «В заслугу комиссии надлежит поставить также отбор на складах и в других местах рукописей и архивов, на которые совершенно не обращалось внимания и которые выбрасывались как совершенно ненужная макулатура. В настоящее время вся работа по отборке книг передана в ведение Наркомпроса, и в распоряжении Экспертной Комиссии остались только книги и архивы, принятые на учет в первый период ее работы»***. Счет не оценен.

Одиннадцатый — счет изделий из камня. Обилием не выделяется, так как большинство предметов громоздкие. Статуи, барельефы, напольные и каминные вазы, мраморные часы. Радуга русских самоцветов. Почти все 60 изделий производства мастеров бывшей Императорской гранильной фабрики. Стоимость — 888 125 рублей****.

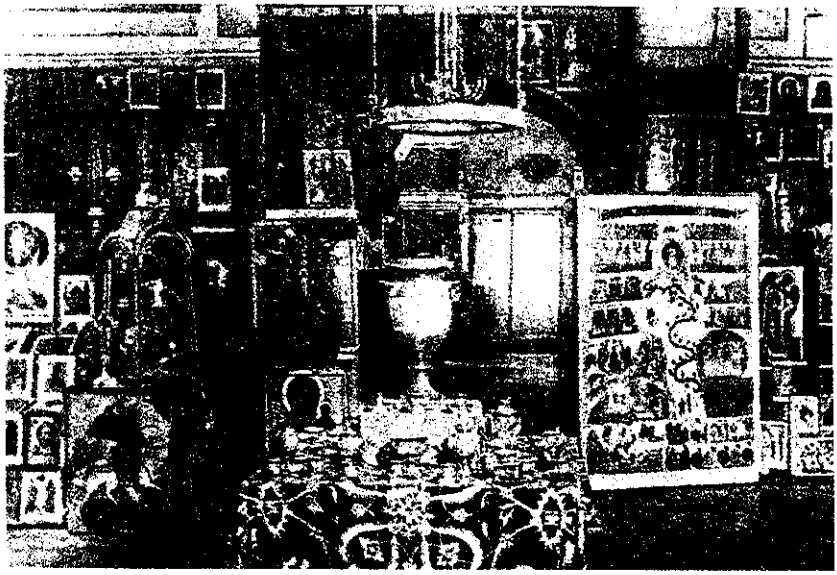
Двенадцатый — счет археологических древностей. 217 древних предметов из египетских и греческих раскопок на сумму 25 000 рублей. Из-за незначительной материальной стоимости все «находки» переданы в Эрмитаж*****.

Тринадцатый — счет икон. Всего 135 образов. Из сводки: «Имеются старинные экземпляры в окладах из драгоценных металлов и камней, представляющих значительную материальную стоимость». Общая сумма — 1 951 015 рублей******.

Четырнадцатый — счет разных вещей. Резная кость — моржовая, мамонтовая, слоновая. Резьба по дереву и художественные предметы домашней утвари. 265 изделий стоимостью 431 530 рублей*******.

---

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, лд. 2, 5.
** Там же.
*** Там же.
**** Там же.
***** Там же.
****** Там же.
******* Там же.



Склад-выставка Отдела художественных ценностей Экспортного управления Внешторга. Москва, 1920-е годы.

Пятнадцатый — счет Восточного отдела. Из пояснения в сводке: «В этот счет отнесены изделия из Китая, Японии и Персии. Количество предметов по этому счету представляется довольно значительным, и вещи представляют интерес не только в этнографическом смысле, но также в археологическом и художественном. Имеется много старинного фарфора, бронзы, резьбы по камню, старинной эмали и проч. Значительное число предметов имеет музейное значение, другие же высокую валютную стоимость». Всего 437 предметов на сумму 2 630 060 рублей*.

Далее в сводке по характеристике «счетов» сделано следующее отступление:

«Кроме перечисленных номенклатур товаров, на складе-выставке имеется коллекция почтовых марок (бывш. Фаберже). По поверхностному осмотру представителей Музея Комиссариата Почт и Телеграфа, коллекция представляет собою большой музейный интерес и валютную ценность. В настоящее время производится количественный подсчет представителями вышеуказанного музея»**.

Причисляя коллекцию почтовых марок Фаберже к отдельному «счету», следует счет семнадцатый — эротические коллекции. Наполненные юмором и тонким сексуальным смыслом поделки с откровенными изображениями, узоры из переплетений обнаженных фигур всех времен и народов, «хулиганские» акварели по мотивам

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, лл. 2, 5.
** Там же, л. 5.

тайной и страстной любви в исполнении известных отечественных и зарубежных художников — яркие антиподы сегодняшним примитивным образцам «эротической культуры». 116 образцов, оцененных в 55 050 рублей*.

Но на этом означенный документ не заканчивается. Ниже следуют еще два «счета», имеющие статусы «отделов», как видно, из-за своей значимости и размеров фонда с прицелом на перспективу.

Итак, отдел ковров. Процитируем сводку: «В задачу Комиссии входит отбор со складов, квартир и из национализированных магазинов главным образом восточных ковров, имеющих высокую валютную стоимость, охранение их от порчи молью и образование специального государственного фонда ковров как предметов экспорта. В общем в отдел ковров уже доставлено около 2300 штук и приблизительно такое же количество лежит на складах, в квартирах и проч. готовыми к отправке. Задержка происходит от недостатка транспорта. Огромное большинство ковров представляет собой экземпляры хорошего или среднего качества, на которые может иметься большой спрос за границей, в общем весьма значительной материальной стоимости»**.

Отдел сейфов. Тоже цитата из документа: «В Особой Комиссии Горфинотдела по разбору сейфов через особо откомандированного в Особую комиссию члена Комиссии производится выборка предметов антикварных, художественных, имеющих историко-бытовое значение и материальную стоимость на заграничном рынке. Всего до настоящего времени выбрано 1154 предмета, классификация которых видна из прилагаемых при сем 24 описей, причем, согласно инструкции Особой Комиссии, оценка вещей на месте не производится.

Согласно инструкции, вещи, еще не обезличенные, подвергаются описи с указанием № сейфа и банка, из которого они изъяты. Все вещи, описанные указанным способом и занесенные в описи Экспертной Комиссии, сдавались впредь до особого распоряжения в «Особое депо хранения Экспертной Комиссии» в Отделе Международных Расчетов и первоначально находились на хранении в кладовой указанного Отдела. Ныне, вследствие нового распоряжения, передаются на хранение в кладовую кассы Разменного Капитала»***.

Добавим, в «Особое депо хранения Экспертной Комиссии» при городском финотделе Петрограда сдали 28 ящиков с изделиями из драгоценных металлов, как сказано в сводке, «ценных по работе» и 4 ящика с подобными изделиями, но «ценными как материал», которые через те же руки были пущены в доход наркомовской казны.

Всего по семнадцати счетам, исключая фонды ковров и сейфов, в сводке представлено свыше 16 392 художественно-исторических предметов, оцененных комиссией в 35 705 941 рубль. На этом мож-

---

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 2.
** Там же, л. 5.
*** Там же, л. 6.

но было бы поставить точку, но вот два весьма важных пояснения «экспертов».

Первое:

«По поводу оценки предметов надлежит отметить, что таковая производилась по приблизительной нормальной стоимости вещей в момент поступления их на склад-выставку, но в общем значительно ниже стоимости, по которой однородные вещи обращаются в частной продаже. При этом, так как падение стоимости денег, а следовательно, повышение стоимости вещей, прогрессирует с чрезвычайной быстротой, то, следовательно, нужно иметь в виду, что вещи, поступившие на склад-выставку, например, год тому назад, оказываются оцененными, по сравнению с теперешней стоимостью их, весьма низко. Что касается ковров, то в настоящее время производится точный учет размера каждого ковра в квадратных аршинах, после чего коврам будет дана точная оценка.

Если указанную выше стоимость вещей перевести приблизительно на теперешнюю стоимость, то таковая по приблизительной переоценке составит не менее 300 000 000 рублей плюс несколько сот миллионов рублей, в которые приблизительно оцениваются ковры»*.

И второе:

«В приведенной ниже сводке даются сведения о предметах, доставленных фактически на склад-выставку, распакованных и занесенных в книги по 1-ое августа 1920 г. Но на складе имеется значительное число ящиков, еще не распакованных за недостатком рабочих рук, каковые вещи и не вошли в общую сводку. Затем имеется огромное число вещей на различных складах и квартирах, вполне приготовленных к отправке на склад-выставку, но еще не доставленных за недостатком транспортных средств. Таким образом, указанное ниже количество предметов и сумму их стоимости, отобранных сотрудниками Комиссии по 1-ое августа, надлежит значительно увеличить — не менее как на 50%»**.

А теперь о непосредственных исполнителях «особо важного государственного заказа». Кто же так усердно «чистил» петроградские квартиры, особняки и дворцы, «просеивал» свалки и склады комимуществ, комплектуя «джентльменские наборы» пролетарского экспорта? После ярких, гневных и будто бы искренних, со слезой речей в защиту культурного достояния России трудно поверить, но факт: в роли главаря шайки государственных «домушников» оказался сам А. М. Горький-Пешков.

Метаморфоза личности и гражданской позиции писателя прошла настолько стремительно, что даже сейчас многие литературоведы, его биографы и почитатели не различают в личности творца образы писателя-бунтаря и угодливого государственного чиновника.

---

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 3.

** Там же, л. 2.

А дело было так. Когда статьи и речи писателя в пику Советской власти достигли апогея, Ленин категорично решил закрыть «Новую жизнь». Горький отписал просьбу «дорогому Владимиру Ильичу» не приводить «приговор» в исполнение. Поразмышляв над письмом, Ленин беспощадно заявил:

«— Конечно, «Новую жизнь» нужно закрыть. При теперешних условиях, когда нужно поднять всю страну на защиту революции, всякий интеллигентский пессимизм крайне вреден. А Горький — наш человек... Он, безусловно, к нам вернется...

Несколько раз Владимир Ильич уверенно повторял, что Горький, безусловно, вскоре к нам вернется»*.

И действительно, прошло несколько месяцев, и Горький вернулся. В феврале 1919 года он с почтением принял должность Председателя Экспертной комиссии при Петроградском отделении Наркомторга.

Так что же произошло с Горьким? Может быть, говоря словами Добужинского, его окончательно задавила та самая злоба дня и ослепил вихрь свершающихся событий, а быть последним революционером не хотелось? Или, может быть, прав сам писатель, что при всей силе криков о любви к родине эта любовь редко возвышается над себялюбием, над очень подленьким эгоизмом — очень хотелось жить повыше и посытнее? А может, всего-навсего «виноват» прочный большевистский кукан, сплетенный из политических интриг и безнравственных компромиссов на материальной основе с партийцами? Как говорится, долг платежом красен. В любом случае подлинные мотивы метаморфозы писателя могли знать точно двое — сам Горький и Ленин, но оба об этом молчали, значит, было что скрывать и чего стыдиться и тому, и другому.

По свидетельству современников, Горький, взвалив на себя служебные обязанности, внутренне разительно изменился. Стал чванлив, раздражителен и суетлив. Говорил лающе, зачастую непонятным набором фраз из политического и торгового лексикона. От былого «буревестника» не осталось и следа. Вот что вспоминал писатель Б. К. Зайцев[155] в книге «Мои современники», вышедшей в Лондоне в 1988 году:

«В Москве, на Николаевском вокзале.

— Куда это вы, Алексей Максимович?

— Да в Петербург, знаете ли. Спекулировать.

Такой разговор передавал мне близкий к Горькому (и очень ему преданный) человек. С ним тот не стеснялся — впрочем, напрасно было и скрывать: горьковское «эстетство» неожиданно в революцию возросло. К восхищению Беато Анджелико, принимаемому за Боттичелли, прибавилось понимание в фарфоре, мехах, старинных коврах... а всего этого тогда появилось немало. И темных людей, вокруг Горького сновавших, тоже немало. Шушукались, что-то привозили, увозили. Доллары, перстни, табакерки... Та самая М. Ф. Андреева[156], что недавно играла Раутендейлен, теперь, по

* В. И. Ленин и А. М. Горький. М., 1969, с. 423.

старой дружбе, летала «дипкурьером» в Берлин, тоже что-то добывала и сбывала, хлопотала, создавала «комбинации».

...Так из «буревестника» обратился он в филантропического нэпмана, в подозрительного антиквара, «уговаривающего» Дзержинского поменьше лить крови, в кутящего с чекистами русского писателя, в «кулака» и заступника ученых, в хозяина революционного салона, где мог встретиться Ягода и Менжинский со Щеголевым и другими пушкинистами или «радиоактивистами на пайке Цекубу[157]».

А это уже строки из личных наблюдений Зинаиды Гиппиус летом и осенью 1919 года по Петрограду:

«Горькому сметливый Зиновий (Гржебин, мелкий издатель, бывший редактор военно-патриотического журнала «Отечество». — *Авт.*) остался верен. Все поднимаясь и поднимаясь по паразитарной лестнице, он вышел в чины. Теперь он правая рука — главный фактор Горького. Вхож к нему во всякое время, достает ему по случаю разные «предметы искусства» — ведь Горький жадно скупает всякие вазы и эмали у презренных «буржуев», умирающих с голоду. (У старика Е., интеллигентного либерала, больного, сам приехал смотреть остатки китайского фарфора. И как торговался!) Квартира Горького имеет вид музея — или лавки старьевщика, пожалуй: ведь горька участь Горького тут, мало он понимает в «предметах искусства», несмотря на всю охоту смертную. Часами сидит, перетирает эмали, любуется приобретенным... и, верно, думает бедняжка, что это страшно «культурно!».

В последнее время стал скупать и порнографические альбомы. Но и в них ничего не понимает. Мне говорил один антиквар-библиотекарь, с невинной досадой: «Заплатил Горький за один альбом такой 10 тысяч, а он и пяти не стоит!»

Кроме альбомов и эмалей, Зиновий Гржебин поставляет Горькому и царские сторублевки. И. И. (Манухин, доктор. — *Авт.*) случайно натолкнулся на Гржебина в передней Горького с целым узлом таких сторублевок, завязанных в платок»*.

Кое в чем из воспоминаний коллег Горького можно было бы усомниться, ведь стояли они с «буревестником» по разные стороны революционных баррикад. Но вот среди архивного материала Чрезвычайной экспертной комиссии чудом сохранились доселе неизвестные подлинные официальные документы за подписью Горького. Для вящей убедительности сказанному и нами, и современниками писателя приведем их полностью.

Документ первый от 2 марта 1921 года за регистрационным номером Экспертной комиссии — 470:

«В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
тов. ЛЕНИНУ

Экспертная Комиссия при Наркомвнешторге два года с лишком работает по созданию фонда из предметов искусства и роскоши,

---

* Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914—1919. Нью-Йорк — Москва, 1990, с. 261, 262.

могущих быть использованными для товарообмена с заграницей. За два года с небольшим штатом специалистов, почти без средств (израсходовано около 18 000 000 руб.) и рабочих рук, без пайка, без премий, оплаты сверхурочных собрано около 60 712 номеров [предметов] и 6522 ковра на сумму 15 000 000 000 [рублей].

В октябре 1920 года Совет Народных Комиссаров по докладу тов. Горького постановил дать специальный паек сотрудникам Комиссии, но Петрокоммуна отказалась выполнить наряд Ком. Рабоч. Снабжения при Наркомпроде, а затем пайки были отменены.

В ноябре Экспертная Комиссия вошла в соглашение с ПетрКУБУ[158] о соединении закупочных комиссий, денежный закупочный фонд Экспертной Комиссией был передан в КУБУ, но до сих пор дело тормозилось по формальным соображениям. Ныне, когда на Экспертную Комиссию Совнаркомом (декрет от 13 февраля) возложена ответственная задача повсеместного по России сбора вещей для заграничного фонда, работу приходится расширять, в то же время не только нельзя добыть новых работников, но необеспеченные старые сотрудники бегут из Комиссии.

Так как участие в закупках КУБУ является сейчас единственной поддержкой к скудному бюджету сотрудников, то Экспертная Комиссия обращается с просьбой разрешить оставить ее коллектив сотрудников членами закупочной Комиссии КУБУ, как высококвалифицированных работников, делающих сейчас большой государственной важности дело.

Председатель Комиссии М. Горький»*.

По части «спецов» Горький в самом деле попал в затруднительное положение. На его суконный стол одно за другим ложились бумажные обрывки заявлений. Набралось больше десятка. Вот одно из них от члена Бюро Экспертной комиссии П. С. Водбольского:

«При поступлении моем в Экспертную Комиссию тов. Горький мне обещал персональную ставку и паек, не получая обещанного, прошу Экспертную Комиссию не считать меня больше по службе в названной комиссии с сего числа. 27 апреля 1921 г.»**.

Сам Горький без «спецов» был как без рук. О его личных познаниях в области известной живописи тот же Зайцев в своей книге «Мои современники» рассказал следующий случай, происшедший перед самой мировой войной:

«Запомнилась одна встреча в Эрмитаже петербургском перед самой войной. Высокий человек, в черном пиджаке (прошла мода на романтические блузы с ремешками), вздернутый нос, рыжеватые усики... И ни на кого этот мастеровой никак не действует. Было время, достаточно ему появиться в фойе Художественного театра, и тотчас толпа. А теперь ходят студенты, барышни, дамы, смотрят картины, на Горького хоть бы взгляд. Значит, прощай, слава.

---

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 166.

** Там же, л. 173.

— Здравствуйте. Удивительное, знаете ли, это культурное хранилище, Эрмитаж. Прямо восхищаться приходится... Вот, например, этот Боттичелли...

— Алексей Максимович, это не Боттичелли.

— Нет, нет, не говорите... Боттичелли.

— Это Беато Анджелико.

Разве такой уж грех спутать Анджелико с Боттичелли? Но доктриальный тон, а потом краска смущения и раздражения».

После недолгих переговоров в Совнаркоме письмо Горького отложили «для хранения при делах». Однако Алексей Максимович сдаваться не думал, да и в правительстве знали, что не такой он человек, чтобы пасовать перед «житейскими» трудностями. Пробьется.

Через двадцать дней «наверх» была послана вторая депеша за № 582:

«В НАРКОМВНЕШТОРГ

Постановлением Совнаркома от 26-го октября 1920 года и Комиссии Рабочего Снабжения за Экспертной Комиссией был утвержден продфазтоповский паек с сохранением трудкарточек. До января месяца не представилось возможным выяснить дело в Петрокоммуне, в январе же ввиду отмены пайков Петрокоммуна совершенно отказала в выдаче.

Согласно указанному постановлению Совнаркома от 26 октября (1920 г.) о необходимости более интенсивной работы Комиссии и постановлению Совнаркома, опубликованному в петроградских газетах 13-го февраля 1921 года, об образовании Экспертных Комиссий в провинции, Комиссия считает необходимым настаивать на включении ее в группу ударных учреждений, так как при существующих условиях мы не имеем никакой возможности увеличить интенсивность работы, что является безусловно необходимым.

Независимо от улучшения материального благосостояния служащих включение в ударную группу является исключительно важным во всех отношениях. Так, например, Автогуж снабжает Комиссию транспортными средствами в третью очередь, ударные же учреждения снабжаются в первую и во вторую.

Регулярное представление транспортных средств является первым условием для ведения работы, так как в настоящее время вещи, принимаемые на учет в жилых помещениях, из-за отсутствия транспортных средств приходится оставлять на местах очень продолжительное время. Ввиду этого многие вещи, представляющие значительную художественную или материальную ценность, расхищаются. Единственной возможностью предотвратить расхищение вещей является их срочная вывозка на склад-выставку Экспертной Комиссии.

Для продуктивности работы Комиссия считала бы необходимым ввести для сотрудников, работающих по учету имущества, помимо жалованья и премий, сдельную оплату труда. Таковая оплата вве-

дена в Чрезучете Совнархоза, ведущего работу по учету имущества, то есть аналогичную нашей. В Чрезучете наблюдается повышение интенсивности работы и заинтересованность сотрудников в регистрации большого количества вещей; кроме того, сдельной оплатой Чрезучет привлекает новых служащих, а мы с трудом удерживаем лиц, уже находящихся на службе.

По примеру Чрезучета Комиссия предполагает ввести оплату в следующем размере: за отбор и экспертизу вещей музейного характера — 100 рублей за штуку, художественно-антикварных — 75 и предметов роскоши — 25.

Доводя изложенное до сведения Наркомвнешторга, Экспертная Комиссия убедительно просит: во 1) ходатайствовать о включении ее в группу ударных предприятий; во 2) предоставить в распоряжение Комиссии транспортные средства или же снестись с Автогужем о более правильной подаче лошадей и 3) дать разрешение на введение сдельной оплаты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ М. ГОРЬКИЙ»*.

Вот такой он, Горький-служащий, заботливый о голодных подчиненных, сытый начальник, угодливый и изворотливый чиновник-старатель, петроградский «домушник». Стоило сорвать пыльное покрывало с кривого зеркала революции, как в нем мигом отразились два лика: писателя-мудреца и гражданина-подлеца. «Двоится человек. Ты бы только любить хотел, а как это можно?» Это Горький в терзаниях своего героя Андрея Находки из «Матери». Писать о горе и боли народа, но покинуть его в разгул голода и уехать на курортный воздух в Шварцвальде — «Ленин посоветовал»... Усилилось удушье совести? Окончательно сдали нервы после собственных приступов безумия? А может быть, все проще? Грабь награбленное — и воздастся. И если так, то как по случаю не воздать должное и революционному «запевале» Демьяну Бедному:

Родной народ, любя писателей своих,
Как ГОРЬКО ими ты обманут!**

Вчитываясь в строки сводки Экспертной комиссии о строгом порядке учета и отчетности, невольно думаешь поначалу о кристальной чистоте ее сотрудников при исполнении служебных обязанностей и неподкупной бдительности охраны. Однако правы были все-таки и Зайцев и Гиппиус, говоря об окружении Горького. Достаточно процитировать одну из многочисленных подобных записок на имя начальника петроградского Экспортного управления Наркомвнешторга М. Г. Григорьева от неустановленного подателя, датированную февралем 1921 года:

«Глубокоуважаемый Михаил Георгиевич!

Может быть, Вы будете настолько любезны и не откажетесь побаловать нас маленьким удовольствием: не найдете ли где-нибудь

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 180.
** «Правда», № 227, 13 января 1918 г.

Портрет А. М. Горького. Палех. Художник И. Т. Серебряков, 1939 г. ЦГА КФД Москвы.

завалящего коврика в наш кабинет, чтоб приятнее было принимать таких дорогих гостей, как Вы.

Готов к услугам. Подпись»*.

---

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 189.

И Михаил Георгиевич с радостью доставлял любезным друзьям не только «маленькие удовольствия», но и удовольствие побольше. Знал, окупится сторицей, и государство в накладе не останется. На всех хватит. Помните: «весной дали 2 пуда, осенью взяли четыре»?

И грозные декреты, и охрана, и строгая отчетность, и государственные титулы были для «темных людей» надежной ширмой. Всякий из них, не считая подсобную челядь, при удобном случае или просто по личной надобности мог запустить руку в служебный карман и использовать должностное положение для ведения собственных выгодных дел. Гржебин удачно «проворачивал обороты» с финской бумагой, валютой, золотом и покупал к столу целыми пудами парную телятину. У Горького тоже не бедно: «и котлеты, и огурцы свежие, кисель черничный...» По свидетельству священника В. Зноско, некий Марков, состоявший для поручений у наркома Троцкого, с успехом продал «тряпичникам» на вес громадное количество ценных исторических документов из государственных библиотек и архивов*. Оттуда же, из служебного кармана, точнее, из складов художественно-исторического имущества или из музейных запасников одаривались «стойкие защитники революции». «Военспец» Н. И. Раттэль, например, получил в награду осыпанную драгоценными камнями золотую табакерку Екатерины II, а начальник военных сообщений Красной Армии М. М. Аржанов — личную трость Великого Петра**, не были в обиде и другие «герои» гражданской войны, благо «забавных» вещиц, помимо расшитых позументом и мишурой «революционных шаровар», вполне хватало. Смотрели на то легко и весело. Эка невидаль, что новоявленный владелец трости царя красноармейский чинуша Аржанов взял и укоротил ее под свой малый рост. Видел ли народ? Видел. Вот еще одна, видимо, тоже нечитанная почтовая карточка, адресованная в Смольный «Зиновьеву лично»:

«Недавно женился один комиссар, свадебный пир коего обошелся в 10 миллионов рублей. Яства, вина, фрукты и прочее не снились и прежним буржуям, даже чудный оркестр. Правда, «советские» миллионы весьма безлики, но все же любопытно, каким путем сей муж достает такие деньги, вероятно, это только часть его капитала. Не все же «комиссары», составляющие $\frac{1}{2}$ населения, сами печатают деньги, эти жалкие казанские каракули. Не из ломовых ли он извозчиков, которые, как нынче известно, балуются картами на миллионы. Остается одна уверенность, что сей новобрачный знатный коммунист состоит в президиуме почтенной и модной нынче коллегии «интернационалов», летающих в виде ангелов и дьяволов и прочей нечисти для чистого ограбления многократно уже властью ограбленного населения, весьма нетерпеливо ожидающего возвра-

* Зноско В. Большевистское «пекло», или Красные варвары — душители XX-го века. Берлин, 1920, с. 20.

** Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., Воениздат, 1964, с. 351.

щения не только городового, своего второго защитника, но хоть какого-нибудь царя...»*

Были и другие свадьбы. И не всякие женихи из «ломовых». Попадались и из флотских — вот, например, пролетарский балтиец П. Е. Дыбенко; невеста же — бездомная дочь бедного генерала, член ВЦИК и нарком госпризрения А. М. Коллонтай. А тоже пир горой во дворце бежавшей царской фаворитки и посуда с золотыми вензелями их императорских величеств и княжеских высочеств.

Но вернемся к торговым «операциям». Из мест складирования и сортировки художественно-исторические ценности по мере готовности к продаже поступали в банковские хранилища для паковки, затем в порт, откуда по отработанному маршруту Петроград — Ревель — Стокгольм или напрямую — Петроград — Стокгольм или Гельсингфорс (Хельсинки) поступали в руки доверенных распорядителей, а от них — непосредственным заказчикам. Все торговые сделки и сама перевалка «культурного» груза в западные порты держались в великой тайне. Поэтому художественно-исторические ценности тщательно укрывались и маскировались в глубоких трюмах судов среди товаров рядового экспорта, хозяйственного, рабочего имущества и оборудования концессионных зарубежных фирм. Вместе с товарами тайного экспорта для уполномоченных Коминтерна шла пропагандистская литература о «великом переустройстве» в России. Канал сбыта действовал надежно, однако случались и «проколы».

23 сентября 1920 года английская газета «Матин» сообщила о захвате парохода с грузом льна, шедшего из Петрограда в Стокгольм. В то время англичане все еще продолжали практиковать подобные санкции экономической блокады Советской России. В перехваченном судне при досмотре обнаружили тюки с большевистской литературой и невероятное количество драгоценных произведений искусства из золота, платины и серебра, судя по маркировке упаковки и сопроводительным документам, адресованных в американскую миссию в Стокгольме для последующей отправки в музеи Соединенных Штатов. По оценке английских экспертов, сокровища имели музейное и церковное происхождение. Предполагалось, что часть предметов из Эрмитажа и Патриаршей ризницы.

Большевики не смутились. В таких случаях, если считалось нужным, давались «опровержения», объяснявшие нападки «классового врага» злобной и изощренной клеветой на советскую действительность. Одновременно обильно печатались сообщения о процветании музейного дела в Республике. Для большей убедительности в непричастности правительства к темным махинациям могла появиться и газетная информация о происках «контрреволюционных элементов» в общегосударственном деле охраны памятников искусства и старины.

Несмотря на торговые огрехи, экспорт художественно-истори-

* ЦГАОР СПб., ф. 1000, оп. 4, д. 125, л. 11.

ческих ценностей набирал силу, и его фонд рос по часам. Здесь надо сказать, что особое место в коммерческо-валютной деятельности правительства занял Гохран (Государственное хранилище ценностей), образованный 3 февраля 1920 года по постановлению Совнаркома. Хотя официально сообщалось, что функции этого учреждения заключались в «централизации хранения и учета всех принадлежащих РСФСР ценностей, состоящих из золота, платины, серебра в слитках и изделиях из них, бриллиантов, цветных драгоценных камней и жемчуга», действительный статус Гохрана был закрыт тайной завесой, а его операционные связи строго ограничены: Наркомфин, высший Совнархоз, Наркоматы торговли и госконтроля. Примечательно, народные комиссары в пункте 3-м постановления не забыли оговорить, что с момента его опубликования «все советские учреждения и должностные лица обязаны сдать в Гохран в течение 3-месячного срока все имеющиеся у них на хранении, в заведовании, в переделке или на учете вышеназванные ценности»*. Однако основной интерес для Гохрана представляли растущие отборные фонды Экспертных комиссий Наркомторга. Именно сюда предполагалось поступление самых изысканных и дорогостоящих сокровищ, а сам Гохран мыслился на деле главным резервом ценностей правительства и банком его особых валютных операций и коммерческих расчетов. Новоявленное заведение имело собственные «глаза» и «уши», а также тесные и тайные связи с ВЧК, что позволяло действовать сотрудникам Гохрана инициативно, независимо от подачек подпитывающих банковских и торговых органов.

Одновременно с Гохраном продолжал свою деятельность и Наркомвнешторг. 26 октября 1920 года Малый Совнарком поручил ему формирование в срочном порядке Московской Экспертной комиссии по аналогии с Петроградской. В кратчайшие сроки по всей Москве разыскали нужных специалистов и даже подбросили опытное подкрепление из Питера. Как полагается, назначили им персональные оклады до 15 000 рублей ленинками и «продфазтоповские» пайки. За наставлением к Горькому направили заместителя председателя комиссии А. А. Ховрина. Заготовили мандаты и «ударили». Но, увы, вхолостую. Народ в Москве подобрался ушлый: кто под комиссаром с высоким рангом, кто сам комиссар. Всяк себе хозяин и тоже с мандатом. Попробуй, подберись!

Через три месяца бесплодных блужданий по столице члены бюро Московской Экспертной комиссии представили ее председателю жалобную докладную записку:

«...Все заготовленные Комиссией мандаты, как то: в В.Ч.К., в М.Ч.К., в М.П.О., оказались недействительными, т. к. никто из упомянутых учреждений не знал о существовании Комиссии и потому не признавал ее мандатов...

...Таким образом, Экспертная Комиссия поставлена в полную невозможность планомерной работы, не имея права проникать в

* Декреты Советской власти, т. 7. М., 1974, с. 193.

наиболее интересные и богатые хранилища. Так, например, одними из богатейших собраний предметов роскоши и исторических являются склады быв. Ступина, Кокоревский, Софинский, куда прежде всего и направлялось внимание Комиссии, но куда доступ для нее оказался невозможным, т. к. на обращение Комиссии в М.П.О., которому принадлежат эти склады, она получила ответ, что в настоящее время идет разработка склада и потому Комиссия туда допущена не будет. Допуск возможен лишь будет через 2—3 месяца. А между тем идет разгрузка этих складов: ценная мебель, интересные для Комиссии предметы старины и роскоши распределяются по учреждениям, распыляются и с каждым днем уходят из склада для того, чтобы затеряться по углам и комнатам многочисленных учреждений, откуда их почти невозможно будет собрать»*.

Дальше шли знакомые сетования на грошовое жалованье, отмену пайка и прочие невыносимые условия работы и быта «редких специалистов». Докладная записка бюро Московской Экспертной комиссии попала в высшие инстанции и была, видимо, последней каплей, переполнившей чашу терпения руководства Внешторга. По вопросам неблагодарного труда экспертов было решено хлопотать о специальном постановлении Совета Народных Комиссаров. Для выработки проекта законодательства 31 января 1921 года созвали уважаемое совещание, на котором согласно протоколу присутствовали член Коллегии наркомата П. Л. Войков[159], начальник Экспортного управления М. Г. Григорьев, председатель Петроградской Экспертной комиссии А. М. Пешков, заместитель председателя Московской Экспертной комиссии А. А. Ховрин и секретарь И. Н. Моносзон. Постановили утвердить пять пунктов проекта. Главное:

«В целях составления государственного запаса художественных ценностей и предметов роскоши и старины, могущих служить предметами вывоза за границу, Народному Комиссариату Внешней Торговли предоставляется право образовать в местах, где он найдет нужным, Экспертные Комиссии, действующие на основании положений, утверждаемых Наркомвнешторгом...

Все учреждения и лица, в ведении коих находятся склады, магазины, сейфы, помещения и вообще какие бы то ни было хранилища, за исключением музеев Республики и хранилищ государственного музейного фонда, состоящих в ведении Главмузея, обязаны беспрепятственно допускать представителей Комиссии к осмотру, отбору, учету и вывозу всех вещей, относящихся к предмету ведения последней.

Музейный Отдел [Наркомпроса] вносит в свою инструкцию следующий пункт: «Все вещи, случайно находящиеся в музее и не представляющие музейной ценности, передаются в Наркомвнешторг»**.

---

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 8.

** Там же, л. 7. (Выделено нами. — *Авт.*)

Не забыли и о Московской Экспертной комиссии. Для пущей важности ее статус подняли до уровня отдела Экспортного управления Наркомата внешней торговли. В Совнаркоме согласились, и уже 13 февраля 1921 года в центральной печати было опубликовано соответствующее правительственное постановление. Тут же в свете постановления и выполнения его решений петроградские эксперты поспешили еще более расширить и узаконить свои права, а именно: привлечь к принудительному сотрудничеству Чрезучет, Безхоз, Совкомхоз, Губчека, Наследственно-охранный отдел и других помощников. И чтоб все конкуренты уяснили себе раз и навсегда, что «Экспертная Комиссия является единственным органом, ведущим учет вещей музейного, исторического, художественного, антикварного характера, а также предметов роскоши на складах Государственных, складах Городских Ломбардов, центральных и районных складах Петрогубкоммуны, в жилых помещениях, магазинах, сейфах и прочих хранилищах безхозяйного движимого имущества...»*. И чтоб не мешал работе назойливый Наркомпрос. Члены правительства только приветствовали пролетарский энтузиазм петроградцев. А чтобы пороги внешторговских хранилищ лишний раз не обивали музейщики и бывшие владельцы фамильных сокровищ, осмелевшие «эксперты» категорически предупредили:

«Выдача вещей со склада-выставки музеям, а также возвращение вещей владельцам (в случае постановления реквизиционной тройки Петрогубкоммуны) производится лишь с письменного на то распоряжения Наркомвнешторга, согласно постановлению Л. Б. Красина[160] от 18 февраля текущего года»**.

Укрепив свои силы в Петрограде и Москве чекистами, Внешторг и вовсе воспрянул духом. Теперь важное правительственное задание было ему вполне по плечу. Кстати, о правительственной важности. За организацией и ходом тайных экспортных операций ревниво следил сам Предсовнаркома. В десятых числах февраля 1921 года он потребовал от Внешторга конкретного отчета о ведении дел.

15 февраля такой документ был представлен за подписями начальника Отдела художественных ценностей Экспортного управления Наркомвнешторга Ф. Г. Чучина и М. Ф. Андреевой[161] — второй жены Пешкова-Горького, по официальной должности заместителя комиссара просвещения по художественным делам в Петрограде и негласного, по документу, «заместителя уполномоченного по реализации художественных ценностей», иными словами, ответственного торгового агента. Так что известные частые поездки Андреевой в Берлин в 20-е годы носили больше коммерческий, чем культурный характер. Примечательная деталь. В 1920 году в Берлинском отделении издательства книг для России уже обосновался «друг семьи» Горького-Андреевой торговый ловкач З. И. Гржебин, который так и останется в Германии навсегда.

---

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 182.

** Там же, л. 184.

Итак, документ:

«Тов. ЛЕНИНУ

Экспертными Комиссиями при Отделе Художественных Ценностей Экспортного Управления НКВТ Петрограда и Москвы до сего времени выявлено, взято на учет, а частью собрано на своих складах и приведено в ликвидный вид до 500 000 разных предметов антикварно-художественных и предметов роскоши, имеющих большую валютную ценность.

Работа по дальнейшему выявлению, учету, а также закупки такого рода вещей у частных лиц, учреждений и предприятий продолжаются.

Приняты меры к организации Отделов Художественных Ценностей Эксупра НКВТ окраинных и автономных областей «Республик РСФСР», к налаживанию аналогичных работ по созданию государственного фонда этих ценностей на местах.

Работа О.Х.Ц. ведется планомерно, согласно программе, утвержденной НКВТ.

1) Организация работающего аппарата производится в процессе самой работы. Кроме Москвы и Петрограда, работающие аппараты О.Х.Ц. в первую очередь создаются в Туркестане, Крыму, на Кавказе и в Сибири.

2) Производится выявление, предварительный отбор и учет антикварно-художественного имущества, бесхозного, предприятий и учреждений.

ПРИМЕЧАНИЕ: Необходимо уничтожить параллелизм в работе местных исполкомов, Главмузеев, Гохрана, Комиссии тов. Троцкого, Российского Бюро Филателии НКПТ, вверя согласованность их работы с О.Х.Ц.

3) Концентрируется весь предварительно отобранный и взятый на учет антикварно-художественный товар на складах О.Х.Ц. Эксупра НКВТ.

ПРИМЕЧАНИЕ: Необходимо в самом срочном порядке закрепить за О.Х.Ц. в гор. Москве помещение банковского типа для Центрального Склада-Выставки (особенно пригоден для этой цели дом № 12 по Тверскому Бульвару).

4) Классифицируется, квалифицируется и систематизируется антикварно-художественный товар, доставленный на Склад с подробным описанием и учетом его, а также фотографированием наиболее ценных и типичных вещей для составления альбомов-каталогов для заграницы. Необходимо также собрать и выставить как особый объект продажи ненужные реликвии царской эпохи: гербы, значки, формы одежды, личные вещи бывшей царской фамилии, автографы, предметы обихода, мебедь, посуду и проч., не имеющие особой художественной ценности, для предложения иностранцам здесь — в России и для частичного вывоза за границу.

5) Производится калькуляция и расценка систематизированного товара.

6) Производится реализация товара за границу согласно требованиям рынка.

ПРИМЕЧАНИЕ: Реализация антикварно-художественного товара и предметов роскоши за границей производится тт. БУРЕНИНЫМ[161], БЕРЕЗИНЫМ и АНДРЕЕВОЙ[162]. Первосортный товар идет преимущественно в Англию и Францию. Товар второстепенного качества — исключительно в Германию. Серебро псевдорусского стиля и новый фарфор — в Скандинавию. Вещи сенсационного характера годны для сбыта, главным образом, в Америке.

Центральным Складом за границею избрана Большая гавань Гамбурга, откуда легче и удобнее всего распределять товар по странам, где имеются хорошо приспособленные для этого помещения, организованная и притом дешевая техническая сила и крепкая охрана»*.

Это касательно антикварно-художественных изделий, знакомых по «счетам» Петроградской Экспертной комиссии. Не будем гадать, был ли предсовнаркома удовлетворен докладом. Главное не в этом, а в бесспорном доказательстве «высокого» руководства тайными валютными операциями.

Отдельной строкой экспорта российских сокровищ в партийно-правительственных планах шли бриллианты. Дело весьма и весьма прибыльное, но тонкое, требующее торговой изворотливости, осведомленности в ценах на мировом рынке и ювелирных знаний. Штаб-квартира международной алмазно-бриллиантовой биржи находилась в Лондоне, однако официальный путь на лондонские сайты советским купцам был заказан по двум основным причинам. Во-первых, из-за эмбарго и, во-вторых, по торгово-этическим соображениям: ведь Россия никогда не добывала собственных алмазов и не торговала ими, значит, предметы продажи могли составить только веками накопленные исторические ценности, в том числе старой русской огранки чужестранных сырьевых материалов и не только государственной, церковной, но и частной принадлежности, а от такого товара веяло дурным запахом. И все-таки, чтобы нащупать хоть какие-то связи с западным ювелирным рынком, а заодно попытаться наладить дела с импортом, осенью 1920 года в Лондон отважился выехать Красин. Тогда же внешторговцы усиленно подыскивали надежного «уполномоченного» по реализации бриллиантов за границей. И нашли. 28 октября 1920 года заместитель наркома Внешторга А. М. Лежава[163] под грифом «весьма секретно» представил в ЦК РКП(б) предложение:

«Мария Клементьевна ЦЮНКЕВИЧ лично хорошо известна тов. Красину, также тов. Элиаве[164] и некоторым другим нашим товарищам, профессионально и хорошо знакомая с делом реализации драгоценных камней. Об ее профессиональных знаниях мне с большой похвалой отзывался руководящий разбором камней в Гохране тов. Александров, являющийся крупным специалистом.

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2369, л. 61.

Вопрос о сосредоточении продажи наших драгоценных камней в Западной Европе в одном пункте, наиболее благоприятном для этой операции, минувшим опытом вполне уже выяснился. Таким пунктом, безусловно, является Амстердам или Лондон, что М. К. Цюнкевич, со своей стороны, подтвердила. У меня явилась мысль реализацию камней сосредоточить в Лондоне и для консультации при Красине откомандировать в Лондон М. К. Цюнкевич, причем я предполагал вместе с ней отправить в Лондон также некоторое количество ценностей. Об этом я запросил тов. Красина, от которого я получил [...] телеграмму № 906 22/X [1920 г.]. Красин сообщает, что он согласен с командировкой, предлагает брать материалов в размере, соответствующем действительной личной потребности, таковая в данном случае может быть изрядна, но не следует преувеличивать.

Ввиду этой телеграммы я полагал бы с ней (Цюнкевич. — *Авт.*) вместе отправить туда такие предметы, которые могли бы быть оправданы принадлежностью их одному лицу.

Прошу ЦК рассмотреть этот вопрос в срочном порядке и о решении настоящего вопроса меня уведомить»*.

Предложения Лежавы поручили рассмотреть члену Политбюро наркому финансов Н. Н. Крестинскому[165]. После недолгих раздумий и консультаций подручные наркома доложили в ЦК заключение о целесообразности командировки в Лондон Цюнкевич с опытной партией бриллиантов и прочих драгоценных камней. Дебют очередного торгового агента состоялся. Драгоценности были проданы.

Рынок сбыта российских ценностей за кордоном расширялся. Однако, несмотря на государственную организацию торговли, все сделки за рубежом носили неофициальный характер со спекулятивно-воровским налетом. Большевики откровенно боялись огласки операций. Поэтому их проведение поручалось только проверенным партийным контрабандистам со стажем, таким, как Буренин и Андреева, или «специалистам»-нелегалам из Коминтерна. Западные скупщики ясно понимали политический нюанс торговли и осознавали, с кем они имеют дело, чем и пользовались. Цены на «товар» заказчиками устанавливались хотя и несколько выше первоначальных, назначенных экспертными комиссиями, но значительно ниже мировых.

ЦК и СНК требовали увеличения, выполнения и даже перевыполнения «плана». Требования исполнялись. Но не за счет сговорчивости западных партнеров, а за счет увеличения товарной массы. Все шло, что называется, как по маслу. Однако совершенно неожиданно в момент легкого головокружения от успехов дал трещину разгоряченный «котел» Гохрана.

О повторной утечке ценностей из правительственного хранилища (первые разоблачения отдельных хищений и расправа над ви-

---

* РЦХДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 116, л. 36.

новными состоялась в апреле 1920 года) донес лично Ленину уполномоченный ЦК по Гохрану Я. М. Юровский, по словам предсовнаркома, «надежнейший коммунист». Еще бы! Непосредственный организатор убийства царской семьи в Ипатьевском доме. Сам стрелял в Николая Романова и добивал тяжелораненого его сына Алексея. Да и к ценностям относился щепетильно. Это по его приказу сняли с убитых членов бывшей императорской семьи кольца, браслеты, часы, медальоны. Доставил в Кремль в целости и сохранности все до единого.

По предположению Юровского, в Гохране действовала организованная преступная группа. Не меньше. Расследование гохрановского дела Ленин поручил члену коллегии ВЧК Г. И. Бокию[166]. Тот, не мудрствуя лукаво, взял под подозрение весь Гохран и начал его «фильтрацию». Особо подозрительных лиц набралось больше сотни. Вскоре первые результаты расследования, подтверждающие наличие в Гохране организованной преступной группы, доложили предсовнаркома. Удрученный заключением Бокия, Ленин решил припугнуть коллегию Наркомфина и 29 мая 1921 года направил в адрес заместителя наркома Альского гневное письмо:

«...Если в кратчайший срок дело в Гохране не будет переорганизовано так, чтобы вполне исключить возможность хищений, а вместе с тем ускорить всю работу и увеличить ее размеры, то замнарком и все члены коллегии НКфина будут привлечены не только к партийной, но и к уголовной ответственности.

От промедления с работой Гохрана... от хищений в нем Республика несет гигантские потери, ибо именно теперь, в трудные дни, нам нужно быстро получить максимум ценностей для товарообмена с заграницей»*.

В свою очередь, Ленин остался недоволен и Бокием: раз есть организация, значит, должны быть организаторы, а в списке фигурировали только рядовые оценщики, рассыльные, учетчики и инспектора Рабкрина. Исправились — организаторов вычислили. Их оказалось трое. Все старшие оценщики: бывший купец и владелец часового и ювелирного магазинов в Москве — Пожамчи, бывший хозяин московской торговой фирмы по продаже драгоценных камней и жемчуга и бывший совладелец фабрики по гранению бриллиантов в Антверпене Александров — тот самый, кто давал рекомендации торговому агенту Цюнкевич, а также Яков Шелехес — брат заведующего культотделом ВЦСПС Исаева-Шелехеса. Факты доказательств вины: наличие на квартире у Пожамчи драгоценностей и бриллиантов, попытка всех троих сокрыть от комиссии ВЧК более четырех тысяч каратов[167] неучтенных бриллиантов в гохрановском же сейфе, наличие в служебных столах Пожамчи и Александрова ответных писем от зарубежных фирм о ценах за границей на камни и жемчуг. От причастности к письмам Наркомфин отказался.

---

* Алексеева Т., Матвеев Н. Доверено защищать революцию. М., Политиздат, 1987, с. 243.

И последнее. Пожамчи, Александров и Шелехес руководили сортировкой и оценкой камней и лично их упаковывали. Всю троицу в тюрьме ВЧК заставили признаться в хищении более полутора тысяч каратов бриллиантов и, на всякий случай, расстреляли.

По прошествии лет и в отсутствие материалов допроса оспаривать вину Пожамчи, Александрова и Шелехеса трудно. Но как бы там ни было, дело по их обвинению в свете известных фактов выглядит весьма сомнительно. Тем более что есть другие подлинные документы, которые объясняют многие «загадочные» явления в Гохране. Один из них — заключительный доклад ревизионной комиссии ВЧК от 17 июля 1921 года. Его копия под грифом «совершенно секретно» 23 июля того же года была представлена Бокием Ленину. Из доклада:

«...Если с внешней стороны выдача ценностей из Гохрана и обставлена до известной степени некоторыми формальностями, то по существу этот порядок нарушает некоторые элементарные правила выдачи вообще, а в частности те правила, которыми должны быть обставлены отпуски таких ценностей, как бриллианты, золото и серебро, выдаваемые из Народных хранилищ Гохрана по требованию учреждений.

Так, имеется в делах записка тов. Альского, в которой он просит тов. Левицкого (начальника Гохрана. — *Авт.*) выдать тов. Красиной-Лушниковой (жене Л. Б. Красина. — *Авт.*) 11.497.80 каратов бриллиантов для НКВТ, указывая в записке, что выдача производится согласно письму от 14/3 с. г. с разрешения НКВТ. На записке внизу имеется надпись, что отношение Комиссариата Внешней Торговли за № 950/1134 от 14/3 — 21 г. и мандат Красиной от 29/3—21 г. за № 1133 оставлены у тов. Альского. Записка не имеет печати. Несмотря на отсутствие мандата и печати (на записке), выдача производится и составляется акт на отпуск за № 33.

Выдачи, за редкими исключениями, производятся без справок по телефону у лиц, разрешивших данный отпуск ценностей из Гохрана.

Такого же характера в делах Гохрана имеется ряд и других записок тов. Альского, в частности, записка от 10/3—21 г. на выдачу тов. Крыленко[168] десяти золотых колец с бриллиантами, также без печати и, кроме того, без визы НКРКИ.

...Отношением общего отдела ВЧК от 26 июля 20 г. за № 18902 на имя Заместителя Наркомфина тов. Оболенского ВЧК просила отпустить для сотрудников ВЧК и МЧК 200 штук ручных и карманных часов, из которых должны быть 100 штук металлических, 88 серебряных и 12 шт. золотых. Золотые в отношении были вычеркнуты. Выдачу часов поручалось произвести тов. Александрову. Согласно данному отношению выдачи были произведены по актам № 44 и 46. Отпущено было 88 серебряных часов и 6 металлических, всего 94 штуки. По другому отношению Президиума МЧК (отношение без печати, числа и исх. № за подписью секретаря МЧК

тов. Березина) администрация Гохрана все же нашла возможности произвести [полную] выдачу [затребованных] часов.

Кроме того, необходимо отметить, что все ценности, за исключением бриллиантов, выдавались без веса, часы без указания фирмы и № часов. Такой порядок мог допускать замену ценностей на другие при передаче учреждению, их затребовавшему, а потому не мог быть признан нормальным»*.

Очевидно, Пожамчи, Александров и Шелехес в хозяйском амбаре были лишь подневольными подносчиками. Никто из них, естественно, не мог противостоять сильным мира того. Что же касается отсутствия точности учета, то на период ревизии в Гохране 62 900 «нумеров мест» находились в предварительной сортировке, а 8116 — ждали своего часа**. В придачу сам же Совнарком одобрил предложение Экспортного управления по работе экспертных комиссий, где говорилось, что «во избежание задержки разбора ценностей временно согласиться на отбор (для Гохрана) без составления описи»***. Но и после предварительной сортировки определить точный вес и ценность изделий в операционной круговерти можно было только при отпуске заказа клиентам. Однако в инструкциях Гохрану отпускать изделия, кроме камней, предписывалось не по весу, а по ценности в стоимостном выражении и поштучно, что и писалось в нарядах Наркомфина. Причем ценность странным образом указывалась в совзнаках и никоим образом не соответствовала действительной, а оплата заказа при его получении допускалась в кредит. При таком раскладе обвинить оценщиков можно было в чем угодно. А кто мог «взять» больше — уличенные в краже оценщик Морозов, инспектор Рабкрина Белов или председатель Верховного ревтрибунала Н. В. Крыленко[168] — утверждать сложно.

К слову, о клиентах Гохрана. За время с начала операционной деятельности (24 февраля 1920 года) по 15 июня 1921 года из правительственного фонда было отпущено ценностей на общую условную сумму 805 643 473 рубля 36 копеек по кредитному курсу, в том числе: Наркомвнешторгу — на 622 236 000 рублей, ЦК РКП(б) — на 157 027 500 рублей, высшему Совнархозу — на 3 329 415 рублей, Реввоенсовету Республики — на 4 000 000 рублей и прочим ведомствам — на 19 050 558 рублей 36 копеек****. В натуральных показателях это выглядит так:

бриллианты	96.873.88 каратов;
жемчуг	65.104.05 каратов;
изумруды[169], рубины[170], сапфиры[171]	7.213.50 каратов;
изделия из золота	213 штук;
часы золотые	516 штук;
часы серебряные	913 штук;

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 4, д. 127, лл. 28, 29, 30.
** Там же, л. 35.
*** ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 7.
**** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 4, д. 127, л. 30.

золотые монеты российской чеканки	18 264 штуки;
золотые монеты иностранной чеканки	2893 штуки;
платиновые монеты	100 штук;
изделия из серебра	355 пудов 39 фунтов 03 золотника[172];
серебряные монеты	30 пудов 60 фунтов 17 золотников;
изделия из мельхиора . .	42 пуда 20 фунтов 66 золотников*.

Статьи расхода: экспортный товар, «особые нужды» ЦК, подарки Коминтерну, награды «стойким защитникам революции»... Если учесть, что сумма долга в кассу Гохрана указанных выше потребителей значилась в 380 041 814 рублей 22 копейки**, а эквивалент одного золотого рубля составлял 20 000 в совзнаках, то перечисленные приобретения обошлись им практически бесплатно.

Похоже, прав был Юровский — Гохран в самом деле потрошила «организованная группа».

Незадача в Гохране только подстегнула председателя Совнаркома. После «фильтрации» финорганов и Рабкрина он бросил идею введения во внешней торговле жесткой экспортной диктатуры.

Идею в правительстве встретили на «ура» и 10 августа 1921 года приняли грозное постановление о создании Чрезвычайной комиссии по экспорту (Чрезкомэкспорт) при Совете Труда и Обороны в составе представителей от Внешторга, Наркомата РКИ, ВЧК, Высшего Совнархоза и Наркомпрода[173]. Мандаты, полномочия, обязанности, планы. Все чин по чину. Хочешь — с миру по нитке, хочешь — обирай до нитки, но в кратчайшие сроки мощный государственный экспортный фонд должен быть.

На пользу торгового дела его форпост вынесли в Ревель, где с начала года обосновался полпред М. М. Литвинов[174], по негласному должностному статусу «уполномоченный СНК по валютным операциям», он же уполномоченный Внешторга по Эстонии.

Сбору в экспортный госфонд на сей раз подлежало любое сырье, полуфабрикаты, продовольствие и любые изделия, хоть как-то интересующие западный рынок. Во главу экспортного «угла» по-прежнему ставились художественно-исторические ценности и ювелирные сокровища. Чрезкомэкспорт распорядился продать за границу в текущем и будущем году только художественных ценностей и изделий на сумму 29 645 842 рубля золотом***. Это не считая «особых» валютных операций. Одновременно экспертным комиссиям, помимо халтурных заготовок на «разгрузке» складов и квартир, надлежало прикупить у населения тех же ценностей на 20 миллио-

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 4, д. 127, л. 30, 31.
** Там же, л. 30.
*** ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 18.

Михаил Васильевич Рыкунов, председатель Чрезвычайной комиссии по экспорту при Совете Труда и Обороны.

нов золотых рублей*, оплачивая покупки, ясное дело, совзнаками — словом, «числом поболее, ценою подешевле». Конечно, все эти рубежные цифры имели условное экономическое толкование, зато для исполнителей они были неким кнутом, ибо те разумели: раз счет пошел на десятки миллионов золотых, значит, из кожи лезь. И лезли.

Надо сказать, что сами члены Чрезкомэкспорта и ее уполномоченные больше походили на вездесущих сыщиков, чем на погонщиков и надсмотрщиков. Засучив рукава, они рыскали по Республике в поисках новой наживы. Из отчета уполномоченного Чрезкомэкспорта на юго-востоке России С. М. Френкеля:

«...Особому вниманию комиссии предлагаю следующее обстоятельство.

Наблюдающееся повсеместно значительное понижение хлебного эквивалента и наблюдающееся параллельно этому катастрофическое обнищание остатков прежней средней буржуазии и интеллигенции приводит к предложению на местных рынках большого количества драгоценностей и ценной домашней утвари, которые скупаются буржуазией новейшей формации буквально за бесценок. Несомненно, эта статья является одним из источников современного «первоначального накопления капитала» новой буржуазией. Организованная Внешторгом на частно-комиссионных началах повсеместная скупка золота, серебра, бриллиантов, ценной домашней утвари и художественных произведений есть, несомненно, наша боевая задача, и хотя в этом отношении наиболее выгодные месяцы начала свободной торговли пропущены, но тут уж подлинно, лучше поздно, чем никогда»**.

Председатель Чрезкомэкспорта М. В. Рыкунов[175] на отчете уполномоченного наложил резолюцию своим помощникам: «Надо принять меры». Приказ начальника — закон для подчиненного. Известные меры приняли, но тем не ограничились. Слово документу:

---

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 61.

** Там же, л. 87.

«Весьма секретно.

Замнаркомфину т. Альскому.

Копия: Управделами СНК т. Горбунову.

ЦК РКП(б) постановлением от 5/IX—21 г. № 65 постановил поручить НКФ т а й н у ю скупку золота, платины и инвалюты под наблюдением и контролем ВЧК.

НКФ означенную скупку поручил тт. Аркусу (начальник Гохрана. — *Авт.*), Фесюку и Борискину (служащие Наркомфина. — *Авт.*), которые вначале связались для работы с Торг-Фин Отделом Экономуправления ВЧК и присылали ему свои отчеты и сообщали сведения о своих агентах, но после присылки второго отчета прекратили дачу сведений ВЧК, несмотря на неоднократные обращения Экономупра ВЧК.

Находя такие действия комиссии по скупке недопустимыми, уклонением от установленного, согласно постановлению ЦК, контроля, ВЧК настоящим просит Вашего распоряжения и воздействия, дабы тт. Аркус, Фесюк и Борискин предоставляли Экономупру ВЧК копии своих отчетов по операции скупки золота, платины и инвалюты, сведения об агентах, производящих скупку, а также исчерпывающие перечни местностей и губерний, где сейчас ведутся операции по тайной скупке»*.

Писано 22 декабря 1921 года зампредом ВЧК И. С. Уншлихтом[176]. Вот теперь об арсенале мер можно судить более полно. Однако в документе есть еще одна изюмина. Не то чтобы чекисты доверяли-проверяли и остерегались конфуза попутать «своих» валютчиков и спекулянтов (читай — агентов) с самостийными, здесь — иное. Читатель, надеемся, обратил внимание на тонкую «классовую» начинку отчета уполномоченного Чрезкомэкспорта по юго-востоку России. Такую же, но более лакомую начинку ожидала ВЧК в секретных отчетах финорганов. По связям тайных агентов-скупщиков чекисты отыскивали очаги зачатия «новейшей буржуазии» и давили ее в зародыше. Тем же путем выводили на «чистую воду» и остатки «прежних буржуев». Таким образом, точные сведения о работе агентов Наркомфина в руках чекистов были своеобразным политическим компасом и фактами неопровержимых доказательств «контрреволюционных» происков «классово чуждых элементов». Получалось так, что те платили советской власти дважды: и золотом и валютой, и судьбой.

Пока тайные скупщики и явные комиссионщики собирались духом, по следам Френкеля уже вовсю стучали топоры в сочинских заповедных лесах. На пути к заветной мечте пролетариата возле Дагомыса и Лазаревки, на берегах Шахэ и Хосты валили экспортный лес: самшит и пальма — 23 000 пудов, тис и красное дерево — 90 000 пудов, черешня — 10 000 пудов, орех — 45 000 пудов и прочая отборная «деловая» древесина. Ни много ни мало — 5000 подводо-дней**. Вывезли.

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 127, л. 139.

** ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 3, л. 92.

Пролетарская «леди». В меховом отделении магазина «Торгсин». Москва, 1932 г. ЦГА КФД РФ.

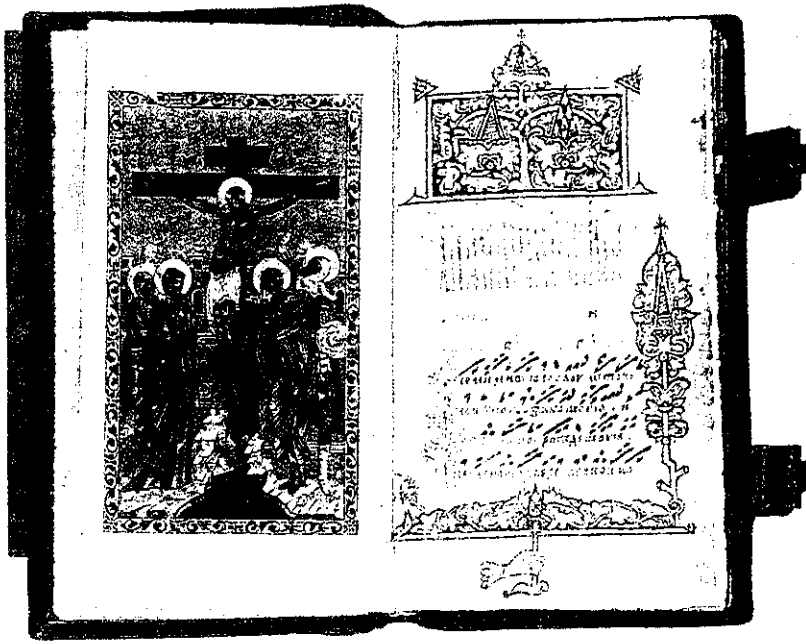
То там, то здесь по всей России вослед уполномоченным правительственной комиссии дружно стучали топоры, звенели пилы, падая, ухали стройные березы, зрелые дубы, корабельные сосны... То там, то здесь палили ружья и хлопали капканы охотничьих артелей, «разгружались» довоенные запасы меха и «бесхозяйные» квартиры. Шла заготовка «мягкого золота». Вереницы подвод тянулись в стороны стольных городов. К осени в Москве и Петрограде забили доверху шкурами и шкурками все бывшие купеческие пушные склады, салоны, магазины и даже полупустые музейные хранилища. Арифметически начало деятельности Мехэкспортбюро выглядело так: каракулевые шкуры — 210 000 штук, беличий хвост — 540 пудов, беличьи шкурки — 1 016 000 штук, шкурки белого песца — 7690 штук, лисицы чернобурой — 500 штук, лисицы красной и светлой — 20 200 штук, горностая — 67 000 штук, зайчина белая — 1 500 000 штук, шкурки русака — 240 000 штук, белого хоря — 50 000 штук. Здесь и медведь, и росомаха, волк и рысь, куница и колонок, соболь и выдра*. Налетай, не скупись!

В октябре уполномоченный Чрезкомэкспорта по северо-западу России Ю. В. Пятигорский к лесной добыче прибавит морскую — 18 тысяч соленых тюленьих шкур по заказу «Аркоса»[177]**.

...С созданием Чрезкомэкспорта Московская Экспертная комиссия, уже будучи в звании Центральной (ЦЭК), почувствовала себя

---

* По материалам ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 3, л. 92.
** Там же, д. 12, л. 41.



Миниатюра «Распятие с предстоящими» и заглавный лист из рукописи нотного Стихиря. Первая половина XVII в. В 20-е годы изъято из фондов церковной библиотеки. Вывезено за границу через акционерное общество «Международная книга». Продано на аукционе Сотби в 1990 г. за 11 тысяч фунтов стерлинг ов.

вольготнее, но напряжения в работе прибавилось. Сам Рыкунов требовал от нее понедельные отчеты о заготовках. И неспроста. В Москве нащупали свежую золотоносную жилу. Из рапорта о трудовой неделе заместителя председателя ЦЭК И. И. Лазаревского[178] от 29 августа 1921 года председателю Чрезкомэкспорта:

«1) Члену Президиума ЦЭК тов. Иванову поручено продолжение работ по выяснению складов церковного имущества, находящегося в Москве, в коих находится имущество, могущее иметь значительный интерес для Государственного Экспортного Фонда. Таких складов выяснено около 200 при различных учреждениях, упраздненных церквах и т. д. По точному выяснению ЦЭК обратится в НКВД, за каковым все эти склады числятся, с предложением не приступать к разгрузке их без представителей Московской Экспертной Комиссии.

2) Предложено МЧК принять меры к охране обнаруженного склада бывших фабрикантов Жиро, представляющего собой весьма значительную ценность для Государственного Музейного Фонда.

Заглавный лист рукописного Типика, или Устава церковного Саввы Иерусалимского. Москва, конец XIV — начало XV века. Принадлежал одному из московских монастырей. Продан за границу «Международной книгой». В 1990 г. приобретен частным коллекционером на аукционе Сотби за 24 тысячи фунтов стерлингов.

3) Т. Ивановым, Членом Президиума ЦЭК, по моему поручению завязаны сношения с МЧК и ВЧК по выяснению нахождения на складах этих учреждений предметов, могущих иметь значение для ЦЭК. Сношения эти налажены, но из-за болезни тов. Збруева, в ведении коего находится подобное имущество МЧК и ВЧК, прерваны до начала сентября.

4) Мною была осмотрена библиотека бывшего Ивановского монастыря, ныне концентрационного лагеря ВЧК, которая может представить интерес для ЦЭК. Предприняты меры к получению этого имущества, ныне несколько задержанные ввиду отсутствия в ВЧК т. Збруева.

5) Получены сведения, что в бывшем Андроньевском монастыре, ныне концентрационном лагере ВЧК, находится значительное количество церковного имущества. Поручено Члену Президиума ЦЭК тов. Сергееву выяснить это имущество»*.

Лазаревский слово свое сдержал. В сентябре в концлагерях ВЧК прошла обещанная «разгрузка». Отобрали лучшее. Серебряные с позолотой и золотыми венчиками ризы с икон и сами иконы, те, на которых живопись постарше и поколоритнее, рукописные церковные фолианты в роскошных сканных окладах с драгоценными камнями и в тисненых телячьих переплетах, кованые и литые братины, ковши и потиры. Все XV—XVIII веков. Вывозили на телегах, крытых рогожей: поди угадай, что везут — тела почивших или монастырские святыни? Разгадывали: без охраны — прах, с охраной — добро. Но что скажешь, если даже мощи святых преподобных и великомучеников «по закону» вскрывают, на показ в музеи везут, экспертизы на «тленность» проводят. Бунтовали, так свезли в те же монастыри. Туда под охраной, обратно под рогожкой...

В дерюжных мешках, нетесаных ящиках, а то, не стеснясь, прямо в церковных сундуках доставляли храмовое имущество на центральный склад художественного экспортного госфонда. Только успевай сортировать-раскладывать.

За новым промыслом не забывали и старого. Вот еще два пункта из того же рапорта Лазаревского:

«6) Работа на складах: в прошлую неделю... На Сыромятниковском складе отобрано, уложено и запечатано 22 ящика с различными художественно-историческими предметами. В магазине бывшего Дациаро[179] отобрано несколько картин и ваз (списка от эксперта Синкевича еще ко мне не поступало).

Из Басманного района, куда командирован эксперт Соханский, никаких сведений не представлено.

7) По Филателистическому подотделу: в течение прошлой недели проверено и сложено в склад 6 500 000 штук изъятых из обращения белогвардейских и деникинских марок[180]»**.

На последнем пункте рапорта-отчета Лазаревского есть смысл

---

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 66.

** Там же.

остановиться более подробно, ибо к нему прямое отношение имел начальник Отдела художественных ценностей Эксупра Ф. Г. Чучин, так сказать, филателист «новой формации», впоследствии известный советским коллекционерам созданием каталога марок местных и временных почтовых эмиссий России, в том числе и периода гражданской войны. Вероятно, по его подсказке и был создан филателистический подотдел в Центральной экспертной комиссии, деятельность которого имела печальные коммерческие и политические последствия. Впрочем, для кого как.

Марки из национализированных частных коллекций и специализированных «бесхозяйных» магазинов, а также из бывших государственных запасов, в том числе с коллекционной изюминкой, шли на продажу за границу уже давно. Каким образом пронюхал Чучин о почтовых марках местных гражданских и военных администраций в Наркомпочтеле, неизвестно, но он точно знал, что там их очень много. Возможно, почтовики после отмены бесплатных услуг и в условиях дефицита на знаки почтовой оплаты собирались использовать в своих интересах и эти трофейные запасы, но «сверху» одернули — держать в неприкосновенности до особого распоряжения.

С конца апреля Наркомпочтель стали беспокоить эксперты из Эксупра Внешторга. В один из дней на Большую Дмитровку, 22, где размещались чиновники Наркомата почт и телеграфа, подогнали семь подвод для вывоза экспортного «товара». Оказалось, что марки не там, а на главпочтамте. А там не получили разрешения на отпуск. И так изо дня в день: то нет распоряжения, то нет лошадей или в отсутствие ведомственное лицо. Но наконец-то 400 пудов заветного груза вывезли* и, как следует из бумаги Лазаревского, даже разобрали. Из центрального склада, по указанию Чучина, затюкованный товар отправили в Ревель, где под боком уполномоченного Литвинова подвизался для «особых» поручений бывший крупный торговец филателистической продукцией в Петрограде некий Эйхенталь. Он-то и сбывал почтовые марки из России западным коллегам и коллекционерам. Судя по всему, из Эстонии партия белогвардейских марок направилась в Германию в руки неизвестного дельца и уже из Берлина — на филателистический рынок Европы, а затем Америки и других частей света. Каждое появление марок белогвардейских почтовых эмиссий будоражило филателистический мир и с каждым разом вызывало к ним все больший и больший интерес от юных собирателей до почтенных коллекционеров. Очевидно, монопольный держатель партии марок солидно погрел на этом деле руки. Но вот в солнечной Италии дельцы похлеще («русского происхождения»), наверное, решили его переплюнуть и выпустили самостийные «белогвардейские» марки. Однако заполучить крупные барыши самозванцам не удалось. «Итальянский» выпуск модных почтовых марок раскусили и отнесли его к разряду «фантастических».

---

* По материалам ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 191.

Не исключено, что торговля за рубежом почтовыми марками из России проводилась не без ведома и в интересах самого Эйхенталя, так как тот скоро «растворился» в Эстонии, затем объявился в Германии, а позже с успехом вел торговые дела на ниве филателии в Америке. Сбежать от «советов» ни с чем Эйхенталь не мог, иначе бы он сделал это значительно раньше.

Что выручил от продажи белогвардейских марок Эксупр Внешторга, пока неизвестно. Зато известно другое. С подачи Чучина, местные выпуски гражданских и военных администраций периода гражданской войны были объявлены преследовавшими политические и коммерческие цели и отчасти не вызванными действительной потребностью почтового обращения. Словом, выпуски-фикции.

Что можно сказать по этому поводу? Всю наглядную «политичность» эмиссий можно свести к безымянным надпечаткам новой стоимости на дореволюционных марках, если не считать редких надпечаток по принадлежности — петлюровского трезубца — на тех же марках. Точно так же, с цифровыми надпечатками и без них, использовал старые знаки почтовой оплаты и такие же «свежие», но изготовленные на старых клише, Наркомпочтель, и никакой «политичности» в его деятельности никто не усматривал.

Теперь по части коммерции. Известно, что любой «законный» выпуск почтовых марок подразумевает и таковые цели. Что же касается использования в отдельных случаях белогвардейских знаков почтовой оплаты в качестве денежных, то о чем говорить, если в 1918—1919 годах в отсутствие кредитных билетов уполномоченный Якутского товарищества розничной торговли А. А. Семенов собственноручно заверял подписью и печатью хождение «наравне» даже ярких винных этикеток? И «мадеру», и «портвейн» приняли как законные, и шли они с успехом, не мешая с таким же успехом использовать другие винные наклейки по первородному назначению.

И последнее — о почтовой потребности. Кто мог тогда знать, сколько продержится та или иная власть со своей почтовой связью? Всякая верила, что долго.

Тем не менее политический, тут уж точно, «посев» Чучина дал свои «всходы». По признанию одного из редких в России коллекционеров белогвардейских почтовых эмиссий москвича Б. В. Левушкина, разглагольствовать об этих выпусках в бывшем СССР считалось, мягко говоря, политически неэтично. До сих пор ни один филателистический каталог мира не имеет полного перечня знаков почтовой оплаты местных антисоветских администраций периода гражданской войны и региональных самоуправлений. Коллекционная ценность этих почтовых марок, за исключением отдельных выпусков, по-прежнему считается сомнительной.

К великому сожалению, филателистические искания Чучина тем не закончились. Но всему свое время. А пока заглянем в Ревель. Что же было там?

А там у Литвинова голова шла кругом. 25 августа 1921 года в совершенно секретной шифровке он жаловался Красину:

«Заявки и все срочные или крупные суммы сыплются как из рога изобилия, а между тем уже около месяца сидим без русского золота, иностранное же во избежание потерь не продаю, а посылаю на комиссию, благодаря чему валюта поступает медленно. Имеющегося в наличности едва хватит на полученные уже заявки, новые же заявки смогут быть удовлетворены в том лишь случае, если немедленно снимете запрет с продажи драгоценностей, на которые теперь имеется сильный спрос. Сюда обращаются крупные покупатели, из них один, доказавший свою солидность недавней покупкой у нас золота и драгоценностей на 20 миллионов фунтов стерлингов, внеся половину суммы задатком.

Считаю совершенно неразумным отгонять покупателей в надежде на создание в неопределенном будущем синдиката в Лондоне на неизвестных еще условиях. Спрос может вновь исчезнуть, как он внезапно исчез на долгое время полтора года тому назад, и повторится история с платиной, пенькой, икрой и другими нашими экспортными товарами.

Валюта приносит доход, а мы держим огромный мертвый капитал, теряя миллионы на процентах. Еще раз напоминаю, что я продал имевшиеся в Ревеле драгоценности на 15% выше московской оценки, которую многие считали слишком высокой. Можно цену теперь поднять еще выше. Если сами не отмените своего решения, прошу поставить вопрос в СТО или Политбюро»*.

На следующий день после получения шифровки, 30 августа, в Ревель от Красина ушла ответная почтотелефонограмма:

«На Вашу телеграмму от 25 августа с. г. № 175 сообщаю, что по поводу недостаточного снабжения Вас золотом Вы должны были заблаговременно протестовать с целью соответственного нажима на Наркомфин, который действительно безбожно запаздывает с исполнением нарядов на посылку ассигнованного Совнаркомом металла. Мною обращено внимание Наркомфина на угрожающий крах продовольственных доставок из-за несвоевременного снабжения Вас золотом. Я решительно возражаю против продажи ценностей через Ревель. Произведенные продажи сопровождались для нас крупными убытками, и продолжать подобную растрату казенного добра я не намерен. Если имеется какое-то предложение крупных закупок, надо его сообщить в деталях, и оно будет подвергнуто деловому обсуждению, вероятнее всего, что это какой-нибудь Швиндель. Констатируемое Вами увеличение цен на этом рынке является результатом именно прекращения анархических кустарных продаж, которыми, кроме Ревеля, последнее время уже никто не занимался. По общему вопросу реализации имеется постановление финансовой комиссии Совнаркома, и вносить этот вопрос на обсуждение других инстанций, по-моему, нецелесообразно»**.

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 261, л. 2.
** Там же, л. 3.

Можно было бы удивляться образцовой настойчивости и принципиальности переписчиков, если не знать, что шифровка Литвинова и ответ на нее Красина были продублированы копиями на имя предсовнаркома и замнаркомфину. Оба подстраховывались и надеялись на поддержку Ленина и крайнюю ответственность Альского. К тому же Красин по должностному положению чувствовал себя в более выигрышной позиции по отношению к полуподчиненному ему Литвинову. Будучи уверенным в победе, нарком спокойно отбыл в Шатуру — на одну из великих строек коммунистического завтра. Однако Ленин постеснялся взять на себя роль судьи и распорядился посредством В. М. Молотова[181], через Политбюро, немедленно снять все вопросы по продаже ценностей. Известие о предстоящем разборе в высшем партийно-правительственном кругу привело Красина в негодование. Все свое недовольство вечером 31 августа он выплеснул в письме управляющему делами СНК В. А. Смольянинову[182]:

«По возвращении сегодня с Шатурского болота я узнал от секретаря, что Владимир Ильич по представлению Литвинова просит поставить на рассмотрение не то Политбюро, не то СТО вопрос о продаже кому-то ценностей на 20 миллионов фунтов стерлингов. Я возражаю против такого направления этого вопроса.

Поскольку тут идет дело об известной конкретной сделке, у нас есть на это Внешторг и его Нарком и Коллегия. Литвинов в качестве Уполномоченного Внешторга в Эстонии, имея какой-либо план конкретной сделки, должен обратиться с ним не в СТО и не в Политбюро, а в тот комиссариат, который занимается внешней торговлей. Такое указание и было мною сделано т. Литвинову. Исчезает всякая возможность спокойной и правильной работы, если каждый сановник всякую идею, приходящую ему в голову, будет направлять не в подлежащий комиссариат, а в СТО или Политбюро.

Даже если т. Литвинов имел в виду не конкретную сделку, а общий вопрос о реализации ценностей (в том числе о необходимости прекратить наконец эту реализацию в нездоровой спекулянтской дыре — Ревеле), то и тут он обращается не по адресу, ибо этим вопросом занимается вполне компетентная Финансовая Комиссия СНК (под председательством тт. Преображенского и Кисилева) — о чем мною также извещен т. Литвинов. Нельзя же один и тот же вопрос одновременно рассматривать в разных учреждениях и путаться потом в разноречивых решениях, собирая все новые комиссии.

Итак, мое предложение — указать т. Литвинову обратиться по вопросу о конкретной сделке в подлежащий комиссариат, т. е. во Внешторг, а по вопросу о реализации ценностей вообще — в Финансовую Комиссию СНК, занятую сейчас этим вопросом.

Добавлю, что предложение о покупке ценностей на 20 миллионов фунтов [стерлингов] не кажется мне серьезным, ибо такого количества ценностей, по крайней мере уточненных или разобранных, у нас вообще нет и заключать обязательство на продажу такой

массы камней было бы легкомысленно. Скорее всего, мировые торговцы бриллиантами стараются через посредство ревельских спекулянтов выведать, сколько еще осталось в наших руках этого добра.

Во избежание недоразумений должен еще заметить, что Литвинов никакого специального отношения к этому вопросу, кроме несения им наполовину номинальной должности Уполномоченного Внешторга в Эстонии, не имеет — он состоит Уполномоченным СНК по реализации золота, продажа же ценностей всецело дело Внешторга (с мая с. г.)»*.

О возмущении наркома внешней торговли изумленный Смольянинов доложил предсовнаркома. Ленин не стал вникать в детали письма и распорядился передать его Молотову для последующего рассмотрения на Политбюро.

Но почему, собственно, Красин поднял такой сыр-бор? Неужели и вправду так сильно было задето самолюбие? О нет, Красин не был открыто прямолинеен, как кажется, иначе не бывать ему в торговцах. Он прекрасно понимал, что любая крупная сделка по драгоценностям ляжет дополнительным бременем на подчиненные экспертные комиссии с их и без того непомерно раздутым планом — с ним бы справиться. А тут еще повышенные задания по экспортному госфонду: ищи-скупай, изыскивай оборотные средства. Так что пусть Литвинов или не пристает к Внешторгу со своими заманчивыми махинациями (запросит — ответим), или пусть о них болят другие головы.

К слову, об оборотных средствах Внешторга. Здесь «фондовики» действительно дошли до ручки. Не ради злословия, ради исторической правды приведем, к примеру, запрос председателя Чрезкомэкспорта Рыкунова секретарю Политбюро Молотову от 23 сентября 1921 года:

«Для создания экспортного фонда, который является в данное время насущной задачей Н.К.В.Т., требуется до 4000 миллиардов (здесь не описка. — *Авт.*) рублей. Наркомфин не в состоянии снабдить нас таким количеством денежных знаков.

В распоряжении Н.К.В.Т. имеется $6\frac{1}{2}$ миллионов колод карт, которые по минимальной расценке (10.000 руб.) составят 65 миллиардов рублей в советских знаках.

Часть данного запаса карт передана ближайшим заграничным Отделениям Н.К.В.Т. (Польше, Латвии, Литве, Эстонии), другую часть предположено сдать нашим Уполномоченным Областных Управлений для реализации на территории Р.С.Ф.С.Р.

Чрезвычайная Комиссия по Экспорту, оставляя в стороне этические соображения и исходя из нужд создания экспортного фонда, просит Вас поставить на одном из ближайших заседаний Полит-Бюро вопрос о разрешении сдачи части запаса карт для реализации на внутреннем рынке. О последующем прошу известить»**.

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 261, л. 8.

** ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 102. (Выделено нами. — *Авт.*)

И — при всей своей высокой большевистской морали — разрешили.

Согласимся, действительно тяжело было Красину. Значит, в посланиях к Литвинову и Смольянинову нарком внешней торговли по-своему был прав. Но в них он не весь. Продолжая играть роль уязвленного чистоплюя и принципиального радетеля «казенного добра», Красин в письме к Ленину 15 сентября 1921 года спустил собак на М. П. Томского[183]:

«На Вашу записку вх. 854/14.IX о забронировании 100 000 золотом за т. Томским с указанием на необходимость войти «в рассмотрение по существу» отвечаю: при отпуске золота я не могу руководствоваться иными принципами, чем те, которых придерживается Ц.К.Р.К.П.

Ц.К., за исключением опрометчивой ассигновки 30 миллионов Гуковскому и свыше 40 миллионов Ломоносову[184] (в обоих случаях наши реальные потери были огромны), никому нигде подотчетных в золоте не представлял.

Я сам, Нарком Внешней торговли, не имею в своем распоряжении никакого золотого фонда и по неоднократно дававшимся мне директивам «не вправе ни одного золотого рубля расходовать без предварительного разрешения Совнаркома».

При таких условиях давать Томскому аванс в 100 тысяч руб. на торговые надобности полагаю излишним и противоречащим общему нашему порядку.

Если же Ц.К. из других соображений найдет нужным Томскому дать, что вот я и пишу: больше 50.000 ни в коем разе не давать.

Вся эта «пограничная и приграничная работа», вообще говоря, дала нам очень мало, и если Томский (по докладу «пограничников») просит 100, то дать ему 50 — это даже слишком щедро. На торговые же цели — ни гроша. Пусть учится торговать без золота или каждый раз с мотивировкой запрашивает Москву»*.

Вот где гвоздь суждений наркома. С золотом и ценностями вести торговлю, хуже ли, лучше ли, сможет всякий, а ты попробуй, покрутись, как он, Красин. Добывай злато-серебро из ничего или поторгуй без него. Ведь Внешторгу нужно было не только собрать злосчастный экспортный фонд, но и выгодно его реализовать, да так, чтобы валютной выручкой и заморским товаром набить утробу осьмиголового Совнаркома, то есть свести концы с концами. Понятно, что каждый выброс на западный рынок российских бриллиантов, золота, художественных сокровищ и предметов старины задвигал на второй план скупку натуральной продукции за границей. Последняя залеживалась и портилась. Поэтому Красин так отреагировал на прошения Томского, Литвинова и наложил временный запрет на продажу ценностей Эксупра в Ревеле. Да еще, не дай бог, начнут тянуть авансы из внешторговского кошелька.

Была ли внутренняя обида у Красина на Литвинова, Томского, а вместе с ними и на Ленина? Разумеется. Никто из них не давал

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 1080, л. 1.

наркому Внешторга подробного отчета, куда и зачем, на какие нужды требуются золото и драгоценности. Стало быть, в правительстве есть дела, куда ему, Красину, не велено совать нос, а вся эта переписка отчасти имела значение формальной служебной этики. Зачем, например, в Туркестан Томскому понадобились сто тысяч золотых рублей наличными? Ленин ограничился неясной ссылкой на неведомую «приграничную работу». Но, возможно, в действительности часть денег требовалась на закупку в Туркестане 13 фунтов доморощенного или контрабандного гашиша, того самого, что позже через агентов Внешторга был доставлен в Германию неизвестному покупателю*. Суммы затрат и выручки от секретной сделки Политбюро так и остались для Красина загадкой.

Однако Красин рисовался, говоря, что обижен в отношении золотого фонда. Настоящие деньги у него были, и большие. Но зачастую их ощутимая доля вылетала в трубу, и никак не удавалось сбалансировать чаши весов экспорта и импорта, правда, не только по вине наркома и его уполномоченных. В течение десяти дней сентября—октября 1921 года сводная подкомиссия Чрезкомэкспорта в составе представителей Московской ЧК и Рабкрина проверяла 14 ведомственных складов в Москве. Искали очередные залежи экспортных товаров, а когда сличили акты наличия складских запасов с импортными заказами, то обнаружили нечто потрясающее. Из докладной записки председателя Чрезкомэкспорта в Совет Труда и Обороны по этому поводу:

«...В то время, когда Республика покупает за границей необходимые товары, эти же товары лежат под боком, хранятся в ненормальных условиях и расхищаются. Обычно перед представлением заявок на импортные товары каждый Главк просит об отпуске их соответствующие довольствующие органы и поэтому, если принять во внимание те условия и траты валюты по получению необходимых товаров, кои находятся рядом, лежат годы, то невольно приходишь к выводу, что большего нерадения к народному достоянию представить трудно. Следует оговорить, что приведенные в ведомости товары есть только часть импортных товаров, наугад взятых из крайне скромного количества актов»**.

В упомянутой Рыкуновым ведомости складские запасы стройматериалов, металла, бумаги, дефицитного сырья для медицинских препаратов, электроприборов и прочего добра превышали по объему наркомовские заявки на такую же импортную продукцию в два, четыре, пять, а то и шесть раз. Причем значительная группа запасов находилась на складах с 1915—1916 годов, остальные поступили в период всеобщей национализации — с 1918 по 1920 год***. И это выборочно и только в Москве.

Доклад Чрезкомэкспорта поверг СТО и Совнарком в смятение.

---

* По материалам ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 3, л. 17.
** ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 14.
*** Там же.

Началась чехарда с перетасовкой ассигнований на закупки заморских товаров. По каждому решению и правке — постановление. Набралось их столько, что запутались сами и запутали своих уполномоченных. Из Ревеля от Литвинова и его заместителя И. Левина сыпались жалобы в Управление делами Совнаркома: «Это хаотическое состояние вносит невозможную путаницу в наших отношениях с представительствами и Наркомфином, который отказывает нам в наших требованиях о покрытии по утвержденным кредитам, ссылаясь на совершенно неизвестные нам постановления СТО и СНК. Необходима регулярная и аккуратная присылка всех постановлений...»*. Но все равно не клеилось. Разгоряченные телеграфные аппараты допуска ли ошибки и текстовые пропуски, а дипкурьеры привозили не то, что нужно. Поэтому Литвинов либо надолго затягивал выделение валютных ассигнований в ожидании достоверных подтверждений «сверху», либо под напором настойчивых заказчиков отпускал, как выяснялось позже, уже аннулированные кредиты. И то и другое в убыток.

При всей очевидной нелепости в организации внешней торговли теребили только расходную часть золотого и валютного бюджета. Никто ни в СНК, ни в СТО, ни в Политбюро даже не заикнулся о сокращении статей и объема экспортного госфонда. Впрочем, неудивительно, ведь он в большей степени был связан с «дыханием» власти или с обеспечением внешних условий ее жизнедеятельности. Поясним. Если внутри Республики правительственный организм поддерживала довольно отлаженная система репрессий и «красного террора», то за пределами России Советская власть остро нуждалась хоть в каком-то расположении соседей и в экономических связях с мировыми державами. А для осуществления этого нужно показать, что она, власть, не только сильна, но и богата.

Между тем по российским городам и селам уже вовсю шарила костлявая рука голода. Голодали Сибирь, Поволжье и Крым. И опять-таки ни в СТО, ни в Политбюро никто и думать не хотел о снижении экспортного оброка в этих районах. Но что же можно было брать в голодных краях? Находили. Из Татарии вывозили конину — тысячи туш, из Сибири — лес, пеньку и корень солодки. В Крыму добрались до запасов марочных и коллекционных вин из подвалов бывшего императорского имения «Массандра». В пользу Внешторга оттуда в конце октября 1921 года выдали 10 217 ведер благородной живительной влаги, в том числе 455 ведер токая «Ай-Даниль» урожая 1810 года, 2098 ведер муската и мадеры десяти-пятнадцатилетней выдержки и 5760 ведер более молодого знаменитого портвейна «Ливадия» различных марок**. В отличие от сдавших Крым белогвардейцев, которые не посмели тронуть царские подвалы, большевики не стеснялись. К массандровским запасам Внешторг добавил еще 8240 ведер первоклассных крымских вин, но уже из московских

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 324, л. 2.
** По материалам ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 3, л. 96.

Умершие от голода на городском кладбище г. Бузулук Самарской губернии, 1921 г. ЦГА КФД РФ.

складов*. Забегая вперед, скажем, что ныне марочные вина из императорской «Массандры» на западноевропейских и заокеанских аукционах стоят десятки тысяч долларов за бутылку. Тогда же высококачественные токаи, мускаты, алиготэ и всевозможные потвейны продавались в Англию по цене менее полфунта стерлингов за фирменно маркированную бутылку**.

По воле Божьей в центральных районах России 1921 год удался на урожай картофеля. Дали голодным? Нет. Дали Главспирту. 7 октября на межведомственном совещании в Москве ему установили годовой экспортный план по Внешторгу — 1 миллион ведер питьевого спирта***.

Из голодающих местностей, там, где ничего нельзя было выбрать, собирали полуживую рабочую силу и, видимо, в счет компенсации за недополученный экспортный товар бросали в горячие трудовые точки Внешторга. В конце октября такую партию рабочих доставили в мурманский порт. Там же находился уполномоченный и член Чрезкомэкспорта Пятигорский. Вот его телеграмма Ленину в копии ЦК Помгола[185], Наркомздраву, Центрэваку[186] и Наркомвнешторгу от 29 октября 1921 года:

«В порядке удовлетворения ходатайств местных органов Рабсилы были присланы на работу из голодающих местностей рабочие вместе со своими семьями. Всего зарегистрировано около двух тысяч

---

* По материалам ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 3, л. 96.
** Там же, л. 8.
*** Там же, л. 97.

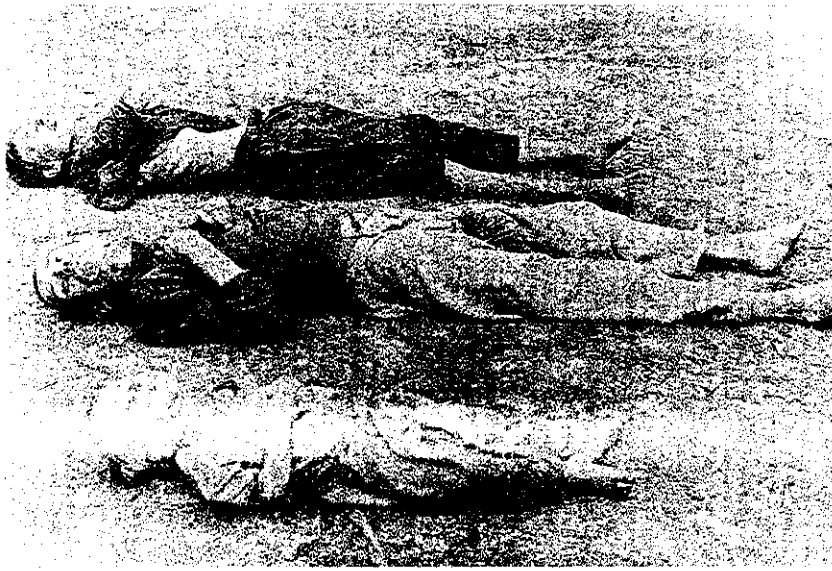
девятисот человек взрослых рабочих, исключая семейства. За истощенностью, болезненностью, отсутствием одежды, обуви эвакуированные фактически работ не выполняют, больных девяносто пять процентов. В настоящее время больных острожелудочных, возвратным тифом, вспыхнувшей испанкой семьсот человек, умерло в Мурманске, исключая в пути, восемьдесят два. Лекарств нет, больницы переполнены. До настоящего дня ходатайства о реэвакуации голодающих из непригодного для поддержки их сурового непроизводительного Севера успеха не имели. Принимая во внимание наступление тяжелого периода полярной зимы и во избежание развития эпидемии, грозящей не только благополучию края, но и могущей повлечь [за собой] закрытие порта, предназначенного осуществлять работу большой важности, в частности, пропуск грузов тем же голодающим, необходимо немедленно: первое — признать Мурманск [неблагополучным] и реэвакуировать в установленном Губисполкомом порядке голодающих... третье — разрешить использовать для снабжения отправляемых эшелонов собранные в Мурманске Губкомголодом сорок пять миллионов рублей, пятьсот пудов продовольствия, четвертое — поручить Архвнешторгу срочно закупить и отправить в Мурманск медикаменты на сумму до десяти тысяч норвежских крон, пятое — выслать в распоряжение Мургубисполко-ма для голодающих обмундирование, обувь, а также обязательно мыло»*.

По-видимому, в Москве телеграмму Пятигорского приняли без всякого энтузиазма, поскольку прошло время, прежде чем изможденных голодом, холодом и болезнями оставшихся в живых безвольных горемык выселили из Мурманска. Дали ли им в дорогу харчи, одежду и обувь — неведомо. Если дали, то не от больших щедрот. Ведь деньги и продовольствие находились у губернского помгола под рукой, а запрашивали о выдаче Москву. Подлинно известно, что Внешторг через Мурманский губисполком категорически запретил расходы иностранной валюты на любую помощь голодающим. И так — повсеместно.

Возможно, у кого-то начинает закрадываться сомнение: не пытаемся ли мы переиначить историю? Были же помголы и эваки, закупалось же, наконец, продовольствие для голодающих за границей. Увы, дорогие читатели, мы даем себе отчет, обвиняя власть в тяжких грехах. Конечно, были и помголы, и эваки, открывались на льготных условиях концессии, закупалось продовольствие. Но посудите сами, как виделось это правительству.

Летом 1921 года в числе первых на борьбу с голодом выступил общественный Всероссийский комитет помощи голодающим, созданный в основном из представителей старой интеллигенции: врачей, юристов, ученых, писателей и учителей. Организацию возглавили известные в недалеком прошлом политические деятели из «буржуазной прослойки» С. Н. Прокопович[187], Е. Д. Кускова[188] и

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 12, л. 42.



Умершие от голода крестьяне. Поволжье, 1921 г.
ЦГА КФД РФ.

Н. М. Кишкин[189]. По начальным буквам фамилий руководителей большевики окрестили комитет «Прокукишиным». Делал он многое и от души, но когда масштабы бедствия достаточно обозначились и стало ясно, что собственными силами беду не одолеть, комитетчики общественного помгола обратились в Совнарком за разрешением выезда за границу. Ленину в просьбе «Прокукишина» померещился какой-то политический подвох, и он поделился своими сомнениями в письме к Г. В. Чичерину[190], а после попросил совета у Красина. Итак, 19 августа 1921 года:

«Владимир Ильич!

Я прочел письмо к Вам Чичерина от 18/VIII по поводу Прокукишина и должен вполне присоединиться к его аргументам. Воспрещение уже разрешенного (иначе мы не запрашивали бы у всей Европы виз) — выезда за границу — компрометирует весь наш новый курс и столь успешно начатое втирание очков всему свету.

Не только в сборах на голод, но и в вопросе о займах, и в переговорах о концессиях. Этот поворот политики очень неблагоприятно скажется. И чего ради? Ведь все страхи, что Прокукишин сорвет нам Гувера[191], оказались несостоятельными — Гувер уже уступил по вопросу о высылках и обысках[192].

Никакой опасности, чтобы Прокукишин стал чем-то опасным за границею, нет. Напротив, он поможет окончательному разложению там белогвардейщины, а это нам важно, без этого мы еще не скоро начнем с Брианом[193], а без Франции нет и не будет большого займа.

Версия Гуверов и даже Уркартов[194] о нашем повороте в сторону

«общественности» нам только выгодна, разрушать ее сейчас рано, незачем. Ведь мы еще только на пути к успехам, самих успехов ни в голоде, ни в займах, ни в концессиях нет.

Не думайте, что все это будет легко. Тот же Уркарт, сегодня приезжающий, в телеграмме Гуверу подчеркивал образование Прокукишина как доказательство открывающейся возможности вести с нами дела. Что ему ответить на вопрос: «Почему Комитет закрывается?» А такой вопрос он задаст, вероятно, уже на 2—3 день пребывания в Москве.

По-моему, не стоит самим себе создавать затруднений, и раз кто-то Прокукишина выдумал, надо дать ему собрать несколько миллионов.

С тов. приветом. Красин»*.

Да, вот так открыто и цинично могли писать о своих сокровенных замыслах народные комиссары, втиравшие очки всему свету. Выходит, что голод, займы и концессии были всего лишь ступенями к вершине загадочного Революционного Успеха.

И что же? «Прокукишину» предоставили возможность собрать несколько миллионов, а затем их отобрали и комитет разогнали, правда, с подкупной любезностью «пригласив» его для сотрудничества в государственный Помгол. Немного погодя инициаторы первой помощи голодающим жестоко поплатились за свою общественную сердобольность. Прокоповича и Кускову по обвинению в подпольной антисоветской деятельности в 1922 году выдворили из России, Кишкин получил тюремный срок.

Почему у Советской власти была такая ненависть ко всякого рода общественным движениям? Да потому, что старались удержать незыблемой правительственную диктатуру и монополию на все и везде, в данном случае, как это ни кажется странным, монополию на помощь голодающим, поскольку и она являлась тонким инструментом внутренней и внешней политики партийно-государственного руководства. В 1921 году Совет Труда и Обороны отвалил Внешторгу, Наркомпроду и Наркомзему 77 миллионов рублей золотом для закупки хлеба, семян и продовольствия за границей**. Поставки небольшими партиями начались с осени. Весь смысл этих продовольственных затей можно передать четырьмя пунктами отчета Рыкунова председателю Госплана Г. М. Кржижановскому[195], в копии — «звонарю» коммунизма Ю. Ларину[196] и управделами Совнаркома Горбунову. Дополнительных пояснений, как нам думается, здесь не нужно, потому что суждения предчрезэкспорта должны быть до боли знакомы нашим современникам. Написано 3 января 1922 года:

«...3) В реализации оборотного фонда нам пришлось столкнуться с сильной конкуренцией иностранных миссий и купцов, которые продавали гораздо дешевле продукты, чем продавали мы, и только

---

* РЦХДНИ, ф. 76, оп. 1, д. 1078, лл. 1, 2.

** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 37.

благодаря доверию заказчиков к Н.К.В.Т. мы могли более или менее успешно бороться с этими иностранными купцами.

4) Мы продаем товары исключительно кооперативам, которые в настоящее время и являются крупными держателями дензнаков и отчасти экспортных товаров. Если бы мы не продавали им, а частным лицам, наши товары пошли бы кооперативам от частных лиц и по ценам более высоким. Тогда частные лица сосредотачивали бы у себя крупные суммы дензнаков, усилили бы скупку сырья.

5) Нами в декабре установлены цены на те товары, которые мы заказали и которые начали поступать в конце декабря, следующие:

	Себестоимость за пуд в зол. руб.	Продажная цена за пуд в зол. руб.
1) Ржаная мука	1 руб. 80 коп.	3 руб. 35 коп.
2) Пшеничная мука	2 руб. —	8 руб. —
3) Сало свиное	8 руб. 35 коп.	17 руб. —
4) Копчености	6 руб. 65 коп.	15 руб. —
5) Сахарный песок . .	2 руб. 80 коп.	10 руб. —
6) Сахар кусковой . .	3 руб. 30 коп.	12 руб. —
7) Рис	2 руб. 15 коп.	8 руб. —
8) Какао	6 руб. —	30 руб. —

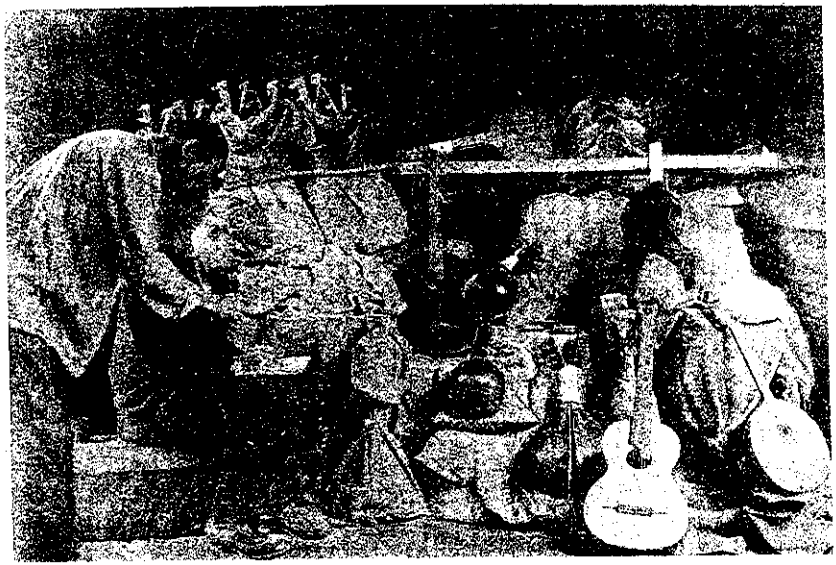
До 30 декабря мы передали кооперативам товаров, стоящих нам 165 000 руб., а получили дензнаков на 488 000 руб. золотых, т. е. выручили 323 000 руб.

6) Мы считаем, что в торговле государственного органа нельзя руководствоваться только соображениями спекулятивного рынка. Нами руководили соображения: отбить иностранные миссии от выкачки дензнаков и скупки на них ценностей; повлиять на колебания нашего рубля; ослабить рост спекуляции, передавая товары исключительно кооперации по пониженным ценам против рынка...»*

Лиха беда начало. Дальше счет пойдет на миллионы, но при этом опять ни слова о голоде, будто его и не было. Все о миссиях да о концессиях, об опасности торговой конкуренции пополам с политической подозрительностью. О какой иностранной помощи голодающим вообще могла идти речь, если на ее пути бесконечно возникали барьеры «бдительности» ВЧК. 19 ноября 1921 года ее председатель Дзержинский в записке своему заместителю Уншлихту выложил следующее: «К т. Фомину приходил т. Виксе, комиссар Мажерца, вместе с т. Ильиным (из НКПС) и сообщил, что к его знакомому обратились из АРА197 с предложением работать у них и что этому знакомому известно, что АРА привозит в Россию взрывчатые вещества. Необходимо, чтобы Секретное Оперативное Управление вызвало т. Виксе — и завело дело»**. Дело завели, и дошло оно до того, что в последний день 1921 года Политбюро решило отказаться от предложений АРА по закупке хлеба и семян для голодающих губерний. Потом передумают, но это потом, когда мерзлая земля уже обильно покроется окоченевшими трупами.

---

* ЦГАОР, ф. 6765, оп. 1, д. 12, лл. 130, 131.
** РЦХДНИ, ф. 76, оп. 3, д. 220, л. 12.



Скупка струнных музыкальных инструментов у голодающих для государственного экспортного фонда. Поволжье, 1921 г. ЦГА КФД РФ.

Однако были среди иностранных торговых миссионеров и счастливцы, кому Советская власть доверяла и благоволила. Первым из них, к удивлению маститых предпринимателей, стал двадцатитрехлетний «зеленый» американский бизнесмен Арманд Хаммер, сын миллионера, отбывавшего тюремный срок за неудачно сделанный пациентке аборт со смертельным исходом (Ленин почему-то наказание за профессиональную халатность свяжет с мученичеством за коммунистические чудачества). Годы спустя процветающего миллионера А. Хаммера спросят, в чем секрет его коммерческого блистательного успеха, на что он ответит: «Вообще-то это не так уж и трудно. Надо просто дождаться революции в России. Как только она произойдет, следует ехать туда, захватив теплую одежду, и немедленно начать договариваться о заключении торговых сделок с представителями нового правительства. Их не больше трехсот человек, поэтому это не представит большой трудности»*.

Действительно, особых трудностей в получении первой американской концессии в Советской России для Хаммера не было. Договор оформили официально, быстро и даже торжественно. Но при всей законности сделки для начала молодому бизнесмену пришлось ехать, по выражению Красина, в «спекулянтскую дыру». Вот что написал о ней сам Хаммер: «В то время Ревель был одним из перевалочных пунктов в торговле с Россией, но большая часть поступав-

* Хаммер А. Мой век — двадцатый. Пути и встречи. М., «Прогресс», 1988, с. 97.

ших в него из России товаров для обмена на продукты питания представляла собой контрабанду: произведения искусства, бриллианты, платина и бог знает что еще. Все это нелегально отправлялось через границу в обмен на продукты питания. Зимой 1921 года в Ревеле работало отделение Наркомвнешторга, которое закупало за границей товары для отправки в Ревель, оплачивая их золотыми слитками»*.

О своей торговой премьере Хаммер скажет, что она отличалась добропорядочностью и относительной скромностью запросов на уплату поставок американского зерна: меха, кожи, «русская икра». Словом, ничего общего с контрабандой и темными махинациями. Со временем к Хаммеру придет репутация «большого друга СССР», покровителя русского искусства за рубежом, щедрого мецената советской культуры. Перед ним распахнут все двери Кремля. Сам Хаммер будет публично признаваться в святой любви к России и утверждать, что именно ей он обязан страстной привязанностью к искусству, которая начиналась с безобидных случайных покупок в антикварных магазинах Москвы в 1924 году. Стоило ли Хаммеру так кривить душой в своих мемуарах на 89-м году жизни? Вот строки из первого договора «Американской объединенной компании медикаментов и химических препаратов» с Наркомвнешторгом, подписанного 27 октября 1921 года членом коллегии НКВТ и председателем Чрезкомэкспорта Рыкуновым, доктором Армандом Хаммером и его секретарем Борисом Мишелем:

«...1. Американская компания принимает на себя обязательство доставить из Америки в Россию, в один из русских портов, по указанию Наркомвнешторга для него один миллион (1 000 000) пудов пшеницы...

...3. Ко времени прибытия первой партии пшеницы Наркомвнешторг принимает на себя обязательство приготовить в Петроградском порту следующие русские товары (все или некоторые по соглашению сторон): художественные ценности, кожи, щетину, волос, кишки, икру, кустарные изделия, папиросы, нефтяное масло и др. товары по соглашению сторон...

4. По прибытии русских товаров в Америку Американская компания принимает на себя обязанность продать эти товары по заявленным ею ценам, утвержденным в месте продажи представителем Наркомвнешторга...»**

Завершить поставку пшеницы из Америки планировалось не позднее 1 апреля 1922 года, а отправить из России последнюю партию товаров — до 15 мая того же года. Условия договора стороны выполнили, если не считать «забывчивости» американских партнеров о положении четвертого пункта, и обиженных не было. Более того, Хаммер ликовал. Даже десятки лет спустя о первой крупной удаче он восторженно напишет следующее: «...Когда русские товары прибыли в Нью-Йорк, мой брат Гарри и американские коллеги

---

* Хаммер А. Мой век — двадцатый. Пути и встречи. М., «Прогресс», 1988, с. 85.

** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2369, л. 48. (Выделено нами. — *Авт.*)

были приятно удивлены. Их стоимость не только покрывала стоимость отправленного зерна, но оказалась почти в полтора раза выше»*. Еще бы не так! Ведь главный товар из России был представлен художественными сокровищами, приобретенными по бросовой цене. Колесо фортуны покатилось...

Выходит, совет Хаммера поистине дельный: если хочешь быстро разбогатеть, то дождись революции (а если невмоготу, «подтолкни» ее) в отдельно взятой стране — и туда.

* * *

Четыре года бились большевики за упрочение власти посредством валютно-финансовых операций. И что же?

К концу 1921-го — началу 1922 года на нужды революции было выброшено 812 232 600 рублей золотом**. Часть расходов, начиная с 1918 года, мы называли. Сюда же следует приплюсовать выплаты 1920 года Коминтерну в сумме 2 053 000 рублей золотом***. Это особая статья расхода Советского правительства, ибо она гарантировала успех всей «заграничной работы» ЦК РКП(б), в том числе военно-политической разведки и диверсий, партийной пропаганды и тайной торговли российскими сокровищами. В 1921 году Оргбюро ЦК включило в смету коминтерновских расходов годовую финансовую «помощь» центральным комитетам компартий Латвии — 20 миллионов рублей и Финляндии — 25 миллионов рублей. В последующие годы список «персоналок» пополнится, ассигнования на «бедность» сократятся, но по объему вспомоществования на первом месте так и оставят «финских товарищей». Один из лидеров компартии Финляндии, О. Куусинен[198], с подручными подпольно специализировался на продаже гохрановских бриллиантов и художественных ценностей в странах Скандинавии. С получением должности в Исполнительном комитете Коминтерна его торговые связи окрепнут и расширятся.

На «заграничную работу» по линии Коминтерна уходила и значительная часть иностранной валюты. Все запросы «интернационалистов» рассматривались как «архиважные» и удовлетворялись без промедления, особенно если они касались пропаганды «классовых теорий» и рекламы «социальной революции». Здесь большевики не скупились и не считались со строгостью сметных ассигнований и назначений. Для наглядности приведем документ, исполненный начальником Центрального управления по эвакуации населения при НКВД Республики А. Эйдуком:

«Совершенно секретно.

В Секретариат Ц.К.Р.К.П.

Прилагая при сем отношении Центрального Комитета Русской

---

* Хаммер А. Мой век — двадцатый. Пути и встречи. М., «Прогресс», 1988, с. 86.

** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 28.

*** Там же.

Выгрузка политической литературы из агитпоезда на Восточном фронте. 1920 г.

Секции при Коммунистической Партии в Германии от 15 октября с. (1920) г. на мое имя, сообщаю, что я нашел нужным удовлетворить просьбу Секции и выдал на издание «Азбуки Коммунизма» Бухарина и Преображенского 72 000 марок из средств Центрэвака, так как при объезде лагерей военнопленных старой войны, а также интернированных я убедился, что партийной литературы почти никакой нет.

Товарищи из Секции говорили, что, если в Москве найдут нужным, они могут эту «Азбуку Коммунизма» напечатать не в 10 000, а в 20 000 экземплярах, причем вторые 10 000 обойдутся в 38 000 марок.

Так как я, по всей вероятности, завтра отправляюсь в Германию, то просил бы указания Секретариата ЦК РКП, следует ли выдать еще 38 000 марок Русской Секции для означенной цели с тем, чтобы эти вторые десять тысяч экземпляров были отправлены сюда, так как я полагаю, что на 170—180 тысяч человек русских, находящихся в Германии, достаточно 10 000.

Эти 38 000 марок я также мог бы дать из средств Центрэвака, предназначенных для обслуживания военнопленных за границей»*.

---

* РЦХДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 116, л. 46.

И дали. Вместо обустройства эвакогоспиталей, медикаментов, одежды и хлеба — коммунистический ликбез на 110 000 германских марок. Слово, как говорится, лечит. Но затраты на «волшебную» «Азбуку Коммунизма» покажутся мелочными по сравнению с ссудой в 1921 году Русскому бюро берлинского издательства всемирной литературы, где хозяйничал подельник Горького — Гржебин. Ему досталось 2 500 000 германских марок и 42 000 золотых рублей*. Надеемся, нет надобности пояснять, какую именно литературу жаждали получить заказчики. И только ли литературу? И только ли на нее шли эти деньги?

Однако пальму первенства в потреблении валюты и золотого запаса держал все-таки Внешторг — 251 159 000 рублей в 1920 году и 285 476 800 рублей в 1921 году**. По сметам и через руки внешторговцев шло большинство расходов различных народных комиссариатов и ведомств.

Прежде всего следует сказать о затратах на ликвидацию «транспортного паралича». Дело на первый взгляд нужное и похвальное. За заказ и доставку паровозов из Швеции в 1921 году заплатили более 49 миллионов золотых рублей***. Пробить заграничные поставки с усердием помогали президент шведского акционерного общества Вильям Ольсон и консул Оскар Старк. Как оказалось, неспроста. Кроме выручки баснословных чаевых шведскими торговцами и посредниками (помните возмущение Красина Ломоносовым?), импортные паровозы в первую очередь направлялись для подачи экспортного леса и сырья в порты погрузки, во вторую очередь — для вывоза трех миллионов пудов хлеба на нужды Красной Армии. Для транспортировки экспортных нефтепродуктов в том же году закупили железнодорожные цистерны на общую сумму 10 950 000 золотых рублей. На подпитку углем «международного» петроградского морского порта ушло 638 000 рублей золотом, а на обеспечение жизнедеятельности железных дорог Петроградского сектора — на тот же уголь и дрова — еще 1 миллион 700 тысяч золотых рублей. За 200 паровозных котлов шведу Амстронгу заплатили 5 миллионов золотом, а вот на перевозку грузов АРА и Красного Креста в помощь голодающим дали только 125 тысяч «твердых» рублей****.

Голодный 1921 год памятен и другими «славными» начинаниями Советской власти.

В поисках путей выхода из энергетического кризиса на оживление шахт Донбасса было выделено 1 100 000 золотых рублей. Шахты не пробудились. Тогда 7 041 283 золотых рубля пустили на закупку угля за границей. Теплее в России не стало. Добавили еще 10 миллионов, а потом еще 4 миллиона по заявке Главтопа*****. И все на

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 37.
** Там же, л. 28.
*** Там же, л. 37.
**** Там же, лл. 37, 44.
***** Там же, л. 37.

закордонные поставки для угольной и торфяной в прошлом державы.

Мелиорация на далекой азербайджанской Хугани «съела» 800 тысяч золотом*.

Закупки по заявкам Высшего Совнархоза для Химпродукта и Химосновы обошлись в 2 762 000 рублей золотом**.

И еще раз о книжной продукции и бумаге, но уже по линии Внешторга. На покупку иностранной литературы для «экономической жизни» израсходовали 3 тысячи золотых рублей и 600 тысяч эстонских марок, на книги украинскому населению — 250 тысяч золотом. Для облегчения участи Главбума и к великому удовольствию пролетарских издательств и бюрократов за границей закупили разносортной бумаги аж на 14 миллионов золотых рублей***.

А теперь о самом Внешторге. Несмотря на дутые цифры его планов и безумные усилия по их реализации, жаловаться Красину на отсутствие золотишка из правительственного запаса для наркомовских нужд все-таки не стоило. В 1921 году ассигнования в золотых рублях Внешторгу составили: на содержание заграничных торговых представительств — 1 963 913, на образование государственного экспортного фонда — 10 000 000, на товарообменный фонд — 23 000 000 и на «выполнение импортного плана» — 29 957 000 рублей****. При этом Внешторг из собственного кармана выделил 5 миллионов золотых рублей для экспортно-импортной работы в Закавказских республиках, 3 миллиона золотых рублей для валютных и торговых операций Дальневосточной Республике и почти 8 миллионов золотых рублей дал в «долг» Исполкому Коминтерна*****.

А что же вернули внешторговцы в государственную казну?

В первую очередь выручку от продажи бриллиантов и других драгоценных камней. Общая сумма составила 7 005 540 золотых рублей******. Конечно, могло и должно быть больше, если бы не нагрели скупщики и часть выручки не ушла бы на неведомый Внешторгу политический «десерт» отцам революции.

Вторую статью дохода представляли поступления от реализации экспортного фонда. Но они даже не покрывали годовые затраты на его создание — 9 017 495 рублей золотом*******. Причем большей частью выручка была получена от продажи художественных и исторических ценностей. Многих, но тоже по дешевке. Что именно ушло в те годы за границу, сейчас можно только приблизительно догадываться по общим отчетам экспертных комиссий, так как подробной описной документации по проданным художественным изделиям, произведениям искусства, историческим и культурным сокровищам

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 37.

** Там же.

*** Там же.

**** Там же.

***** Там же.

****** Там же, л. 29.

******* Там же.

Пушной аукцион в Ленинграде. Иностранные купцы за отбором пушнины в зале этнографического музея. ЦГА КФФД Санкт-Петербурга.

большевики не вели. Учитывали их обезличенно попредметно, иногда валом и с обозначением условной, неоправданно заниженной стоимости. Для выявления чудовищного перечня этого экспортного «товара» теперь потребуются долгие годы кропотливого труда как минимум сотен специалистов. Но и тогда вряд ли можно будет оценить всю полноту невосполнимых потерь национального достояния России.

Правомерен вопрос, а что же произошло с экспортным госфондом натуральной продукции и сырья? Ведь его в казенных закромах собралось горы. К концу 1921 года кое-что продать удалось. В основном лес, бензин и нефтепродукты, в небольших количествах лен, пеньку, кишки, меха, корень солодки и несколько сотен пудов опостылевшей большевикам «русской икры». Кстати, о ней жена Троцкого — Наталья Ивановна, почти с содроганием написала следующее: «Кормили тогда (в 1918—1919 годах) в Кремле из рук вон плохо. Взамен мяса давали солонину. Мука и крупа были с песком. Только красной кетовой икры было в изобилии, вследствие прекращения экспорта. Этой неизменной икрой окрашены не в моей только памяти первые годы революции»*. В отличие от кремлевских большевиков на Западе есть ложками «русскую икру» почему-то не захотели. В начале 1922 года одна только Германия закупит в России 338 пудов зернистой и 2973 пуда паюсной икры**.

---

* Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930, л. 75.

** ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 3, л. 17.

Отдельной строкой экспорта шли «предметы роскоши» — старинные и ручной работы ковры. Этого товара было продано в Англию 237 штук на общую сумму 660 фунтов стерлингов и 17 шиллингов*.

География экспортной «натуральной» торговли была тогда невелика: Германия, Англия, страны Скандинавии и Прибалтики. Расплачивались тамошние купцы главным образом собственной валютой, а она сквозь пальцы внешторговцев зачастую тут же уходила на удовлетворение аппетита «интернационалистов». На оказание «помощи» неизвестным, но, наверное, очень заслуженным перед революцией русским гражданам за границей выплатили 112 000 швейцарских франков и 49 929 золотых рублей, на годовое содержание представительства РОСТА в Риге ушло 400 000 латвийских и 3288 золотых русских рублей**. Выручки от всех проданных в Англию меховых изделий, ковров, икры, вина и продовольственных деликатесов едва ли хватило оплатить инвалютную долю покупки «дома» в Варшаве для очередного советского представительства — 20 000 фунтов стерлингов при доплате 164 484 рубля золотом***. На доставку партийно-дипломатической почты шли десятки тысяч норвежских крон и финских марок ежегодно.

Тем не менее партийно-политическая мысль надеялась, что все-таки «натуральный» экспорт в ближайшее время станет первостатейным в деятельности Внешторга. Но пока верили в утопию и не видели собственной бесхозяйственности, за зиму 1921/22 года на государственных экспортных складах и свалках пришли в «неликвидное состояние», или попросту — в негодность, сгнили и подверглись порче: 2 294 156 шкур и шкурок пушнины, 3632 пуда кости мамонта, 1881 пуд дерева ценных пород, 33 841 туша первосортной конины, 4013 отборных ковров, 3858 аршин[199] кружев и вышивок...**** В феврале 1922 года Чрезкомэкспорт при Совете Труда и Обороны пришлось упразднить. Перестарались. Но затею, однако, не оставили. Теперь уже, видимо, в восполнение потерь, опять застучали топоры, запалили ружья, захлопали капканы, засуетились в поисках злачных мест экспертные проныры. Как-никак, а Запад интерес к товару проявляет. Да и опыта поднабрались. Чего только стоил один урок торговых сделок с датской фирмой «Йенсен». За нерасторопность и невыполнение обязательств Внешторг выложил датчанам 1 355 000 рублей золотом*****.

Одновременно с Внешторгом золотой фонд Республики пожирало и любимое детище революции — Наркомат иностранных дел. В 1921 году его расходы в золотых рублях были следующими: на содержание представительств за границей — 4 273 512, на попечи-

---

* ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 3, л. 8.

** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 37.

*** По материалам ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 3, л. 8; РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 37.

**** ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 3, л. 11—15.

***** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 37.

тельство правительства Дальневосточной Республики — 3 050 000, из них 750 000 для Камчатской области, на платеж по мирному договору с Афганистаном — 2 000 000, на платеж по мирному договору с Турцией — 10 000 000 и на «дополнительные ассигнования согласно проекту валютной сметы» еще почти 4 миллиона*. Можно согласиться, что «родственники» и «друзья» для Советской Республики были действительно дорогими. Но не все. Были и подешевле. С ними рассчитывались серебром. За продовольственное снабжение частей Красной Армии и оказанные им «услуги» населением Монголии заплатили миллион серебряных рублей и еще 250 тысяч таких же рублей монгольскому правительству для обеспечения его денежных эмиссионных операций. Об остальных ассигнованиях серебряными деньгами царской и иностранной чеканки в Отчете по золотому фонду записано следующее:

«Что касается до расходов серебром, то за прежнее (с октября 1917 года) время и даже за первую половину 1921 года они не поддаются сколько-нибудь точному и систематическому учету; имеются в материалах указания на крупную высылку в Баку Орджоникидзе (1 880 000 персидских туманов) и на ряд высылок Сибвнешторгу».

И здесь же:

«Нет никакой возможности за указанные годы представить и сколько-нибудь подробный отчет по расходу за это время [иностранной] валюты»**.

Сейчас это можно с уверенностью назвать беспрецедентным государственным преступлением века в мировой практике финансовой политики режимов и правительств всех народов. Нет и не может быть этому никаких оправданий.

Назовем еще некоторых потребителей золота. Покажется несколько странным, но в течение трех лет среди них не значился Наркомвоен. В чем же секрет мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии? Неужели в одной только силе духа? Конечно, нет. Просто все материальные нужды Вооруженных Сил Республики обеспечивались «закупками» на обесцененные «совзнаки», принудительной повинностью и мобилизацией, натуральными налогами и такими же расчетами с оборонным производством, денежными поборами, безвозмездными конфискациями и реквизициями, «займами» и устрашающими политическими лозунгами. То есть победа в гражданской войне, кроме моря крови, досталась Советскому правительству бесплатным обманом и безнаказанным грабежом «многократно уже ограбленного населения». А вот в 1921 году власти пришлось потратиться золотом: 1 миллион рублей ушел на содержание войск 5-й и Дальневосточной армий, а 10 миллионов — на «особые нужды» Наркомвоена[200]. Другие расходы по его линии сравнительно незначительны: полмиллиона латвийских рублей и несколько тысяч зо-

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 28.
** Там же.

лотом на оборудование границ с Латвией и почти 29 тысяч золотых рублей на расходы Разведывательного управления РККА*.

Еще большей скромностью запросов отличалась ВЧК. На организацию «Северного предприятия» — трудового концлагеря в Архангельской губернии — чекисты израсходовали только 8 тысяч и 50 тысяч золотых рублей — на подобные «особые надобности». Остальное — «собственными» силами и силой оружия. Правда, однажды «железный Феликс» не выдержал и написал прошение в Секретариат ЦК РКП(б): «...Президиум ВЧК, учитывая все возможности и имея в виду как затруднительное положение Республики в отношении наличных ресурсов вещевого имущества, так и, главным образом, срочность в вопросе осуществления практических мер по данному делу, полагает необходимым и целесообразным закупить обмундирование за границей в количестве до 60 000 комплектов. Имея в виду стоимость одного комплекта в среднем до 30 руб. золотом, Президиум ВЧК просит Ц.К.Р.К.П. ассигновать на эту надобность 1 800 000 руб. золотой валютой»**. Это было в сентябре 1921 года. К зиме чекистов одели и обули.

Заметим, не в пример Дзержинскому, некоторые помельче рангом чиновники ЧК водили с внешторговцами более тесную, но скрытую дружбу. В чем она проявлялась, можно судить по июльским 1921 года событиям в Новороссийске. Со слов Г. Толубаева, секретаря местного отделения Внешторга, его руководство и многие сотрудники бесстыдно занимались продажей золотой валюты, спекуляцией в крупных размерах и злоупотребляли служебным положением с целью личной наживы, о чем им было сообщено в Новороссийскую ЧК. Вскоре самого Толубаева арестовали и доставили туда же. Как выяснилось, чекисты оказались «заинтересованными лицами» и вволю лакомились у торговцев. Толубаеву в подвалах ЧК «посоветовали» держать язык за зубами и выпустили, одарив двумя импортными костюмами. Однако он отважился донести о фактах коррупции в Ростов-на-Дону полпреду ВЧК. Тот сопроводил копию письма в Чрезкомэкспорт. После получения бумаг адресатом они так и сохранили первозданную чистоту. Выносить сор из избы не захотели и сообщение «приняли к сведению»***.

...За 1921 год на пролетарскую бесхозяйственность и усиление ветра мировой революции было выброшено около 404,5 миллиона рублей золотом. С учетом расходов на те же цели в предыдущие годы и учитывая все поступления, включая «колчаковское» золото, к началу 1922 года в правительственной казне осталось денежных ценностей на общую сумму 251 414 792 рубля 96 копеек золотом, в том числе самого золота на 217 923 634 рубля 95 копеек, серебра — на 22 386 314 рублей, платины — на 10 418 943 рубля 77 копеек[201], банкнотов иностранной валюты в переводе на золотые рубли —

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 37.
** РЦХДНИ, ф. 76, оп. 3, д. 228, л. 2.
*** По материалам ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 3, л. 50.

685 900 рублей 24 копейки*. Сюда же входил и остаток румынского золота на сумму 87 074 501 рубль и 5 копеек. Около 30 миллионов большевики израсходовали.

Однако и эти цифры имели условное значение. Из Отчета по золотому фонду:

«Следует отметить, что значительная часть фонда (85 295 214 руб. 32 коп.) состоит из слитков, лома, изделий, т. е. значительной частью своей не может быть пущена непосредственно в оборот; таким образом, ввиду сильного исчерпания запасов монеты необходимо скорейшее приведение слитков и лома в состояние, вполне пригодное для их реализации на западном рынке. Далее следует указать, что в числе серебряной монеты показано (в одной трети стоимости номинала) 8 925 063 руб. разменного, т. е. лигатурного, серебра — мелкой серебряной монеты, которая, несомненно, не может быть обращена на закупки на Западе; следовательно, ее, быть может, правильнее рассматривать скорее как запас серебра для очистки и перечеканки. Если стать на эту точку зрения, то количество собственно монеты, годной для реализации (золота и банковского серебра), сократится кругло до 156 000 000 рублей»**.

Но и это не все. Когда от последней суммы комиссия СТО по золотому фонду отминусовала сумму задолженности по невыполненным платежам, то в Отчете появилась еще одна запись: «...Свободная наличность в золоте и иностранной валюте выражается суммою 135 231 957 рублей. Что касается до свободного остатка серебра, то он, как указано выше, может быть принят в сумме 17 636 314 рублей. Следует, однако, иметь в виду, что серебро едва ли может иметь сбыт на основном нашем западном рынке, вследствие чего правильнее при соображении о наших ресурсах исходить из указанной выше суммы в 135 231 957 рублей»***.

Впереди был очередной финансовый год. К его началу уже довольно четко прорисовывалось дотоле немыслимое «громадье» плана ГОЭЛРО и тотальной индустриализации. Наркомфин был в смятении. К тому же подбросил головоломку Наркомат по военным делам. Для укрепления боевой мощи Республики и подготовки к будущему «мировому пожару» он запросил на предстоящий год 298 794 035 рублей золотом, что почти вдвое перекрывало всю наличность правительственной казны****. А тут еще и голод...

ЦЕРКОВНЫЙ «КЛОНДАЙК»

Зимой 1922 года по Советской России голодало уже более 23 миллионов человек. Голод в народе нарекли Великим. Его жертвы превзойдут общие людские потери в гражданской войне почти вдвое. Мор унесет около 6 миллионов человеческих жизней.

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 27.
** Там же.
*** Там же, л. 29.
**** Там же.

Время от времени всплывают на поверхность угрюм-реки нашей истории все новые и новые факты об этой трагедии. Знали ли о них тогда в правительственных кругах Республики? Да, знали. Стараниями Информационного отдела ГПУ государственно-партийное руководство регулярно получало совершенно секретные сводки о политическом и экономическом положении во всех губерниях. Строго под расписки адресатов. Тридцать три экземпляра каждой. Первый экземпляр — Ленину, второй — Сталину, третий — Троцкому, четвертый — Молотову, пятый — Дзержинскому, шестой — Уншлихту... Вот несколько сообщений.

Из госинфсводки от 3 января 1922 года по Самарской губернии: «...Наблюдается голодание, таскают с кладбища трупы для еды. Наблюдается, детей не носят на кладбище, оставляя для питания...»*

Из госинфсводки от 28 февраля 1922 года по Актюбинской губернии и Сибири: «...Голод усиливается. Учащаются случаи голодной смерти. За отчетный период умерло 122 человека. На рынке замечена продажа жареного человеческого мяса, издан приказ о прекращении торговли жареным мясом. В Киргизском районе развивается голодный тиф. Уголовный бандитизм принимает угрожающие размеры... В Тарском уезде в некоторых волостях население сотнями умирает от голода. Большинство питается суррогатами и падалью. В Тикилинском уезде голодает 50% населения...»**

Из госинфсводки от 14 марта 1922 года еще раз по Самарской губернии: «...На почве голода в Пугачевском уезде произошло несколько самоубийств. В селе Самаровском зарегистрировано 57 случаев голодной смерти. В Богоруслановском уезде зарегистрировано несколько случаев людоедства. В Самаре за отчетный период заболело тифом 719 человек...»***

Из госинфсводки от 15 марта 1922 года по Тюменской губернии: «...В Ишимском уезде из 500 000 жителей голодает 265 тысяч. Голод усиливается. В благополучных по урожайности волостях голодает 30% населения. Случаи голодной смерти учащаются. На границе Ишимского и Петропавловского уездов развивается эпидемия азиатской холеры. На севере свирепствует оспа и олений тиф...»****

Как же нужно управлять государством, чтобы довести народ до массового каннибализма? Каким сердцем нужно обладать, чтобы вместить весь зримый ужас трагедии в официоз фразы — «н а б л ю д а е т с я голодание»? Верно говорят, сытый голодного не разумеет, а на сколько не разумеет, можно судить по тому, что все эти сообщения в информационных сводках шли не первым, не вторым и даже не пятым, а восьмым (!) пунктом. Болела голова у правительства о другом. Да и какие могли быть видимые причины для претензий к ЦК РКП(б), Совнаркому и ВЦИК? Читайте газеты — какие

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 45, л. 3.
** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2629, лл. 6, 7.
*** Там же, л. 98.
**** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2630, л. 8.

решительные меры принимают партия и правительство по борьбе с голодом.

Действительно, решительные меры принимались. Людоедов — в подвалы ЧК и к стенке, заразных больных — в спецприемники и тифозные лагеря, а оттуда в продезинфицированные ямы или на костры; тех, кто покрепче здоровьем, — в чужие края, где хлеба погуще, глядишь, выживут. Кому-то везло: попадали в лагеря Красного Креста под норвежскими, голландскими и прочими флагами. Но тоже под наблюдением ВЧК. Выдавалось и партийное семенное зерно — но только коммунам. Не хочешь в коммуну — оставайся голодным.

А в Кремле ломали головы над тем, как в разрухе и бедствии укрепить шаткие столпы власти, как придать «уникальному» явлению голода классовое содержание и как взобраться на его костях к очередной победной вершине революции. Начали по традиции с агитационного творчества. Пустили по пролетарским клубам и ревкультовским драмсараям лубочные диапозитивы — те, что были куплены за границей на 6000 золотых рублей в счет Помгола* — не пропадать же добру зря — и ударили в газетах крепким словом «партийной правды» по «мироедам» — «кулакам» и «черносотенному поповству». Опять же на импортной бумаге.

От слов перешли к делу. Как бы невзначай 27 декабря 1921 года появился декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквах и монастырях». Посмотрите, какой открытый и глубокий намек:

«Ввиду наличия колоссальных ценностей, находящихся в церквах и монастырях как историко-художественного, так и чисто материального значения, все указанное имущество должно быть распределено на три части:

1. Имущество, имеющее историко-художественное значение, подлежит к исключительному ведению Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, Народного Комиссариата Просвещения, согласно инструкции к декрету отделения церкви от государства (утварь, старинная мебель, картины и т. д.).

2. Имущество, материальные ценности, подлежащие выделению в Государственное Хранилище Ценностей РСФСР.

3. Имущество обиходного характера, где оно еще сохранилось.

Вследствие наблюдающихся за последнее время ликвидаций церковного имущества органами местной власти путем неорганизованной продажи или передачи группам верующих, никакие изъятия и использования не могут быть производимы без разрешения на то Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины или его органов на местах»**.

2 января 1922 года подбросили еще один декрет — об изъятии музейного имущества в части, касающийся пункта первого предыдущего законоположения. И опять волна агитации. А затем «по

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 37.

** Сборник Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 7 апреля 1922 г., № 19, ст. 215.

просьбе трудящихся масс» 23 февраля ВЦИК принял постановление в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества с «предложением» местным совдепам в месячный срок «изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Наркомфина, со специальным назначением в фонд Центральной комиссии помощи голодающим»*. И снова агитация, ясная и простая, как сама «пролетарская правда». Например: если богатейшие ценности лавр, монастырей и храмов Русской православной церкви обменять на хлеб, то голодающие губернии смогут сыто почивать в течение двух лет, или закупить на эти ценности 3 тысячи тракторов и сельхозмашин, подготовить и обучить аграрному ремеслу целую армию «культурных крестьян», или же закупить такой запас сухойстойких семян, что хватило бы для засева всей России на 10 засушливых лет**. «Высшая математика» государственно-партийных мыслителей подавалась как аксиома, а если кто-то требовал доказательств, то учили «арифметике» в застенках ЧК.

А вот послание святейшего патриарха Московского и всея России Тихона в ответ на означенное постановление ВЦИК:

«Среди тяжких бедствий и испытаний, обрушившихся на землю нашу за наши беззакония, величайшим и ужаснейшим является голод, захвативший обширное пространство с многомиллионным населением.

Еще в августе 1921 г., когда стали доходить до нас слухи об этом ужасном бедствии, Мы, почитая долгом своим прийти на помощь страждущим духовным чадам Нашим, обратились с посланиями к главам отдельных христианских Церквей (Православным Патриархам, Римскому Папе, Архиепископу Кентерберийскому и епископу Иоркскому) с призывом, во имя христианской любви, произвести сборы денег и продовольствия и выслать их за границу умирающему от голода населению Поволжья.

Тогда же был основан Нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим, во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначавшихся на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским Правительством излишней и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному Комитету.

Однако в декабре Правительство предложило Нам делать... пожертвования деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим. Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковно-приходским Советам и общинам жертвовать на нужды

---

* «Известия ВЦИК», 26 февраля 1922 г.

** «Известия ВЦИК», 10 февраля 1922 г.

голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, о чем и оповестили Православное население 6 (19) февраля с. г. особым воззванием, которое было разрешено Правительством к напечатанию и распространению среди населения.

Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 10 (23) февраля ВЦИК, для оказания помощи голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства... Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается Ею как святотатство — миряне отлучением от нее, священнослужители — извержением из сана»*.

Святейший Тихон не изворачивался, ссылаясь на Апостольское правило, и не лгал. Сбор средств в помощь голодающим по патриаршим призывам шел своим чередом с лета 1921 года. Скорбно и безропотно сносили в храмы все, имеющее хоть малейшую ценность, конечно, стоимостную, ведь дорогой для дающей души была каждая «мелочь»: лампадки, цепочки, крестики, медальоны, ювелирные вещицы. От Бога, от матери, от деда...

Худо-бедно к февралю 1922 года собрали тихоновцы более 8 миллионов 926 тысяч рублей, не считая ювелирных изделий, золотых монет и натуральной помощи голодающим**. Возможно, мало, но как можно было посягать на большее, на благолепное церковное имущество, если по декрету Совнаркома от 20 января 1918 года оно являлось «собственностью государства»? Да и в голове не укладывалось, как можно всенародными святынями торговать. Это первое.

И второе. Всероссийский церковный комитет помощи голодающим с августа по декабрь 1921 года существовал «незаконно». Все это время патриарх хлопотал и унижался перед Советской властью, вымаливая у нее утверждение «Положения о Церковном Комитете» и официальное разрешение «для повсеместного сбора пожертвований и открытия действий». В Кремле разводили руками. Рады бы пойти навстречу, да партийная совесть не позволяет. Как можно

---

* Послание Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей. — Цит. по: Введенский А. И. Церковь и государство. М., 1923.

** «Накануне» (Берлин), 7 июля 1922 г.

Александр Николаевич Винокуров, член Президиума и заместитель председателя Центральной Комиссии Помгола при ВЦИКе.

нарушить «законную» инструкцию Наркомюста от 30 августа 1918 года о запрещении благотворительной деятельности всем религиозным организациям? И все-таки в конце концов пришлось отступить. Но не перед патриархом, а перед возможностью мирового скандала накануне Генуэзской конференции. 8 декабря Церковный комитет получил «высочайшее» разрешение. Но при этом в Кремле свободу действий церковным помгольцам не гарантировали — мол, как народ посмотрит. А «народ» в лице местных чекистов и энкавэдистов смотрел иначе. Встал грудью на пути «черносотенной заразы».

Первый урок церковь получила в полуживой Самаре. Немногим больше недели продержался там епархиальный комитет помощи голодающим. Только и успели, что собрать 1250 рублей. 25 декабря губЧК арестовала всех членов комитета во главе с епископом Павлом, получившим срок за «контрреволюционную деятельность». Чтобы «несознательные» граждане зарубили себе на носу: не всякая помощь от Бога, есть более могущественная сила — Советская власть. Попробуй докажи, что не так.

Но у патриарха Тихона была своя «арифметика» — пастырской совести, скорби и любви к обездоленным. Знал, что идет на голгофу власти, но с пути не свернул. Дважды большевики вызывали Тихона на откровенность, в середине и в конце марта, и печатали думы патриарха в «Известиях». Он не скрывал своего отношения к безрассудству правительства. Убеждал, что всякие большие надежды на церковные ценности преувеличены. Уверял, что есть иные пути преодоления бедствия, стоит только осмотреться, заинтересовать крестьянство, по-хозяйски распределить запасы хлеба, обернуть на продовольственные нужды железнодорожный транспорт. Хлебушек-то в России был. Сам Ленин недавно говорил о его излишках до 10 миллионов пудов в некоторых центральных губерниях. А заместитель председателя Центральной комиссии Помгола А. Н. Винокуров[202] открыто заявил, что вывоз хлеба за границу во время голода является «экономической необходимостью». Дескать, хлебные излишки в благополучных районах не могут быть выгодно реализованы на внутреннем рынке из-за низких цен. Вот так!

О, как невзлюбил патриарх Троцкого! Сущим дьяволом революционного ада виделся ему нарком по военным делам. Считал Троцкого первым греховодником и пособником гибели миллионов христиан в огне гражданской бойни. Говорил, что и в этот раз готовится страшный грех, что изъятые ценности из церквей, соборов и лавр пойдут не голодающим, а на нужды армии и мировой революции. Недаром так беснуется Троцкий.

Догадывался Тихон и о сомнительных финансовых операциях большевиков. Еще осенью 1918 года он бросил в лицо правительству позорное обвинение: «...Великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото»*.

Годы противостояния бесчинству властей изнурили патриарха. Было ему в ту пору не до такта и дипломатии, тем и навлек на себя владыка тяжелый антисоветский «компромат». Он был обречен. Отдать под трибунал затравленного святейшего патриарха не составляло особого труда ни ВЧК, ни Наркомюсту. Ждали удобного случая. Газетные откровения и проницательность Тихона оказались для него роковыми.

А теперь перенесемся в электрически сияющий Кремль, на «чаек с сухарями» к Председателю Совнаркома. В самом деле, работал Ленин напряженно и допоздна. Как же иначе, если ворох «архиважных» задач. Одна из них, государственно-церковная, соединяла в себе двуединые начала. В этом заключалась ее сложность и одновременно — ставка на успех.

Первое слагаемое ленинского замысла имело политическую направленность: окончательное уничтожение заклятого врага — патриаршей церкви. Его воплощение в практику «классовой борьбы» Троцкий назовет «глубочайшей духовной революцией в русском народе». «Тактическую линию» установления идеологической монополии Советская власть прокладывала с начала 1918 года, если не раньше. Во всяком случае, после принятия Декрета об отделении церкви от государства против духовенства были пущены в ход все возможные средства, ударные силы ВЧК и «мудрость» Наркомюста. Однако чекисты, еще не овладевшие «тонким» искусством своего ремесла, на первых порах действовали коряво. Попытка создания в 1919 году подшефного «Исполкомдуха» (Исполнительный комитет духовенства) во главе с членами «Союза демократического духовенства»[203] — будущими раскольниками — с треском провалилась. Некоторое время угли церковной диаспоры все же продолжали чадить, но пожар не разгорался — от смутьянов за версту тянуло острым запахом политической гари. В 1920 году «Союз» вынужденно капитулировал.

Поэтому в первые годы Советской власти «антирелигиозный фронт» держался в основном на активных государственных штыках. Зачастую применялись откровенные провокации с последующими

* Епархиальные ведомости. Томск, 1919, № 13—14.

физическими расправами, благо церковная направленность кровавых акций была не столь заметной в общем потоке братоубийства. «Мирная передышка» после гражданской войны заставляла искать более изощренные средства борьбы против духовенства и религии. Голод оказался как нельзя кстати.

Ныне известные тайные письма Ленина к членам Политбюро, Троцкого к ним же, к Ленину и членам ЦК, Молотова в губкомы — не что иное, как мозаичные осколки общего государственно-партийного заговора по расколу, разложению и уничтожению патриаршей церкви.

В порыве страсти письма членам Политбюро 19 марта 1922 года Ленин напрочь «забывает» о помощи голодающим и без обиняков раскрывает второе слагаемое своего замысла: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности, совершенно не мыслимы. Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс...»* Вот как рассуждал Ленин за «чайком с сухарями».

Наверняка предсовнаркома надеялся за счет церковных ценностей погасить «аванс» 1921 года на закупку зерна и возместить другие убытки правительственной казны. Но мысли Ленина шли еще дальше. Становилось ясно, что в манипуляциях с денежной массой не найти выхода из внутреннего финансового кризиса, а иностранная валюта не может спасти от всех хозяйственных бед и обеспечить «растущие потребности социальной и мировой революции». Кроме иностранной, нужна своя твердая валюта. О ней поговаривали еще в начале 1918 года. Тогда даже петроградская коллегия по делам искусства и художественной промышленности при Наркомпросе наряду с флагом, гербом и печатями новой власти провела конкурс на проекты серебряных монет достоинствами в 10, 15, 20, 50 копеек и в 1 рубль с надписью «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика»**. Правда, в то время вся суета шла вокруг государственной атрибутики и имела в общем-то агитационно-идеологический смысл. И вот советский рубль понадобился по-настоящему. Да такой, чтобы и лиру, и франк, и доллар, и фунт бил. Чеканы будущих звонких монет были уже

---

* РЦХДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 22947, л. 1.

** По материалам ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 9, л. 15.

Д.-т. №. 106 22 Секретно. 974

ТОВАРИЩУ ЛЕБЕДЕВУ, ТОВАРИЩУ СОСНОВСКОМУ, ТОВАРИЩУ КРАСИКОВУ.

Мне кажется необходимым сейчас же подготовить постановление Президиума ВЦИК о порядке из"ятия и учета церковных ценностей, о порядке их сосредоточения и об установлении им особого государственного счета со специальным назначением на нужды голодающих /хлеб, семена, орудия и пр./

9/2 22 г.

Л. Троцкий

21 VIII 22

Секр. п/отд.

Почтотелеграмма Л. Д. Троцкого членам ВЦИКа.
9 февраля 1922 г. Из фондов ЦГА РФ.

готовы. Ждали церковный серебряный лом. Ну а если дело пойдет ладно, Ленин надеялся ударить по мировому капиталу и червонным пролетарским золотом.

Наиболее подходящей фигурой для руководства операцией Ленин считал Троцкого. Беспощадного революционного энтузиазма и политической хитрости у того было хоть отбавляй. Вдобавок его звериный инстинкт к истреблению «классовых» врагов удачно сочетался с повышенной финансовой заинтересованностью в обеспечении маниакальной идеи мировой революции и ближайших военных планов. Удобным Ленин находил и семейное положение Троцкого. Как-никак предстояли небывалые по масштабам ликвидация и реализация культурно-художественных ценностей, и без «родственного» сотрудничества с Главнаукой Наркомпроса не обойтись, а отдел музеев, как известно, возглавляла Н. И. Троцкая. Так же кстати в ЦК Помгола состояла родная сестра Троцкого — О. Д. Каменева, которой, видимо, для надежности политического прикрытия супружеской четы Троцких и демонстрации «высшей» общесемейной гуманности предсовнаркома уготовил должность заведующей заграничным отделом помощи голодающим (позже председателя Комиссии заграничной помощи при Президиуме ВЦИК).

Назначение Троцкого «Особоуполномоченным Совнаркома по учету и сосредоточению ценностей» состоялось. В свои заместители тот взял преданного порученца Реввоенсовета Г. Д. Базилевича[204], бывшего командующего войсками Харьковского военного округа и

Георгий Дмитриевич Базилевич, заместитель особоуполномоченного по учету и сосредоточению ценностей при СНК, член Центральной Комиссии Помгола.

славного рубаку гражданской войны. И все-таки, по мнению Ленина, личность Троцкого была чересчур вызывающей для открытой постановки руководства изъятием ценностей и антицерковным «фронтом». Поэтому на заседаниях Политбюро решили назначение Особоуполномоченного гласности не предавать и координацию акции вкупе с ее детальной проработкой вести совершенно секретным порядком. Формально же организатором изъятия (то есть козлом отпущения государственных грехов) представили председателя ЦК Помгола М. И. Калинина с плеядой помощников, в числе которых значился и Базилевич, фактически поверенный Особоуполномоченного в делах Помгола. В свою очередь, посредником между Политбюро и «комиссией» Троцкого выступал Молотов.

После публикации постановления ВЦИК об изъятии церковных ценностей в казенных учреждениях центра и на местах почти на две с половиной недели воцарилось затишье. Время от времени туда-сюда бесшумно сновали курьеры и скрытно проводились ночные совещания. Работа властей поначалу была незаметной: изучали и обобщали политсводки о реакции верующих на постановление ВЦИК, подбирали надежный состав чрезвычайных комиссий и подкомиссий, сортировали по разрядам храмы и будущую добычу. О последнем несколько подробнее.

4 марта 1922 года Троцкая подписала инструкцию отдела музеев Главнауки «по ликвидации церковного имущества» в свете постановления ВЦИК и декрета Совнаркома. Вот несколько пунктов из этой инструкции:

«1. Ликвидации подлежат только те предметы, которые не имеют историко-художественного (музейного) значения.

2. а) Безусловно, недопустима ликвидация ценностей, имеющих древность, кончая 1725 годом.

б) В виде исключения допустима ликвидация ценностей эпохи от 1725 г. до 1835 г.

Примечание. Наиболее характерные предметы, отражающие стили эпох Людовика XV, XVI и эпохи Империи, безусловно, не ликвидируются.

в) Из ценностей, работа которых относится ко времени после 1835 года, ликвидируются все предметы, за исключением имеющих высокохудожественное и бытовое значение»*.

Прежде всего возникает вопрос: что значит «ликвидируются» и «не ликвидируются»? Оказывается, сложности здесь нет: к ликвидируемым относились церковные ценности, предназначенные передаче Наркомфину ломом якобы в фонд Помгола, а неликвидируемые художественные ценности согласно инструкции подлежали бережному изъятию, специальной упаковке и направлению в так называемый музейный фонд, но строго через руки того же Наркомфина и Гохрана.

Далее, откуда вдруг такая чуткость к произведениям искусства в стиле известных западноевропейских эпох? Конечно же, от уважения традиционных вкусов будущих покупателей. Ведь опыт художественного экспорта предыдущих лет кое-чему научил.

Но почему в инструкции открыто сквозит пренебрежение изделиями второй половины XIX века и последующего периода? Разве не было в то время в России искусных художников-прикладников, виртуозных ювелиров, граверов, резчиков, народных самородков-умельцев, наконец? И не одного, и не двух, а могучей армии талантов? Разве вхолостую работала Академия художеств? В том-то и дело, что и после 1835 года талантливых мастеров, вобравших художественный опыт и национальные традиции поколений, как и самих классных, в том числе церковной направленности, произведений прикладного искусства, в России хватало. Но вот, на беду, в советниках Главнауки оказались «авангардисты» и истые почитатели «подлинной древности». Фамилии известны. Они-то и старались на все лады, доказывая в профессиональных и политических конъюнктурных излияниях псевдорусскую кондовость, тяжелую заземленность и крикливую парадную безвкусицу произведений русских мастеров периода «мрачной самодержавной реакции» и «начала ее распада». Так и бытуют по миру легенды политических моралистов от искусства.

Естественно, наиболее ответственной и важной представлялась работа не по «ликвидации», а по «изъятию». Но ту и другую проводить решили разом и, чтобы не напутали чего комиссионщики, обязали присутствовать при сем музейных оценщиков, именуемых для солидности представителями Главнауки. Однако и здесь незадача. Положим, в Петрограде и Москве специалистов по художественной оценке церковных предметов и произведений древнерусского искусства было в достатке. Но где их взять в уездных и даже во многих губернских городах? Задумывались ли над этим сочинители инструкций и циркуляров? Рукой махнули. Суметь бы отсортировать ценности в стольных городах и лаврах, остальные — на переплавку.

По раскладам центра и губисполкомов, в церквах надлежало оставлять только ничтожный минимум богослужебных художественно ценных предметов, да и то после включения их в общую опись и получения разрешения «особой» финотдельской комиссии.

---

* ЦГАОР СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 128, л. 13.

Изъятие ценностей началось к середине марта, но не в Москве и Петрограде, а в отдаленных губернских и уездных городах.

Первое кровопролитие в Шуе было закономерно неотвратимым, как и столкновения, и жертвы в других местах. Об этом знали заранее и этого ждали организаторы «крестового» похода. На примере шуйского инцидента с расстрелом толпы верующих, в том числе стариков, женщин и детей, они преподносили урок «поповству», москвичам и особенно петроградцам. Ленин весьма ревниво относился к пролетарской чистоте питерцев, коих по его личным указаниям использовали на самых ответственных участках борьбы. Так было, например, в апреле 1919 года, когда для усмирения православного казачества Ленин, после совещания с Троцким, распорядился отправить на Дон тысячи три питерских рабочих с целью «наладить дела, обессилить казаков, внутри разложить их, поселиться среди них, создать группы по деревням и т. д.»*. Питерцы постарались... Новой задумкой предсовнаркома был петроградский десант «тысячников» в деревню. Там тоже были сильны православные устои. А тут на церковном небосклоне сияла еще одна звезда — митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, чей духовный авторитет в рабочей среде Питера был непоколебим. Теперь вполне понятно, почему Ленин начинает «свои соображения» в письме Политбюро от 19 марта 1922 года словами: «Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно РОСТА переслало в газеты не для печати, а именно, сообщение о подготавливающемся в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей»**.

Неудивительно, что даже близко похожее сообщение РОСТА найти в партийных тайниках не удалось. Некоторые историки ленинскую мотивировку связывают с «антисоветскими» выступлениями «толпы», избиениями комиссий и отдельных «сознательных» граждан в некоторых районах «колыбели Революции». Однако в марте и до середины апреля в Петрограде не было никаких волнений, да и комиссии по изъятию ценностей еще не приступали в этот период к работе вообще. Более того, накануне событий в Шуе петроградский Помгол восхищался великодушной позицией митрополита Вениамина, а первое сообщение о том, что петроградское духовенство «объято контрреволюционными настроениями», появилось в «Красной газете» 24 марта, и не от РОСТА, а со слов воспрянувших обновленцев Введенского и Красницкого. Скорее всего Ленин просто-напросто провоцировал повышенный интерес членов Политбюро к духовенству Петрограда откровенной ложью. Чего уж было церемониться, если питерский пролетариат нуждался в хорошей школе антицерковной борьбы.

Но пока шли назидательные уроки на примере шуйского инцидента, приближенные Троцкого не дремали. Работали в поте лица.

---

* Директивы Главного Командования Красной Армии. 1917—1920. М., Воениздат, 1969, с. 309.

** РЦХДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 22947, л. 1.

Правда, об этом мало кто знал и догадывался даже в Совнаркоме. Как-то случайно в фондах партийных архивов мы наткнулись на очередное секретное недовольство-изумление Красина, направленное в Наркомфин 20 марта 1922 года. Содержание его следующее:

«Уважаемые товарищи,

в ответ на Ваш № 78/с от 14-го марта сообщаю.

Я решительно возражаю против предложения начальника Гохрана т. Аркуса о посылке в Швецию партии бриллиантов на сумму до 100 тыс. золотых рублей в распоряжение какого-то шведа Карель Фельда.

Совершенно естественно, что Карель Фельд «с нетерпением ожидает бриллиантов, лучше всего покрупнее, от 2 до 10 каратов, хорошего качества».

Не менее понятным представляется уже, что начальник Гохрана предлагает отправлять в распоряжение этого шведа бриллиантов на довольно крупную сумму, не вступив со шведом ни в какие определенные договорные обязательства и не выяснив условий, на которых будет вестись реализация этих камней.

Полагаю, что у Гохрана имеется более чем достаточно дел по выявлению, сортировке, оценке и хранению драгоценностей, чтобы он мог еще брать на себя заботу об отправке партии за границу и о продаже их там.

Продажу партии на 100 тыс. золотых рублей я считал бы вообще ошибкой, этим мы еще раз доказали бы за границей, что до продажи драгоценностей организованным путем мы все еще не доросли и что падение цен, вызванное на рынке бриллиантов более чем неудачной торговлей ими Коминтерном и другими учреждениями, имеет и в будущем под собою достаточное основание.

Надо раз и навсегда покончить с этим порядком или беспорядком, из-за которого сбыт наших бриллиантов производится до сих пор с потерей десятка процентов стоимости.

Всякие случайные мелкие продажи по знакомству и т. д. должны быть прекращены.

Надо заключить договор с какой-нибудь крупнейшей фирмой (были предложения Дебирса, а также Ватбурга) об образовании синдиката для совместной продажи бриллиантов. Синдикат этот должен получить монопольное право, ибо только таким путем можно будет создать успокоение на рынке бриллиантов и начать постепенно повышать цену. Синдикат должен давать нам под депозит наших ценностей ссуды на условиях банковского процента...

Мы должны оставить за собою право акцентировать предлагаемую за каждую отдельную партию ценностей цену или оставлять эту партию в залог уплачиваемого по нему процента и выжидать улучшения рыночных цен.

Необходимым условием такого единственно рационального способа реализации того добра, которое у нас еще не расхищено и не разбазарено, является образование некоторого значительного фонда таких ценностей, не менее 50 миллионов, так как по пустякам никто не согласен будет с нами разговаривать.

О таком синдикате я неоднократно возбуждал вопрос, но все переговоры были мною приостановлены после того, как осенью минувшего года товарищи из Наркомфина и Гохрана сообщили мне, что, в сущности, у нас уже не имеется сколько-нибудь большого фонда ценностей.

Теперь, к приятному моему удивлению, я узнаю, что ценностей можно еще набрать на 100 миллионов. Желательно было бы эту сторону дела подвергнуть хотя бы приблизительному выяснению.

Едва ли это нормальное положение, когда в августе и сентябре 1921 года Наркомфин полагает, что у него ценностей не хватает даже для польского платежа, а в марте 1922 года оказывается, что их имеется на сотню-другую миллионов»*.

Похоже, командировки Красина в коммерческий мир Лондона и горький опыт подпольной торговли драгоценностями пошли ему на пользу. Рассуждал он как тертый бриллиантовый делец и владелец нескольких алмазных копей. И это при том, что Россия пока еще не значилась алмазодобывающей страной, а до первых крупных открытий в Якутии оставалось тридцать с лишним лет. Но больше привлекло наше внимание в письме Красина другое. Мы так же, как и он, оказались в недоумении по поводу упомянутого бриллиантового ресурса Гохрана к марту 1922 года на сумму в 100 миллионов рублей золотом. А тут вдруг всплыл еще один не менее загадочный документ. Написан в коллегию Наркомфина ее членом и заместителем наркома финансов А. М. Краснощековым[205] в ноябре-декабре 1921 года. Цитируем:

«В связи с поручением Коллегии о реорганизации Гохраны, я поехал в Петроград для переговоров с имеющимися там специалистами по оценке и сортировке драгоценностей. Меня сопровождали — тов. Борисов, служащий Гохраны, и тов. Польдяев из Управления Делами НКФ. Настроение всех спецов, в связи с последними событиями в Гохране, весьма отрицательное, недоверчивое, кроме того, пользуясь новой экономической политикой, некоторые из них, как Франц, Котлер, уже успели открыть маленькие мастерские и, как удалось выяснить, зарабатывают крупные деньги.

После длительных переговоров удалось сговориться и получить согласие следующих спецов: Фаберже, Франц, Котлер, Масеев, Мехов, Уткин, Бок. Условия договора — свободный контракт без всякого государственного принуждения, возобновляемый ежемесячно.

Все спецы, исключая Фаберже, требуют жалование в 200 рублей золотом, выплачиваемых в бумажных деньгах. Фаберже ставят более высокую ставку. Считая эти цифры как «запрос», хотя Франц и Котлер утверждают, что тов. Баша обещал им столько в октябре, состоялось следующее соглашение: спецы получают аванс в 3 000 000 рублей каждый, охранную грамоту для семей, оставшихся в Петрограде, гарантию на квартиру с отоплением и освещением, оклад,

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 127, л. 144.

определяемый Москвой. Они приедут в четверг в сопровождении Борисова, который остался там»*.

После прочтения документа сначала подумалось, что Наркомфин всего лишь пытался залатать должностные бреши после расправы летом 1921 года над большой группой сотрудников Гохрана. Все-таки потери таких опытных оценщиков, как Александров, Пожамчи и другие, были для него довольно ощутимы. Но тут же возникло и сомнение. Ведь почти все названные Краснощековым «спецы» были крупнейшими в дореволюционной России производственно-ювелирными магнатами, если не с мировой, то с европейской известностью точно. Зачем Гохрану их понадобилось столько и сразу? Почему Наркомфин так легко шел на «свободный» временный контракт с ювелирами и принимал их условия? Почему Краснощеков брал «спецов» не силой власти, а терпеливыми уговорами? Наверняка затевалась какая-то кратковременная, но крупная и тайная акция по части драгоценностей. Можно было бы предположить, что Наркомфин заранее готовился к массовому поступлению церковного добра, однако вряд ли бы он стал выплачивать дармовое жалованье, как минимум с января и до конца марта 1922 года, да еще и выдавать сравнительно крупный аванс ожидающей в Москве работу бывшей «гвардии» поставщиков императорского двора. Здесь явно было что-то не то. И ответ на загадки писем Красина и Краснощекова все же был найден. Им оказался рапорт Базилевича от 13 марта 1922 года:

«Совершенно секретно.

Председателю РВС Республики т. Троцкому.

...доношу, что по сведениям Наркомфина о состоянии золотого фонда на 13/III имеется в Республике свободной наличности 177 760 439 рублей 60 копеек. Включая сюда и наличность Гохрана до 1/II. Кроме того, в Гохране имеется еще ценностей, не входящих в сводку Наркомфина, на сумму 13 136 600 рублей. Итого точно учтенных и представляющих свободную наличность Республики имеется на 13/III 190 897 039 рублей 60 копеек...

В данный момент разгружается эшелон Н. Новгородских ценностей на сумму около 5 000 000 рублей.

Ценности Оружейной Палаты, после целого ряда самых жестоких споров, с принятыми поправками... выливаются в сумме минимум 197 1/2 миллиона, максимум 373 1/2 миллиона рублей, если не будет сюрпризов «без описей» в оставшихся неразобранными еще 1367 ящиках»**.

Судя по служебным запискам Троцкого, Базилевич приступил к работе «по учету и сосредоточению ценностей» в конце декабря 1921 года, то есть еще до принятия соответствующих декрета Совнаркома и постановления ВЦИКа. За это время очередной раз был пересчитан весь золотой фонд Наркомфина вместе с правительст-

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 127, л. 152.

** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, л. 57. (Выделено нами. — *Авт.*)

Изъятие церковных ценностей. Упаковка серебряных венков. Москва, 26 мая 1922 г. ЦГА КФД РФ.

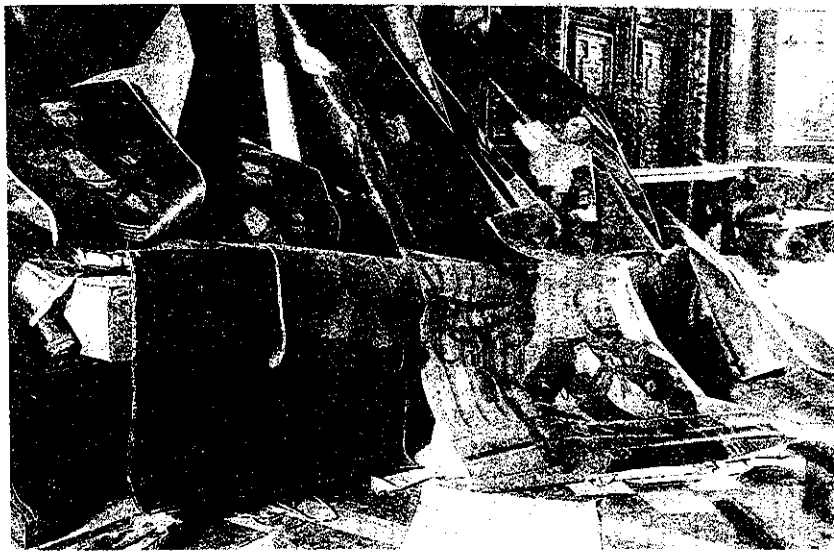
венной «неучтенкой» Гохрана и последними доходами от экспорта, скупки и реквизиции драгоценностей. Но главная задача Базилевича состояла в «обработке» фондов Оружейной палаты — богатейшего музея Российской империи.

Многое повидало на своем веку это славное детище династии Романовых. Учрежденная великим князем Василием III, Оружничья палата долгое время была не только кузней русского оружия, но и выдающихся мастеров — золотых и серебряных дел, резчиков по металлу, дереву и кости, золотошвеек и живописцев. В мастерских палаты хранились лучшие художественные образцы вооружения, бытовой утвари, выполнялись важные государевы заказы, отсюда расходились знатоки всевозможных ремесел по всей Руси. Колыбелью русского самобытного искусства называли Оружейную палату. Но после бурной творческой жизни в период реформаторства Петра I наступили годы ее забвения. Всех мастеров увезли в Петербург, и палата превратилась в мертвый музей. Пережила пожар в 1737 году, на ее долю выпали мытарства по разным зданиям кремлевского двора, появились первые крупные потери. В 1812 году Оружейную палату спасали от нашествия французской армии в Нижнем Новгороде. И опять потери. Лишь с 1851 года, во время царствования императора Николая I, палата обрела покой в специально выстроенном здании. Вернулось к ней и прежнее почитание. Сюда поместили многочисленные царские регалии и богатые военные трофеи. С годами фонды палаты разрослись, и их описание могло бы занять отдельное многотомное повествование.

Глубокой осенью 1917 года в Оружейной палате появились красногвардейцы. Ходили по залам, пренебрежительно ощупывали ранее неприкосновенные исторические святыни, на пробу золота скребли штыками экспонаты, утирали руки и чистили сапоги шелком и бархатом трофейных знамен. Затем хранителям палаты представили нового хозяина кремлевского двора — Малиновского. Тот сразу же решил «разгрузить» переполненные петроградскими «довесками» хранилища. Начал было пускать с молотка ценнейшие музейные кареты бывшего Государева Колымажного двора, но по указу сверху торговлю на время пришлось свернуть. В политические игрища новой власти втянули хранителя Оружейной палаты Трутовского. Вспомите, как он усердствовал на тайном кремлевском совещании 28 февраля 1918 года. Позже под бдительным присмотром Малиновского Трутовский провел тщательную описную сортировку и упаковку в ящики отборных ценностей Оружейной палаты. Он же составил подробные описи имущества Патриаршей ризницы, всех соборов и монастырей Кремля. Теперь отчетная документация Трутовского стала точным «путеводителем» для комиссии Троцко-го — Базилевича.

Группу петроградских ювелиров в окружении зоркой охраны чекистов доставили в Оружейную палату. Художественная и денежная оценка ее сокровищ проходила под руководством директора Эрмитажа С. Н. Тройницкого и тогдашнего заведующего палатой Д. Д. Иванова. Вся сложность работы «спецов» заключалась в подетальной оценочной экспертизе многих изделий. Нетрудно было понять, что готовилась как полная их «ликвидация», то есть продажа и переплавка цельных вещей, так и «ликвидация» частичная — реализация отдельных деталей предметов и составляющих комплектов. Поэтому-то оценочная сумма художественных сокровищ Оружейной палаты в рапорте Базилевича Троцкому определялась по минимуму и максимуму.

Одновременно А. К. Фаберже, А. Ф. Котлер, Б. Е. Масеев и эксперт Гохрана Н. А. Дмитриев во главе с академиком А. Е. Ферсманом[206] приступили к формированию правительственного фонда драгоценных камней, некой скороспелой основы для будущего торгового синдиката, впоследствии величаво названного «Алмазным фондом РСФСР (СССР)». В распоряжении Ферсмана и его помощников оказались короны, бармы[207], скипетры, державы, торжественные одежды и украшения русских царей и императоров из хранилищ Оружейной палаты, а также царские регалии последних Романовых, частью привезенные упомянутым в рапорте Базилевича эшелоном из Нижнего Новгорода. А весь эшелон доставил в Москву последний неприкосновенный правительственный запас драгоценностей, вывезенных из Петрограда в конце февраля 1918 года. Те самые, о которых комиссар Флаксерман доверительно поведал Малиновскому накануне переезда правительственного кабинета большевиков. Конечно, оценка нижегородских ценностей в 5 миллионов золотых рублей была условной, и почти все художественные изделия из золота и с камнями нуждались в тщательной экспертизе.



Репродукции и оригинальные холсты с портретами российских самодержцев, членов императорской семьи и «реакционная» живопись, найденные комиссией по изъятию ценностей в трапезной Храма Христа Спасителя. Москва, 1922 г. ЦГА КФД РФ.

Доставка сокровищ с бриллиантами и другими драгоценными камнями, их прием, сортировка и работа ювелирных экспертов осуществлялись под неусыпным контролем Базилевича. Здесь тоже велась подетально-поштучная оценка. О первых прикидках гохрановской бухгалтерии, не раскрывая источника поступления ценностей, известили Красина. Отсюда и его письмо в Наркомфин. Небезынтересно, что в редких биографических исследованиях о цербере Особоуполномоченного Совнаркома — Базилевиче отмечается следующее: «...возглавлял работу по изысканию средств внутри страны, в процессе которой были обнаружены царские сокровища, так называемый Российский алмазный фонд»*. Насколько это соответствует истине, посудите сами.

Что же из сокровищ Оружейной палаты и коронационных драгоценностей было подготовлено Советским правительством к «ликвидации»? Перепись и оценочную экспертизу прошли все художественные изделия из золота, серебра и платины, исторические реликвии, царские регалии и ювелирные украшения с драгоценными камнями, живописные произведения и дорогостоящие уникальные поделки старинных художественных промыслов. Ленин подстраховался, и теперь объем реализации этих сокровищ всецело зависел от сбора «урожая» церковных ценностей.

---

* Герои гражданской войны. М., «Московский рабочий», 1974, с. 68.

С середины марта церковное добро стало понемногу стекаться в кладовые финотделов и Гохрана. Из окровавленной Шуи вывезли более 10 пудов серебряной утвари в придачу с жемчужными ризами и драгоценными камнями*. Добиться большего по всей Иваново-Вознесенской губернии реквизиторы пока не смогли. Сунулись было в церкви Тейкомского уезда, но получили решительный отпор. А в Лежневском уезде чересчур напористого представителя волостного исполкома крепко избили крестьяне. Свое недовольство властям высказали и рабочие местной фабрики**.

В храмах Калужской губернии удалось собрать свыше 109 пудов церковного серебра и более 6 с половиной фунтов золотых украшений. Но это тоже далось непросто. В Либкнехтовской волости разгневанные крестьяне устроили назидательный самосуд над уполномоченным по изъятию церковных ценностей и сопровождавшим его милиционером. В Борковский и Тарусский уезды пришлось высылать вооруженные отряды***.

В голодном Саратове верующие и духовенство позволили изъять из церквей только 3 пуда художественного серебра и несколько бриллиантов с иконных риз****.

Круто замахнулись на церковные ценности городские власти Владимира. 15 марта начальник местной милиции опечатал историческую святыню Российского государства и Русской православной церкви — Успенский собор, выстроенный во времена Андрея Боголюбского и Всеволода III. Готовился второй акт святотатства большевиков в этом соборе. Первый состоялся в феврале 1919 года. Тогда были вскрыты и осквернены святые мощи мучеников-князей Глеба, Георгия и Андрея Боголюбского. На сей раз после дерзкого решения власти слегка растерялись. Неделю простоял красноармейский караул у стен собора, пока не закончили «хождение в народ» уполномоченные губисполкома, отделов НКВД и ЧК. Прислушивались, припугивали и агитировали. Наконец 23 марта под усиленной охраной милиции и красноармейцев из Успенского собора вынесли около 5 пудов дорогостоящих церковных изделий из серебра, более фунта золотых украшений, вязанки бархатных, парчовых и шелковых облачений, шитых жемчугом, бисером, серебряной и золотой нитями, а также «обиходное имущество и инвентарь». 17 мая комиссия вновь вернулась в собор...*****

Вместе с тем в ряде губерний между местными властями и церковными приходами было достигнуто редкостное взаимопонимание. Если верить сводкам ГПУ, без сучка и задоринки было получено свыше 3 пудов церковного серебра и 66 драгоценных камней с окладов икон в Архангельской губернии. Кроме того, духовенство и верующие добровольно снесли в губпомгол почти 400 миллионов

---

* «Известия ВЦИК», 28 марта 1922 г.
** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2630, л. 19.
*** Там же, д. 2629, л. 96.
**** Там же, д. 2630, л. 39.
***** ГАВО, ф. 24, оп. 1, д. 396, л. 4; д. 390, л. 244.

Развалины церкви Св. Мирония лейб-гвардии Е. И. В. Егерского полка. 1930-е годы, Ленинград, набережная Обводного канала. ЦГА КФФД Санкт-Петербурга.

рублей совзнаками*. Не отстали от поморов и вологжане. Они собрали коло 800 миллионов рублей, да и против изъятия ценностей из церквей не возражали**. В Нижегородской губернии братия Оранского монастыря с согласия настоятеля доставила в комиссию помгола чеканный серебряный престол весом в 5 пудов***.

Однако подобные известия раздражали Троцкого. Он считал, что во многих местах изъятие ценностей проходит фиктивно, изымают ничтожную часть, не покушаясь на главное, и таким образом достигают «мирного» изъятия. Троцкий распорядился через Калинина разослать на места инструкцию с предупреждением о том, что за неполное изъятие ценностей местные органы власти отвечают «как за преступное нерадение» и что во всех местах, где проведено поверхностное изъятие, требовать повторного, полного и решительного.

В целом ход кампании явно не устраивал ни Политбюро, ни Совнарком. Как можно было сравнивать, к примеру, начальные доходы от изъятия церковного имущества с расходами Гохрана? Только за две недели марта из фондов последнего на «текущие» партийно-государственные «нужды» было выдано ценностей на сумму более полутора миллионов рублей золотом, в том числе 2485 пудов серебряного лома и 402 пуда серебряной монеты. Причем 10

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2630, л. 58.
** Там же, л. 20.
*** Там же, л. 28.

Оцепление конной милиции и возмущенная толпа у стен Страстного монастыря во время изъятия церковных ценностей. Москва, 1922 г. ЦГА КФД РФ.

обезличенных «мест» из разряда военных трофеев ушли без указания веса и адресатов, как «бесплатные». Расход Гохрана пришлось покрыть, разумеется, с лихвой, ценностями из новгородского запаса и Оружейной палаты. Всего 508 «мест» на сумму 6 062 682 рубля золотом, из них 419 «мест» были приняты Гохраном «без осмотра по натуре» с условной оценкой в 5 562 326 рублей. Установить поименно, что из ценностей было передано на текущие счета Гохрана, невозможно. В ведомости операционного отдела значатся художественные и ювелирные изделия из золота со стеклами, бриллиантами, камнями и в сочетании с другими благородными металлами общим весом в 17 пудов и 37 фунтов, платины в изделиях и слитках — 4 пуда и 39 фунтов, золотых часов — 256 штук, художественного серебра и монеты — 99 пудов, бриллиантов без оправы — более 50 каратов, по нескольку десятков опалов, топазов, сапфиров, аквамаринов, рубинов и прочее*.

Заметим, за те же две недели на счет помощи голодающим Наркомфин перечислил 1856 рублей 64 копейки золотом, но не даром, а за полученные от ЦК Помгола ценности: 2 с лишним фунта золотых и 22 фунта серебряных изделий, 5 золотых монет, 4 золотых часов, а также за 1022 романовских рубля, 940 рублей керенками и 2 доллара США**. Какая щедрость!

Троцкий продолжал нагнетать сатанинскую истерию. П. А. Кра-

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 127, л. 150.

** Там же.

сикову[208] он установочно «пояснял», что «главные церковные ценности уплыли за годы революции» и в храмах осталось только громоздкое серебро, а поэтому требовал предъявить иерархам церкви «прямое обвинение в организации вывоза церковных ценностей за границу». В очередном совершенно секретном письме членам Политбюро Особоуполномоченный по первое число всыпал центральной прессе. Будто бы та не понимает исторической важности момента в борьбе с церковниками и что «мельчайшая генуэзская дребедень занимает целые страницы». Ленин возликовал: «Верно! 1000 раз верно! Долой дребедень!»*

Вслед за «Правдой» и «Известиями» в атаку на церковь вновь двинулись красноармейские штыки, конная милиция и чоновцы. Ощетинились и приходы. Начались волнения верующих в Смоленской, Олонецкой, Тверской, Северо-Двинской, Вологодской, Костромской, Ярославской, Владимирской и других губерниях. Опять полилась кровь. Под занавес кампании по изъятию ценностей та же центральная пресса насчитает около 1414 столкновений между представителями власти и прихожанами церквей. Нередко в роли государственных реквизиторов выступали «вольные» грабители, благо те и другие были удивительно похожи. Например, во время одного из богослужений в соборный храм Старорусского монастыря ворвались трое вооруженных молодцов и потребовали немедленной сдачи отборных церковных ценностей в помощь голодающим. Но вот по части мандатов они оплошали. Верующие вознегодовали, и незадачливые грабители бежали. Молва о покушении на монастырские святыни быстро облетела округу. К монастырю повалили крестьянские повозки. Власти же вместо розыска по горячим следам трех уголовников направили в монастырь красноармейцев из местной дивизионной школы и ...разогнали верующих**.

Но самые драматические события разыгрались в стольных городах.

В Москве по воле Троцкого операцией руководила «секретная ударная комиссия» под председательством Т. В. Сапронова[209] и с участием И. С. Уншлихта, Р. С. Землячки[210] и М. В. Галкина[211]. Подготавливались уполномоченные, отряды НКВД, в церковные приходы внедрялись агенты ОГПУ, чекисты усиленно собирали «контрреволюционные» сведения о духовенстве и локализовали связи внутри епископата. Действия «ударников» старательно прикрывала Центральная комиссия Помгола. Во второй половине марта Москву захлестнули инсценированные собрания «трудовых коллективов», на которых демонстрировали полуживых крестьян из голодных губерний, но, как требовала инструкция, только тех, «о которых выяснено, что они действительно являются сторонниками изъятия». Показ голодающих иногда сопровождали выступлениями священников-обновленцев, подготовленных должным образом в ГПУ.

---

* РЦХДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 27072, л. 1.
** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 26?0, л. 47.

«Рудники» мировой революции. Сбор «утиля» в фонд «красных обозов». Церковная утварь из закрытых и разрушенных храмов. Ленинград, зима 1930 г. ЦГА КФФД Санкт-Петербурга.

И вот в 20-х числах марта в храмах Москвы и Московской губернии началось изъятие ценностей. Оказалось, что все агитационные спектакли подействовали на население слабо. Крупные столкновения членов комиссии с прихожанами и демонстрации протеста против бесчинств властей прошли в Богоявленской церкви в Хамовниках, в Знаменской, Покровской и Преображенской церквах в Сокольниках, у стен Страстного и Симонова монастырей... Бунтовали верующие Орехово-Зуевского, Можайского, Дмитровского и Ростовского уездов. Но и это было на руку большевикам. 25 марта Молотов отбил циркуляр для партийного руководства Москвы, Питера, а заодно и губкомам, в котором еще раз напомнил: «Политическая задача состоит в том, чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на конкретном вопросе помощи голодающим и затем показать им суровую руку рабочего государства, поскольку эти верхи осмеливаются восставать против него»*.

Сказано — сделано. В Москве сфабриковали обвинения в «антисоветских выступлениях» большой группе священнослужителей и мирян. А 26 апреля началось судилище, вошедшее позором в историю большевизма под названием «процесса 54-х». Его итогом стали 11 смертных приговоров и тюремные заключения на различные сроки. Избежать наказания удалось только 14 осужденным. В зал суда в качестве свидетеля был приглашен патриарх Тихон. Свиде-

* Быв. ЛПА, ф. 16, оп. 9, д. 9256, л. 8.

тельские показания святейшего закончились его арестом. Колесо репрессий покатилось. И не только по России. В Мозыре расстреляли священника Кульчицкого, в Купянске — священника Мухина, в Харькове ревтрибунал приговорил к принудительным работам наместника Покровского монастыря и двух священников, за распространение воззваний патриарха Тихона в Гомеле арестовали архиепископа Могилевского Мстиславского Константина...*

Пока эхо «страшного суда» катилось по стране, московские реквизиторы вели подсчет добычи. Итоги радовали. Из столичных храмов было вывезено более 2 пудов золота и 3 тысяч пудов серебра в изделиях, 3658 бриллиантов и алмазов, 1178 рубинов, 1387 изумрудов, 902 прочих драгоценных камня и еще тех же на вес — 1 пуд и 72 золотника. Отдельной описью шли ювелирные изделия: 6 золотых украшений с бриллиантами и алмазными розами, серебряная корона с 50 бриллиантами и две гранатовые короны, 4 серебряных венчика с окладов икон, украшенных бриллиантами и сапфирами, 8 венчиков, отделанных старинным жемчугом, 10 звезд с алмазными розами и бриллиантами, 2 стихиря в золотых чеканных окладах с расписной эмалью и драгоценными камнями, свыше 2 пудов высокохудожественной бронзы, 83 жемчужные ризы с икон, крупная алмазная ветка, 40 жемчужных украшений, опоясанных бриллиантами, и большое количество церковной утвари и одежды с дорогостоящей отделкой. В 385 храмах Московской губернии собрали около полутора тысяч пудов церковной серебряной утвари и окладов с икон, 21 фунт золотых украшений и 7548 штук драгоценных камней**.

Не меньший, а может быть, и больший доход ожидали большевики от богатых петроградских храмов. Поначалу действовали не торопясь. Реквизиция ценностей из действующих соборов и церквей в Петрограде началась 21 апреля 1922 года, в канун пятидесятидвухлетия вождя Великой революции. Однако уже в середине января среди прихожан петроградских храмов пробежала волна тревоги и вселилось предчувствие беды. В церкви зачастили заведующие церковными столами райсоветов, которые, пренебрегая временем богослужений и козыряя мандатами исполкомов, по-хозяйски ощупывали утварь, образа, мебель, заносили их в опись и заполняли анкеты на священнослужителей. Ясность внесло постановление ВЦИКа.

После «технической» проработки плана операции петроградские власти приступили к расстановке сил. В итоге против 83 православных и 13 иноверческих приходов в двух районных подкомиссиях, разбитых на группы, выставили 103 «политически благонадежных» уполномоченных (из них 102 имели партийные билеты)***. В боевую готовность приводились отряды милиции, военных школ и оперативные группы чекистов.

---

* «Руль» (Берлин), 11 июня 1922 г., 27 июня 1922 г.

** По материалам: РЦХДНИ, ф. 17, оп. 60, д. 336, лл. 81, 82; «Накануне» (Берлин), 11 мая 1922 г. (по сообщениям РОСТА).

*** ЦГАОР СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 128, лл. 40—114.

Тем временем за суетой приготовлений, начиная с первых чисел апреля, в сумерках свозили в губфинотдел имущество ранее закрытых, в большинстве домовых, церквей. Руководил вывозом по мандату Базилевича гость из Москвы, Савелий Егоров — представитель означенной особы по Петрограду и Северо-Западной области. Работа шла размеренно и без волнений, правда, случались разочарования, как, например, в Покровской церкви при бывшем Сиротском институте. Прибыв на место, комиссия после осмотра вещей и допроса свидетелей записала в акте следующее: «...Ввиду того, что церковь была три раза взломана и обокрадена, наличие предметов ценного металла не соответствовало описи Музейного Отдела от 1918 года, а также некоторые предметы, помеченные серебряными, оказались медными посеребренными»*. Досадно, но, как говорится, дело наживное.

В назначенный день ударила «красная сотня».

Судя по архивным документам, особым усердием выделялся в среде реквизиторов товарищ А. М. Мичурин — заведующий церковным столом 1-го городского района. Без церемоний мичуринцы враз опустошили несколько церквей. Особенно повезло в храме Иоанна Предтечи: кроме 20 с лишним пудов серебра, удалось наковырять из окладов икон и украшений без малого полсотни бриллиантов и несолько изумрудов**.

Опьяненные успехом районные гвардейцы колесили на грузовиках Военной автоброневой школы по церквам и подворьям с утренней зари до глубокой ночи. Весовщики финотдела скрупулезно взвешивали доставленное: церковь Волкова кладбища — 15 пудов 6 фунтов 59 золотников серебра, Знаменская церковь — 33 пуда 38 фунтов 79 золотников, Княже-Владимирский собор — 28 пудов 5 фунтов 39 золотников...***

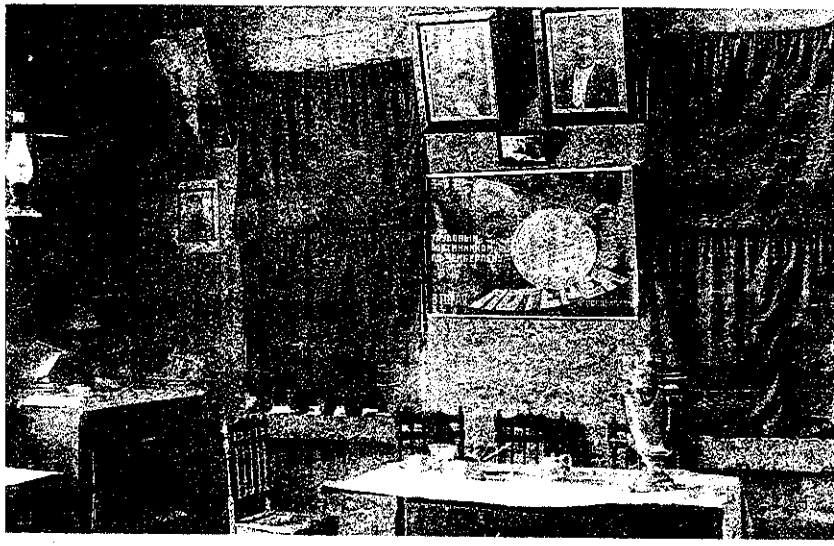
Петроградским «конкистадорам» не терпелось поскорее представить победный рапорт Чрезвычайной комиссии. Газеты же пестрели сообщениями РОСТА:

«На основании телеграфных сообщений местных финотделов, в 45 губерниях на 15 мая изъято по России: золота — 17 пудов 63 золотника, серебра — 9436 пудов 18 фунтов 35 золотников, прочих металлов — 27 пудов 15 фунтов 16 золотников, бриллиантов — 7997 шт. весом 39 фунтов и 22 золотника, драгоценных камней — 18 303 шт. ...Наибольшие поступления дали: Московская губерния, Украина, Костромская губерния, Сибирь и Ярославская губерния»****.

Переживавший за питерцев Мичурин с раздражением торопил подопечных, да так, что за их действиями не всегда поспевали эрмитажные «спецы», поэтому в будущий лом зачастую обращались подлинные шедевры национального искусства. Надо заметить, что

---

* ЦГАОР СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 128, л. 33.
** Там же, л. 191.
*** ЦГАОР СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 128, л. 191.
**** «Петроградская правда», 20 мая 1922 г.



Интерьер «красного уголка» колхоза им. Сталина в селе Зеленково. «Трудовым полтинником по Чемберлену». ЦГА КФД Москвы.

безграничный «пролетарский» энтузиазм обнажился не только в Петрограде. Калинин был вынужден несколько поохладить пыл неуемных старателей циркулярным нравоучением: «Ввиду того, что пункт 6 Инструкции по изъятию исторических музейных ценностей в некоторых местах нарушался, Президиумом ВЦИК предписывается следить за точным выполнением указанного пункта. О производстве изъятия комиссии должны своевременно совещаться с Губмузеем. Неявка представителя Губмузея не приостанавливает производимых изъятий (?!). Как можно строже следить за тем, чтобы при упаковке и перевозке музейно-исторических ценностей они бы предохранялись от всякой порчи и поломки. За исполнение проведения сего ответственность возлагается на Предгубисполкомами»*.

Прибавилось хлопот Мичурину и после изъятия ценностей из Александро-Невской лавры. Оттуда в губфинотдел было перевезено более 41 пуда серебра и 4 фунтов золота, а также 40 бриллиантов**. Часть золота и драгоценных камней украшали священные церковные предметы, и верующие настаивали на возвращении их в лавру. Тяжба грозила затянуться. Выкуп священных предметов инструкции допускали, и по Петрограду лихорадочно собирались ювелирные изделия и всякий серебряный лом для обмена на отобранные святыни. Однако расставаться с бриллиантами и золотом властям не хотелось. Наконец поступило долгожданное распоряжение «свер-

* ЦГАОР СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 128, л. 191.
** Там же, лл. 90, 191.

ху»: «Все драгоценные камни и золото на оставленных предметах должны быть изъяты без замены»*. В результате «обмена» в лавру возвратились покалеченные святыни.

События в Александро-Невской лавре не ограничились изъятием ценностей. Лавра стала бельмом в зорких глазах Мичурина и руководства губисполкома. Все еще было впереди.

И все-таки Мичурину было чем гордиться. О его походе в Новодевичий монастырь «Петроградская правда» сообщила следующее: «...Изъято всего 30 пудов. Главную ценность представляют две ризы, усыпанные бриллиантами. На одной только иконе оказалось 151 бриллиант, из которых 31 крупных... Кроме того, на ризе были жемчужные нитки и много мелких бриллиантов. На другой иконе оказалось 73 бриллианта... 17 рубинов, 28 изумрудов, 22 жемчуга. Большую ценность также представляют венчики икон, почти сплошь усыпанные камнями... Все это вместе с актами изъятий доставлено в кладовые Губфинотдела. По определению оценщиков Губернского Финансового Отдела, все эти камни представляют крупную ценность, так как один бриллиантовый карат теперь оценивается в 200 миллионов рублей. Таким обраом, изъятые ценности Ново-Девичьего монастыря стоят в общей сложности около ста миллиардов»**.

Мичурин стал знаменит.

Тем не менее его сотоварищи по 2-му городскому району преуспели больше. Соборы и церкви у них оказались побогаче. Из одного только Казанского собора было забрано 129 пудов 37 фунтов и 20 золотников серебра***. На меньшее и не рассчитывали, хотя и повозились изрядно. Не один раз пришлось губкомовцам столкнуться с работниками музеев. Спор разгорелся из-за знаменитого иконостаса Казанского собора. Иконостас был изготовлен из трофейного серебра, добытого легендарными казаками атамана Платова в бою с наполеоновскими войсками. Стоял иконостас по чести, как раз против могилы светлейшего князя Смоленского генерал-фельдмаршала Кутузова. Долго рядились между собой уполномоченные и эксперты Эрмитажа. Послали запрос в Москву Троцкой. Ответа не последовало. И вот постфактум — телеграмма заведующего Петроградским отделом музеев Ятманова той же Троцкой: «Иконостас Казанского собора разбирается. Протестовал безрезультатно. Петроградские специалисты и ученые протестуют. Марр[209], Ольденбург[210] вышли в отставку»****.

А вот что сообщила «Петроградская правда» о судьбе святынь всемирно известного Исаакия:

«18 мая проходило изъятие ценностей из Исаакиевского собора. Изъятые ценности вывезены на 2-х грузовых автомобилях. При

---

* ЦГАОР СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 128, л. 90.

** «Петроградская правда», 5 мая 1922 г.

*** ЦГАОР СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 128, л. 191.

**** Копия документа из коллекции Музея истории религии и атеизма (ныне Музей истории религии, СПб.). Предоставлена О. П. Мироненко.

«На антирелигиозном фронте безбожный завод». Директор Ленинградского завода № 1 — безбожник тов. Якобсон. ЦГА КФФД Санкт-Петербурга.

изъятии присутствовало много публики, содействовавшей в работе членам комиссии. Ценности доставлены непосредственно в Губфинотдел, где производится точная опись и взвешивание их»*.

Чудеса, да и только. За иконостас в Казанском соборе шла неистовая борьба, а при вывозе сокровищ Исаакия вдруг находится

* «Петроградская правда», 20 мая 1922 г.

много добровольных помощников, по случаю оказавшихся у подножия собора. Откуда такой поток «революционной сознательности»? Оказывается, согласно секретной директиве Троцкого в момент изъятия ценностей в храме «коммунисты должны быть на всех соседних улицах, не допуская скопления, надежная часть, лучше всего ЧОН, должна быть поблизости»*.

Долгие годы в опустошенном и мертвом памятнике-музее был выставлен на всеобщее обозрение фотоснимок, запечатлевший сваленную на пол ослепительную кучу священной утвари и окладов икон собора. Гордость за содеянное, и, по мнению партийцев, небезосновательная. После взвешивания и сортировки художественных изделий в лом было отправлено свыше 11 пудов серебра и 3 пуда 4 фунта 53 золотника и 22 доли золота. Гохран получил 30-каратовый бриллиант и больше дюжины крупных сапфиров и рубинов. Сбор «музейного» серебра составил около 43 пудов, не считая золотого и серебряного шитья общим весом в 13 пудов**.

Возможно, успехи соседей уязвили самолюбие начальника церковного стола 1-го городского района, а может быть, просто в нем не на шутку разгорелась алчность хозяина. Во всяком случае, очистив храмы от драгоценностей раньше других, реквизицию Мичурин не прекратил. Сначала он собрал и вывез в кладовые райисполкома из всех закрытых церквей (некоторые из тех, что еще действовали, закрыл на ходу) все бархатные портьеры, шелковые шторы и завесы от царских врат. Свои покои или исполкомовские хоромы собирался обустраивать Мичурин — неизвестно, но этого показалось мало. 3 июля он выбил новый мандат, согласно которому ему поручалось вывезти из всех закрытых церквей, находящихся на территории 1-го городского района, имеющиеся в них решетки или перила***.

Нельзя сказать, что святотатство и ухарство столоначальников не вызывали народного гнева. Верующие Питера болезненно переживали бесчинства властей, и хотя духовенство всячески пыталось уберечь паству от какого бы то ни было сопротивления уполномоченным, без столкновений не обошлось. Некоторые из них стоит перечислить (цитируем официальные донесения властей): Братская церковь — побои, нанесенные членам комиссии толпой; Творожское подворье — нападение на членов комиссии и побои; церковь Александра Свирского — швыряние в членов комиссии камнями и разбитие стекла в автомобиле; Коневская часовня — избитие членов комиссии; Черменецкое подворье — нападение на членов комиссии и побои****. На 6-й Рождественской улице у церкви Рождества Христова, по словам председателя подкомиссии, собралась толпа до 800 человек, в основном малолетние дети, подростки и женщины. Осыпали комиссию бранью и проклятиями. Для разгона пикетчиков бросили три десятка кавалеристов и отряд красноармей-

* РЦХДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 283, лл. 6, 7.
** ЦГАОР СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 128, л. 212.
*** Там же, лл. 178, 182.
**** Там же, л. 3.

цев. Были волнения и митинги протеста на заводах и фабриках.

На судебном процессе над петроградским духовенством и мирянами назовут 14 случаев сопротивления властям, однако к ним будут отнесены и такие факты: «Была большая масса железнодорожников, старух и детей, враждебно настроенных против комиссии и Советской власти» (из заявления уполномоченного Александра Сосульникова по изъятию ценностей из церкви Купеческой богадельни)*.

Туда же отнесут и «самое крупное выступление контрреволюционных церковников» 15 марта у Казанского собора, где с ведома митрополита Вениамина при большом стечении народа были оглашены известия о шуйской трагедии и послание патриарха Тихона с предостережением от повторения подобного. Произволом властей возмущались тысячи городских прихожан, но не более того.

В целом благодаря усилиям и сдержанности духовенства, изъятие ценностей из храмов Петрограда обошлось без трагедий. В кладовые губфинотдела было доставлено более 4 пудов золотых и 1024 пуда серебряных изделий, а также 3690 бриллиантов различной величины. Из них в фонд Гохрана передали свыше 3 пудов золота, 665 пудов серебра, 1028 бриллиантов и 367 других драгоценных камней**.

По сравнению с Москвой большевики в Петрограде получили меньший «навар». Но разве можно оценить в весовом выражении лучшие образцы церковного искусства и национальные святыни бывшей столицы? И как не учитывать, например, картину Гольбейна[211] «Христос с учениками» и множество других живописных полотен русских и западноевропейских мастеров, художественную мебель и фарфор? Да и что могли знать о ценности национальных сокровищ слепые исполнители воли революционных инквизиторов, если в описях и актах, составленных «благонадежными» уполномоченными, имеются такие записи: «Изъято камней неопределенного достоинства и величины следующее количество: больших зеленых в желтой оправе, квадратных — 2 штуки; большой выпуклый полукруглый белый камень в желтой оправе — 1 штука; больших красных квадратных в желтой оправе — 2 штуки; одна большая звезда с 6-тью рогалями, по два камня в каждом, в середине пустая; две звездочки маленькие, в середине красный и зеленый камни; два цветка с красными камнями, по шесть штук в каждом; брошь одна, в середине зеленый, а по бокам простых два камня» (из описи изъятых вещей в церкви бывшего дома Воронцовой-Дашковой)***.

Большевистская волна варварства будоражила мир не меньше, чем апокалипсис голода. Руки помощи Русской православной церкви и народу тянулись со всего света. По сообщению официального печатного органа Ватикана «Оссерваторо Романо», Святым Престолом через Чичерина Советскому правительству было сделано пред-

---

* ЦГАОР СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 128, л. 95.

** Там же, л. 211; «Накануне» (Берлин), 6 августа 1922 г.

*** ЦГАОР СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 128, л. 144.

Вскрытие святых мощей великого князя Александра Невского. 12 мая 1922 г., Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры в Петрограде. ЦГА КФФД Санкт-Петербурга.

ложение о выкупе священных церковных предметов. Кремль промолчал...

А что же со «школой классовой борьбы» для питерского пролетариата, о которой так мечтал Ленин? Уроки, конечно, состоялись. Первый вызов на единоборство с властью был брошен митрополиту Вениамину в самый разгар кампании по изъятию ценностей. И на сей счет был особый замысел, и тоже потрясающий кощунственной изощренностью.

С утра 12 мая 1922 года в комнате № 4 исполкома 1-го городского района появились люди с нехитрым слесарным инструментом. Прибытие каждого из них в госучреждение регламентировали специальные партийные мандаты на имя заведующего отделом управления товарища Ершова. Вот один из них:

«Согласно предписанию Райкома от 9 мая 1922 г. направляются в Ваше распоряжение тов. Урбанович и Наумов с инструментами для участия в вскрытии мощей в Александро-Невской Лавре»*.

Похожие документы имели еще девять слесарей-железнодорожников и ювелир А. Семенов. Руководителем группы был назначен сам Ершов. Ближе к полудню чертова дюжина удальцов-умельцев прикатила во двор лавры, к тому времени уже многолюдный. Были здесь и делегаты от верующих города и уезда, представители Петроисполкома и губкома, агитотдела и печати, радетели от общества охраны памятников старины и медицинские эксперты. Чуть поодаль

* ЦГАОР СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 128, л. 130.

от толпы держалась группа священнослужителей во главе с митрополитом Вениамином.

Ровно в 12 часов дня подручные Ерошова приступили к вскрытию, а точнее, к публичному осквернению святых мощей благоверного князя Александра Невского. Истинные мотивы акции, разумеется, были далеки от официального утверждения о «запоздании материалистического прозрения» питерцев, почему якобы и произошла почти двухлетняя задержка со вскрытием. Дело в другом: в болезненно ревностном отношении митрополита Вениамина к одной из великих святынь не только Петрограда, но и всей России.

Дважды, весной и осенью 1919 года, владыке удалось уберечь от поругания мощи Александра Невского. В последнем письме председателю Петросовета Зиновьеву 15 сентября того же года митрополит Вениамин, с присущими ему выдержкой и тактом, написал следующее: «...Вскрытие заколоченного гроба Святого князя нового ничего не обнаружит, но только больно повлияет на верующие души... Желая успокоить верующих и выяснить положение вопроса о вскрытии раки благоверного князя, обращаюсь к Вам, гражданин Зиновьев, как стоящему во главе петроградского правительства, с просьбой от лица многих тысяч верующих, в числе которых немало рабочих и крестьян, приведенной в начале резолюции, не придавать значения и не приводить ее в исполнение и этим дать мне возможность успокоить многие тысячи взволнованных людей. Доброжелательная церковная политика петроградского правительства дает мне уверенность надеяться, что настоящая просьба многих тысяч граждан будет услышана и исполнена, их религиозная свобода не будет ограничена и стеснена»*.

Тогда дипломатия митрополита подействовала. В этот раз все увещевания властей были тщетны. «Доброжелатели» твердо задались целью спровоцировать «контрреволюционный» выпад доведенного до отчаяния Вениамина как иерарха, ответственного по церковным положениям за сохранение святыни, путем циничного оскорбления религиозно-нравственных чувств.

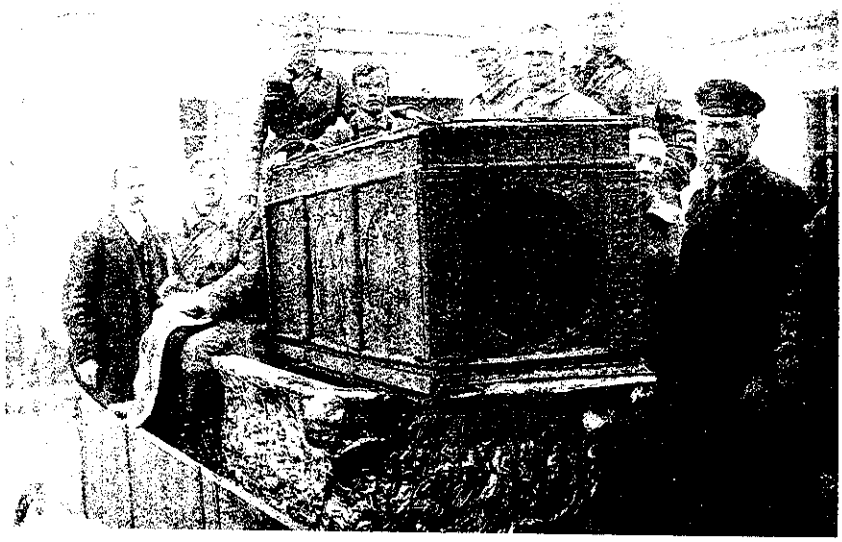
Итак, 12 часов дня 12 мая 1922 года. О событиях в Троицком соборе рассказывает газета «Петроградская правда»:

«Направо от алтаря холодным блеском светит серебряная стена, вся в скульптурных фресках; тут же серебряные латы и шлем. У стены — огромная серебряная рака, тоже с большими серебряными украшениями в стиле Растрелли, что вполне возможно, так как постановка раки относится ко времени Елизаветы Петровны. И серебряная облицовка стены и самой гробницы вместе весит около 86 пудов».

Далее досужий репортер, как истинный материалист, четко разграничил два мира, представив первый кинооператорами и фотографами, а второй, гибельный, — митрополитом и настоятелем собора.

---

* По архивным материалам: «Ленинградский рабочий», № 27 (2848), 6 июля 1990 г.



Вывоз раки великого князя Александра Невского после вскрытия мощей из Троицкого собора Александро-Невской лавры. Петроград, 12 мая 1922 г. ЦГА КФФД Санкт-Петербурга.

Но вот настоятель приподнимает верхнюю часть саркофага: «Тут все: и верующие, и неверующие впились глазами в середину гроба. Что же в нем? Там пусто. На дне лежит лиловый атласный покров, в изголовье новенькая подушка из оранжевого атласа, а посередине небольшая шкатулка из светлого дерева, как бы накануне от мастера. Отпирают шкатулку, под крышкой оказывается застекленная рамка, затем вынимают оттуда куски какой-то материи, затем истлевшие остатки от схимы[212] великого князя, а на самом дне бурые истлевшие кости, да и тех очень немного, с пригоршню, не больше. Эксперты определили, что здесь имеются две неполные берцовые кости, одно ребро, остатки от височных костей и ключиц. Вот и все «мощи»*.

Тут же на священнослужителей посыпались вопросы: почему во время пожаров во владимирском соборе (в 1491 году) и шлиссельбургском павильоне (в 1723 году), где ранее хранились мощи, сгорели останки князя, а не сгорела матерчатая схима и откуда в саркофаге появилась новенькая кипарисовая шкатулка? Первый вопрос, по сути, остался без ответа, а на второй пастыри дали разъяснение: летом 1917 года, при наступлении немцев, лавра готовилась к эвакуации и раку готовили к вывозу из Петрограда, поэтому мощи переложили в шкатулку. Однако тогда никто из присутство-

* «Петроградская правда», 13 мая 1922 г.

вавших в соборе не обратил внимания на одну деталь. В шкатулке с мощами находилось два документа или записки. Первая:

«1681 года мая 20 день собраны сия мощи благоверного князя Александра после церковного горения, тогда бо погореша вси иконы».

И вторая: «Акт. 1917 года Июля 24-го дня мы нижеподписавшиеся: Сергий Архиепископ Финляндский и Выборгский, Вениамин, Архиепископ Петроградский и Гдовский, Архимандрит Артемий и ризничий Александро-Невской Лавры Архимандрит Авраамий, произвели осмотр останков святых мощей Благоверного Князя Александра Невского, почивающих в Свято-Троицком Соборе Александро-Невской Лавры, при чем святые мощи были положены в новоустроенный кипарисовый ящик»*.

Заметим, с лета 1917 года неожиданно стали распространяться слухи, будто бы в период революционных страстей 1905 года, опасаясь осквернения святыни, некие монахи куда-то скрыли мощи великого князя. Но, судя по этим двум документам, с мая 1681 года вышеназванные духовные лица были первыми, кто увидел останки Александра Невского, ибо каждое вскрытие полагалось оформлять надлежащим актом, а других документов в ларце не было. Мог ли митрополит Вениамин, а в то время архиепископ, подменить или частично изъять святыни? Вполне возможно, потому что дата последнего вскрытия мощей приходится на период кризиса власти, и были все основания для проявления пастырского беспокойства. Во всяком случае, неожиданное появление ложных слухов о «подвиге» монахов, уцелевшая схима князя и отсутствие документального подтверждения об утрате части останков во время второго пожара в 1723 году наводят на подобное размышление. К сказанному добавим, пожалуй, самое главное — все время изнурительной процедуры варварства, к величайшему разочарованию устроителей этой акции, митрополит Вениамин сохранял полное спокойствие. Что знал, о чем думал и что переживал владыка в те жуткие часы — тайна пастырской совести, и свидетелей тому нет, а те, кто и мог бы что-то сказать, ушли в мир иной, сохранив верность своему духовному наставнику.

Спровоцировать митрополита не удалось, и власть имущие укатили восвояси, прихватив с собой церковное серебро. Часть его обратят в лом, в том числе барельефную облицовку стены. Большую раку великого князя отправят в Эрмитаж, малая, или внутренний саркофаг, — бесследно исчезнет.

Некоторое время спустя митрополита Вениамина попытались втянуть в газетную дискуссию с Введенским. И опять «поймать» владыку на «контрреволюционности» не удалось. В конце концов Вениамина арестовали и предали суду по надуманным обвинениям: якобы владыка всеми силами препятствовал изъятию ценностей и возбуждал у верующих антисоветские настроения. Многие историки и юристы сейчас утверждают, что состав обвиняемых на петрог-

* ЦГА КФФД СПб., инв. № Др-1125.

радском процессе большей частью был подобран (?!) случайно. Приведем строки из речи общественного обвинителя Смирнова: «В этом подборе капитанов 1-го и 2-го рангов, сенаторов, профессоров и адвокатов трудно разобраться, и придется призадуматься, что очень не случайно сидят они вместе на скамье подсудимых. И их по делам должен постигнуть суровый приговор пролетарского суда»*.

Задуматься действительно стоит, хотя бы потому, что из 87 обвиняемых 65 человек имели высшее образование. Осудили 59 человек, из них десятерых приговорили к расстрелу с конфискацией имущества и 22 представителя из числа уличных зевак пролетарской милостью оправдали.

Приговор трибунала вызвал волну протеста. Кто только не хлопотал о помиловании осужденных: рабочие заводов и фабрик, врачи и ремесленники, учителя и мелкие торговцы, портовые грузчики и ученые. Академики Ольденбург и Марр, которые еще недавно отстаивали иконостас Казанского собора, теперь ходатайствовали перед Калининым об отмене расправы над жертвами судилища: «Процесс так называемых церковников привел опять к смертным приговорам, хотя для всех ясно, что ни по каким законам никаких оснований для смертных приговоров не было... История вверила Вам и Вашим товарищам судьбы России, не допускайте того, чтобы приговоры, подобные приговору по делу церковников, мешали строительству страны, отмените эти ненужные, вредные казни. Говорим в настоящем деле тем свободнее, что мы не церковные люди и потому можем отнестись к делу более справедливо и беспристрастно»**. Сами осужденные подали кассационные жалобы. Власти «нашли возможным» отменить смертный приговор шестерым, остальным — оставили в силе. Но утром 14 августа 1922 года, когда ходатаи и защитники осужденных пришли в дом предварительного заключения, им было сказано, что митрополит Вениамин и трое приговоренных к высшей мере наказания «потребованы и уже отправлены в Москву». «Москвой» для них оказался безымянный пустырь в нескольких верстах от Петрограда. В ночь с 12 на 13 августа митрополит Вениамин, архимандрит Сергий, председатель правления Общества приходов профессор Ю. П. Новицкий и бывший юрисконсульт Александро-Невской лавры И. М. Ковшаров[213] были расстреляны. Тем самым завершился ленинско-троцкистский разгром патриаршей церкви в Петрограде. В Москве же одного церковного процесса властям показалось мало. В августе сфабриковали второе дело о «сопротивлении изъятию церковных ценностей и контрреволюционной агитации» в столице. На скамью подсудимых отправили уже 115 человек. В числе главных обвиняемых значились: А. И. Успенский, ученый-археолог и доктор богословия, историк русского церковного искусства, много лет отдавший реставрации памятников Кремля и старой Москвы, его брат — благочинный М. И. Успенский, тоже знаток и

---

* «Красная газета», 1 июля 1922 г.

** ЦГА РСФСР, фонд НКЮ, «Дело м. Вениамина».

ценитель церковного искусства, профессора бывшей Петровской сельскохозяйственной академии Борисов и Тульский, протоиерей Арсеньев и священник Славский, проповедник.

Суды над священнослужителями и верующими в свете правительственной кампании по изъятию церковных ценностей продолжались в России до весны 1923 года. Одно из последних заседаний ревтрибунала состоялось в Екатеринодаре. За «открытый бунт» в Ейске к различным срокам тюремного заключения приговорили 18 священнослужителей и мирян.

На конец 1922 года число жертв от судебных расправ по «церковным делам» перевалило за 6 тысяч человек*. И это только священники, монашествующие, монахини и послушницы, не считая просто верующих. Не перечесть и тех, кто почил или томился в тюрьмах и лагерях. А многие сроки были похлеще смертных приговоров, как, например, «бессрочное тюремное заключение с тягчайшими принудительными работами и лишением права на свидание с родными» или заключение в лагерь принудительных работ «до окончательной победы рабоче-крестьянской власти над мировым империализмом, с лишением общественного доверия».

1 июня 1922 года член президиума ЦК Помгола Винокуров в беседе с корреспондентом РОСТА огласил предварительные результаты изъятия церковных ценностей. В гохрановский фонд поступило: более 17 пудов золота и 11 415 пудов серебра, бриллиантов и алмазов — 13 581 штука весом в 1165 каратов, 3835 жемчужин и 9 жемчужных ниток весом 2 пуда и 11 фунтов, других драгоценных камней — 31 282 штуки весом в 1 пуд 19 фунтов, монет по номинальной стоимости в рублях — 7116 серебром и 772 золотом, а также «много разных ценных предметов»**.

Винокуров заявил, что, мол, авансом в счет этих поступлений Наркомфин уже выделил около 2 миллионов рублей золотом на закупку семян пшеницы и кукурузы, муки в Финляндии, рыбы и сельдей в Норвегии. Обещал и впредь по мере поступления церковных ценностей в Гохран закупать продовольствие и осуществлять «трудовую помощь голодающим». Кто верил заявлениям Винокурова, а кто и нет. Многие уезды, в том числе в Московской губернии, так и остались не охваченными кампанией варварства. Где народ не подпустил уполномоченных к святыням, а где сами совдепы отказались от участия в «духовной революции». Правда, никто не скажет, что Помгол не выполнял обязанности. Однако эти 2 миллиона рублей были ничтожной суммой по сравнению (да простит нас Господь!) с допустимой денежной стоимостью изъятых церковных богатств. Но в Совнаркоме делиться с голодающими даже на равных не хотели. Львиная доля принадлежала властям. 6 июня 1922 года на заседании СНК было принято постановление о повсеместной ликвидации «тро-

---

* «К канонизации новомучеников российских». Материал Комиссии Священного Синода РПЦ по канонизации святых. М., 1991, с. 30.

** «Накануне» (Берлин), 7 июня 1922 г.

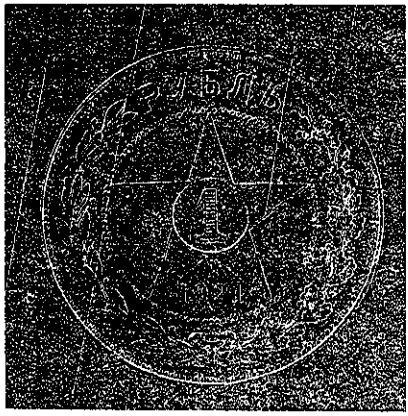
Ящики с высокохудожественными церковными ценностями в Гохране. Москва, 1923 г. ЦГА КФД РФ.

ек», в свое время созданных Особоуполномоченным, и об окончании в месячный срок досылки ценностей губфинотделами*.

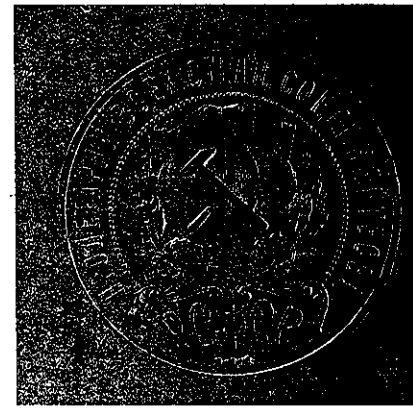
Дело реализации ценностей было поручено заместителю Предсовнаркома А. И. Рыкову[214]. Реализация предполагалась по трем направлениям: промышленная переработка церковного серебра и золота для Наркомфина, формирование «алмазного фонда» Гохрана и отбор художественных изделий для Эксупра Внешторга. Естественно, подавляющая часть церковного добра шла в переработку. Уже по ходу работ ликвидационный фонд разрешили выборочно осмотреть экспертам Главмузея и отобрать нужные экспонаты, если таковые найдутся. И вот тут-то некоторые из музейщиков прозрели и предприняли попытку, пожалуй, единственно тогда возможного спасения хоть каких-то произведений церковного искусства позднего периода, да и древних сокровищ, приговоренных к ликвидации «по недосмотру». 1 июля 1922 года под нажимом экспертов Троцкая удосужилась подписать отношение в Центральную комиссию Помгола на имя Винокурова:

«Главмузей считает необходимым обратить Ваше внимание на то, что на основании имеющихся у Главмузея сведений и сообщений его экспертов, работающих в Гохране, часть предметов, изъятых в Помгол, идет в настоящее время в сплав. Между тем означенные предметы могли бы быть использованы как предметы искусства и старины в большей степени, чем в настоящее время, при реализации

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 341, л. 12.



Серебряный рубль образца 1922 г. Аверс. Из коллекции Н. В. Харченко, г. Барнаул.



То же. Реверс.

их на иностранном рынке и преимущественно на Ближнем Востоке, например, в Сербии, Болгарии, Армении и в Константинополе. Здесь церковная утварь русского производства всегда находила хороший сбыт, и в настоящее время, после 8-летнего перерыва в сношениях, особенно ощущается нужда в этих предметах.

Англия и Франция также интересуются некоторой отраслью русского ювелирного производства, сканными работами, предметами из финифти и перегородчатой эмали и т. п.

Главмузей не раз уже обращал внимание на нерациональное использование прекрасных образцов русского производства 18-го века, а также и 19-го века, остающихся в Фонде Помгола, которые могли бы пойти как материал для продажи за границу и которые дали бы больше, чем если бы они были обращены в сплав.

Из поступивших в Гохран 17 тысяч пудов (изделий) Главмузеем было осмотрено 4 тысячи пудов, и из этого числа лишь 100 пудов было отобрано Главмузеем для Государственных Музеев. Между тем как среди оставляемых в Гохране предметов, предназначенных к сплаву, несомненно найдется много предметов, которые могли бы быть использованы в указанном направлении.

Ввиду вышеизложенного Главмузей просит сообщить, разделяете ли Вы его означенную точку зрения на использование предметов, остающихся в Гохране, после осмотра экспертами Главмузея и отобрания ими тех предметов, которые предназначаются для государственных музеев как предметы безусловной художественно-исторической ценности.

В том случае, если бы предложение Главмузея было принято, он охотно бы выполнил работу по пересмотру и отбору остающихся в Гохране предметов для использования их Гохраном на заграничном рынке. Указанная работа должна быть, конечно, оплачена по обо-

юдному соглашению. О последующем Главмузей просит не отказывать уведомить его в срочном порядке, имея в виду возможность уничтожения в Гохране тех предметов, направляемых в сплав, которые могли бы быть использованы на заграничном рынке»*.

Грешно называть продажу церковных ценностей за границу спасением. Но в чем больше зла: в потере произведений искусства для России или их уничтожении? Другого выбора не было.

Неискушенные в торговых делах помгольцы запрос Троцкой направили в НКВД: допустима ли политически продажа церковных ценностей за границей? Отчего же нет? Допустимо все, что приносит пользу Советской власти. Решили продавать. Но пока в Бюро Комиссии по изъятию церковных ценностей раздумывали, прошло почти две недели, а за это время множество художеств Гохран отправил в лом.

А вот письмо, полученное уже Троцким от Х. Г. Раковского[215] из Харькова 22 июля того же года:

«Дорогой Лев Давыдович!

Я сожалею, что не вспомнил в Москве о том, чтобы поговорить относительно использования ценностей, отобранных в церквах. Это интересует и нас. Мы сможем принести в общий котел известное количество ценностей, в особенности из Киево-Печерской Лавры.

У нас возникает мысль, нельзя ли эти ценности заложить. Если изъять из них камни и серебро, они потеряют много из своей рыночной цены редких артистических предметов. Может быть, возможно их заложить за границей и получить из них целевой заем на помощь голодающим или на поднятие сельского хозяйства. Возможно, что у вас уже намечены более целесообразные предложения или даже велись уже переговоры. Об этом прошу мне сообщить»**.

Похоже, сам Троцкий совершенно не вникал в вопросы реализации ценностей. Для него торговля была скучна, а в задачу Особоуполномоченного входило как можно больше изъять и как можно больше расстрелять. Письмо Раковского Троцкий направил в Помгол и тоже Винокурову. Тот ответил «весьма срочным» порядком: «Художественно-антикварные церковные ценности, не подлежащие передаче в Главмузей, предложено, согласно предложению последнего (на что уже дано согласие ЦК Помгол), реализовать в качестве изделий за границей. Остальные церковные ценности, свозимые в Гохран, запроданы НКФину...»***

«Артистические предметы» из Киева затребовали в Москву. Думали, что «украинские товарищи» поработали там на совесть. Но каково же было удивление ОГПУ, когда через два с половиной года при повторной «чистке» Киево-Печерской лавры в ее подвалах обнаружили несколько пудов золотых и 110 пудов серебряных художественных изделий, укрытых от недобрых глаз реквизиторов в

---

* ЦГАОР, ф. 1064, оп. 3, д. 22, л. 89.
** Там же, л. 82.
*** Там же, л. 84.

Серебряный полтинник образца 1922 г. Аверс. Из коллекции Н. В. Харченко, г. Барнаул.

То же. Реверс.

1922 году. Там же были найдены церковные украшения с 360 бриллиантами, несколько мешков со старыми процентными бумагами на несколько миллионов рублей и «контрреволюционная» переписка тихоновского толка*.

Хотя и с запозданием, но киевский «клад» стал хорошим подспорьем для Наркомфина, тогда уже вовсю тиражирующего «трудовые» полтинники и рубли. А первые советские монеты из церковного серебра появились осенью 1922 года. Выпущено их было пока немного, и датировались они 1921 годом, что было не менее политически важно, чем само появление серебряных денег. Советский рубль содержал 4 золотника 21 долю чистого серебра и в весовом выражении не уступал царскому. В очередной раз воздали хвалу гению вождя. Но подлинным апофеозом его финансово-валютного творчества стало подписание 26 октября 1922 года отчаянно смелого декрета о чеканке золотого червонца. Зашумели газеты, застрекотали лозунги, зарукоплескали на фабрично-заводских собраниях. Золотыми ручьями растеклись церковные лжицы, наперсные кресты, потиры, венчики, звездицы и ювелирные украшения. И вот в полуголодном двадцать третьем году засиял «пролетарский» червонец!

Февральскими и мартовским декретами 1924 года Совнарком утвердил чеканку разменной серебряной монеты достоинством в 1 рубль, 50, 20, 15 и 10 копеек, окончательно прекратил эмиссию «совзнаков» и объявил их выкуп государством. В финотделы и банки потянулись мешочники и подводы — шутка ли, за 1 новую медную копейку — 500 миллионов рублей «совзнаками». Денежное же серебро Наркомфин повез чеканить в Англию[215], благо на торговом

* «Дни» (Берлин), 6 января 1925 г.

Серебряный рубль образца 1924 г. Аверс. Из коллекции Н. В. Харченко, г. Барнаул.

То же. Реверс.

поприще драгоценностями и «под проценты» большевики снискали себе «доверие» на западном рынке и в финансовых кругах.

Однако вернемся к торговым делам 1922 года. Эксперты Главмузея действительно сумели собрать в хранилищах Гохрана фонд художественных изделий для продажи за границей, а помгольцы, пока имели формальное значение, попытались его реализовать по своим каналам. Ленин не возражал, так как вывеска благотворительности во всех отношениях была только на пользу торговым операциям и расширению партнерства. Но рынком сбыта церковных ценностей был избран не Ближний Восток, как предлагалось экспертами в запросе Троцкой, а Западная Европа и Скандинавия, как это нужно было правительству. Торговое посредничество приняла на себя «Миссия Нансена»[216]. Именно Нансен вывез во Францию первую партию церковных ценностей и сумел ее реализовать среди коллекционеров. Удачно разошелся художественный товар и в Скандинавии, особенно в Швеции, где уже стали формироваться и частные, и государственные коллекции русского церковного искусства. Со временем богатейшее собрание русской иконописи и церковного прикладного искусства Национального музея в Стокгольме станет одним из крупнейших в Европе.

Но повести продажу с размахом Помгол и Нансен не могли, поскольку благотворительность грозила обернуться шумным торговым предпринимательством и подмочить репутацию миссионеров. Тем не менее от помощи большевикам в разумных пределах Нансен не отказывался. И все же Помгол полностью отстранили от торговли и его фонд вместе с подборками Главмузея «забронировали» за Гохраном, а правительственную «лицензию» на продажу церковных ценностей выдали Наркомвнешторгу.

К слову сказать, внешторговцы без дела не сидели. Одно из направлений их деятельности определял декрет СНК от 30 декабря 1921 года «О государственном экспортном фонде по филателии», которым Внешторгу представлялось «исключительное право на образование государственного экспортного фонда по филателии для торговли за границей»*. На ниве собирательства почтовых марок опять-таки подвизался Чучин. Голод для него тоже оказался как нельзя кстати. В голодных краях и у обнищавших коллекционеров филателистическая продукция скупалась уполномоченными ОХЦ Эксупра и Наркомпочтеля за бесценок. Были, конечно, и сборы почтовых марок в экспортный фонд помощи голодающим, но при этом строго блюли положение декрета: «вырученные от реализации экспортного фонда по филателии средства сдавать в доход казны».

Не прекращали своей работы и экспертные художественные комиссии. Здесь, правда, дело двигалось туго. День ото дня беспризорных объектов становилось все меньше, а домушничать все труднее. В середине мая 1922 года заведующий Петроградским отделом художественных ценностей при Эксупре А. Р. Дидерихс, например, жаловался своему региональному начальству: «...Изъять вещи из многих помещений не представляется возможным. В некоторых местах вещей не оказывается, они или вывезены прежними жильцами, или же распроданы, в других — вещи закреплены за вселенными гражданами Отделом Недвижимых Имуществ Совкомхоза и его районными органами, и, наконец, в помещениях, занятых учреждениями, в большинстве случаев интернатами НКПроса, имущество закреплено как инвентарь... Изъять вещи в указанных случаях не представляется возможным даже при помощи агентов милиции или Госполитуправления»**.

Но и это не все «беды». Через неделю в другой докладной записке Дидерихс сообщал во Внешторг, что «все учтенное П.О.Х.Ц. имущество в Особой Комиссии Губфинотдела по ревизии сейфов, представляющее очень значительную как художественную, так и валютную ценность, 31 января с. г. вывезено в Москву по распоряжению тов. Троцкого»***. Далее Дидерихс докладывал, что в последнее время в кладовые бывшей Ссудной казны под ответственность губфинотдела на временное хранение передано более 6 пудов художественного серебра старинной работы. Однако, по его словам, нахождение там «экспортного товара» было чревато повторным изъятием в пользу комиссии Троцкого.

В таком положении находился не только Петроградский отдел художественных ценностей. По распоряжению Особоуполномоченного фонды Эксупра во многих губфинотделах перешли в ведение подручных Базилевича. Потребовалось специальное вмешательство СТО, чтобы экспортные антикварно-художественные изделия из

---

* Сборник узаконений Рабоче-крестьянского Правительства, 1921, № 2, ст. 30.

** ЦГАОР, ф. Р-6765, оп. 1, д. 3, л. 23.

*** Там же, л. 24.

Серебряный полтинник образца 1925 г. Аверс. Из коллекции Н. В. Харченко, г. Барнаул.

То же. Реверс.

благородных металлов и ювелирные изделия с драгоценными камнями вернули Внешторгу. Вернуть-то вернули, но далеко не все, и потому правительственная «лицензия» на продажу церковных ценностей оказалась для внешторговцев весьма кстати.

На этом можно было бы закончить описание событий 1922 года, если бы не одно «но».

По меркам большевиков, в церквах, соборах и монастырях надлежало собрать только одного серебра не менее полумиллиона пудов. Получили же гораздо меньше. Причем процесс реализации церковной утвари оказался более затяжным, чем ожидали в правительстве. И вот 6 июня 1922 года после постановления о роспуске на местах «троек» Особоуполномоченного Совнарком принимает новое решение: «для изъятия экспонатов высоко-материальной ценности из музеев, а также для решения вопросов о спорных вещах, изъятых из хранилищ музеев и сосредоточенных в Гохране, создается комиссия, решения которой безапелляционны»*.

О каких же музеях и экспонатах шла речь? Совнаркомовцы не мелочились и имели в виду исторические сокровища Эрмитажа, Российского Исторического, Русского и Румянцевского музеев, Оружейной палаты и Троице-Сергиевой лавры. И все на продажу за границу.

Решение Совнаркома повергло в шоковое состояние даже многих бывалых большевиков, не говоря уже о научной и творческой элите. Шквал возмущений обрушился на Луначарского. Вначале он в недоумении пожимал плечами: на заседании Совнаркома его не было. Но потом «по долгу службы» Луначарскому пришлось все-та-

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 341, л. 12.

ки направить заместителям предсовнаркома Рыкову и Цюрупе заявление: «Самым энергичным образом оспариваю какую бы то ни было возможность изъятия для реализации чисто музейных ценностей»*. И тут же, видимо, для смягчения своего выпада хитрец Луначарский подает законопроект «о реализации имущества музеев, не носящего музейного характера». Дескать, надо принять такой, а «немузейность» ценностей оговорить политически. Заявление наркома просвещения зачитали на очередном заседании СНК и постановили: «Поставить на вид тов. Луначарскому волокиту, проявленную им с исполнением постановления СНК от 6/VI и предложить НКПросу дать своего представителя в Комиссию по изъятию ценностей в 3-х дневный срок»**. Луначарский смирился.

Большая группа музейных хранителей, искусствоведов и ученых пошла другим путем. Они настояли перед Главмузеем на проведении в конце июня 1922 года экстренной конференции центральных государственных музеев и надеялись пригласить на нее членов правительства. На конференции предполагалось дать решительный научный бой варварству большевиков. Готовились к нему тщательно. В программу конференции были включены вопросы о материальном положении, научной работе и уставах музеев. Доклады готовили С. Ф. Ольденбург, М. В. Сергиевский, Г. Л. Малицкий и С. К. Удовиченко — последний оплот российского искусствоведения.

Оргбюро конференции отправило персональное приглашение на заседания председателю Временного комитета по науке и заместителю предсовнаркома Рыкову. Сославшись на занятость, тот отказался от участия в конференции. И вот тогда на имя Рыкова была составлена докладная записка, а точнее, целый трактат. Его содержание в высших партийных кругах посчитали настолько крамольным, что упрятали от глаз нескольких поколений в архивной папке «особого хранения». Итак, Рыкову Алексею Ивановичу:

«Распродавать предметы из музеев — значит лишать страну самого ценного из всего, что отобралось и накопилось в ее культуре в течение веков.

Культурные ценности имеют то свойство, что творят новые, еще ценнейшие.

Книги Публичной Библиотеки вызвали много мыслей и претворились во множество других драгоценных книг.

Картина Гранэ, попавшая в Петербургское хранилище, раскрыла глаза Венецианову и создала всю ценнейшую Венециановскую школу.

Скульптура Фальконе оправдала себя сторицею, вызвав к жизни через полвека мировое явление русской литературы — пушкинского «Медного всадника».

Федотов образовал себя на голландских картинах Эрмитажа и благодаря им совершил перелом в русской живописи, превратив ее из придворного искусства в искусство для широких кругов населения.

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 341, л. 14.
** Там же, л. 7.

Московские собрания картин неузнаваемо изменили художественный уровень Москвы, превратив ее из художественного захолустья середины XIX столетия в крупный художественный центр.

Французская мебель, скопированная крепостными мастерами кн. Мещерского в местном материале, вызвала к жизни ценнейшее русское мебельное производство из карельской березы.

Коллекция иностранного фарфора в XVIII столетии создала художественное производство русского фарфора, высоко ценимое за границей и являющееся существенной главою в истории русского искусства.

В промышленности русские мастера имели успех за границей, когда пользовались возможностью черпать образцы из своих музеев, как для замысла, так и для техники: так, например, находили хорошую оценку русские серебряные изделия Сазикова и Грачевых, русские эмали, парчи, вышивки и т. п.

Наоборот, гранильное каменное дело, имеющее перед собой на Урале не сравнимые ни с какой другой страной возможности, хирело и чахло определенно из-за отсутствия хорошего музея образцов.

Можно сказать, что в музеях заключается все будущее русского искусства и русского производства не только как запас образцов, созданных лучшими головами и лучшими руками за несколько веков, но и как незаменимая основа для будущих самостоятельных вдохновений и откровений.

Музеи жизненно необходимы не только для изобразительного искусства, но и для художественно-промышленного производства. Такая область, как, например, театр, не может обойтись без обильного использования музейного материала: как можно воссоздать в сценическом зрелище дух эпохи, дух автора, дух произведения, не обращаясь к подлинным памятникам?

Без музейных образцов оскудевает и беднеет наука истории, теряют фактическую почву под ногами все остальные науки, черпающие из уроков истории свои доводы и данные.

Распыление музеев представляет страшную угрозу для такого великого дела, как художественное воспитание подрастающих поколений. Всякий руководитель экскурсии знает, что лучше совсем не водить экскурсий, чем показывать подделки и знакомить с третьим сортом производства. А теперь как раз, казалось бы, наступает эпоха, когда вся основа воспитания переходит наконец от системы заучивания к системе наглядного запечатления образом. В будущем обществе роль художественных хранилищ кажется всеобъемлющей. Клара Цеткин, говоря на днях о распространении социальных язв в современных государствах (болезни, упадок нравственности и т. п.) и указывая на благотворное влияние на подрастающее поколение природы и искусства, призывает к одному: развитию подрастающего поколения, осмысливанию жизни, приучению к умению наслаждаться природой и искусством. Но как приохотить к искусству, если в музеях будут отсутствовать лучшие вещи и останется то, на что не находится покупателя.

Все это настолько очевидно и понятно, что трудно говорить, чтобы в наше время серьезно поднимался вопрос о сокращении музейной, т. е. наивысшей и наилучшей художественной наличности страны.

Неужели Республика действительно находится в таком безвыходном положении, что должна жертвовать своим будущим ради бюджетных соображений текущего года, и не слишком ли узок кругозор при такой постановке вопроса?

Нельзя не отметить здесь того факта, что в настоящее время положение Республики, по-видимому, не принуждает ликвидировать многие предприятия широкого задания, рассчитанные на успех сторицею, но далеко не в самом близком будущем, как, например, изучение магнитной аномалии, электрификации, питомники, подготовки новых железных дорог и каналов и т. п.

Но в таком случае почему же именно музеи обрекаются в жертву и не только не получают средств для лучшей постановки в будущем, но прямо намечаются для ликвидации, хотя бы и частичной? Этот частичный план ликвидации чреват самыми серьезными последствиями, ибо слишком ясно, что, раз став на неверную точку, крайне трудно потом остановиться на наклонной плоскости. И музейное дело, в настоящее время в России столь блестящее, имеющее неоспоримое мировое значение и вызывающее зависть и хвалы иностранцев, в дальнейшем осуждено безостановочно падать со ступеньки на ступень.

Нельзя скрывать от себя, что перед лицом иностранного капиталистического мира приступ к продаже из русских музеев вызовет крайне невыгодное для России впечатление. В странах высокой оценки той прибавочной стоимости, которую представляет собою художественное достояние производства, продажа музейных высококачественных образцов будет расценена как акт в высшей степени неразумный. Будет бросаться в глаза экономически плохой расчет, а также и логическое противоречие со всей системой политики Советской Республики.

В самом деле, Советским законодательством еще в 1918 г. соответствующим декретом Совнаркома установлено запрещение вывоза за границу частным лицам художественных произведений музейного значения, и будет казаться весьма несообразным, что государство в настоящее время с легким сердцем отчуждает произведения искусства и старины высокого музейного значения и в то же время ревниво охраняет предметы искусства и старины низшего достоинства, находящиеся в частных руках.

Еще страннее положение, создающееся в связи с постановлением Рижского Мирного Договора с Польшей, обеспечивающим за Россией право сохранения в неприкосновенности культурных ценностей в русских хранилищах мирового значения.

Раз предметы мировых собраний России будут назначены к продаже, они тем самым сейчас же утратят значение мировых хранилищ и получат смысл торгового фонда, а при этих условиях

Торги произведениями искусства в аукционном зале государственной постоянно действующей выставки-продажи «Аполлон». Петроград, Невский проспект, д. 15. 1920-е годы. ЦГА КФФД Санкт-Петербурга.

отстаивать культурные ценности от польских притязаний станет, разумеется, невозможным.

Вполне допустимо предположение, что и выручка от первой продажи музейных экспонатов окажется ниже стоимости тех предметов, которые из-за такой продажи придется уступить Польше. Это ли разумная экономическая политика?

Если сколько-нибудь держаться в этом вопросе целесообразной государственной точки зрения, то надо немедленно поставить со всей остротой вопрос о том, что в смысле выручки все задуманное предприятие обречено на крупную неудачу, если не на полный провал.

Торговля произведениями искусства — дело чрезвычайно трудное. Она требует знания, чутья и прямо особого таланта, цены очень изменчивы. Момент имеет огромное значение. Требуется колоссальная выдержка и искусная подготовка. Даже частную коллекцию, сравнительно небольшую (например, коллекцию Канн), приходилось и в прежнее время, более богатое свободными деньгами, распродавать в течение нескольких лет, чтобы искусственно не уронить цену. Произведения искусства и старины — это не предметы домашнего обихода, продаваемые на рынках. Больших миллионов, и притом свободных, далеко не так много. Круг покупателей чрезвычайно ограниченный. Нужна большая выдержка и очень медленный темп. Недаром у больших антикваров предметы крупной ценности выдерживались обычно годами или десятками лет. Накладные

расходы велики, добросовестные агенты редки. Разумеется, задаром разбросать музейные ценности за четверть цены — возможно, но это сведется к обогащению лишь посредников-спекулянтов и не будет, конечно, в интересах Республики.

Но хуже всего то, что один слух о возможности музейных продаж оказывает деморализующее влияние на весь темный мир дельцов-антикваров и будит, и дразнит их хищные инстинкты. В погоне за своей личной выгодой они, конечно, будут всеми силами подталкивать это дело, надеясь нагреть на нем руки, и не побрезгуют в этом отношении никакими средствами. Русские и иностранные антиквары представляют в этом отношении для русской культуры громадную опасность.

Насколько нужна в данном случае осторожность, можно судить из истории Французской Революции: Фуше, который был тогда якобинцем, усердно занялся французскими художественными ценностями и получал благодарность за свою деятельность в этой области, но, как оказалось впоследствии, нажил на этих делах несколько миллионов и, когда сделался министром полиции в правительстве Империи, мог считаться одним из крупнейших капиталистов Франции.

В прошлом продажи художественных ценностей никогда не оказывались пригодным средством для оздоровления финансов страны. В эпоху Английской Революции сокровища короля Карла 1-го были распроданы буквально за гроши.

Во время Французской Революции на продаже обстановки королевских дворцов сильно нажились посредники, но не государство.

Так, в настоящем случае можно с определенной уверенностью предсказать, что продажа музейных экспонатов не окажет на положение государственных финансов страны решительно никакого сколько-нибудь заметного влияния. Стоимость музейных сокровищ условна и лишь кажется значительной на первый взгляд. Она, во всяком случае, несоизмерима с государственными потребностями. Продавать музеи, чтобы оздоровить бюджет, — это все равно что в засуху выбегать в поле и поливать его из лейки.

Для оздоровления финансов страны потребны иные средства. Не следует также забывать, что изъятие церковных ценностей далеко не оправдало в смысле выручки возлагавшихся на него надежд, в особенности если подсчитать стоимость самой кампании по сбору и дождаться точных результатов реализации.

Уместно здесь отметить, что даже Австрия, при отчаянном положении финансов, насколько известно, не прибегала к ликвидации музеев, а ограничилась закладом гобеленов.

О Германии и говорить нечего. Там умеют любить и ценить музей, там справедливо видят в музеях залог лучшего будущего.

Кроме всего этого, продажа экспонатов из русских музеев будет понятна как мероприятие, продиктованное последней крайностью. Враги Республики будут как нельзя более обрадованы таким явным доказательством, что на карту ставится последний ресурс страны.

Аукционный зал «Аполлон» в Петрограде-Ленинграде. 1920-е годы. ЦГА КФФД Санкт-Петербурга.

Наоборот, ничто не могло бы так способствовать подъему кредита и престижа Советской Республики, как блестящая постановка музеев.

С 1851 года в научной литературе с совершенной точностью установлено громадное культурное значение музеев. В этом году имела место Всемирная выставка в Лондоне, и английская промышленность признала себя побежденною французской. Причиной поражения оказалась недостаточность образцов в Англии вследствие недостатка хорошо устроенных и широкодоступных музеев. С тех пор началось усиленное состязание культурных стран и городов в устройстве и развитии художественных музеев. Всем стало ясно, что музеи не только полезны и важны в культурном отношении, но и в высшей степени выгодны в отношении экономическом.

Если Музей привлекает в год столько посетителей, что в страну вливается благодаря ему миллион рублей ежегодно, то безрассудно, конечно, за два миллиона продать его содержимое и потом убедиться, что ликвидация обошлась в миллион.

Русские музеи в ближайшем будущем привлекут и из заграницы посетителей, обогащая страну золотым дождем.

Не то будет, конечно, если музеи окажутся распыленными и ликвидированными, как многое уже ликвидировано в стране. Русским музейным деятелям останется тогда, по примеру Ноздрева, у бессмертного бытописателя Н. В. Гоголя, показывать гостям пустые стойла, «где прежде стояли хорошие лошади».

Надеяться, что с наступлением мировой революции наши худо-

жественные ценности будут нам возвращены, едва ли возможно. По крайней мере в России даже теперь отдельные города и музеи не перестают препираться из-за спорных предметов, и, видимо, в этом отношении музейным деятелям нелегко договориться. Дело в том, что городов много, а высокие музейные ценности редки, и на все города и музеи их явно не хватает.

В настоящий момент Советская Власть, несмотря на трудные экономические условия страны, должна стремиться выявить, какое значение представляют для ее будущего ее художественно-культурные ценности, находящиеся в музеях, ярко освещающие собственное народное творчество, и стойко защищать это народное достояние, созданное вековой работой ряда поколений русского народа и собранное в музеях и там кристаллизировавшееся в коллекции мирового значения»*.

Такая вот «записка». И подписана — кем бы вы думали? — самой Троцкой и ученым секретарем отдела. Впрочем, сомнений в непричастности к авторству послания заведующей Главмузеем у нас не было с самого начала. Не в ее духе и не в ее стиле. Да и зачем понадобилась подпись секретаря: для заверения подлинности скопированного или для подтверждения коллективной декларативности? При этом Троцкая повела себя весьма странно. На личную встречу с Рыковым она не пошла, хотя ей это не составляло труда, а направила в приемную Совнаркома представителя отдела со следующей запиской: «Дорогой Алексей Иванович, я нездорова, нахожусь в отпуску и потому не могу сама зайти к Вам. Очень прошу Вас, как Председателя Временного комитета науки, принять ответственных сотрудников Главмузея по срочному и очень важному делу. Простите, что беспокою Вас»**.

Вместе с сотрудником Главмузея к приемной Совнаркома прибыла делегация участников конференции. Они-то по-настоящему переживали важность момента и наверняка являлись коллективными авторами послания. Не исключено, что верховодил Ольденбург, поскольку содержание его доклада на конференции — «Научная и просветительская роль и значение музеев»*** — очень тесно перекликалось с содержанием «докладной записки» Рыкову.

Нет, делегацию от «парадного подъезда» не прогнали, но и к Рыкову не пустили. Ходоков любезно принял и выслушал заместитель управляющего делами Совнаркома Смольянинов. Убедительные речи делегатов на него подействовали. Да так, что Смольянинов решился не только передать послание Рыкову, но и сопроводить его собственным комментарием: «Я лично считаю, что они целиком правы, что мы не сможем выручить такое количество денег, которое хотя бы в минимальной степени обеспечило нашу финансовую тяжесть. Опыт запродажи церковных ценностей нельзя не учесть,

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 341, лл. 20, 21, 22.
** Там же, л. 18.
*** Там же, л. 24.

хотя продажа музейных ценностей и значительно проще, ибо они сосредоточены в немногих местах и не будут скрываться, тем не менее, я не думаю, чтобы нам удалось таким образом выручить сколько-нибудь значительные суммы. Продажа музейных художественных ценностей — крайняя мера, которая, на мой взгляд, учитывая ее возможные результаты, не является абсолютно необходимой. Подумав над этим вопросом и ознакомившись с материалами, прошу Вас сделать так, чтобы эти ценности не продавались»*.

Секретарь Рыкова Г. Я. Беленький посчитал послание делегатов слишком громоздким и, учитывая «занятость» своего патрона, предусмотрительно изложил его содержание и описание прилагаемых записок в «краткой сводке» объемом в одну машинописную страничку. В ней тезисно указал просьбы подателей и так же тезисно перечислил их аргументы.

Не забыл Беленький упомянуть о возможности пикантной ситуации с Польшей, если начнется продажа музейных ценностей. Сие действительно призывало к осторожности, так как при подписании мирного договора польское правительство предъявило большевикам требование о возвращении на родину национального достояния культуры и искусства из запасников Кремля, Эрмитажа и других музеев. Перечень был велик. Возвратить хотя бы часть этого достояния большевики не могли и были не готовы по нескольким причинам: из-за спорности в исторической принадлежности, из-за собственной скаредности, из-за утрат, продаж и неясности нахождения многих предметов искусства и старины. Пришлось давать письменные заверения, что польские музейные ценности, равно как и другие, в Советской России будут неприкосновенны и что по мере выявления и изучения экспонатов польского происхождения они будут передаваться на родину. Поляки согласились скрепя сердце. А большевики в знак признательности и в счет частичной компенсации понесенного польской культурой ущерба передали польскому правительству несколько скульптур из Летнего сада Петрограда.

Читал ли Рыков «докладную записку» делегатов конференции, «краткую сводку» Беленького и записку Смольянинова — неизвестно. Может быть, и читал. Во всяком случае, пометок и резолюций Рыкова на этих документах нет. Позже, в числе других, они были собраны управделами Совнаркома Горбуновым и представлены Ленину, а от него попали в архив.

Как бы там ни было, Рыков отмахнулся от всех увещеваний и 9 августа 1922 года, пользуясь правами второго лица в Совнаркоме, подписал постановление о назначении комиссии по изъятию экспонатов высокоматериальной ценности из музеев в следующем составе: от Особоуполномоченного СНК — его заместитель Г. Д. Базилевич, от Наркомфина и Гохрана — Ф. А. Вейс, от Наркомпроса и Главмузея — И. Э. Грабарь и его заместитель — директор Эрмитажа С. Н. Тройницкий**.

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 341, л. 15.

** Там же, л. 26.

К работе комиссия приступила только 16 сентября. Ждали возвращения из отпуска Грабаря и приезда Тройницкого, справлявшего служебные дела в Петрограде. Начали с ценностей Троице-Сергиевой лавры, частью доставленных к тому времени в Оружейную палату. Первой жертвой оказалось Евангелие XVI—XVII веков в дорогом окладе редкой художественной работы. С оклада сняли панагию[217], украшенную бриллиантами, алмазными розами и цветными драгоценными камнями. Ее передали в Гохран, а «содержимое Евангелие» — в музей.

С другой панагии, по-видимому, патриаршей и тоже старинной работы, вынули из ободка 20 бриллиантов. Причем Гохрану было поручено на их место вставить стразы — стеклянные подделки, благо Ферсман с подручными делал их весьма искусно.

Затем пришел черед митры императрицы Елизаветы Петровны. Из нее вынули 11 бриллиантов и тоже заменили стразами. Попутно «обновили» и панагию с портретом той же Елизаветы Петровны.

Целиком в Гохран была передана золотая застежка с двумя крупными изумрудами от царской порфиры[218].

Потом комиссионщики не удержались и вскрыли особую витрину Оружейной палаты с золотым оружием, поднесенным в 1814 году городом Парижем главнокомандующему русскими войсками графу Остен-Сакену, — бесценными реликвиями боевой славы России. Из золотой шпаги вынули удивительной чистоты солитер[219], а на его место вставили мутноватое стекло.

При сем, кроме членов комиссии, как записано в акте, «по должности» присутствовал заведующий Оружейной палатой Иванов*.

17 сентября, прихватив с собой уполномоченного Главмузея Н. Н. Померанцева, комиссия нагрянула в Троице-Сергиеву лавру. За один день в фонд Гохрана—Внешторга было отобрано: 48 серебряных с золочением окладов с икон, из них 4 оклада, украшенных жемчугом, бриллиантовыми звездами и цветными драгоценными камнями, 5 серебряных рамок и 2 ризы с икон, отделанные чернью, сканью, чешуйчатой эмалью и жемчугом, 3 серебряных с золочением оклада с Евангелия, 14 чарок, 6 лжиц, 6 напрестольных крестов и 4 лампады из старинного серебра, серебряный золоченый потир с изумрудами и сапфирами... Всего 109 предметов. И все изумительной работы**.

19 сентября комиссия отбыла в Петроград. Там в течение двух дней «чистке» подвергались хранилища Эрмитажа, Русского музея и училища технического рисования А. Л. Штиглица. В итоге поездки в Гохран было сдано около 20 фунтов золотых и до 30 пудов серебряных художественных изделий мирового значения. Что именно было изъято из музейных фондов, сказать невозможно, поскольку в справке, составленной для Совнаркома, указан только вес сокровищ, ибо правительственным комиссарам, очевидно, было все рав-

---

* По материалам РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 341, л. 33.
** РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 341, л. 37.

но, что «ликвидировать»: скифское золото или ювелирные украшения Фаберже. Кроме золотых и серебряных изделий, из Петрограда в Москву было доставлено около 100 каратов отборных бриллиантов. Их место в экспонатах Эрмитажа тоже заняли стразы*.

По возвращении в Москву комиссия взялась за Оружейную палату. Оттуда в гохрановский фонд были изъяты: золотая панагия, украшенная бриллиантами, золотая застежка с сапфирами, вероятно, от царской порфиры, 35 бриллиантов и 4 солитера, которые в сокровищах предусмотрительно заменили стразами**.

Из Российского исторического музея вывезли золотые и усыпанные бриллиантами: фельдмаршальский жезл, украшение от великокняжеского головного убора и бабочку-брошь виртуозной работы российских ювелиров. Заодно прихватили 28 серебряных венков и пальмовых веток***.

Из ризницы Новодевичьего монастыря в кладовые Гохрана перекочевало 28 изделий церковного искусства XVII—XVIII веков, в том числе лжица и звездица из чистого золота****.

Румянцевский музей потерял 120 исторических высокохудожественных экспонатов, из них 19 золотых общим весом в 430 граммов.

16 октября 1922 года на имя секретаря Совнаркома Фотиевой и, стало быть, для ознакомления Ленина Базилевич представил совершенно секретный рапорт следующего содержания: «Означенной Комиссией в период с 16-го сентября по 15-ое октября были обследованы музеи и их хранилища городов Москвы, Петрограда и их окрестностей и назначено для передачи в фонд Республики до 25 фунтов золота в изделиях, серебра в изделиях до 35 пудов и до 150 каратов бриллиантов, подлежащих замене стразами. Означенные ценности в настоящее время сдаются в Гохран, оценка же их будет сообщена после детальной сортировки Гохрана. С окончанием же этих работ полагаю функции Замособоуполномоченного СНК исчерпанными»*****.

Можно сказать, кратко и по существу. О большем в правительстве знать не хотели.

Кто теперь скажет, из каких исторических сокровищ Оружейной палаты, «ради бюджетных соображений текущего года», были выпотрошены бриллианты?Из трофейной Ивана Грозного короны царства Астраханского или из золотых крестов Мальтийских гроссмейстеров? А почему в большой короне последних российских императоров вместо 5 тысяч бриллиантов оказалось только 4936? Каким образом попала за границу брачная царская корона, ныне нашедшая пристанище в коллекции Хиллвуда? Откуда сдиралось серебро, золото и платина для «пролетарских» орденов героям революции и гражданской войны: с престола царя Алексея Михайловича или с

---

* РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 341, л. 46.
** Там же.
*** Там же.
**** Там же.
***** Там же, л. 45.

парадных царских седел? И почему большая императорская цепь ордена св. Андрея Первозванного оказалась такой малой, да еще и разрозненной по звеньям? Нет ответов на эти вопросы. Есть только фунты, пуды и караты.

Возможно, так же на вес были бы «запроданы» знаменитые исторические алмазы «Орлов» из императорского скипетра и «Шах», преподнесенный персидским принцем Николаю I «в искупление» убийства А. С. Грибоедова. Разговоры среди партийной номенклатуры об этом велись. Но что-то остановило большевиков. То ли боялись крупно продешевить, то ли подействовали уговоры Фаберже, Котлера или Ферсмана, а может быть, просто сковал страх перед проклятиями потомков. Может быть.

15 октября 1922 года, в день, когда комиссия Базилевича завершила ограбление музеев, в берлинской галерее Ван Димена открылась «Первая русская художественная выставка»-продажа более 200 картин авангардистов от творчества и политики. Вместе с холстами в Берлин прибыли и деятели новой культуры: Луначарский, Кандинский, Штеренберг, Альтман и другие. Надежду на коммерческий успех не скрывали. Однако выручка от продажи картин и билетов едва ли смогла покрыть расходы, связанные с подготовкой и проведением выставки. Но Луначарский все-таки был доволен, ибо, по его словам, пропагандистский эффект оправдывал все. Кто скажет, что большевики не любят искусство?

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ УДАЧИ

В начале 1923 года Советская власть всерьез вспомнила о народных художественных промыслах: мастерах Хохломы, Мстеры, Дымковской слободы, Городца, вологодских и рязанских кружевницах и о других кустарях-умельцах. Ковши, матрешки, шкатулки, подносы, ложки, платки, шали, берестяные туеса... Мало ли таланта на Руси! Посмотришь, от иных изделий глаз не оторвать. В былые времена на торгах и ярмарках большой спрос имели. А не попытать ли счастья с промысловым товаром за границей?

Попытали. И Внешторг, и Кустпром. Особые же привилегии в торговле кустарными поделками получил Заграничный отдел Центральной комиссии Последгола (впоследствии Комиссия заграничной помощи при Президиуме ВЦИК) под началом О. Д. Каменевой.

Первой ласточкой «благотворительного» бизнеса были кружева и вышивки, доставленные дипкурьерами в Италию. Как сообщил оттуда уполномоченный Российского Красного Креста и Наркомздрава Шефтель, заявленная цена на товар оказалась высокой, и удалось выручить всего 519 лир, да и то потому, что вышивки и кружева «поместили меж товарищей» — итальянских коммунистов и полпредовских служащих, что больше походило на обязательный выкуп своеобразных марок за уплату членских взносов по братству,

чем на свободную торговлю. Полученные от продажи лиры обменяли на 25 долларов и выслали их Каменевой*. Та не брезговала никакими суммами валюты, поскольку чувствовала себя в большой нужде, и, конечно, не обиделась.

Сунулись было помгольцы в Швецию, но получили из полпредства в Стокгольме нерадостное известие: «...Шведский рынок в настоящее [время] насыщен русскими кустарными изделиями, и местная коммунистическая партия, закупившая еще в прошлом году большую партию кустарных изделий для продажи ее в пользу Помгола, до сих пор еще не имеет возможности реализовать всю партию. Тов. Воробьев от Кустпрома тоже разместил здесь некоторые партии этих изделий, и ими также торгует наше представительство НКВТ и Буренин»**.

В Чехословакии собственный уполномоченный Последгола Л. Б. Нимен в постановке базарной торговли не отказывал, но и не настаивал, потому как побаивался конкуренции местных умельцев и кустарных мастерских более разворотливых русских эмигрантов из Германии. Каково же было удивление большевиков, что на западном рынке они неодиноки в начинании и их соотечественники-изгои могут поставлять и более интересную продукцию.

Мало утешительного было и в письме из Лондона от уполномоченной Последгола В. Н. Половцевой: «Здесь имеют сбыт изделия лучшего качества, и мы были бы очень благодарны, если бы вы прислали для начала небольшую партию наиболее художественных и оригинальных вещей... Если возможно получить какие-либо антикварные русские вещи, старинные монеты и т. п., были бы также благодарны за их присылку»***. Там же Половцева подсказывала беспошлинный способ доставки художественных изделий и антиквариата: с каждым дипкурьером по одной посылке с надписью «для благотворительных целей». Отчасти воспользовались.

В конце концов летом 1923 года Последголу удалось одно маломальски существенное дело. Доктор Фрик, доверенное лицо Нансена, гарантировал выставку-продажу кустарных изделий в Париже, но при условии, что сам Нансен получит «всевозможные удобства и льготы» на вывоз из России художественных изделий для пополнения соответствующих собраний французских коллекционеров. О каких изделиях шла речь, должно быть понятно. К чести Нансена, никаких комиссионных за услугу он не просил и выручку от продажи поделок кустарей обещал полностью передать Последголу. Ударили по рукам, и в Париж покатили ящики с затейливым рукоделием, расписными, резными и плетеными изделиями лучшего качества, а попутно и ящики с коллекционным товаром музейного значения.

На радостях Последгол закупил у Кустпрома промысловых поделок на сумму около 10 тысяч рублей золотом.

---

* По материалам ЦГАОР, ф. 3385, оп. 1, д. 18, л. 7.
** Там же, л. 17.
*** ЦГАОР, ф. 3385, оп. 1, д. 18, л. 11.

Первый успех Каменева решила развить на международной выставке в Италии. Послали очередной запрос Шефтелю. На этот раз он оказался более разборчив в товаре и в письме заместителю Каменевой Р. С. Веллеру ответил следующее: «Слово «кустарные изделия» меня смущает, и посему я снова решил написать Вам, прося Вас перечитать мое письмо... в котором подробно писал на имя Ольги Давыдовны о том, что желательно получить. Боюсь, что хотите послать дерево... тогда лучше ничего не посылать, ибо деревянных изделий и изделий из папье-маше имеется здесь пока вдоволь. Важно получить действительно красивые вещи, независимо от их стоимости: изделия «Самоцвета», Петроградского фарфорового завода, Петроградской гранильной фабрики, чашки елизаветинского образца, оренбургские платки, которые бы могли прислать с дипкурьером, как это было обещано Ольге Давыдовне при мне, уфимские, бывшие абрамовские платки... Вот что я жду для выставки, чтобы иметь успех. Надо блеснуть подбором»*.

На деле Шефтель, уполномоченный Российского общества Красного Креста (!), незадолго до ответа Веллеру сумел-таки навести торговые мосты с итальянцами и получить гарантийные письма на хранение и сбыт художественно-антикварного товара в Милане и в Венеции от миланской коммерческо-индустриальной компании. Так что подбором изделий пришлось «блистать» Внешторгу, а не Последголу.

Неведомо сколько времени понадобилось Каменевой, чтобы растолкать остаток промыслового товара по разным странам и там его реализовать. Везде ее просьбы встречали с осторожностью, но без прямого отказа, ибо отказывать женщине, слезно кивавшей на голодное пролетарское студенчество, детские приюты и колонии, все-таки было стыдно.

Однако, странное дело, найти в архивах хоть какие-то документальные свидетельства настоящей благотворительной деятельности комиссии Каменевой, кроме запросов о правительственных валютных субсидиях на подписку иностранных газет и журналов, не удалось. Зато документов об «автолюбительстве» Ольги Давыдовны набралось на отдельный том. А начиналось оно с подержанного «кадиллака», купленного в августе 1923 года у АРА, причем на благотворительные деньги. Вскоре «кадиллак» забарахлил, и вся комиссия захлопотала о ремонте. Через секретариат Президиума ВЦИК доставали рессоры и какие-то запчасти. Закончилось тем, что автомобиль сдали в ремонт, а взамен его получили два «кадиллака» от американской благотворительной организации «Джойнт». И тут же Каменева отдала письменное распоряжение о личном закреплении одного автомобиля за собой и позволении пользоваться другим по «служебным надобностям». Следом появился третий «кадиллак» от той же «Джойнт».

Прознав о «кадиллаках», налоговое управление Моссовета обло-

---

* ЦГАОР, ф. 3385, оп. 1, д. 18, л. 53.

жило комиссию податью в размере 17 червонцев. Письмо туда: «Комиссия существует на те пожертвования, которые делаются за границей и в России, и трата этих денег по таким расходам, как уплата налога за автомобиль, по понятным Вам соображениям неудобна, так как может вызвать нежелательные толки за границей»*. И опять слезные ссылки на пролетарское студенчество и на беспризорных детей.

Поломки в машинах — и письмо Половцевой в Лондон: «...очень прошу купить для нас запчасти по прилагаемому списку и выслать их нам дипкурьером. Если вес их окажется слишком большим для одной посылки, то не откажите разбить на две или более посылок. На все запчасти нам ассигновано... около 15 фунтов. Если запчасти стоят подороже, то купите их, пожалуйста, и перешлите нам — деньги будут Вам немедленно переведены». Конечно, Варвара Николаевна постаралась и прислала запчастей на 18 английских фунтов.

К осени 1924 года в распоряжении Каменевой было уже четыре легковых автомобиля и полуторатонный грузовик «уайт», подаренный Ватиканской миссией помощи. Для них из Лондона были присланы 24 покрышки, 48 камер и разных запчастей на 103 фунта, а также каталоги фирм «Кадиллак» и «Додж» лично для Каменевой. Начались хлопоты об отдельном гараже для комиссии. Выделили.

Не прошло и двух месяцев, как в комиссии уже стало восемь машин: «кадиллаки», «форды», «доджи», «уайты». Пришлось хлопотать о расширении гаража и установке в нем телефона. И опять слезы по студенчеству и детям.

Не без основания можно предположить, что вся небогатая выручка от продажи кустарных изделий уходила на автомобильные забавы Каменевой. Говорят, очень любила Ольга Давыдовна роскошные выезды в пролетарские театры, на творческие выставки, пушные аукционы и собрания полуголодных студентов.

...Прошло время, пока в правительстве и Внешторге смекнули, что проку от экспорта матрешек и поварешек не будет. Чем больше их появлялось на заграничном рынке, тем меньше становился спрос и ниже покупные цены. Товар потерял оригинальность и стал приобретать скучную обыденность. Попробовали внести в изделия «революционный колорит», или, как ныне говорят, кич. Кое-что раскупили коллекционеры, но для массового покупателя пролетарская экзотика так и осталась непонятой.

А в общем-то, западные «эстеты» ждали из Советской России иной художественный товар. Знали, что поток ценностей вот-вот хлынет, поскольку собственной валюты в Республике едва хватало для внутреннего хождения, не говоря уже о расчетах за импортные поставки во благо грез коммунизма. Так и получилось.

С улучшением политической погоды на западе советский экспорт пошел в гору. Внешторг, уже не стесняясь, торговал бриллиан-

---

* ЦГАОР, ф. 3385, оп. 1, д. 46, л. 10.

Фоторепродукция картины В. Д. Поленова «Часто собирались у Гефсимании», или «Гефсиманский сад», из серии «Жизнь Христа». 1896—1909 гг. Продана И. Э. Грабарем в 1924 г. на выставке в Нью-Йорке коллекционеру Чарльзу Крэну. Настоящая судьба неизвестна. Пробный альбом выставки художника из коллекции Г. Н. Глезера.

тами и цветными драгоценными камнями в Амстердаме, Антверпене, Гамбурге и Лондоне. Там же расходилось музейное и церковное золото. К торговле приобщали и «культурные» организации.

Одна из первых крупнейших выставок-продаж развернулась в Америке под патронатом «Комитета по организации заграничных выставок и артистических турне» при ВЦИКе. Открытие ее состоялось 8 марта 1924 года в Нью-Йорке. Затем фонд выставки разделили на две части и одну из них отправили на юг США, а другую в Канаду. Вояж в Америку готовил почти год специальный выставочный комитет в составе И. Э. Грабаря, книгоиздателя И. Д. Сытина, его ближайшего помощника и якобы идеолога самого мероприя-

тия И. И. Трояновского, С. А. Виноградова, С. Т. Коненкова, К. А. Сомова и других не менее известных лиц. Для экспозиции и продажи отобрали более 900 произведений изобразительного искусства, которые были доставлены в Нью-Йорк Грабарем и Виноградовым. С американской стороны содействие в устройстве выставки оказывал, разумеется, за комиссионные проценты известный журналист и общественный деятель Кристиан Бринтон, промышлявший на продаже живописных полотен русских художников с 1918 года.

Смотрины и продажа картин, рисунков, акварелей и скульптур в Монреале и Торонто продолжались до десятых чисел сентября, а на юге США до середины ноября 1925 года. Денежный доход от выставки оказался ничтожным. Потери же для русской культуры — огромны. Самая значительная из них — полотна с духовной живописью В. Д. Поленова из цикла «Жизнь Христа», написанного художником в 1896—1909 годах. В Нью-Йорк вывезли 13 картин, 11 — осталось за океаном. Большую часть — 6 полотен — приобрел коллекционер Чарльз Крэн, в том числе и любимую самим Поленовым картину «В саду у Гефсимании». В последующие годы стараниями Всероссийского общества культурных связей с заграницей (ВОКС) во главе с Каменевой и внешторговского «Антиквариата» будут проданы остальные 42 картины из духовной серии художника.

«Выставка русского искусства» 1924—1925 годов, несомненно, послужила укреплению торгового сотрудничества с Америкой. И там поняли, что иметь дело с Советами очень выгодно. Встречи заокеанских партнеров с Каменевой и ее подопечными завершились созданием «Американского общества за культурные связи с Россией», и начиная с 1929 года в США стали проводиться регулярные выставки-продажи по линии ВОКСа.

Однако главная роль в популяризации художественного товара из России на американском торговом рынке принадлежала доктору Хаммеру. Помимо получения стабильных гохрановских выплат драгоценностями по торговым контрактам с Внешторгом, братья Арманд и Виктор сначала играючи, а потом всерьез занялись скупкой произведений искусства.

Особую страсть Хаммеры имели к бывшей собственности императорского дома и изысканному антиквариату. В воспоминаниях о московском периоде жизни Арманд об этом написал так: «Очень скоро наш дом в Москве превратился в музей предметов, раньше принадлежавших династии Романовых. От фарфора, икон, антикварной мебели и скульптуры по совету Бенедиктова (друга и советника Хаммеров по вопросам искусства. — *Авт.*) мы вскоре перешли к коллекционированию картин, которые в то время продавались в Москве гораздо дешевле, чем где бы то ни было в мире»*. Нетрудно догадаться, какие картины приобрели Хаммеры, если в их собрании полотна Рубенса и Франса Хальса шли далеко не первыми номерами.

---

* Цит. по: Хаммер А. Мой век — двадцатый. Пути и встречи. М., «Прогресс», 1988, с. 114.

Фоторепродукция картины В. Д. Поленова «За кого меня почитают люди» из серии «Жизнь Христа». 1896—1909 гг. В 1920 г. картина продана за границу по решению Комитета по организации заграничных выставок и артистических турне при ВЦИКе. Настоящая судьба неизвестна. Пробный альбом выставки художника из коллекции Г. Н. Глезера. Москва.

В 1928 году в Нью-Йорке открылся на паях первый магазин Хаммеров по открытой продаже художественного товара из России. Однако из-за финансовых неурядиц их партнеров—антикваров Е. Сахо и М. Геста — дело вскоре зашло в тупик. К счастью братьев, рядом оказался опытный торговый делец С. Хоффман. С его подсказки Хаммеры устроили «месячники распродаж» произведений русского искусства в крупнейших магазинах Сент-Луиса, а затем и Нью-Йорка.

К завершению распродажи братья уже открыли собственный антикварный магазин с весьма выразительным названием «Эрмитаж» в центре Нью-Йорка. Доставкой товара занялся Виктор, совершая челночные рейсы в Европу, при этом не обязательно посещая Москву, поскольку дешевого антиквариата из России было достаточно в том же Берлине и Париже. А окрыленный торговым успехом Арманд за считанные недели написал книгу «В поисках сокровищ династии Романовых». Герои приключений — братья-миллионеры. Лучшей рекламы не придумать, и в результате — открытие в Нью-Йорке галереи Хаммеров с проведением шумных выставок-распродаж русской живописи, икон и пасхальных ювелирных подарков Фаберже. В числе постоянных клиентов Хаммеров теперь стали не только состоятельные американцы, но и далекие

гости из-за океана, как, например, один из самых богатых англичан, Г. Клифтон, и агенты еще более богатого египетского короля Фарука. От последнего за регулярную доставку в Каир ювелирных изделий из бывших дворцов Петрограда братья удостоились титула «Поставщик Его Высочества Короля».

Для самых богатых «чудаков» Америки начиная с 1934 года Арманд Хаммер устраивал сезонные распродажи в Палм-Бич, в месте паломничества состоятельной элиты. О прихотях покупателей в Палм-Бич он сам рассказывал следующее: «Больше всего у нас покупали безделушки для подарков: бывало, гость приносил в подарок хозяйке на ее день рождения портсигар работы известного всем Фаберже, сделанный по заказу русской царицы. Дамы из общества посылали друг другу в подарок коробочки для нюхательного табака, принадлежавшие раньше семейству Романовых»*.

Как схож торговый цинизм Хаммера с политическим цинизмом большевиков в отношении фамильных вещей Романовых и трагической судьбы царствовавшего дома. И чем, собственно, отличались нравственно дамы из американского общества, скажем, от командира Красной Армии В. М. Примакова? Тот тоже с гордостью показывал друзьям и именитым партийным гостям награду от ВЦИКа за «Польский поход»: золотой дамский портсигар ювелирной работы Фаберже с сокровенной надписью заказчика — подарок Николая II Кшесинской. Отличие лишь в том, что дамы за «безделушки» платили доллары, да и не так много даже по сравнению с покупкой кухонной кастрюли, а красный командир рассчитался за подарок кровью пролетариев и их «классовых» врагов.

Так как же следует расценивать конфискованное большевиками имущество бывшего российского императора? Как достояние Республики? Как престижные награды «мировой революции»? Или как доходные сувениры? Что тут скажешь!

Имущество бывших дворцов под марками «романовское» или «императорское» становилось самым ходовым товаром на антикварном мировом рынке. Со всех концов света пробирались на отдельно взятый «остров сокровищ» искатели легкой наживы. И не зря. Здесь их в полной готовности поджидали шикарные барахолки Госфондимуществ, переполненные антикварные магазины Главнауки Наркомпроса, экзотические аукционы всевозможных комиссий ВЦИКа и наполненные благородным блеском внешторговские «торгсины». А товар все прибывал и прибывал.

Весной 1926 года комиссия Госфондимуществ выбросила на продажу уникальную хрустальную и фарфоровую посуду из Зимнего дворца, в том числе сервиз в 600 предметов из рогового хрусталя, изготовленный по заказу императора Александра I.

Той же весной на склады Госфондимуществ для последующей распродажи вывезли принадлежности Гатчинского и Ропшинского

---

* Хаммер А. Мой век — двадцатый. Пути и встречи. М., «Прогресс», 1988, с. 125.

дворцов: гостиную мебель и стулья эпох царствования Павла и Александра I, бронзовые изделия и ковры.

В московский антикварный магазин Главнауки из Зимнего дворца доставили около 400 ящиков с отборным хрусталем, фарфором, бронзовыми канделябрами и царскими портьерами. А уполномоченный Деткомиссии ВЦИКа там же для собственного аукциона выбрал великолепную мебель, в том числе музейного значения шкаф из туи, отделанный художественной бронзой и зеркалами в стиле «ампир» времен Александра I и шкаф черного дерева с мозаикой и малахитовыми колонками работы императорской Петергофской гранильной фабрики. Можно представить, какую выручку от реализации музейной мебели получили в Деткомиссии, если на хаммеровских торгах царский письменный стол Павла I был продан всего за 200 долларов.

Летом 1926 года эксперты Главнауки приступили к разборке несгораемого фамильного сундука графов Строгановых. Из того, что извлекли оттуда, Эрмитажу достались золотые и серебряные мундштуки ювелирной работы, тончайшая миниатюра на слоновой кости, выполненная Бродлеем, и музыкальные часы. В пользу Гохрана передали звезду и шифр ордена Андрея Первозванного с бриллиантами. Остальное пустили в продажу. А вскоре за границу перекочевали и художественные ценности бывшего Строгановского дворца: свыше ста полотен западноевропейских художников, среди них картины Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка и других выдающихся мастеров живописи, скульптуры, в том числе Гудона и Фальконе, иконы, фарфор, гобелены и мебель. В итоге антикварная фирма «Рудольф Лепке хаус» в 1931 году провела шикарный аукцион «Строгановский дворец».

Обо всем этом шумно сообщала пролетарская пресса, завлекая в Советскую Россию все новых и новых «джентльменов удачи». И те, освоившись, уже не только молча радовались легкой добыче и самодовольно потирали руки, но и ворчливо предъявляли советским торговцам свои требования. Как, например, заморские антиквары Партридж и Дейтон, неоднократно посещавшие Москву и Петроград-Ленинград. Через те же газеты они выразили недовольство небрежной упаковкой советскими продавцами фарфора и хрусталя — много бьется, да и коллекционный товар подчас оказывается при близком рассмотрении более низкого качества, чем в момент продажи. Однако и тот и другой приехали в Россию очередной раз, поскольку найти дублеты гравюр Рембрандта, Рубенса, Гойи, а также музыкальные коллекции Губер-Робера, кроме как в Ленинграде и Москве, — негде. И нашли — стараниями «Антиквариата». Отказать ему в услужливости было нельзя. Где уж там, если одному заграничному покупателю, пожелавшему остаться неизвестным, была продана вычурная карета французской работы XVIII века. Правда, в вывозе ее за рубеж отказали, но лишь только потому, что, по сведениям контрольной комиссии Главнауки, карета ранее принадлежала последнему польскому королю Иосифу Понятовскому. При-

Русское художественное серебро в изделиях фирмы Фаберже и ювелирных мастерских Петербурга на аукционе Деткомиссии ВЦИКа в «Торгсине». Москва, 16 сентября 1930 г. ЦГА КФФД РФ.

шлось взамен реквизированной покупки выдать покупателю компенсацию другими, не менее ценными сокровищами, что и было им принято вместе с «искренними» извинениями Советской власти. Наверняка, была бы вещь поменьше и из бывшего имущества того же Понятовского, — пропустили бы без раздумий, как пропускали прочие польские «мелочи». Но и путь в Варшаву карете был заказан. Ничего даром большевики не отдавали, даже долги, и в своих бесплодных ожиданиях на возвращение национального достояния поляки были не одиноки.

Неоднократно делало запрос о судьбе золотой казны и исторических сокровищ правительство Румынии. Наркоминдел заверял, что все в целости и сохранности. С восстановлением дипломатических отношений между СССР и Румынией в 1934 году последней передали останки князя Дмитрия Кантемира [220], кое-какие художественные ценности и архивные бумаги. Затеплилась надежда и на возвращение казны. Однако спустя шесть лет Молотов заявил, что о передаче золота Румынии не может быть и речи, потому что та долгое время нещадно эксплуатировала теперь уже ставшую советской Бессарабию. Пусть не совсем убедительно, но как-то надо было оправдываться. Кому, как не Молотову, было известно, что последние остатки золотых румынских лей перелиты в безликие слитки Наркомфина и пролетарские червонцы. Поговаривали, что и драгоценности румынской королевы Марии, также хранившиеся в Российском государственном банке, были распроданы на «братские» пар-

тийные «нужды» агентами Коминтерна. Возможно, ведь румынские сокровища долгое время курировал лично стратег мировой революции — Троцкий.

Другое дело — покупатель с валютной мошной. Для него старались. В том же 1926 году комиссия Госфондимуществ пустила в антикварные магазины и на аукционы весь «государственный» запас пасхальных фарфоровых яиц, изготовленных на бывшем Императорском фарфоровом заводе, с инициалами «Н. А.» и «А. Ф.» — убиенной царской четы. Заграничное воронье расхватало все мигом. Но настоящий бум в течение нескольких десятилетий не утихал на западных аукционах вокруг фамильных императорских пасхальных яиц работы Фаберже. Каждое из них — неповторимое сочетание художественной выдумки с благородством материала: золота, серебра, платины и драгоценных камней. Таких яиц насчитывалось немногим более пяти десятков. Напомним, что из апартаментов Александровского и Зимнего дворцов они были изъяты как царская «рухлядь» по распоряжению Ятманова Телепневым, Шаусе и Коровиным, а позже их принял под свою опеку Малиновский. Каким-то чудом в Оружейной палате сохранились лишь десять уникальных изделий. Остальные в середине 20-х годов были пущены в переработку и на продажу. Одиннадцать пасхальных яиц приобрел Хаммер. Два из них были проданы им на первых же торгах в Нью-Йорке всего за 900 долларов. Настоящее чудо мастеров Фаберже — яйцо с помещенным в нем заводным бриллиантовым лебедем — Хаммеры уступили королю Фаруку за 100 тысяч долларов. В 70-х годах на торгах «Кристи» за изделие попроще была выплачена сумма уже в четыре раза выше. А рекордсменом среди собирателей императорских пасхальных подарков стал американец Мальком Форбс. За одиннадцатое «яйцо Фаберже» для собственной коллекции он выложил на аукционе «Сотби» в 1985 году 1 миллион 760 тысяч долларов.

Семьдесят лет просуществовала в России ювелирная фирма Фаберже. Любые творческие замыслы ее хозяина и основателя были подвластны доморощенным мастерам, и в первую голову Ивану Первухину и Юрию Николаи. Не счесть сложнейших художественных комбинаций из радуги самоцветов и кружев металла. Не менее удивительны скульптурные фигурки людей и животных из российских камнерезных камней — агата, кварца, халцедона, малахита и родонита — в реалистической и стилизованной манере, с юмористической изюминкой или оттенком грусти. Для изготовления одной такой фигурки художники-ювелиры делали множество зарисовок, часто с натуры, а художники-модельеры изготовляли не одну восковую модель с тщательной проработкой мельчайших деталей. Виртуозность и мастерство ювелиров были неподражаемы. Слава о фирме Фаберже шла по всему свету. В 1900 году ее хозяина — Карла Фаберже — удостоили «Гран-при» на Всемирной выставке в Париже и французского ордена Почетного легиона. Изделия фирмы являлись величайшей гордостью царствовавших дворов Европы и признанных музейных собраний. Ныне самая крупная коллекция поде-

лок ювелирного дома Фаберже находится в Букингемском дворце английской королевы. В российских же музеях едва ли найдется несколько сотен изделий, в том числе окладов икон, кубков, серебряной посуды, камнерезных фигурок и драгоценных украшений. Сын Карла Фаберже — Александр, отработав по контракту экспертом в Гохране, уехал за границу и там повел свое дело. Но это уже был не тот, не «русский Фаберже».

Похожая судьба выпала на долю фарфорового завода братьев Корниловых. За участие в российских промышленных выставках 1839, 1841, 1849 годов владельцы завода награждались золотыми медалями на Анненской ленте. С 1843 года фарфоровая продукция Корниловых, не уступавшая по качеству лучшему европейскому фарфору, получила право клеймения государственным гербом. В 1918 году завода не стало, а его посуда, вазы, фигурки распродавались в антикварных магазинах Главнауки и Внешторга как захудалый товар. Такая же участь постигла гжельские заводы Барминых и братьев Кузнецовых, фаянсовые изделия завода Гарднера, отмеченного в 1839 году орденом Святого Станислава 3-й степени.

Всего 28 лет проработала Абрамцевская мастерская, а затем гончарный завод, возникший в свое время в имении известного мецената С. И. Мамонтова. С 1896 года в его мастерских работала группа талантливых художников во главе с М. А. Врубелем. Возрождая искусство глины, мастера вышли на «секрет» майоликового полива и глазури с металлическим блеском. В 1918 году завод закрыли, а его скульптура, декоративные изделия и архитектурная керамика выставлялись на «пролетарских» аукционах и заграничных выставках-продажах буквально за гроши.

Еще ниже оценивались на аукционах и в букинистических магазинах рукописные и редкие книги, в том числе с великокняжескими автографами и автографами знаменитостей. В продажу поступали целые библиотеки: личные, монастырские, церковные... А сколько бесценных книг буквально за копейки пропало в пасти Бумпрома и просто сгинуло! Из владимирской святыни — Успенского собора — заведующий губмузеем А. И. Иванов продал некоему гражданину Небову «духовно-религиозные книги и книжный хлам для утилизации по цене 14 копеек золотом за пуд». Всего, как значится в отчетах бухгалтерии, «за купленный из Успенского собора книжный хлам весом 810 пудов по 14 копеек золотом за пуд было уплачено 113 рублей 40 копеек, или 8448 рублей 30 копеек в дензнаках 1923 года»*.

А власть тем временем создавала свою историю, и интересовали ее иные письмена и иная литература. С начала 20-х годов вместе с российскими изгоями за границей оказалось немало культурных и исторических ценностей. Один за другим стали формироваться на общественных началах музеи и архивы белой эмиграции. К концу 20-х годов последних насчитывалось добрый десяток, из них в Чехо-

* По материалам ГАВО, ф. 1826, оп. 1, д. 20, л. 17.

словакии — пять, во Франции — четыре и в Германии — один. Вокруг этих архивов кишели тайные и явные агенты Коминтерна и Политбюро ВКП(б). Захватывали, выкрадывали и скупали любые документы, имеющие отношение к движению социал-демократии и истории большевизма. Денег на то не жалели. Особенно волновали большевиков парижский архив заграничной политической агентуры бывшего Департамента полиции, берлинский архив русских социал-демократов и частные собрания документов революционно-политического характера. Известное дело почему: стремились во что бы то ни стало уберечь мнимую святость власти и ее вождей.

В 1923 году с «особой» миссией от Испарта ЦК РКП(б), позже Института Ленина, был направлен за границу опытный агент-искровец Н. С. Ангарский, он же Клестов. Почти за два года поисковой работы ему удалось скупить и «приобрести» сотни партийных документов. За 30 писем Ленина — кое-какие брошюры и несколько листовок — Ангарский заплатил вдове Г. В. Плеханова — Розалии Марковне — пять тысяч долларов, Л. П. Меньщикову, бывшему чиновнику охранного отделения Департамента полиции, за полторы сотни книг, воззваний и партийных листков выложил 10 тысяч франков. За рукопись речи по аграрному вопросу, написанную Лениным для депутата Государственной думы Г. А. Алексинского, Ангарский заплатил полторы тысячи долларов, за несколько десятков газет и журналов издательства «Вперед», писем ЦК и циркуляров — 5400 франков, за несколько печатных статей Ленина и афиши с его именем — 240 долларов*. А вот за предсмертное письмо декабриста Рылеева отдать 300 франков — вроде бы сущий пустяк — не решился. Смутила последняя «редкостно спокойная» фраза автора: «Ну, прощай... просят одеваться»**. Уж больно нереволюционная. Запросил Москву.

Долго и осторожно подбирался Ангарский к документам министерства внутренних дел. Наконец долгожданное сообщение Л. Б. Каменеву, председателю Моссовета и первому директору Института Ленина: «Касательно Парижского архива охранного отделения. Ключи у нас. 17 ящиков в доме посольства, где проживает посол Маклаков[221]. Ящики взять, по моему мнению, легко... Прошу меня об этом уведомить»***.

Что удалось «взять» Ангарскому в ящиках — точно неизвестно. Кажется, какие-то списки провокаторов и тайных агентов охранки. Но вот донесения о посещении Лениным и Троцким в конце 1916-го — начале 1917 года немецких и австрийских консулов в Цюрихе, Базеле и других местах, а также подробные доклады о поведении означенных лиц за границей, в том числе материалы о получении ими денег, оказались в руках С. Г. Сватикова, бывшего комиссара Временного правительства, который по долгу службы допрашивал в

---

* По материалам РЦХДНИ, ф. 347, оп. 1, д. 19, лл. 80, 81, 82, 83—87; ф. 71, оп. 3, д. 4, л. 12.

** Там же, ф. 71, оп. 3, д. 4, л. 14.

*** Там же.

Гибель Симонова монастыря. Вынос церковного имущества из храма красноармейцами. Москва, 1925 г. ЦГА КФФД РФ.

1917 году секретных сотрудников царской заграничной агентуры. Сам Сватиков знал и имел многое, что было неприятно Совнаркому. За документы он запросил у Ангарского тысячу долларов. Сторговались*. Денег на закупку «ленинианы» у Ангарского хватало, благо Каменев снабжал ими своего агента из кармана Мосвнешторга

* По материалам РЦХДНИ, ф. 347, оп. 1, д. 19, лл. 85, 86, 87.

и его представительств за границей бесперебойно. Разумеется, за счет проданного антиквариата и российских исторических ценностей.

По-прежнему большевики были неравнодушны к церковному «промыслу». Набеги на храмы повторялись вновь и вновь. При повторном обследовании в 1926 году Никольского собора в Ленинграде, бывшего главного морского храма России, эксперты обнаружили, что принимаемая за серебряную 84-й пробы утварь в действительности является чисто золотой. В свое время она была преподнесена собору императрицей Екатериной II в ознаменование победы русского флота в Чесменском бою. Утварь изъяли и провели по приходному счету Гохрана около 2 пудов червонного золота. И снова — часть в переплав, а часть — на продажу.

Трудами «Антиквариата» и Внешторга в Западной Европе формировались все новые и новые собрания русского церковного искусства. Одно из богатейших было собрано бельгийцем Отто О'Мейром всего за несколько лет. Консультировал его небезызвестный русский искусствовед-эмигрант Муратов. После смерти хозяина коллекции в 1928 году великолепная по подбору церковная утварь и иконы — всего около полутысячи предметов — бойко разошлись с молотка на «укрепление» других собраний.

Так же бойко и так же за бесценок шла торговля храмовым имуществом и на внутреннем рынке. Из владимирского Успенского собора в магазин губоно «Культура» завезли кованый несгораемый сундук. Продали за 6 тысяч рублей дензнаками. Гражданке Жаворонковой с Троицкой улицы, совслужащей, из того же собора было отпущено церковных тканей и мебели на 26 136 рублей*. Но это примеры, если так можно сказать, пристойной торговли. А вот письмо, написанное в 1924 году священнослужителями и прихожанами Петроградской стороны Ленинграда в церковный стол губисполкома:

«Не будет ни для кого новостью, что все большие иконостасы бывшего большого монастыря (на Карповке)[222] давно обращены в казенное бесплатное топливо для комендантов домов (топливо не полагающееся) и что такое давно сожжено.

Не будет новым и то, что обильная его более крупная и «громоздкая» живопись известных художников Платонова, Нестерова и других пошла не в художественные музеи, а в Карповские бани, где и подвергнута вандальной порче и уничтожению.

Не будет ново и то, что вся его обширная библиотека, обильная обстановка, утварь, драпировка, шелковые занавеси, аналои, живопись средней величины, маленькие иконы и все многое прочее, там оставшееся, как не из золота и серебра скованное и там находившееся, пользовались обильным успехом на толкучих рынках и у фанатиков-верующих.

Не миновала этой участи и большая колокольня, где хранились большие запасы дорогого сухого материала, представлявшего собою

* По материалам ГАВО, ф. 1826, оп. 1, д. 20, лл. 10, 32.

запас на ремонт, обратившийся в конце концов в даровое топливо для тех же комендантов и их покровителей, которые в поисках выгоды добрались и до колоколов, из которых некоторые доходят до 500 пудов весу, и из коих некоторые висели на кожаных ремнях, известных под названием «пассы» для привода в движение машин на фабриках и заводах. Ценность такого рода пассов определялась не размером, а весом. На эти ремни был особый спрос на толкучках, а потому ремни со снятых колоколов, из которых некоторые увезены, а некоторые еще валяются там на полу, ушли не в хозяйственный отдел и не на нужды государства, а на толкучие рынки... Все это на глазах у людей, у народа, названного массой темною и проч., в отличие от тех, кто творил все это и претендовал при этом на цвет и светлость.

Типичным будет и то, если ко всему этому будет прибавлена и та комбинация, которая под благовидным видом борьбы невесть с чем обратилась в явную, открытую и спорую спекуляцию, которая систематически проводится и проявляется такого вот рода образом и способом. С наступлением ночи домовая администрация хватается за имеющиеся в далеких местах и закоулках спрятанные иконы, живопись, аналои, мебель, утварь, книги и проч. и, неся с собою всякий сколько может, отправляется в намеченные места, охотно приобретающие не то для обстановки, не то для святости поясненные предметы, вещи, и здесь продавцы таковых, подавляя совесть, определяют цены не суммой, а бутылкой. И на вопрос «сколько стоит?» в малой вещи получается: «Да что, дорого не возьму, на столько-то бутылок пива» (а в большой вещи — на столько-то бутылок самогонки, а в ценной вещи — на столько-то бутылок спирту). У многих из покупателей, незнакомых с системой бутылок, с качеством и ценой содержимого в них зелия, вырывается вопрос: «А сколько стоит бутылка?»

Но на этом не заканчивается бутылочная вакханалия, она идет на уступки и берет любую предложенную цену-сумму, с какой и отправляется в места злачные и, сподобившись там всякого рода зелия до головокружения, возвращается восвояси, шатаясь и еле держась на ногах. У себя же дома, после всего питого, начинается новая вакханалия в виде спора, ругани, песни, брани и даже драки. А кончается она карточной игрой.

Такова борьба с одним культом, и таковы плоды другого культа, ставшего на его место...»*

Такое вот письмо. Где-то нескладное, в чем-то неказистое, но наполненное искренними переживаниями и надеждой на прозрение столоначальников. Сотни, тысячи подобных писем можно найти в бывших спецфондах городских, областных, центральных и партийных архивов. Жуткие зарисовки с натуры о духовном растлении народа и гибели национальной культуры. Но о каком духовном спасении в то время могла идти речь, если власти предержащие,

* ЦГАОР СПб., ф. 1001, оп. 9, д. 46, л. 32.

начиная с 20-х годов, выдворяли из России цвет интеллигенции, «неспособной» понять и принять катехизисы Маркса. О том, чего стоили эти люди, можно судить по фактам их жизни на чужбине. Даже там они находили место и дело служения Родине.

Благодаря подвижничеству большой группы российских ученых, писателей и общественных деятелей к началу 30-х годов за границей действовало 14 русских музеев — животворящих очагов национальной культуры.

Русский педагогический музей в Париже имел внушительное собрание научных и популярных трудов по отечественной и всеобщей истории, географии, рукописных учебных и литературных сборников для детей, песен и музыкальных пьес. Музей обслуживал не только учебные заведения эмиграции в Париже, но и периодически высылал свои коллекции в русские школы Марселя, Польши и Югославии.

Парижский Русский музыкальный исторический музей старательно собирал рукописи русских композиторов, их письма, автографы известных русских артистов, оперных певцов и старые театральные костюмы.

Там же, в Париже, при русском обществе «Икона» был открыт Музей древнерусской церковной живописи. Его крупная коллекция сложилась на пожертвования эмигрантов и посредством выкупа ценных икон у западных антикваров. В музее проводились выставки молодых иконописцев. Их лучшие работы пополняли музейный фонд.

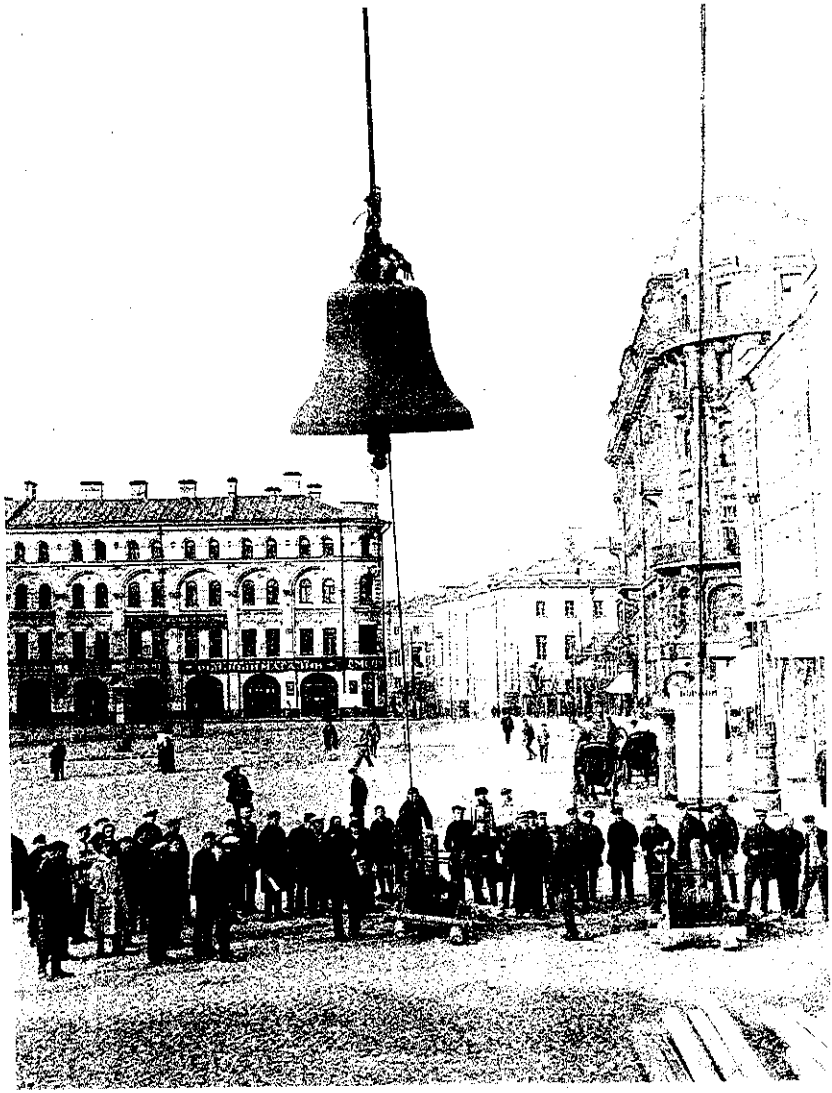
В Риге, при «Кружке ревнителей русской старины», сформировалось обширное собрание рукописных церковных книг, икон и произведений прикладного искусства России, Украины, Белоруссии и Болгарии. С 1928 года кружок проводил регулярные выставки славянского народного творчества.

Перечень деяний наших соотечественников-эмигрантов во имя спасения и сохранения национальной культуры велик, но разве могло их подвижничество компенсировать сполна варварство большевиков и излечить духовный недуг когда-то единого великого народа, тем более вдали от России? Этот народ раскололся надвое, и его громадный советский осколок оказался в глухой изоляции ОГПУ.

...Несмотря на все денежно-валютные и торговые выверты Совнаркома, финансовое и экономическое положение Советской России оставалось критическим. Твердый рубль был, но управлять рублем и хозяйствовать «верхи» не смогли. Всеобщее материальное и духовное обнищание народа продолжалось.

Только в одном 1924 году Особым совещанием ОГПУ было приговорено к расстрелу и расстреляно 743 человека за подделку денежных знаков*. Небывалый в мировой уголовной истории факт в этом виде государственных преступлений и весьма красноречивый пока-

* РЦХДНИ, ф. 76, оп. 3, д. 362, л. 2.



Снятие большого колокола с колокольни церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду. Москва, 1925 г. ЦГА КФФД РФ.

затель социально-экономического благополучия. Вглубь и вширь росла контрабанда, процветали спекуляция и воровство.

Не изменила жизнь народа и смена вождей. Говоря словами Есенина, Сталин еще суровее и угрюмее продолжал творить дела своего предшественника. В заботах об укреплении собственной власти новый вождь тоже пошёл по пути усиления правительственной валютной монополии.

Обломки колоколов с церкви Святого Пимена в Каретном ряду. Москва, 1925 г. ЦГА КФФД РФ.

В 1925 году прекратили чеканку серебряного рубля, а в 1928 году — и полтинника. «Свободное» серебро пустили на нужды Внешторга. В 1926 году был запрещен вывоз советских денежных знаков за границу, а в 1928 году — ввоз их из-за границы. Вновь стала набирать темпы инфляция. С 1927 года цены на внутреннем рынке неудержимо поползли вверх, а спустя два года в стране ввели карточную систему снабжения продовольственными и промышленными товарами. И вновь единственным держателем настоящей валюты оказалось правительство, а долги народу отнесли на счет будущих завоеваний индустриализации, объявленной всеобщим трудовым фронтом. И снова мобилизация «рабсилы» в угаре политической истерии. И опять нещадные трудовые бои, замешанные на голом энтузиазме и страхе перед террором власти. Однако внешнее обеспечение пятилетних планов строительства коммунистического завтра свое требовало. По горло были нужны цветные и драгоценные металлы, но осваивать недра — дело долгое, и поэтому в конце 20-х годов взялись за церковные колокола.

Веками славились российские города «красным», или «малиновым», звоном церквей и соборов. Самобытное искусство колокола было древнейшим на Руси и, наверное, одним из самых почитаемых в народе. Первые упоминания в летописях о литье колоколов на русской земле относятся к 988 году. В начале XI века колокола были установлены на храме Святой Софии в Новгороде, при Десятинной и Ирининской церквах в Киеве, к 1170 году колокольным звоном

**Вестибюль Дома Общества воинствующих безбожников.
Ленинград, конец 20-х — начало 30-х гг.
ЦГА КФФД Санкт-Петербурга.**

наполнился Владимир. Подлинный расцвет колокольного искусства пришелся на XVII век. С того времени стали «поющими» и города, и веси России, а наиболее выдающиеся произведения мастеров получали собственные имена: «Красный», «Голодарь», «Лебедь», «Сысой», «Чудотворец»... Каждый из колоколов имел свою биографию, многие — легенды и предания, связанные с судьбами людей и историей государства.

В 1918 году в Советской России колокольные голоса оборвались. «Малиновое» пение отнесли к разряду «контрреволюционного» деяния. Справедливости ради надо сказать, что абсолютного запрета на колокольный звон не последовало, но в постановлении Совнаркома «О набатном звоне» от 30 июня 1918 года строжайше предупреждалось, что виновные в созыве населения набатным звоном предаются суду революционного трибунала. О служебном, церковном звоне не говорилось ни слова. Однако ударить в колокола боялись. Как докажешь, что звон не «контрреволюционный», если даже звонари, как и все служители культа, считались врагами социалистической революции? Да и власть имущим было не до различий в колокольном песнопении.

На основании постановления Совета Народных Комиссаров от 19 сентября 1923 года приступили к съему колоколов в отдельных закрытых церквах и монастырях. Как было объявлено — за ненадобностью. Растащили те колокола по заводам — и в промышленную переработку.

Транспортировка большого церковного колокола на территории завода. Москва, 1930 г.
ЦГА КФФД РФ.

И вот кое-кому в Совнархозе показались неснятые колокола не иначе как дармовыми райскими яблоками, налитыми красной медью и оловом. Бросились подсчитывать «сырье».

Всероссийскую перепись колоколов начал некий «красный профессор» П. В. Гидулянов. Считал он, конечно, не поштучно, а пудами, чтобы не усложнять работу планирующим ведомствам — лом, он и есть лом.

По данным Гидулянова, общий вес колоколов по стране к 1929 году составлял около 2 миллионов пудов, из которых свыше 112 тысяч пудов приходилось на Московскую епархию, 82 тысячи — на Ленинградскую, 55 тысяч — на Тверскую, столько же — на Нижегородскую, по 48 тысяч — на Ярославскую и Тамбовскую. Подсчитано было все, включая колокола православных храмов Украины, Белоруссии, Грузии и Туркестана.

В своей книге «Колокола на службе магии и царизма» упомянутый профессор высказал следующее соображение:

«Волховстрою и Днепростроюнужны материалы для электролитической работы. Мы без труда получим собственную химически чистую красную медь (на электрификацию, производство тракторов и т. д.). При обработке колокольного сплава электролитическим путем СССР приобретет значительное количество металлов, входящих в состав колокольной бронзы: олова и цинка, являющихся у нас дефицитом еще с первых месяцев империалистической войны».

Особо ценные изделия народных мастеров Гидулянов предлагал

Производственная свалка завода «Знамя труда». Колокола киевских церквей, свезенные для переплавки. Ленинград, сентябрь 1930 г. ЦГА КФФД Санкт-Петербурга.

реализовать по-другому: «Думается, что наиболее целесообразным выходом для ликвидации у нас уникальных колоколов является вывоз их за границу и продажа их там наравне с другими предметами роскоши, искусства и т. д.».

Идеи профессора подхватили, как говорится, на лету. В правительственных учреждениях переплавка колоколов уже рассматривалась как крупная политическая и экономическая акция. А раз так, то все вопросы, связанные с ней, решались при закрытых дверях, с соблюдением строжайшей секретности и под надзором НКВД.

15 декабря 1929 года секретариат ВЦИК принял постановление «Об урегулировании колокольного звона в церквах» со следующей витиеватой формулировкой:

«В связи с новым распределением трудовых процессов в рамках непрерывной недели, выдвигающим по-новому вопрос о пользовании колокольным звоном для религиозных целей, предоставить право регулирования колокольного звона при отправлении культовых служб горсоветам и районным исполнительным комитетам, с правом обжалования соответствующих постановлений горсоветов и РИКов до окрисполкомов включительно; решения последних являются окончательными»*.

Почему же центральная исполнительная власть решение столь важного государственного вопроса отдала на откуп местным совдепам и комитетам? Да потому, что во ВЦИКе не сомневались, что

* ЦГАОР, ф. 5263, оп. 1, д. 2, л. 18.

3 копейки образца 1929 г. Колокольный металл. Аверс. Из коллекции Н. В. Харченко, г. Барнаул.

То же. Реверс.

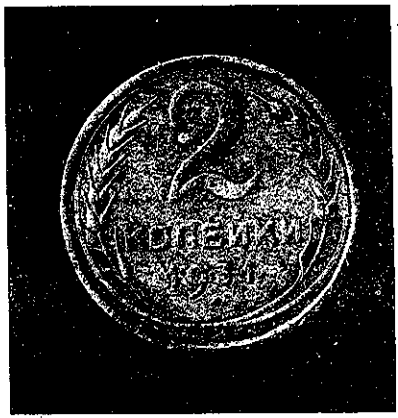
право регулирования звона будет понято как команда к его запрещению. Не остался в стороне Главлит. Его циркуляром к числу запрещенных песен был причислен известный и любимый народом «Вечерний звон» на слова И. Козлова. О каком же регулировании или ограничении колокольного звона могла после этого идти речь?

Далее в том же постановлении говорилось: «Ввиду ряда запросов с мест о снятии с колоколен колоколов и об использовании их, а также вырученных от их реализации сумм поручить СНК РСФСР в месячный срок выработать проект соответствующего постановления и представить его на рассмотрение Президиума ВЦИК»*. Добавить нечего, кроме одного: начало этой фразы являлось уже традиционным оборотом во всех официальных документах, а ее завершение — «горячим» откликом на начало.

А вот рекомендации секретаря постоянной Антирелигиозной комиссии при Президиуме ВЦИКа Е. А. Тучкова, известного затейника почти всех тайных антицерковных операций ВЧК — ОГПУ, в консультативном письме НКВД были более категоричны:

«Колокольный звон, производимый на всю данную округу церковниками, резким образом противоречит принципу отделения церкви от государства, ибо по бытовым условиям и правам широких безрелигиозных масс, особенно города, он мешает труду и использованию трудящимся населением его отдыха... При всех этих условиях и при наличии соответствующих требований, идущих со стороны культурно выросших широких трудовых масс, необходимо нашим правительственным органам встать на путь применения в отношении к церковному колокольному звону строго ограничитель-

* ЦГАОР, ф. 5263, оп. 1, д. 2, л. 18.



2 копейки образца 1931 г. Колокольный металл. Аверс. Из коллекции Н. В. Харченко, г. Барнаул.

То же. Реверс.

ных и даже запретительных мер... При проведении этих мероприятий местные общественные организации обязаны предварительно провести широкую подготовительную кампанию»*.

Во избежание «недогибов» и «перегибов» упомянутые мероприятия по линии НКВД Тучков советовал проводить в тесном контакте с ЦК ВКП(б). Как же иначе!

И «массы» пробудились. Поднялась волна шумных митингов и собраний. Города и веси расцвели плакатами «Используем колокола на дело индустриализации!». Своры рьяных исполнителей кинулись на колокольни...

Главным центром по переплавке колоколов был назначен Московский электролитный завод имени Молотова. Первые партии лома стали поступать туда уже в конце 1929 года. Сначала по пятилетнему плану Рудметаллторга к 1934 году заводу предстояло переработать 130 тысяч тонн колокольной бронзы, из расчета, что всего по стране имеется около 150 тысяч тонн.

Однако на поверку планы Рудметаллторга оказались дутыми. Плановиков заменили.

Более осторожные специалисты Гипроцветмета определили общий вес колоколов по СССР минимум в 74 600 тонн, максимум — в 97 960 тонн. Из этого количества ожидалось получить свыше 55—69 тысяч тонн чистой меди и около 12—14 тысяч тонн олова. Себестоимость переработки одной тонны колокольной бронзы Гипроцветмет установил в 54 рубля 24 копейки, из коих 1 рубль 6 копеек (всего лишь!) за разбивку колокола на копре и 11 рублей 60 копеек за саму переплавку; остальное приходилось на очистку металла и «рабочий

* ЦГАОР, ф. 5263, оп. 1, д. 2, л. 3.

5 копеек образца 1932 г. Колокольный металл. Аверс. Из коллекции Н. В. Харченко, г. Барнаул.

То же. Реверс.

контроль». Зато общую стоимость предполагаемой добычи меди и олова подсчитали в золотой валюте по ценам Лондонской биржи: 43 936—52 378 тысяч рублей. Как устоять перед таким соблазном!

К октябрю 1930 года в промышленную переработку поступило 11 тысяч тонн колокольной бронзы. Высшему Совнархозу этого показалось мало. Обратились за помощью в Совнарком Союза. Оттуда ударили кнутом по правительствам республик: сдать до конца текущего года и в первом полугодии следующего не менее 25 тысяч тонн лома колоколов, в том числе России — не менее 20 тысяч, Украине — не менее 4 тысяч и Белоруссии — не менее тысячи тонн. Но прошло две недели, и 23 октября 1930 года предсовнаркома Союза А. И. Рыков по подсказке Сталина спустил в «низы» еще одно совершенно секретное напутствие:

«Изъятие излишних колоколов необходимо осуществить по возможности быстрее (так как мы решили их использовать в первую очередь для чеканки мелкой разменной монеты, которая до сих пор чеканилась на импортной меди), не придавая этому политического значения и излишней огласки»*.

Стоило ли Рыкову лишний раз поторапливать своих наместников? Повальное соревнование по сдаче «лома» уже давно захлестнуло страну. Очевидцы тех событий рассказывают, что заунывный стон сбрасываемых на землю колоколов не прекращался в крупных городах даже ночами. Покалеченные колокольни, не задумываясь об их архитектурной ценности, тут же взрывали подчистую. Старались партийцы, старались комсомольцы и пионеры, старались даже церковники, разумеется, «обновленные». Видать, не зря усердство-

* ЦГАОР, ф. 5263, оп. 1, д. 2, л. 9.

1 копейка образца 1934 г. Колокольный металл. Аверс. Из коллекции Н. В. Харченко, г. Барнаул.

То же. Реверс.

вал в свое время Тучков со товарищи. В числе первых общеблагочинное собрание духовенства и верующих Ржева с благословения епископа Ржевского Никона так прямо и записало в своем протоколе: «...учитывая, с одной стороны, переход всех государственных учреждений и предприятий на непрерывную неделю с их напряженной и ответственной работой по выполнению пятилетнего плана государственного строительства, а с другой — чрезвычайную потребность страны в цветных металлах, единогласно постановляет: находящиеся в пользовании религиозных общин города Ржева колокола, как собственность государственную, добровольно передать их собственнику — государству и звон по городу Ржеву прекратить с 9 марта сего [1931] года»*. Летом 1933 года Комиссия по делам культов при ВЦИКе, уже не заигрывая и не жеманясь, направила на «места» циркуляр о полном запрещении колокольного звона и снятии колоколов.

Учитывая массовое поступление колоколов в промышленную переработку, в помощь заводу имени Молотова выделили ленинградский завод «Знамя труда». На его задворках затерялись следы колоколов новгородских, вологодских, псковских, костромских, киевских и ленинградских церквей и соборов, в том числе и всемирно известного Исаакия. Кто знает, что ныне угрюмый Исаакиевский собор когда-то был славен чарующим «красным звоном»? Ни один путеводитель, ни один проспект храма-памятника не рассказывает о его бывших 15 уникальных колоколах. Главный из них, весом в 1752 пуда, 4 аршина и 2 вершка в диаметре, был самым большим в бывшей столице. Отлил этот колокол на Охте в 1850 году валдай-

* ЦГАОР, ф. 5263, оп. 1, д. 2, л. 1.

ский мастер-кудесник Иван Макарович Стуколкин. Отлил, что называется, нетрадиционным способом — из старых медных монет, добавив в сплав значительное количество золота и серебра. Голос «певца» получился необычайно глубоким. Украшали колокол пять медальонов с изображением царских особ, начиная с Петра Великого. Размещался первый красавец собора и города в башне правой стороны северного портика.

Второй по величине колокол собора, весом 978 пудов и 4 аршина диаметром, был украшен ликами евангелистов Матфея, Марка, Луки и Иоанна и занимал башню левой стороны северного портика.

Третий колокол — 663 пуда, с образами святителей митрополитов Московских — Петра, Алексия, Ионы и Филиппа — располагался в левой от южного портика башне.

В четвертой башне собора находились остальные 12 колоколов. Некоторые из них также имели барельефы с изображениями великих князей Владимира и Александра Невского, преподобного Сергия Радонежского и Исаакия Долматского. Автором моделей медальонов на всех колоколах был академик архитектуры А. Логановский, а литье выполнил все тот же кудесник Стуколкин. Впрочем, всего не расскажешь даже об этих удивительных колоколах. Лучше бы увидеть и услышать, но, увы...

С 1931 года посыпалась колокольная медь в руки «культурно выросших трудовых масс» мелкой разменной монетой. Добавили колокольную медь и в никелевую монету, которая полностью заменила денежное серебро — дополнительный приварок Внешторгу. Хватило и на «фордзоны-путиловцы», и на памятники «мировым революционерам»...

В 1932 году грянул очередной голод. Но что изменилось в отношении Советской власти к народу и к собственным грандиозным замыслам «великого» завтра? Практически ничего. За три голодных года жертвы мора достигнут около 7 миллионов человек. Масштабы постигшего бедствия замалчивались, а в оправдание социально-экономических преступлений государственной власти открыли «охоту на ведьм»: «шпионов», «диверсантов», «вредителей» и «саботажников». В марте 1933 года за «использование служебного положения для создания голода в стране» по решению коллегии ОГПУ были расстреляны 35 руководящих работников Наркомзема СССР. Но есть и такие факты. К осени 1931 года в исправительно-трудовые лагеря НКВД и в отдаленные спецпоселения было выслано 265 тысяч из 320 тысяч «раскулаченных» крестьянских семей. Конфискованное имущество у этих людей оценили в 400 миллионов рублей, так сказать, для экономического обоснования политической «победы».

Вообще к денежному счету сталинский аппарат испытывал подлинно патологическую страсть. Еще бы не так, если к 1932 году внешнеторговый баланс составил пассив почти в полмиллиарда долларов, а запросам на индустриализацию и возведение опор социализма не было видно конца. По-прежнему в надежде покрытия

торгового дефицита процветал экспорт культурных и исторических ценностей. На фоне бытовой нищеты горожан блистали роскошные витрины магазинов и салонов Торгсина. Все так же по запасникам музеев, господсобкам, особнякам, квартирам и библиотекам рыскали ищейки «Антиквариата». Разорялось и вывозилось церковное добро. Прикрываясь святой заботой о подрастающем поколении, Деткомиссия ВЦИКа бойко торговала произведениями искусства на традиционных аукционах.

Пределов дозволенности не существовало. На откуп наркома внешней торговли А. И. Микояна был отдан ленинградский Эрмитаж. В начале 30-х годов сотни бесценных шедевров западноевропейской живописи по решению Микояна и директора «Антиквариата» Н. Ильина были проданы заграничным торговым миссионерам, в том числе 14 полотен Рембрандта, 11 картин Ван Дейка, 4 картины Рубенса, «Святой Георгий» и «Мадонна Альба» Рафаэля Санти, полотна Боттичелли, Перуджино, Хальса, Тициана, Ватто, Шардена и других. И только за картины Рафаэля, «Поклонение волхвов» Боттичелли и «Венеру перед зеркалом» Тициана были получены более-менее приличные суммы — по нескольку сотен тысяч долларов. Остальные картины распродали по дешевке. Например, сумма, вырученная от продажи рембрандтовского «Христа, исцеляющего больного», едва дотягивала до 3 тысяч долларов.

Из запасников и залов Эрмитажа извлекались художественное серебро, бронза, нумизматические редкости и рыцарские доспехи. Хранившаяся в эрмитажных подвалах коллекция византийских эмалей М. П. Боткина была безжалостно распродана Тройницким. Из нее 11 эмалей попали в руки американского банкира О. Кана, а затем составили гордость экспозиции нью-йоркского Метрополитен-музеума. Эмали из этого же собрания оказались и в музеях Кливленда и Думбартон Окса под Вашингтоном.

Такая же участь постигла коллекцию нидерландской и фламандской живописи (свыше 700 произведений) великого русского ученого-географа и путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, подаренную им Эрмитажу. В его запасниках осталось от собрания всего лишь три десятка картин.

Не счесть потерь из фондов бывшего музейного собрания училища технического рисования барона Штиглица, переданных частично для пополнения разоренных коллекций Эрмитажа.

В работе над книгой нам довелось слышать рассказы очевидцев и семейные предания о тех событиях. Уполномоченных «Антиквариата» эрмитажные хранители встречали с содроганием, а провожали слезами и сердечными приступами. Иногда по наитию или внутренним чувством удавалось предугадать очередной визит сборщиков «дани». И тогда многие холсты, ювелирные украшения, мелкая пластика, старинный художественный фарфор и другие сокровища заблаговременно прятали в печи, присыпая золой, углями или обкладывая дровами. Любой же словесный протест или возражение со стороны музейных хранителей воспринимались как политическая

акция, и «саботажника» в два счета отправляли для выяснения «классовой» сущности в местный отдел НКВД.

Лично для Сталина продажа музейных ценностей в самом деле имела больше политическое, чем экономическое значение. И покупатели отборного антиквариата и изысканных произведений искусства были далеко не случайны. Первым среди них следует назвать Э. Меллона — министра финансов США. Лицо весьма влиятельное и капризное. Чтобы купить расположение министра к Советскому правительству, понадобилось два десятка эрмитажных картин, которые он получил через торговых посредников, заплатив им немногим более 6 с половиной миллионов долларов. Среди приобретений были полотна все тех же Ван Дейка, Рафаэля, Рембрандта, Хальса, Рубенса, Перуджино... Эти и другие сокровища из собрания Меллона по доброй воле владельца послужили основанием Вашингтонской национальной галереи — ныне одного из крупнейших музеев мира.

Не менее важной политической фигурой для Сталина был американский посол в Москве Д. Дэвис. Вместе со своей супругой М. Пост, страстной поклонницей романовских драгоценностей и постоянной клиенткой хаммеровского «Эрмитажа», послу удалось за два года пребывания в СССР собрать внушительную коллекцию русских икон XVI—XVIII веков, в том числе из фондов Третьяковской галереи, из Киево-Печерской лавры и Чудова монастыря, сделать великолепную подборку живописи Айвазовского, Левицкого и других русских художников, сформировать коллекции фарфора, керамики и художественного серебра.

Обладателем русских сокровищ через посредство А. Хаммера стал и сам президент США Франклин Рузвельт, о чем первый вспоминал всегда с величайшей гордостью.

В числе уважаемых клиентов «Антиквариата» и Торгсина были послы, торговые представители и корреспонденты крупных телеграфных агентств почти всех стран Европы, благо нарком иностранных дел Литвинов, старый волк торгового бизнеса, был большим мастаком по части угодничества и подношений с учетом личных слабостей своих политических партнеров.

Особым расположением Советского правительства пользовались антикварные фирмы Германии — «Р. Лепке хаус», «К.-Г. Бернер хаус» и «Г. Баль и П. Граубе». Их аукционы произведений русского искусства и предметов старины следовали один за другим. Причем уровень стартовых и покупочных цен на этих аукционах из-за обилия схожего «товара» был ничтожно низким, но это нисколько не смущало руководство Внешторга и специального эксперта торгпредства СССР в Берлине В. Ф. Левинсона-Лессинга, ибо главным в вакханалии торгашества опять же был пропагандистский эффект, рассчитанный на политическую отзывчивость и взаимность.

Вслед за Германией шла Франция. В начале 30-х годов солидные коллекции русского фарфора, живописи, гравюр, миниатюр и се-

Изделия русских, западноевропейских и китайских мастеров фарфора, стекла, бронзы и камня на аукционе Деткомиссии ВЦИК в «Торгсине». Москва, 1930 г. ЦГА КФД РФ.

ребра заняли видные места в антикварных магазинах Парижа на аристократической Фобур-Сент-Оноре — цитадели французского антиквариата.

Пожалуй, не было такой части света, куда бы не долетели художественные «обломки» бывшей империи.

Потоки произведений искусства из России волей-неволей обращали на себя внимание культурной общественности Запада. Вначале зачастую слепые приобретения русских сокровищ и модные забавы вылились и сформировались в движение подлинных поклонников и исследователей русской культуры. В конце 1931 года «Общество бельгийских друзей древнерусского искусства» в залах Королевского музея в Брюсселе открыло выставку икон и художественного серебра XVII—XVIII веков из России. Выставка произвела настоящий фурор, и уже через месяц ее пришлось повторить в Музее прикладного искусства Гента.

Летом 1935 года в Лондоне общественным комитетом под председательством лорда Герберта и августейшим покровительством герцогини Кентской (принцессы Марии Греческой) состоялась не менее успешная выставка «Искусство императорской России». Ее экспозиция была размещена в 14 комнатах роскошного особняка на Бельграв-Сквэр, но, несмотря на великосветскую помпезность устроения, была доступна любому жителю Лондона и его гостям. Значительный раздел выставки занимали иконы, в том числе здесь были представлены московского письма XVII века образы Владимирской

Божьей Матери и Богородицы в великолепных ризах, украшенных драгоценными камнями и поморским жемчугом, а также иконы новгородской школы XVI века. В разделе картин были собраны живописные полотна русских мастеров: Левицкого, Боровиковского, Репина, Серова, Левитана и Бакста. Среди них портреты работы Серова Валентины Цейтлин и императора Николая II в мундире Шотландского королевского полка, тот самый портрет, что был проткнут красногвардейским штыком в Зимнем дворце в октябре семнадцатого года. В числе работ иностранных мастеров, работавших в России, были представлены бронзовый бюст Меншикова в исполнении Растрелли и портрет императора Павла I кисти Лампи.

Особенно богатой лондонская выставка оказалась на предметы театрального искусства и фарфора. Многочисленные макеты костюмов и декораций работы Бакстов, Бенуа, Добужинского, Билибина, Ларионова, Стеллецкого... Среди разнообразия горок и витрин с фарфором и фаянсом взоры посетителей привлекал чайный сервиз с вензелями и портретами Екатерины Великой и 60 тарелок из «фельдмаршальского» сервиза эпохи императора Николая I.

Ювелирный отдел поражал обилием поделок из золота, эмали и уральских самоцветов в исполнении мастеров фирмы Фаберже и ювелирными украшениями, принадлежавшими ранее дому Романовых. Словом, краткая география большевистского грабежа.

Весь сбор от выставки общественный комитет направил в пользу Советского Красного Креста. Нетрудно предугадать судьбу этих денег.

На пользу просветительства Запада и на развал отечественной культуры достаточно поусердствовало и акционерное общество «Международная книга», антикварный отдел которого возглавлял известный в те годы специалист по букинистической торговле П. П. Шибанов. В числе проданных за границу оказались сотни тысяч уникальных изданий книг, журналов, рукописей и архивных документов. Многие из этих книг имели автографы авторов и великокняжеские экслибрисы, регистрационные номера государственных, монастырских и метки родовых библиотек. Около 1700 томов из личной библиотеки Николая II оказались в библиотеке конгресса США. В частном собрании П. М. Фекулы, американца украинского происхождения, было собрано свыше 7 тысяч русских книг и журналов, в том числе несколько десятков древних рукописных церковных книг. Но вот после смерти собирателя его библиотека рассыпалась по многочисленным владельцам. Рукописная часть коллекции была продана на аукционе Сотби за 290 тысяч фунтов стерлингов. Причем наименьшая сумма была уплачена за «Службы русским святым» конца XV века — 7 тысяч фунтов стерлингов, а наибольшая — за «Апостол толковый» первой половины XVI века — 27 с половиной тысяч фунтов стерлингов. Определяющее значение в оценке книг сыграли в основном первоклассные лицевые изображения на немногих миниатюрах.

Благодаря «Международной книге» обладателем крупного собрания дореволюционных русских журналов, первых изданий русских поэтов XIX — начала XX века, старопечатных и рукописных книг стал Славянский институт Гейдельбергского университета в Германии. Его коллекция по сей день насчитывает 34 рукописи. Самая древняя — Евангелие тетр с миниатюрами и заставками неовизантийского орнамента — отнесена к концу XVI века. Собрание по количеству рукописных книг вроде бы небольшое, однако его главное достоинство в том, что оно содержит около 3 тысяч миниатюр и по признанию специалистов в этом отношении не имеет себе равных за рубежом. Немыслимо представить нынешнюю денежную стоимость гейдельбергской коллекции, купленной в свое время «Обществом друзей университета» у «Международной книги» всего за несколько тысяч марок.

На заре экспортной деятельности Шибанова директор Государственной библиотеки СССР, тогда уже имени Ленина, В. Н. Невский отважился написать наркому просвещения Луначарскому следующее: «До меня дошли слухи, что заграничные антиквары, принимающие участие в скупке произведений искусства, находящихся в русских музеях, в самое последнее время стали интересоваться и древними рукописями, латинскими и в том числе древневизантийскими, хранящимися в русских книгохранилищах, как, например, в Академии наук СССР. Как мне стало известно, агент антиквара Лепке-Кригера затребовал каталоги именно указанных рукописей. Отсюда понятно, почему я взял на себя смелость обратиться к Вам с настоящей запиской, так как то народное бедствие, которое уже коснулось произведений искусства — их продажа, — по-видимому, угрожает и рукописным собраниям. Я употребил выражение «народное бедствие» и настаиваю на этом названии, так как иначе не могу назвать те меры, которые, если они будут осуществлены, делу увеличения валютного фонда не послужат, а кредит наш за границей подорвут окончательно... Уже сейчас неудачная продажа тех ценностей, которые вывезены на Запад, взволновала широкие круги советской общественности: продажа эта производит впечатление какой-то ужасной государственной катастрофы. Самый способ реализации вызывает большую тревогу: с каких пор и на основании каких данных Госторг сделался верховным судьей в оценке предметов искусства и науки? Я глубоко убежден, что не найдется не только ни одного советского ученого, но даже мало-мальски культурного коммуниста, который бы не понимал, что продажей Рембрандтов и Рафаэлей затруднений с валютой не изживешь, и который бы не высказался против продажи мировых уникального значения предметов искусства»*.

Кажется, нельзя было не согласиться с доводами этого письма. Луначарский же, как показали дальнейшие события, не согласился

---

* Вздорнов Г. Славянские рукописи Фекулы. — «Наше наследие», 1991, № 6, с. 140.

Торговый зал магазина «Торгсин» для заграничных покупателей в Москве на улице Петровка. 1930 г. ЦГА КФФД РФ.

или не мог согласиться. А Невский в 1937 году за свою позицию расплатился жизнью в застенках НКВД.

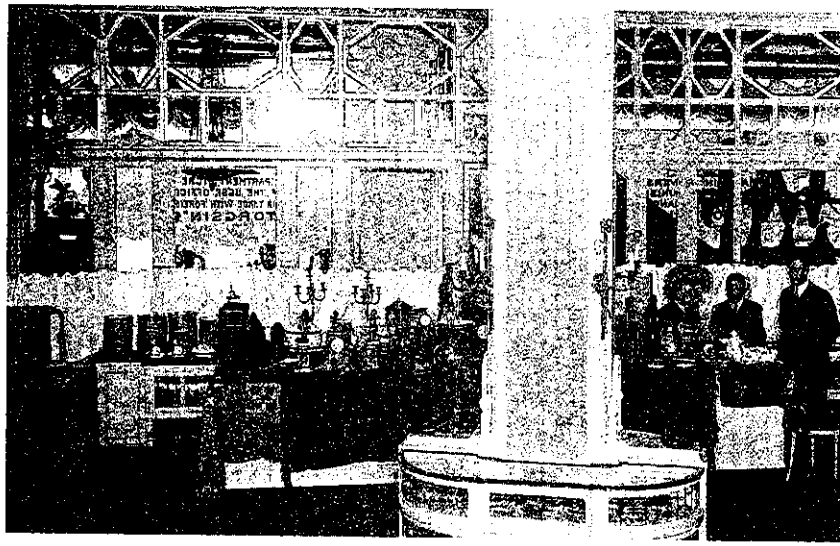
В числе «ударников» экспорта культурных ценностей из СССР следует назвать и Советскую филателистическую ассоциацию. В руках ее коммерческого директора В. Г. Милькина скопились сотни бывших частных коллекций почтовых марок и корреспонденции,

имевших не просто познавательное, а научное значение. По запросам иностранных фирм эта продукция продавалась поштучно, сериями, листами, подборками и целыми коллекциями. Не пощадили даже крупнейшее в России собрание почтовых марок П. П. Щапова — бывшего почетного гражданина Москвы, гласного Московской думы, главы мануфактурной и торговой фирмы «Петр и Илья Щаповы» и владельца бумаготкацкой фабрики. Хозяин почтовых сокровищ, намыкавшись по коммунальным квартирам (Советская власть выгнала его из собственного дома), в ноябре 1929 года передал в дар Наркомату почт и телеграфов коллекцию марок в три тысячи листов, оцененную в полтора миллиона рублей золотом. Государство вроде бы в долгу не осталось. Коллегия Наркомпочтеля постановила выплачивать Щапову пожизненную пенсию и назначила его научным консультантом по вопросам филателии. Но вот хранило государство подарок в мешках, а в 1932 году значительную часть коллекции по распоряжению Милькина вывезли во Францию и продали на аукционе за 2 миллиона 285 тысяч 897 франков и 30 сантимов, в том числе за полные собрания «земской почты» и «царской России» «выручили» 645 тысяч 265 франков. Но это еще полбеды. Занятие коллекционированием почтовых марок было в то время далеко не безопасным. Политическое семя, брошенное Чучиным в безобидное увлечение «чудаков», удачно проросло и вскоре принесло свои плоды.

Первый урок сталинской «филателии» был преподнесен в 1925 году. Тогда на Украине была «разоблачена» и арестована ОГПУ большая группа коллекционеров-«шпионов». Затем последовали частные аресты по многим городам страны. А в 1938 году состоялся судебный процесс над «контрреволюционной организацией» Московского общества коллекционеров. Уполномоченные Управления госбезопасности НКВД вычислили «шпионов» по регистрационной книге Мосчтамта, где указывались отправители заказной корреспонденции зарубежным коллегам-филателистам. По количеству писем за границу и полученных оттуда выделялся абонементный ящик под номером 999. Его владельцем оказался П. П. Щапов. В возрасте 68 лет, так и не признав себя виновным в «шпионаже и участии в контрреволюционной организации», он скончался в больнице Таганской тюрьмы.

Массовые судилища и расправы в 30-х годах над учеными, историками, литераторами, художниками, над интеллигенцией вообще были вполне логичным завершением процесса становления и развития партийно-государственных норм культурной и творческой жизни в Советской России. Кровавое чистилище, по Сталину, означало так называемую политическую «селекцию» в период «обострения классовой борьбы». Такого финала не могли предугадать ни Добужинский, ни Горький, разве что только супрематисты вроде Малевича.

Вслед за людьми уходили в небытие унылые свидетели партийно-правительственных преступлений против духовной культуры народа: опустошенные храмы, монастыри, старинные здания... Еще



Аукционный зал магазина «Торгсин». Фотограф Штеренберг. Москва, 1932 г. ЦГА КФД РФ.

одна волна новых преступлений. Гнали ее уже целые армии подготовленных Советским государством геростратов. Вот как они, например, отреагировали на позицию некоторых архитекторов за сохранение старинного облика Ярославля: «Ярославская общественность не может согласиться с такими аполитичными доводами. Она протестует против того, чтобы Ярославль остался городом церквей, загромоздивших площади, улицы и проезды, мешающих превращению Ярославля из епархиально-купеческой колыбели в подлинно социалистический город... Ярославль, несмотря на протест прокурора весной 1929 года, заставил замолчать церковный звон. Ярославль имеет сорокасемитысячную армию безбожников, десятки и сотни безбожных ударных бригад, ячеек Союза воинствующих безбожников; группы юных воинствующих безбожников, СВБ Ярославля ведут борьбу за сплошной безбожный город. Борьба против религии — борьба за социализм, и армия безбожников не допустит, чтобы вопросы старины становились выше вопросов переустройства города»*.

Да, так оно и было. Безбожные бригады, безбожные цеха, безбожные заводы, безбожные улицы и города, безбожные души с зияющими духовными провалами.

Теперь мы сносим — горя мало,
Какой собор на череду...**

---

* «Северный рабочий», 18 февраля 1932 г.

** Цит. по: Путешествие по старой Москве, Внешторгиздат, 1989, с. 50.

Это уже государственный поэт Демьян Бедный о «безбожном переустройстве». «Обновлялись» и «молодели» города Советской России. Впереди, конечно, была звездная столица пролетарского государства и ее партийно-правительственный центр — Кремль. Исчезли с лица земли ансамбли Чудова и Вознесенского монастырей, снесли древнейший храм Спаса на Бору, взорвали церкви Благовещения и Константина и Елены в Тайницком саду. Из двух парадных залов орденов Александра Невского и Андрея Первозванного Большого Кремлевского дворца соорудили один безликий зал заседаний. На месте снесенных Золотой Красной лестницы и Красного Крыльца Грановитой палаты устроили партийную спецстоловую. «Расчищали» площади и проспекты Москвы.

Для нас она не древней статью,
Не православной благодатью,
А красотой иной мила...*

Тот же Демьян Бедный, но вроде бы о другом — о новой красоте, но, оказывается, все о том же. Попробуй заговори, запой о былой красоте, если первый секретарь Московского комитета ВКП(б) Л. М. Каганович, сетуя на протесты против сноса «завалящих церквушек», утверждает, что «эти протесты вызваны не заботой об охране памятников старины, а политическими мотивами — в попытках упрекнуть Советскую власть в вандализме». Стало быть, в вандализме и была та самая «иная», «новая красота».

Говорят, облик столицы — облик страны. Видимо, так и есть. Вся Советская Россия представляла собой громадный полигон «великого переустройства» под неусыпным оком партийных вождей. Разрушали, разоряли и распродавали старое, а на удивление миру создавали масштабное, но никчемное новое.

К Парижской международной выставке 1937 года по заказу Сталина из отечественных самоцветов мозаичным способом была изготовлена карта Советского Союза площадью около 25 квадратных метров. Карту обрамляла рамка из газганского мрамора, красным родонитом были показаны границы страны, светло-зеленым амазонитом — низменности, красно-бурой орской яшмой — возвышенности и горы, голубыми аквамаринами и топазами — Северный морской путь и дрейф станции «Северный полюс». Тысячами самоцветов обозначили стройки индустриализации и промышленные предприятия. Названия столиц союзных республик и крупных городов выложили изумрудами, а 16 рубиновых звезд венчали местонахождения союзных столиц. Без малого год сотни людей делали эту карту. Было огранено и подготовлено около 4000 рубинов, изумрудов, топазов, аметистов, аквамаринов и других самоцветов, в том числе содранных с окладов и риз икон, церковных украшений и утвари. Благо в 1935 году после переоценки церковных ценностей и

* Цит. по: Путешествие по старой Москве. Внешторгиздат, 1989, с. 50.

ревизии уцелевших церквей Наркомфином государственные закрома пополнились новыми поступлениями.

«Уменье воплотить в камень определенную идею, связать художественную мысль с задачами предмета или изделия — все это имеет громадное значение для психологии человека, его настроения, самочувствия, работоспособности, — скажет академик Ферсман. — Нас интересует не материальная ценность камня, а то художественное впечатление, которое мы получили от него и которое мы должны научиться ценить»*.

Что же, коли так, то карта весьма впечатлительна, мы сказали бы даже — поразительна. Куда там мастерам Фаберже с их моделью матушки-Волги, сработанной из золота, платины, серебра, бриллиантов и преподнесенной руками Хаммера президенту Рузвельту. Только вот бриллиантов на карте не хватало.

В середине 30-х годов по политическим причинам алмазы оказались в списке стратегического сырья западных держав и были запрещены для продажи Советскому Союзу. Началась «бриллиантовая» блокада. Одновременно упал экспорт драгоценных камней из СССР. Сам Советский Союз алмазы не добывал, и пришлось экономить остатки бывшего царского и церковного добра. Но опять же на пользу власти. С 1940 года по пять средних и одному крупному бриллианту стали вмонтировать в золотые маршальские звезды, а с 1943 года усеивали церковными бриллиантами и украшали рубинами ордена «Победа», золотое наградное оружие и подарки для партийной знати.

В сентябре этого года Сталин одобрил представленный начальником Тыла Красной Армии генералом А. В. Хрулевым образец высшего полководческого ордена «Победа» по эскизу художника А. И. Кузнецова и приказал изготовить тридцать экземпляров этой награды. По расчетам Московской ювелирно-часовой фабрики, где еще оставались редкие специалисты по драгоценным камням, на каждый орден по утвержденному проекту требовалось 180 бриллиантов, 50 роз и 300 граммов платины. Для подрядчика в лице Главювелирторга Совнарком отпустил заказанное из запасов Гохрана сполна: 5400 бриллиантов, 1500 роз и 9 килограммов платины. Выдачу ценностей — карат, в карат, грамм в грамм — контролировали особо доверенные уполномоченные НКВД. Сиятельным орденом наградили 17 человек, из них трое дважды (Сталин и маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский). Знали ли награжденные, исключая Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами, что драгоценные камни «Победы» омыты слезами и кровью россиян.

---

* Цит. по: Самсонов Я. П., Туринге А. П. Самоцветы СССР. М., «Недра», 1985, с. 311.

Начиная с 1944 года Сталин попытался по-своему компенсировать ущерб культуре народа, нанесенный Советской властью и немецко-фашистскими захватчиками. Из стран Восточной Европы потянулись в СССР эшелоны с художественными сокровищами и драгоценностями, российскими и чужими. Но это уже отдельное печальное повествование из истории Советского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пластинина (в девичестве Майзель) Ревекка Акибовна (1886—1946) — профессиональная революционерка, советский государственный деятель. С 1904 г. член Бунда, а затем Финляндской организации РСДРП в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) под руководством Е. Ярославского. С 1907 г. по февраль 1917 г. — в эмиграции. С середины 1917 г. — председатель уездного Социалистического женского союза. В 1918 г. — секретарь исполкома Шенкурского Совета, член и секретарь Архангельского губисполкома. После оккупации Архангельска с 1919 г. — председатель партячейки всех советских учреждений Архангельска и уполномоченная Архангельского губисполкома в г. Вологде. С 1921 по 1923 г. работала на транспорте, а впоследствии в Наркомпросе и членом Верховного суда РСФСР.

Кедров Михаил Сергеевич (1878—1941) — советский государственный и партийный деятель. Участник революций 1905—1907, 1917 гг. Член Всероссийского бюро большевистских военных организаций. С 1919 г. — начальник Особого отдела ВЧК. С 1924 г. на ответственной советской работе. Репрессирован.

В 1919 г. М. С. Кедров был командирован особоуполномоченным ВЧК по ликвидации белогвардейских офицеров и эсеров в Вологду, где тесно сотрудничал с Р. А. Пластининой и ее мужем Н. Ф. Пластининым (впоследствии членом ВЦИКа).

Автор заметки, очевидно, умышленно и иронично играет употреблением фамилий Майзель и Пластинина.

[2] Общество друзей газеты «Безбожник» — создано в августе 1924 г. в поддержку вульгарно-атеистической газеты «Безбожник» (выход. с 1922 г.). В июне 1925 г. преобразовано в Союз безбожников СССР, позже переименованный в Союз воинствующих безбожников — председатель Е. Ярославский (наст. фамилия — М. И. Губельман).

[3] Совет по делам искусств при комиссаре Временного правительства над бывшим министерством двора имел отделы, а ко-

миссар А. Ф. Головин — заместителей по Петрограду и Москве, как наиболее крупным художественно-культурным центрам России.

4 Бенуа Александр Николаевич (1870—1960) — историк искусства, художественный критик. Сын известного архитектора. Пропагандист классического культурного наследия, инициатор ряда искусствоведческих изданий и музеев. С 1918 по 1926 г. — заведующий картинной галереей Эрмитажа, одновременно в 1919—1926 гг. — режиссер и художник Академического театра оперы и балета в Петрограде, член Комиссии по охране памятников искусства и старины. С 1926 г. жил за границей.

5 Грабарь Игорь Эммануилович (1871—1960) — живописец и искусствовед. С 1913 по 1925 г. — директор Третьяковской галереи. Инициатор создания общественных организаций по охране памятников культуры и художественных сокровищ (1917). С 1918 г. участвовал в работе московской Комиссии по охране памятников, заведующий подотделом музейного фонда Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе в Москве. Участник ряда художественно-изыскательских и реставрационных экспедиций. Народный художник СССР, действительный член АН СССР и Академии художеств СССР.

6 Художественно-просветительные комиссии — структурные образования Совета по делам искусств при местных Советах, созданные для оказания помощи коллекционерам и представителям творческой интеллигенции в сохранении художественных произведений.

7 Союз деятелей московских художественных хранилищ — создан на общественных началах в марте 1917 г. под председательством А. Н. Бенуа из представителей музейных работников, художников и искусствоведов Москвы с целью охраны исторических и художественных памятников города и губернии. В последующем вошел в состав Объединенного комитета по охране собраний, памятников искусства и старины.

8 Общество любителей духовного просвещения — образовано в 1863 г. Разрабатывало положения внутрицерковного устройства на демократических основах; занималось регистрацией, изучением памятников церковного зодчества и популяризацией духовной культуры. Издавало ежемесячный журнал «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения» и «Воскресные беседы», имело собственную типографию «Русская печатня». Ликвидировано в 1918 г.

9 Церковно-археологический отдел при Обществе любителей духовного просвещения ведал в основном осмотром и изучением памятников церковной старины Москвы и Московской епархии. Председателем до июня 1917 г. был профессор Московского археологического института протоиерей Н. П. Скворцов, затем Н. П. Виноградов. В работе Отдела принимали участие известные историки-архивисты и археологи: А. И. Успенский, С. А. Белокуров, И. С. Беляев, В. К. Клейн,

Б. С. Пушкин и др. После роспуска отдела в 1918 г. многие его сотрудники перешли в Церковный отдел Комиссии по делам музеев и охраны памятников при Моссовете.

10 Русское историческое общество — научное общество по изучению отечественной истории. Образовано в 1866 г. Распущено в конце 1917 г.

11 Комиссия по изучению старой Москвы («Старая Москва») — краеведческая организация при Московском археологическом обществе. Образована в 1909 г. с целью изучения истории города, охраны и использования его памятников. С 1923 г. — Ученая комиссия при Государственном историческом музее, а в 1926 г. «Старая Москва» вошла на правах секции в Общество изучения Московской губернии (области). Ликвидирована в 1930 г.

12 «Мир искусства» — объединение русских художников (1898—1924), создано в Петербурге А. Н. Бенуа и С. П. Дягилевым (театральный и художественный деятель, 1872—1929). Живопись «Мира искусства» опиралась на поэтику символизма с присущей ей стилизацией, утонченной декоративностью и изящной орнаментальностью (художники Л. С. Бакст, М. В. Добужинский, Е. Е. Лансере и др.). Заслуга объединения в создании высокохудожественной книжной графики и сценической декорации. Издавало одноименный ежемесячный иллюстрированный литературно-художественный журнал.

13 Успенский Александр Иванович (1873—1938) — искусствовед, специалист по церковной живописи и архитектуре. Окончил Петербургскую духовную академию и археологический институт. Член комиссий Московской Синодальной конторы по реставрации памятников Кремля. С 1910 по 1917 г. участвовал в реставрации Большого московского Успенского собора.

14 Протопресвитер — то же, что и протоиерей — старший чин православного священника.

15 Ермоген (ок. 1530—1612) — патриарх Московский и всея Руси (1606—1612). Организатор всенародного восстания против интервенции Речи Посполитой. Заточен поляками в Чудовом монастыре (Кремль), где и мученически скончался от голода и жажды 17 февраля 1612 г. После освобождения Москвы тело патриарха было погребено в Чудовом монастыре, а в 1654 г. перенесено в Успенский собор Кремля. В 1913 г. Русской православной церковью причислен к лику святых.

16 Александровский, или Ново-Александровский рынок — пассаж — выстроен в Петербурге в 1865—1869 гг. архитектором А. А. Бруни. Торговали на рынке в основном подержанными вещами. Один из крупнейших рынков бывшей столицы, памятник функциональной архитектуры, в 1930 г. был частично снесен и перестроен.

17 «Новое Время» — популярная столичная газета. Издавалась в Петербурге с 1868 г. Издатель — А. С. Суворин. Закрыта по решению Петроградского ВРК 26 октября (8 ноября) 1917 г.

18 Лейхтенбергский Николай Николаевич — герцог, флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, внук императора Николая I.

19 Имеется в виду похищение в 1911 г. из парижского Лувра известного портрета Моны Лизы маляром-итальянцем Винченцо Перуджио. Через два года при попытке продажи картины флорентийскому антиквару вор был арестован.

20 «Воля народа» — ежедневная газета партии эсеров. Выходила с 29 апреля 1917 г. под редакцией А. А. Аргунова, Е. К. Брешко-Брешковской, Б. В. Савинкова, В. М. Чернова и других. Закрыта по решению Советского правительства в ноябре 1917 г., после чего продолжала выходить под разными названиями. Окончательно закрыта в феврале 1918 г.

21 Отряд Красной гвардии под командованием М. А. Дмитриева был направлен из Смольного в Эрмитаж и Зимний дворец поздним вечером 25 октября 1917 г.

22 Ратиев И. Д. — князь, помощник начальника Дворцового управления. За содействие отряду М. А. Дмитриева по организации охраны ценностей Эрмитажа в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. в «Известиях ЦИК и Петроградского Совета» князю Ратиеву была объявлена благодарность от имени Советского правительства.

23 Ятманов Г. С. — комиссар по охране музеев и художественных ценностей, назначен Петроградским Военно-революционным комитетом 25 октября 1917 г.

24 Мандельбаум Б. Д. — комиссар по охране музеев и художественных ценностей, назначен Петроградским Военно-революционным комитетом 25 октября 1917 г.

25 Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — государственный и партийный деятель. Член ВКП(б) с 1895 г. С октября 1917 г. — народный комиссар просвещения. С 1929 г. — председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. В 1933 г. — полпред в Испании.

26 С началом мировой войны золотой запас румынской казны по соглашению был размещен в Российском банке.

27 Малиновский Павел Петрович (1869—1943) — по образованию архитектор. Член РСДРП(б) с 1904 г. В 1917 г. — член московского Центрального штаба Красной гвардии. С ноября 1917 г. — член Президиума Моссовета и председатель его комиссии по охране памятников искусства и старины, а затем комиссар Московского дворцового управления, гражданский комиссар Кремля, заведующий подотделом изобразительного искусства отдела народного просвещения Моссовета. С марта 1918 г. — исполняющий обязанности наркома государственных имуществ.

28 Учредительное собрание — парламентское учреждение, созданное на основе всеобщего избирательного права. Выборы в собрание проходили с ноября 1917 г. до начала января 1918 г. Созвано 18 января 1918 г. в Таврическом дворце

Петрограда. Большинство делегатов собрания отказались признать декреты Советской власти. Закрыто декретом ВЦИКа в ночь с 19 на 20 января 1918 г.

29 Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870—1956) — генерал лейтенант. С ноября 1917 г. по февраль 1918 г. — начальник штаба верховного главнокомандующего русской армии. Добровольно перешел на службу Советской власти. С марта 1918 г. — военный руководитель Высшего военного совета. С 1919 г. — на научной и педагогической работе.

30 Патриаршая ризница — специальное помещение для хранения облачений русских патриархов, священной ритуальной утвари, символов патриаршей власти и других церковных предметов.

31 Братство охранения святынь Кремля — добровольное общество священнослужителей, главным образом монахов, по охране памятников культового зодчества и церковного имущества в Московском Кремле. Создано в октябре 1917 г.

32 Добужинский Мстислав Валерианович (1875—1957) — художник и публицист. Член «Мира искусства». Талантливый книжный график. С 1925 г. — эмигрант. Жил в Литве, Великобритании и США.

33 Патриарх Тихон (в миру Василий Иванович Белавин) (1865—1925) — с июня по ноябрь 1917 г. — митрополит Московский и Коломенский. Возведен на патриарший престол 21 ноября 1917 г. В 1990 г. причислен к лику святых Русской православной церкви.

34 Карелин Владимир Александрович (1891—1938) — член ЦК партии левых эсеров. С декабря 1917 г. по март 1918 г. — нарком государственных имуществ. В марте 1918 г. в связи с несогласием по вопросам подписания Брестского мира (член делегации на переговорах) вышел из состава СНК. Один из руководителей левоэсеровского мятежа (1918). С 1919 г. в эмиграции.

35 Флаксерман Ю. — правительственный комиссар, помощник А. В. Луначарского, заведующий бывшим Кабинетом Его Императорского Величества.

36 «Социалистическое Отечество в опасности!» — декрет-воззвание СНК. Принят 21 февраля 1918 г. в связи с наступлением немецких войск на петроградском и других направлениях фронта.

37 Бодо — буквопечатающий телеграфный аппарат. Изобретен французом Ж-М.-Э. Бодо в 1876 г.

38 Фирма «Асса» — шведская торгово-экономическая ассоциация. В числе первых получила концессию от СНК. Специализировалась на заготовках и закупках лесопродукции, природного сырья и других товаров. В частном порядке представителями фирмы приобретались художественные и музейные ценности.

39 Подвойский Николай Ильич (1880—1948) — член РСДРП(б) с 1901 г. С ноября 1917 г. по март 1918 г. — нарком по военным делам. Ведал охраной границ Республики и пропускным режимом.

40 Новиков и Лященко (возм. Лещенко) — служащие бывшего Московского дворцового управления.

41 Имеется в виду аппарат Народного комиссариата просвещения.

42 Речь идет о возможном рассредоточении банковских запасов и иных ценностей из Кремля в случае обострения военно-политической обстановки.

43 Имеется в виду часть золотого запаса и дворцовых художественных ценностей в Петрограде. Первоначально рассматривались два варианта их сосредоточения — в Нижнем Новгороде или Казани.

44 После окончательного решения о переезде правительства из Петрограда в Москву СНК выделил для ремонта Кремля, главным образом для будущих правительственных зданий, около 400 тысяч золотых рублей.

45 Вполне вероятно, речь идет о постановлении Поместного Собора Русской православной церкви от 25 января 1918 г. по отношению к декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», затрагивающего, кроме прочего, имущественное положение церкви. В постановлении говорилось:

«1. Изданный Советом народных комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собой, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения.

2. Всякое участие в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной Церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви...».

Также не исключено, что Флаксерман имел в виду одно из постановлений или заявлений Поместного Собора о Московском Кремле. В частности, члены Собора требовали:

«1. Московский Кремль объявить собственностью русского народа и всякое посягательство на него признавать оскорблением народной веры и чувств.

2. Все имеющие военное значение учреждения перевести из Кремля и помещения таковых предоставить под культурные, благотворительные и просветительные учреждения.

3. Защиту и охрану Кремля Священный Собор от имени православного русского народа вверяет православному населению православной Москвы, о чем должно быть объявлено Московскому населению особым посланием». (ЦГАОР, ф. Р-3431, оп. 1, д. 36, л. 13.)

46 Имеются в виду соборы и церкви Московского Кремля.

[47] Лукомский Георгий Крескентьевич (1884—1952) — архитектор-художник, историк архитектуры, член общества «Старый Петербург». С лета 1917 г. — председатель Царскосельской художественно-исторической комиссии, затем член Всероссийской коллегии по делам музеев и Всеукраинского комитета по охране старины. Организатор музея искусств УССР в Киеве. С 1920 г. — эмигрант.

[48] Ярославский мятеж — антисоветское вооруженное восстание, организованное офицерской организацией «Союз защиты родины и свободы» под руководством полковника А. П. Перхурова в Ярославской и части Владимирской губерний с 6 по 21 июля 1918 г. После подавления мятежей отрядами Красной Армии в Рыбинске (8 июля) и Муроме (9 июля), ожесточенных боев за Ярославль и ультиматума Военно-революционного комитета с угрозой применить к восставшим химическое оружие ярославский гарнизон по частям капитулировал.

[49] Гущик Владимир Ефимович — комиссар Организации охраны и перенесения полковых музеев в Государственные хранилища от Наркомпроса и Наркомвоендела, художник из Гатчины, бывший офицер, комиссованный с военной службы по состоянию здоровья.

[50] Художественно-исторические комиссии: Зимнего дворца — председатель В. А. Верещагин, Гатчинского — председатель В. П. Зубов и Царского Села — председатель Г. К. Лукомский образованы в июле — августе 1917 г. по решению Временного правительства.

[51] В состав бюро Объединенного комитета по охране собраний и памятников искусства и старины входили искусствоведы и художники И. Грабарь, Н. Романов, Н. Чулков и А. Эфрос.

[52] Малевич Каземир Северинович (1878—1935) — художник, основоположник одного из видов абстрактного искусства, так называемого супрематизма. С ноября 1917 г. — комиссар по охране памятников старины и искусства при Московском военно-революционном комитете и комиссар по охране ценностей Кремля. С мая 1918 г. — член комиссии Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса. В 20-х годах в творчестве обратился к «производственному искусству», а в начале 30-х годов перешел к советской тематике.

[53] Имеются в виду П. П. Малиновский и К. С. Малевич.

[54] Штеренберг Давид Петрович (1881—1948) — живописец и график, с 1925 г. руководил Обществом художников-станковистов в Москве.

[55] Щусев Алексей Викторович (1873—1949) — архитектор, академик АН СССР (1943). Автор многих проектов зданий, в том числе в стиле и традициях древнерусского зодчества. С 1918 по 1925 г. участвовал в разработке плана реконструкции Москвы. Лауреат Сталинской премии 1941, 1946, 1948, 1952 (посмертно) гг.

56 Кузнецов Павел Варфоломеевич (1878—1968) — живописец, заслуженный деятель искусств РСФСР (1928). Автор жанрово-пейзажных сцен из жизни Востока и Средней Азии.

57 Альтман Натан Исаевич (1889—1970) — живописец, скульптор и график. Автор натурных скульптурного портрета (1920) и серии зарисовок В. И. Ленина. Заслуженный художник РСФСР (1968).

58 Орановский Евгений Владимирович — скульптор, с ноября 1917 г. — член комиссии по охране культурных и исторических памятников Москвы, с марта 1918 г. возглавлял отдел охраны памятников искусства и старины Наркомата имуществ.

59 Пунин Николай Николаевич (1888—1953) — искусствовед. Автор трудов по истории русского искусства и творчеству советских художников.

60 Имеются в виду художественно-исторические комиссии, созданные Временным правительством.

61 В состав Коллегии по делам изобразительных искусств вошли: В. А. Ватагин, В. А. Веснин, И. В. Желтовский, А. И. Иванов, С. Т. Коненков, П. П. Кончаловский, К. А. Коровин, П. В. Кузнецов, А. И. Куприн, А. А. Морунов, С. В. Ноаковский, Е. В. Орановский, В. Е. Татлин, С. И. Толстая, Н. А. Удальцова, А. В. Шевченко, А. В. Щусев, П. П. Малиновский.

62 Общество художников-станковистов — основано в Москве в 1921 г. выпускниками Вхутемаса во главе с Д. П. Штеренбергом. Вело активную борьбу с представителями «производственного искусства» и проповедовало станковую живопись с отражением советской тематики. Члены общества: А. Д. Гончаров, А. А. Дейнека, Ю. И. Пименов и др. Прекратило существование в 1931 г.

63 Преображенский Н. Ф. — кинорежиссер, член Московского кинокомитета по организации киноискусства и проката. С июня 1918 г. возглавлял отдел кинематографии Наркомпроса.

64 Предложения Н. Ф. Преображенского сводились к созданию следующих подразделений Наркомпроса:

1. Государственная комиссия по просвещению под руководством заместителя народного комиссара просвещения Н. К. Крупской (в документе — Ульяновой. — *Авт.*).

2. Театральный отдел под ведением особой комиссии во главе с О. Д. Каменевой.

3. Отдел изобразительных искусств под руководством коллегии во главе с Д. П. Штеренбергом.

4. Отдел имуществ Республики под управлением особой коллегии во главе с П. П. Малиновским.

5. Отдел кинематографии под руководством особой коллегии во главе с автором записки — Н. Ф. Преображенским.

65 В состав Большой коллегии Комиссариата имуществ Республики входили: П. П. Малиновский, А. А. Вайман, Н. Д. Виноградов, А. А. Кауфман, Кюммель, В. И. Романовский, Ю. Флаксерман, А. А. Шеффер.

66 Татлин Владимир Евграфович (1885—1953) — живописец, график. Основоположник советского «художественного» конструирования. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1931).

67 Шевченко А. В. — художник, теоретик примитивизма, один из идеологов «Ослиного хвоста». Член Коллегии по делам изобразительных искусств. С 1928 г. — член Общества московских художников.

68 Удальцова Надежда Андреевна — художник, с 1909 по 1917 г. — член общества художников «Союз молодежи» в Петербурге — Петрограде. Член Коллегии по делам изобразительных искусств. С 1928 г. — член Общества московских художников. В 1922—1924 гг. преподавала во Вхутемасе.

69 Коненков Сергей Тимофеевич (1874—1971) — скульптор. Лауреат Сталинской (1951) и Ленинской премий (1957). Народный художник СССР (1958). В 1918 г. в числе первых советских памятников создал монументальную композицию на мраморной доске «Павшим в борьбе за мир и братство народов», член Коллегии по делам изобразительных искусств.

70 Веснин Виктор Александрович (1882—1950) — архитектор. Член Коллегии по делам изобразительных искусств. Профессор Вхутемаса — Вхутеина (1921—1930) и Московского высшего технического училища (1923—1931). С 1937 по 1949 г. — ответственный секретарь Союза советских архитекторов.

71 Иванов Александр Иванович — художник, член Коллегии по делам изобразительных искусств. В 1928 г. И. Э. Грабарь написал портрет Иванова. Умер в 1948 г.

72 Ноаковский Станислав В. — польский художник-архитектор, проповедовал социально-реалистические тенденции в архитектурных рисунках. С 1924 г. преподавал во Вхутемасе.

73 Кончаловский Петр Петрович (1876—1956) — художник-живописец. Один из основателей «Бубнового валета». Член Коллегии по делам изобразительных искусств. Лауреат Сталинской премии (1943), народный художник РСФСР (1946).

74 Ватагин Василий Алексеевич (1883—1969) — скульптор и график. Член Коллегии по делам изобразительных искусств. Лауреат Сталинской премии (1952), народный художник РСФСР (1964).

75 Памятник Александру III (1845—1894) — российскому императору (с 1881 г.). В царствование Александра III завершилось присоединение к России

Средней Азии (1885) и заключен русско-французский союз (1891—1893). Памятник сооружен в 1912 г. Авторы — скульптор А. М. Опекушин и архитектор А. Н. Померанцев.

76 Памятник Скобелеву Михаилу Дмитриевичу (1843—1882) — русскому генералу от инфантерии (1881). В русско-турецкую войну 1877—1878 гг. командовал казачьей бригадой. Отличился в боях под Плевной и в сражении при Шипке-Шейново (Болгария). Проект памятника скульптора Саманова.

77 Памятник-крест Романову Сергею Александровичу (1875—1905) — великому князю, убитому эсерами. Автор памятника художник В. М. Васнецов, сооружен на средства Киевского гренадерского полка. Одновременно у Алексеевской церкви была построена усыпальница великого князя — мозаичная надгробная часовня. Взорвана в 1929 г.

78 Памятник Александру II (1818—1881) — российскому императору (с 1855 г.). Царь-реформатор, или царь-освободитель, был убит народовольцами. Проект памятника А. М. Опекушина, авторы — художник и архитектор П. В. Жуковский и инженер Н. В. Султанов.

79 Опекушин Александр Михайлович (1838—1923) — русский скульптор. Академик. Автор памятников А. С. Пушкину в Москве (1880), К. М. Бэру в Тарту (1886), М. Ю. Лермонтову в Пятигорске (1889) и др. Первым из русских скульпторов сумел преодолеть скованность монументальности в произведениях и наполнил их духовностью и поэтичностью.

80 Виноградов Николай Дмитриевич (1885—1980) — заместитель наркома имуществ Республики, возглавлял комиссию по охране памятников Моссовета. С 1902 по 1915 г. учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества сначала в мастерской А. М. Васнецова, а позже на архитектурном отделении. Один из активных участников «переустройства» Московского Кремля в советский период.

81 Фотиева Лидия Александровна (1881—1975) — член РСДРП(б) с 1904 г. С 1918 по 1930 г. — секретарь Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны. Одновременно в 1918—1924 гг. — секретарь В. И. Ульянова-Ленина.

82 Имеется в виду декрет о памятниках Республики по дате его опубликования — 13 апреля 1918 г.

Ниже, в «рабочем» документе, упоминая 1 Мая, В. И. Ленин имеет в виду п. 4 декрета: «Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1-го мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и постановлены первые модели новых памятников на суд масс».

Позже декрет о памятниках Республики (полное название «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции») дополнили постановления СНК: от 17 июля 1918 г.

«О постановке в Москве памятников великим людям» (об установке в столице 50 памятников) и от 30 июля 1918 г. «Об утверждении списка памятников великим людям». В последнем говорилось:

«Совет Народных Комиссаров 30 июля с. г., рассмотрев проект списка памятников великих деятелей социализма, революции и проч., составленный Народным комиссариатом по просвещению, постановил:

а) поставить на 1-е место постановку памятников величайшим деятелям революции — Марксу и Энгельсу;

б) внести в список писателей и поэтов наиболее великих иностранцев, например Гейне;

в) исключить Владимира Соловьева;

г) включить в список тт. Баумана и Ухтомского;

д) поручить Комиссариату народного просвещения войти в соглашение с президиумом Московского совдепа и немедленно начать приводить в исполнение постановку памятников. В случае какой-либо затяжки доложить об этом Совету Народных Комиссаров».

2 августа 1918 г. в «Известиях» за подписью Председателя СНК В. И. Ульянова-Ленина был опубликован «Список лиц, коим предположено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР»:

1. Революционеры и общественные деятели: Спартак, Тиберий Гракх, Брут, Бабёф, Маркс, Энгельс, Бебель, Лассаль, Жорес, Лафарг, Вальян, Марат, Робеспьер, Дантон, Гарибальди, Степан Разин, Пестель, Рылеев, Герцен, Бакунин, Лавров, Халтурин, Плеханов, Каляев, Володарский, Фурье, Сен-Симон, Оуэн, Желябов, Софья Перовская, Кибальчич.

2. Писатели и поэты: Толстой, Достоевский, Лермонтов, Пушкин, Гоголь, Радищев, Белинский, Огарев, Чернышевский, Михайловский, Добролюбов, Писарев, Глеб Успенский, Салтыков-Щедрин, Некрасов, Шевченко, Тютчев, Никитин, Новиков, Кольцов.

3. Философы и ученые: Сковорода, Ломоносов, Менделеев.

4. Художники: Рублев, Кипренский, Александр Иванов, Врубель, Шубин, Козловский, Казаков.

5. Композиторы: Мусоргский, Скрябин, Шопен.

6. Артисты: Комиссаржевская, Мочалов.

83 В комиссию по снятию и постановке памятников в Москве входили: секретарь (затем председатель) Н. Д. Виноградов, Н. С. Туляков, М. Ф. Владимирский и др.

84 Памятник Романову Николаю Николаевичу — великому князю, командующему русской армией в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Установлен в 1914 г. на Манежной площади Петрограда. Автор — итальянский скульптор-академист П. Канонико.

85 Бюст Романова Николая Александровича — великого князя. Установлен на берегу Черной речки в память о старшем сыне Александра II. Отлит по модели скульптора А. М. Опекушина.

86 Бюст Александра I — российского императора, открыт перед главным фасадом Лицея 19 октября 1889 г. Отлит по модели академика П. П. Забелло на заводе Морана. Общий проект памятника исполнил архитектор А. Н. Любимов. Постамент изготовлен в мастерской Ботты и был украшен гербом и девизом Лицея — «Для общей пользы».

87 Бюсты Александра II:

1. Перед гомеопатической больницей отлит на заводе Сан-Галли по модели неизвестного автора.

2. Перед Александровской больницей открыт по заказу городской думы 19 февраля 1893 г. Автор — академик Н. И. Лаврецкий.

88 Аллегорический памятник «Питомцам Академии Генерального штаба» был открыт 2 сентября 1909 г. перед новым зданием академии. Автор — скульптор К. В. Изенберг.

89 Памятник Петру I напротив восточного павильона Адмиралтейства открыт 27 июня 1909 г. Выполнен парижским скульптором Л. А. Бернштамом.

90 Памятник Петру I напротив западного павильона Адмиралтейства открыт 14 июня 1910 г. Автор — скульптор Л. А. Бернштам.

91 Бюст Петра I перед Свято-Духовской церковью (снесена в советский период) открыт 25 сентября 1911 г. Изготовлен по заказу Охтинского общества скульптором И. Я. Гинцбургом.

92 Памятник Петру I перед зданием Нового арсенала открыт 21 апреля 1914 г. Автор — молодой скульптор В. В. Лишев — победитель конкурса на проект памятника к 200-летию Арсенала.

93 Интендантский музей в Петрограде — крупнейшее в России и Европе собрание коллекций формы одежды, военной амуниции, знамен и предметов полевого быта русской (со времени зарождения) и иностранных армий. Музей располагал собственным богатейшим архивом.

94 Раттэль Николай Иосифович (1875—1938) — генерал-майор русской армии, начальник военных сообщений фронта. С сентября 1918 г. — начальник Полевого штаба РВСР, с октября 1918 г. — начальник Всерославштаба. Репрессирован.

95 Кузнецов С. И. — начальник Оперативного управления Всерославштаба.

96 По подсчетам архивиста-историка А. В. Короткова, только в Военно-историческом архиве (бывшем Лефортовском) за 1919—1931 гг. было уничтожено и сдано на переработку около 85 тысяч пудов различных документов.

97 «Ослиный хвост» (обр. 1911) и «Бубновый валет» (обр. 1910) — объединения художников, последователей авангардной живописи в традициях примитивизма, лубка и пр. Художники: П. П. Кончаловский, А. В. Куприн, А. В. Лентулов, И. И. Машков, Р. Р. Фальк и М. Ф. Ларионов, Н. С. Гончарова, К. С. Малевич, В. Е. Татлин.

98 Кандинский Василий Васильевич (1866—1944) — живописец и график, один из основоположников абстрактного искусства. В 1907—1914 гг. и с 1921 г. жил за границей.

99 Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883—1936) — советский партийный и государственный деятель. С декабря 1917 г. — председатель Петросовета. В 1919—1926 гг. — председатель Исполкома Коминтерна. Член Политбюро ЦК партии в 1921—1926 гг. Репрессирован Советской властью.

100 В число художников, подписавших протест, входили: Е. Лансере, Д. Кардовский, И. Машков, С. Малютин, А. Архипов, А. Васнецов, Н. Крымов, М. Нестеров, П. Кузнецов, С. Коненков, П. Кончаловский, И. Грабарь.

101 Имеется в виду постановление ВЦИКа и СНК от 23 ноября 1922 г. о введении в действие «Положения о государственном подоходно-поимущественном налоге».

102 Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (при опубликовании — декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви») от 20 января 1918 г. в статье 13 определял: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием...».

103 Романов Константин Константинович (1882—1942) — архитектор и историк архитектуры, археолог. Профессор, член Российской (позднее Государственной) академии истории и материальной культуры с 1919 по 1937 г.

104 В протоколе заседания говорилось: «...Управление государственными музеями и дело охраны памятников искусства и старины в Москве находятся в неорганизованном состоянии, результатом чего явилась гибель целого ряда таких неоценимых памятников старины и искусства, как, например, Патриаршая ризница». (ЦГАОР, ф. Р-410, оп. 1, д. 9, л. 13.) Далее предлагалось выделить охрану памятников старины из ведения Наркомата имуществ.

105 Клейн Роман Иванович (1858—1924) — русский архитектор. Автор проектов Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Бородинского моста в Москве и др.

106 Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940) — советский партийный и государственный деятель. В 1917—1918 гг. — нарком иностранных дел. С 1918 по 1924 г. — наркомвоенмор и председатель РВСР. Член Политбюро ЦК партии в 1919—1926 гг. В 1929 г. выслан из СССР по обвинению в антисоветской деятельности. Убит в Мексике.

107 В состав комиссии вошли: В. К. Трутовский, Р. М. Юшкин, Д. И. Иванов и Л. С. Титов.

108 Флоренский Павел Александрович (1882—1937) — русский религиозный философ, инженер. Профессор Московской духовной академии. Автор трудов по философии, истории церкви, математике, физике и др. Репрессирован Советской властью.

109 Первые двое — служащие бывшего дворцового управления, последний — член комиссии по охране памятников и старины.

110 Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955) — советский партийный и государственный деятель. В 1917—1920 гг. — управляющий делами СНК.

111 Горбунов Николай Петрович (1892—1938) — советский государственный деятель. В 1917 г. — секретарь СНК. С 1920 г. — управляющий делами СНК РСФСР, в 1922—1923 гг. — СНК СССР. Погиб в результате репрессий Советской власти.

112 Коровин С. М. — архитектор-реставратор Детскосельского дворца, с 1918 г. — председатель художественной комиссии Зимнего дворца.

113 Ювелирная фирма основана в 1848 г. в Петербурге Карлом Фаберже. С 1908 г. владелец фирмы сын К. Фаберже — Александр Фаберже. Изделия пользовались мировой известностью.

114 Частная коллекция текстильного фабриканта Алексея Викуловича Морозова состояла из картин отечественных художников: М. А. Врубеля, В. А. Серова, И. И. Левитана, К. А. Сомова, Н. П. Крымова и др.; свыше 100 полотен иностранных художников и 225 русских икон XVI—XVII веков, а также собрания фарфора — 2453 предмета.

115 В частной коллекции художника-пейзажиста и бывшего попечителя Третьяковской галереи Ильи Семеновича Остроухова были представлены: 330 холстов и 550 рисунков художников Ф. С. Рокотова, Д. Г. Левицкого, С. Ф. Щедрина, В. А. Тропинина, К. П. Брюллова, П. А. Федотова, В. А. Серова, И. И. Левитана и др., 125 икон новгородской и южно-русской школ XIV—XVII веков.

116 Собрание Морозова Ивана Абрамовича произведений импрессионистов и постимпрессионистов было одним из лучших в мире и насчитывало 17 холстов Сезанна, по 11 работ Гогена и Матисса, по 6 картин Ван Гога и Ренуара, а также полотна Боннара, Марке, Моне, Пикассо, Дерена, Дега и др.

117 Богатейшая коллекция импрессионистов и постимпрессионистов Щукина Сергея Ивановича насчитывала 225 работ, среди них 49 произведений Пикассо, 21 картина и 2 панно Матисса, 18 полотен Гогена, 8 — Сезанна, 13 — Моне, 4 картины Ван Гога.

118 Коллекционер Алексей Александрович Бахрушин обладал единственным в своем роде собранием по истории русского театра, состоящим из множества портретов и реликвий выдающихся русских актеров, рисунков, автографов и сценических постановок. В 1913 г. собрание было передано хозяином Императорской академии наук с сохранением его попечительства.

119 В собрание Зубалова Льва Константиновича входили древнерусские иконы, редчайшие эмали, старинный отечественный и иностранный фарфор, свыше 40 полотен старых европейских мастеров живописи, гобелены и керамические изделия.

120 Боткин Михаил Петрович (1839—1914) — искусствовед и археолог. Владелец редчайшей по художественному качеству коллекции, куда входили: итальянская майолика XV—XVII веков, резьба по дереву эпохи Возрождения, большое собрание русской финифти и уникальное по количеству собрание византийских эмалей. Коллекция содержала также несколько десятков этюдов А. Иванова к картине «Явление Христа народу» и другие многочисленные живописные полотна.

121 Алексеев Н. А. — ученик и помощник И. Э. Грабаря, член Музейно-бытовой комиссии при Московском совдепе, участвовал в охране подмосковных усадеб и музея-усадьбы П. И. Чайковского в Клину.

122 Мамуровский В. А. — член Комиссии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Московском совдепе. Занимался регистрацией подмосковных усадеб.

123 Згура Владимир Васильевич (1903—1927) — искусствовед, историк, художник и музыкант. Основатель Общества изучения русской усадьбы (1922). Самый молодой знаток и исследователь Москвы за всю историю ее изучения. Автор около 60 работ по темам исследования.

124 Третьяков Павел Михайлович (1832—1898) — купец-текстильщик, один из братьев — основателей картинной галереи (1856), переданной в дар Москве в 1892 г. По завещанию П. М. Третьякова фамильное собрание картин следовало сохранять владельцам в неизменном виде.

125 Боттичелли Сандро (Алессандро Филипепи) (1445—1510) — итальянский живописец. Название «тондо» картина «Мадонна с младенцем» получила из-за круглой формы.

126 Троцкая (Седова) Наталья Ивановна — (1882—1962) — профессиональная революционерка. Вторая жена Л. Д. Троцкого. С 1918 г. — заведующая Отделом по делам музеев и охране памятников и Главнаукой при Наркомпросе. С 1929 г. вместе с мужем в политической эмиграции. Умерла в предместьях Парижа.

127 Клуазонне (от франц. «перегородка») — перегородчатая эмаль.

128 Севр — упрощенное название художественных изделий фарфорового завода в Севре (осн. в 1756 г.), близ Парижа; сакс — упрощенное название саксонского фарфора первого в Европе Мейсенского фарфорового завода (осн. в 1710 г.) в Мейсене, Германия.

129 Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — русская писательница и поэтесса. С декабря 1919 г. проживала за границей.

130 Художественное собрание Б. И. и В. Н. Ханенко было крупнейшим на Украине и включало обширную коллекцию древнерусских икон XIV—XV веков, живописные полотна Рембрандта, Боля, Флинка, Веласкеса, Беллини, Перуджино и др., а также крупные коллекции персидских миниатюр, французской и итальянской керамики и археологические собрания.

131 Польский комиссариат — одно из подразделений Наркомата по национальным делам при СНК. Образован в ноябре 1917 г.

132 Бунге Николай Христианович (1823—1895) — экономист, академик Петербургской Академии наук. В 1881—1886 гг. — министр финансов, с 1887 г. — председатель кабинета министров.

133 Вышнеградский Иван Алексеевич (1831/32—1895) — один из основоположников теории автоматического регулирования, основатель научной школы по конструированию машин. Почетный член Петербургской Академии наук. В 1888—1892 гг. — министр финансов.

134 Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — русский государственный деятель, министр путей сообщения, инициатор строительства Сибирской железной дороги, с 1892 г. — министр финансов. С 1903 г. — председатель кабинета министров. Автор основных положений столыпинской аграрной реформы.

135 Доля — русская дометрическая мера массы (веса), равная 44,43 мг.

136 Мятеж Чехословацкого корпуса — вооруженное антисоветское выступление в мае — августе 1918 г. в Поволжье, на Урале и в Сибири чехословацких войск, сформированных из бывших военнопленных чехов и словаков, находившихся в России.

137 Комуч — Комитет членов Учредительного собрания — антисоветский эсеровский орган власти на территории Среднего Поволжья и Приуралья в июне — сентябре 1918 г. Образован в Самаре после взятия города белочехами. Объявил себя до созыва Учредительного собрания Временным правительством. Уступил власть Уфимской директории.

138 Временное Всероссийское правительство — Уфимская директория — антисоветский правительственный орган в Уфе и в Омске в сентябре —

ноябре 1918 г. Образован на Уфимском государственном совещании представителей партий правых эсеров, кадетов и др. Свергнуто А. В. Колчаком в результате военного переворота.

139 Колчак Александр Васильевич (1873—1920) — адмирал, бывший командующий Черноморским флотом. В октябре 1918 г. — военный и морской министр в правительстве Уфимской директории. После военного переворота 18 ноября 1918 г. — верховный правитель Российского государства и верховный главнокомандующий. Осуществлял временную военную диктатуру в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке.

140 Совет управляющих ведомствами — орган исполнительной власти Комитета Учредительного собрания. Образован в конце августа 1918 г. Председатель — Е. Ф. Роговский.

141 Чехословацкий национальный совет — имеется в виду российский филиал политической организации чехословацкой буржуазной эмиграции. Филиал Чехословацкого национального совета осуществлял политическое руководство мятежом Чехословацкого корпуса. В декабре 1918 г. заменен Специальной коллегией для России, действовала до конца эвакуации чехословацких войск.

142 Народная армия — вооруженное формирование Комитета Учредительного собрания, созданное летом 1918 г. на добровольной и мобилизационной основе.

143 Каппель Владимир Оскарович (1883—1920) — генерал-лейтенант. В армии Колчака командовал 1-м Волжским корпусом. С ноября 1919 г. — командующий 3-й армией, а с декабря — главнокомандующий Восточным фронтом. Погиб в бою.

144 Политический центр — временный орган власти, образованный в ноябре 1919 г. в Иркутске. Объединял представителей Всесибирского краевого комитета эсеров, Бюро Сибирских организаций меньшевиков, Земского политбюро и Сибирского ЦК «Объединений трудового крестьянства». Противостоял режиму Колчака и его союзников.

145 Наличие в золотом запасе 43 тысяч пудов золота следует считать более точным, чем ранее названо Комучем.

146 Сукин И. И. — министр иностранных дел в Омском правительстве.

147 Михайлов Иван Андреевич — министр финансов в Омском правительстве, сменен Л. В. Гойером. Сын известного народовольца, родился в забайкальской каторжной тюрьме. Окончил Петербургский университет. Заведовал петроградским отделением Всероссийского земского союза. С декабря 1917 г. состоял товарищем председателя Петроградского союза сибиряков-областников.

148 Семенов Григорий Михайлович (1890—1946) — генерал-лейтенант. С начала 1919 г. — атаман Забайкальского казачества, в 1920 г. — преемник власти А. В. Колчака «на территории Российской восточной окраины». С 1921 г. в эмиграции. В сентябре 1945 г. захвачен в Маньчжурии советскими войсками. Казнен по приговору Верховного суда СССР.

149 Брест-Литовский мирный договор заключен 3 марта 1918 г. между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Договор состоял из 14 статей с приложениями. Устанавливал прекращение войны между Советской Россией и странами Четверного союза. От России отторгались значительные территории, она обязывалась демобилизовать армию и флот, в том числе и части Красной Армии, выплатить контрибуцию и др. Аннулирован Советским правительством 13 ноября 1918 г. после свержения власти императора Вильгельма II в Германии.

150 Версальский мирный договор заключен 28 июня 1919 г. между США, Великобританией, Францией, Италией, Японией, с одной стороны, и капитулировавшей Германией, с другой. Официально завершил первую мировую войну.

151 Репарации — материальная ответственность государства за ущерб, причиненный им государству, подвергшемуся нападению.

152 Петерс Яков Христофорович (1886—1938) — член коллегии ВЧК с 1917 г. В 1918—1919 гг. — врид и заместитель председателя ВЧК, чрезвычайный комиссар в Петрограде. Погиб в результате репрессий Советской власти.

153 Брейгель Старший, Питер (между 1525 и 1530—1569) — нидерландский живописец и рисовальщик. В творчестве опирался на нидерландские национальные традиции и фольклор.

154 Корреджо (Аллегри) Антонио (ок. 1489—1534) — итальянский живописец.

155 Зайцев Борис Константинович (1881—1972) — русский писатель. С 1922 г. в эмиграции. Умер в Париже.

156 Андреева (Юрковская) Мария Федоровна (1868—1953) — актриса, на сцене с 1894 г. Член РСДРП с 1904 г. До ноября 1917 г. выполняла особые партийные поручения, в том числе за границей. В 1919—1921 гг. — заместитель комиссара просвещения по художественным делам в Петрограде. Позже — директор московского Дома ученых.

157 ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР. Действовала в 1921—1931 гг. Председатель — А. Б. Халатов. Здесь Б. К. Зайцев имеет, очевидно, в виду ПетроКУБУ (см. ниже), но ошибочно называет ее ЦЕКУБУ.

158 ПетроКУБУ — Петроградская комиссия по улучшению быта ученых. Создана в 1920 г. по инициативе А. М. Горького.

159 Войков Петр Лазаревич (1888—1927) — член РСДРП с 1903 г. В 1918—1919 гг. — комиссар снабжения Уральской обл., на работе в Наркомпроде и Центросоюзе. В 1920 г. — член Коллегии Наркомвнешторга. Причастен к убийству бывшего императора Николая II. Убит в Варшаве белоэмигрантом Б. Ковердой.

160 Красин Леонид Борисович (1870—1926) — член РСДРП с 1890 г. С 1920 г. — нарком внешней торговли, одновременно полпред и торгпред в Великобритании, а с 1924 г. — и во Франции. Член ЦК РКП(б) и ВЦИК.

161 Буренин Николай Евгеньевич (1874—1962) — член РСДРП с 1904 г. Переправлял партийную литературу, типографское оборудование и оружие из-за границы. С 1917 г. — на культработе, а затем в Наркомвнешторге.

162 Имеется в виду М. Ф. Андреева.

163 Лежава Андрей Матвеевич (1870—1937) — член РСДРП с 1904 г. В 1920—1923 гг. — заместитель наркома Внешторга РСФСР, в 1923—1924 гг. — председатель Комиссии по внутренней торговле при СТО, наркомвнуторг СССР. Позже заместитель председателя СНК РСФСР и председатель Госплана Республики. Погиб в результате репрессий Советской власти.

164 Элиава Шалва Зурабович (1883—1937) — член РСДРП с 1904 г. В 1918—1919 гг. — член коллегии Наркомата торговли и промышленности, председатель Особой временной комиссии СНК РСФСР по делам Туркестана, затем — на военно-политической, партийной и государственной работе. Погиб в результате репрессий Советской власти.

165 Крестинский Николай Николаевич (1883—1938) — член РСДРП с 1903 г. В 1918—1922 гг. — нарком финансов РСФСР. Позже — полпред в Германии и заместитель наркома иностранных дел СССР. Погиб в результате репрессий Советской власти.

166 Бокий Глеб Иванович (1879—1937) — член РСДРП с 1900 г. В 1918 г. — заместитель председателя и председатель Петроградского ЧК. В 1919—1920 гг. — начальник особого отдела фронтов. С 1921 г. — член коллегий ВЧК, ОГПУ и НКВД. Погиб в результате репрессий Советской власти.

167 Карат — дольная единица массы в ювелирном деле. Один карат равен 200 мг.

168 Крыленко Николай Васильевич (1885—1938) — член РСДРП с 1904 г. В 1917—1918 гг. — наркомвоенмор, Верховный главнокомандующий Вооруженными силами Республики. С 1918 г. — председатель Верховного ревтрибунала, проку-

рор РСФСР. С 1931 г. — нарком юстиции РСФСР и СССР. Погиб в результате репрессий Советской власти.

169 Изумруд — один из самых дорогих самоцветов в группе берилла. Используется в ювелирном деле для изготовления особо ценных украшений, обычно в обрамлении бриллиантов. Изумруды, как и алмазы, являются эквивалентом государственной денежной стоимости. Впервые в России изумруды обнаружены в 1830 г. на берегу р. Токовой на Урале.

170 Рубин — самоцвет из группы корунда. Долгое время считался первым среди драгоценных камней. К высшему сорту относились гранатовые, шафрановые, пурпурные, багряные и фиолетовые рубины. Применяют в дорогих ювелирных украшениях вместе с бриллиантами, изумрудами и жемчугом. На Руси назывался «яхонтом червленым».

171 Сапфир — дорогой и красивый самоцвет из разновидностей корунда. В древности синий сапфир считали камнем созерцания, символом неба. Так же, как и рубин, используется в ювелирном деле.

172 В подлинных документах использовалась русская мера массы (веса): пуд — равный 40 фунтам, или 16,38 кг; фунт — равный 96 золотникам, или 0,40951241 кг; золотник — равный 96 долям, или 4,266 г.

173 Совет Труда и Обороны 20 августа 1921 г. утвердил следующий состав Чрезвычайной комиссии по экспорту: председатель — М. В. Рыкунов, заместитель председателя — Г. Д. Красинский, члены — Ю. В. Пятигорский, Б. С. Ермаков, А. А. Валяев.

174 Литвинов (Валлах) Максим Максимович (Макс) (1876—1951) — член РСДРП с 1898 г. С января 1918 г. — формально полпред РСФСР в Великобритании (Британское правительство не признало его полномочий). В том же году заключен в тюрьму в качестве заложника за арестованного в Москве главу английской миссии при Советском правительстве Р. Локкарта, на которого вскоре был обменен. С ноября 1918 г. — член коллегии Наркомата иностранных дел. В 1921 г. — полпред в Эстонии, заместитель наркома иностранных дел. В 1930—1939 гг. и в 1941—1943 гг. — нарком и заместитель наркома иностранных дел СССР.

175 Рыкунов Михаил Васильевич (1884—1938) — член РСДРП(б) с 1903 г. Самоучка. В 1909 г. приговорен к 6 годам каторжных работ. С 1917 г. — член Московского ВРК. С августа 1921 г. по февраль 1922 г. — член коллегии Наркомвнешторга, председатель Чрезвычайной комиссии по экспорту при СТО, в последующем — на хозяйственной работе. Погиб в результате репрессий Советской власти.

176 Уншлихт Иосиф Станиславович (1879—1938) — член РСДРП(б) с 1906 г. В 1917 г. — член Петроградского ВРК. С 1921 г. — заместитель председателя ВЧК,

ГПУ. С 1923 г. — член РВСР, в 1925—1930 гг. — заместитель председателя РВС СССР и заместитель наркомвоенмора. В 1933—1935 гг. — начальник Главного управления ГВФ. Погиб в результате репрессий Советской власти.

177 «Аркос» Лтд. — акционерное торговое общество. Учреждено в 1920 г. в Лондоне советской кооперативной делегацией и зарегистрировано как частная компания с ограниченной ответственностью. Представляло Внешторг.

178 Лазаревский Иван Иванович (1880—1948) — историк искусства, полиграфист. В 1920-е годы — заместитель председателя Центральной экспертной комиссии Наркомвнешторга и сотрудник Госиздата.

179 «Дациаро» — крупнейший антикварно-художественный магазин в Москве знаменитой торговой фирмы «И. Дациаро». Находился на Кузнецком мосту, в доме № 13.

180 Имеются в виду почтовые марки, выпущенные в годы гражданской войны администрацией Донской области, контролировавшейся донским казачьим войском под командованием генералов П. Н. Краснова и А. М. Каледина, администрацией Кубанской области, подчиненной Кубанскому краевому правительству и Добровольческой армии генерала А. И. Деникина, почтовые выпуски Главного командования вооруженными силами юга России, Омского правительства и другие.

181 Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) — партийный и государственный деятель. Член РСДРП(б) с 1906 г. С 1921 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и его секретарь.

182 Смольянинов Вадим Александрович (1890—1962) — член РСДРП(б). С 1921 г. — заместитель управделами СТО и управделами СНК РСФСР. Член ВЦИК.

183 Томский (Ефремов) Михаил Павлович (1880—1936) — член РСДРП(б) с 1904 г. В 1918—1921 гг. и 1922—1929 гг. — председатель ВЦСПС. В 1921 г. — председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В обстановке массовых репрессий покончил жизнь самоубийством.

184 Имеются в виду: Гуковский Исидор Эммануилович (1871—1921) — бывший казначей ЦК партии, в 1918 г. — заместитель и нарком финансов, затем торговый полпред в Эстонии — организатор многих секретных торгово-валютных сделок Советского правительства, в том числе по закупке оружия в Германии; Ломоносов Юрий Владимирович (1876—?) — с 1919 г. член президиума ВСНХ, член коллегии НКПС РСФСР, специалист в области железнодорожного транспорта, профессор, полномочный торговый представитель СНК и СТО по закупке паровозов, паровых котлов и цистерн за границей.

185 Помгол — комиссия помощи голодающим при ВЦИКе, создана в июле 1921 г. В сентябре 1922 г. заменена на Последгол — комиссию по борьбе с последствиями голода, распущена в августе 1923 г.

186 Центрэвак — Центральное управление по эвакуации населения Наркомата внутренних дел. Ведало вопросами переселения населения из экономически кризисных районов страны, делами военнопленных и интернированных в годы первой мировой войны.

187 Прокопович Сергей Николаевич (1871—1955) — политический деятель, член «Союза освобождения». В 1917 г. — министр Временного правительства. В 1922 г. выслан за границу по обвинению в подпольной антисоветской деятельности.

188 Кускова Екатерина Дмитриевна (1869—1958) — русский публицист, теоретик «экономизма», член «Союза освобождения». В 1922 г. выслана за границу по обвинению в связях с антисоветским подпольем.

189 Кишкин Николай Михайлович (1864—1930) — врач, один из лидеров партии кадетов. В 1917 г. — министр Временного правительства. В 1922 г. арестован и осужден по обвинению в контрреволюционной деятельности. После амнистии работал в Наркомздраве.

190 Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936) — член РСДРП с 1905 г., меньшевик. Член ВКП(б) с 1918 г. В 1918—1930 гг. — нарком иностранных дел РСФСР и СССР.

191 Гувер Джон Эдгар — помощник генерального прокурора США Александра Палмера. По служебным обязанностям рассматривал дела по высылке из США лиц, причастных к революционно-коммунистической деятельности в России и странах Европы.

192 Имеется в виду депортация, обыски и аресты эмигрантов из России, а также высылка по политическим мотивам торговых агентов и полпредов Советской Республики из США.

193 Бриан Аристид (1862—1932) — государственный и политический деятель Франции, неоднократно, с 1909 по 1931 г., — премьер-министр и министр иностранных дел. В 1925—1926 гг. способствовал активизации переговоров с СССР.

194 Уркарт Лесли — крупнейший английский промышленник и финансист, председатель Русско-азиатского объединенного общества до октября 1917 г. Уркарт пытался вновь получить у Советского правительства концессионные права на разработку и добычу полезных ископаемых на Урале и в Сибири, которые ему были предоставлены царским правительством. В 1922 г. он подписал проект контракта с Красиным в Лондоне, но в 1923 г. Ленин по политическим соображениям наложил на контракт вето, заявив, что для поправки финансового положения, на худой конец, он лучше пойдет на легализацию продажи водки населению.

195 Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959) — в 1920 г. председатель комиссии ГОЭЛРО, в 1921—1923 гг. — председатель Госплана.

196 Ларин Ю. (Лурье Михаил Зальманович) (1882—1932) — советский теоретик-экономист. С 1917 г. — член президиума ВСНХ, член ВЦИКа.

197 АРА — Американская администрация помощи — организация по оказанию помощи европейским странам, пострадавшим в первой мировой войне. В 1921 г. АРА была разрешена деятельность на территории Советской России в связи с голодом. Председатель АРА — Гувер Герберт Кларк (1874—1964) — американский политический деятель, в 1921—1928 гг. — министр торговли США.

198 Куусинен Отто Вильгельмович (1881—1964) — один из организаторов Компартии Финляндии, в 1921—1939 гг. — член Президиума и секретарь Исполкома Коминтерна.

199 Аршин — мера длины в России с XVI века, равна 16 вершкам, или 71,12 см.

200 Расход на «особые нужды армии» в 10 миллионов рублей золотом был утвержден СТО 25 октября 1921 г., и 12 ноября эта сумма полностью была выслана в Ковель, вероятно, для отправки в Германию через полпреда РСФСР в Польше Л. Л. Оболенского на закупку оружия.

201 По состоянию на 1 февраля 1922 г. в золотом фонде имелось в пересчете на золотые рубли: годной золотой монеты — русской — на 61 236 342 рубля, румынской — на 87 074 501 рубль, иностранной — на 4 442 435 рублей, разных монет бывшего министерства иностранных дел — на 880 000 рублей; слитков, лома, вырубков золота, серебра и платины в изделиях и сыром виде — на 85 295 214 рублей, остальную часть фонда составляли дефектные монеты (РЦХДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2761, лл. 27, 30).

202 Винокуров Александр Николаевич (1869—1944) — врач, член РСДРП с 1893 г. В 1918—1921 гг. — нарком соцобеспечения и заместитель наркома труда. С лета 1921 г. — член Центральной комиссии Помгола и заместитель ее председателя.

203 «Союз демократического духовенства» — неформальная внутрицерковная организация «прогрессивного» духовенства во главе с петроградскими священниками А. И. Введенским и А. И. Боярским. Создан в марте 1917 г. при поддержке обер-прокурора Святейшего синода В. Н. Львова и других «либеральных» членов Временного правительства. В январе 1918 г. при поддержке ВЧК тайно готовил выступления против патриарха Тихона в Москве.

204 Базилевич Георгий Дмитриевич (1889—1939) — бывший подполковник русской армии. С 1918 г. — в рядах РККА, активный участник гражданской войны, член РВС и командующий ряда армий, фронтов, а после войны — военный комиссар и командующий Харьковским военным округом. В 1921—1922 гг. состоял для особо важных поручений при РВС Республики и одновременно заместитель особоуполно-

моченного СНК по учету и сосредоточению ценностей. В последующем — на ответственных военных должностях. Погиб в результате репрессий Советской власти.

205 Краснощеков Александр Михайлович (1880—1937) — член РСДРП(б) с 1917 г. Высшее образование получил в Чикаго. В 1918 г. — председатель Дальневосточного СНК. С 1920 г. — председатель и министр иностранных дел Дальневосточной Республики. С 1921 г. — заместитель наркома финансов, затем председатель правления Промбанка СССР. Погиб в результате репрессий Советской власти.

206 Ферсман Александр Евгеньевич (1883—1945) — геохимик и минералог, знаток драгоценных и поделочных камней. Академик Российской Академии наук с 1919 г.

207 Бармы — драгоценные оплечья, надевавшиеся поверх парадных одежд во время торжественных выходов у русских князей и царей XIV — начала XVIII веков.

208 Красиков Петр Ананьевич (1870—1939) — член РСДРП(б) с 1892 г. С мая 1918 г. руководил отделом культов при Наркомюсте. С 1924 г. — прокурор Верховного суда, с 1933 г. — заместитель председателя Верховного суда СССР.

209 Марр Николай Яковлевич (1864—1934) — востоковед и лингвист, член Петербургской Академии наук с 1912 г. Академик АН СССР.

210 Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — востоковед, член Петербургской Академии наук с 1900 г. Академик АН СССР. Автор трудов по фольклору, этнографии и искусству Востока, России и Западной Европы.

211 Гольбейн Ханс Младший (1497—1543) — немецкий живописец и график, представитель Возрождения, автор работ на религиозные темы.

212 Схима — монашеское облачение.

213 Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 31 октября 1990 г. судебные решения в отношении митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина и других лиц отменены «за отсутствием в их действиях состава уголовно наказуемого деяния» и все они реабилитированы. В марте 1991 г. Русская православная церковь причислила к лику святых мучеников:

Вениамина (Казанского Василия Павловича) митрополита Петроградского и Гдовского (1873—1922), сына сельского священника Олонецкой епархии, кандидата богословия;

Сергия (Шеина Василия Павловича) архимандрита (1866—1922), бывшего члена IV Государственной думы и Секретариата Поместного собора 1917—1918 гг.;

Новицкого Юрия Петровича (1882—1922), выпускника Киевского университета и профессора кафедры уголовного права Петроградского университета;

Ковшарова Ивана Михайловича (1878—1922), юриста.

214 Рыков Алексей Иванович (1881—1938) — член РСДРП(б) с 1899 г. В 1918—1921 гг. и в 1923—1924 гг. — Председатель ВСНХ, одновременно с 1921 г. — заместитель Председателя СНК и СТО. В 1924—1930 гг. Председатель СНК СССР, одновременно с 1924 по 1929 год — Председатель СНК РСФСР и с 1926 г. — Председатель СТО. Погиб в результате репрессий.

215 Чеканку серебряных советских рублей образца 1924 г. в Англии осуществляла фирма братьев Томаса и Фомы Россов.

216 Имеется в виду международный комитет Лиги Наций и Красного Креста «Помощь Нансена» по эвакуации на родину бывших военнопленных и оказанию помощи голодающим Советской России под руководством Ф. Нансена — норвежского ученого и полярного исследователя.

217 Панагия — нагрудный знак архиереев, как правило, круглая иконка с изображением Богоматери.

218 Порфира — царская пурпурная мантия.

219 Солитер — крупный бриллиант.

220 Кантемир Дмитрий Константинович (1673—1723) — молдавский ученый, писатель и политический деятель. С 1711 г. жил в России. Советник Петра I. В 1722—1723 гг. участвовал в Персидском походе. Князь и господарь.

221 Маклаков В. А. (1869—1957) — из кадетов, посол Временного правительства во Франции. Эмигрант. В здании российского посольства в Париже находились канцелярия и архив заведующего заграничной агентурой Департамента полиции.

222 Имеется в виду основанный о. Иоанном Кронштадтским Иоанновский Сурожский женский монастырь на набережной реки Карповки в Петрограде-Ленинграде.

СОКРАЩЕНИЯ:

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и высших органов государственной власти СССР, ныне ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

АВИМАИВ и ВС — Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, СПб.

ЦГА РФ — Центральный государственный архив Российской Федерации, ныне ГАРФ.

РО ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, ныне Российской национальной библиотеки, СПб.

ГРМ — Государственный Русский музей.

РЦХДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.

ЦГАОР СПб. — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. С.-Петербурга, ныне ЦГА ИПД СПб. — Центральный государственный архив историко-партийных документов г. С.-Петербурга.

ГАВО — Государственный архив Владимирской области.

б. ЛПА — бывший Ленинградский партийный архив, ныне ЦГА ИПД СПб.

ЦГА КФФД СПб. — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов г. С.-Петербурга.

ЦГА РСФСР — то же, что и ЦГА РФ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю
3

ВЕЛИКАЯ РЕКВИЗИЦИЯ

НАШЕСТВИЕ
6

«БУБНЫ» — КОЗЫРИ
25

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ЗОЛОТОЙ КАЗНЫ
79

ЧРЕВО ВЛАСТИ

БИЗНЕС ПО-ПРОЛЕТАРСКИ
94

ЦЕРКОВНЫЙ «КЛОНДАЙК»
153

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ УДАЧИ
206

Примечания
244

Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н.

В 19 Красные конкистадоры. — М., Соратник, 1994. — 270 [2] с.: ил.

ISBN 5-87883-008-6

Авторы книги расследуют одно из самых тяжких преступлений Советской власти — разграбление национального достояния России: государственной казны, музейных и церковных сокровищ, частных художественных собраний и коллекций, библиотек, архивов, усадеб. Впервые перед читателем открываются самые сокровенные тайны финансовой политики большевистского правительства в 1917—1930-е годы, секретные валютные операции Гохрана и Внешторга, выявляется подлинное лицо многих партийных руководителей, деятелей культуры, зарубежных магнатов. Книга основана на неизвестных и ранее закрытых документальных материалах, рассчитана на широкий круг читателей.

В $\frac{0503020000}{6Т8(03) — 94}$ Без объявл. **ББК 63.3(2)71**

ИБ № 8

Васильева Ольга Юрьевна,
Кнышевский Павел Николаевич

КРАСНЫЕ КОНКИСТАДОРЫ

Редактор **А. Ю. Карпов**
Художник **А. Ю. Енин**
Художественный редактор **П. В. Ильин**
Технический редактор **Н. А. Тихонова**
Корректоры **Н. Д. Овсяникова, И. В. Ларина, Е. В. Дмитриева, Е. И. Сахарова**

Лицензия ЛР № 070919 выдана 22.03.93.

Подписано в печать 09.06.94. Формат 60×88 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 17. Тираж 10 000 экз. Заказ № 174.

Товарищество «Соратник». 129221, Москва, а/я 33. Тел.: 299-02-12.

Московская типография № 8 Мининформ печати РФ. 101898: Москва, Хохловский пер., 7.

ISBN 5-87883-008-6